

МИНЗДРАВ РОССИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(ФГБОУ ВО ДВГМУ Минздрава России)

Ратманов П.Э.

**СОВЕТСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ
НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ
В 1920–1940-Х ГГ.:
МЕЖДУ «МЯГКОЙ СИЛОЙ»
И ПРОПАГАНДОЙ
(ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА И США)**

Хабаровск
Издательство ДВГМУ
2021

УДК 61(02)+614.2]314.24(47:430:73)“1920/1940”
ББК 5г(2Рос+4Гем)
Р25

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект No19-18-00031 «“Мягкая сила” советской медицины: трансфер знаний, технологий и идеологий в международных связях Наркомздрава РСФСР/СССР (1921–1947)»

Рецензенты:

Баикуев В. Ю., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ);

Васильев К. В., доктор медицинских наук, профессор кафедры социальной медицины Одесского национального медицинского университета (Украина).

Ратманов П. Э.

Р25 Советское здравоохранение на международной арене в 1920–1940-х гг.: между «мягкой силой» и пропагандой (Западная Европа и США) / Павел Эдуардович Ратманов. – Хабаровск: Изд-во ДВГМУ, 2021. – 388 с.

ISBN 978-5-85797-446-9

В 1920-х – первой половине 1940-х гг. Советский Союз активно пропагандировал советское здравоохранение в странах Запада, причем ведущую роль в этом играл Наркомздрав РСФСР/СССР. В своей монографии историк медицины П. Э. Ратманов показывает с чего начиналась эта детальность, основные направления и методы работы Наркомздрава РСФСР по продвижению принципов советского здравоохранения за рубежом, успехи и неудачи, а также роль наркома здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко в этой работе. По мнению автора, в 1920-е гг. в период интенсивных двусторонних связей в области медицины и здравоохранения между СССР и Веймарской республикой были сформулированы основные принципы представления здравоохранения в СССР для иностранцев, но наибольшего успеха в популяризации и пропаганде принципов советского здравоохранения за рубежом удалось достичь уже в следующее десятилетие.

УДК 61(02)+614.2]314.24(47:430:73)“1920/1940”
ББК 5г(2Рос+4Гем)

ISBN 978-5-85797-446-9

© Ратманов П. Э., 2021
© Дальневосточный государственный
медицинский университет, 2021

Предисловие и благодарности

Это исследование, представляющее собой анализ продвижения принципов советского здравоохранения в странах Западной Европы и США в период с 1921 по 1947 гг., основано на изучении материалов Наркомздрава РСФСР/СССР. Это не история международных связей советской медицины, а исследование только одного из многочисленных направлений международной деятельности Наркомздрава РСФСР/СССР, и только в двух регионах.

Политическая история советской медицины и использование медицины в качестве инструмента международного влияния часто было темой наших дискуссий с исследователем из Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ) В.Ю. Башкуевым. Именно ему принадлежит идея применения концепции «мягкой силы» к советскому здравоохранению. Выражаю большую признательность моему коллеге за постоянный обмен мнениями при проведении наших исследований, а также за рецензирование этой книги. Если читатель сочтет это исследование интересным и оригинальным, то, несомненно, главная заслуга в этом принадлежит В.Ю. Башкуеву.

Осенью 2018 г. нами совместно была подана заявка на грант Российского научного фонда (РНФ) на проведение исследования по этой теме. Наша заявка на трехлетний проект была поддержана в апреле 2019 г., и работа над этой книгой от начала сбора информации до выхода монографии (конец 2021 г.) в свет заняла 2,5 года – крайне незначительный срок для глубокого осмысления столь обширного и богатого событиями явления, как международная пропагандистская деятельность Наркомздрава РСФСР/СССР. В столь же сжатые сроки В.Ю. Башкуев подготовил книгу по своей части исследования – «мягкой силе» советского здравоохранения в странах Азии.

В основу настоящего исследования были положены архивные материалы, в первую очередь, Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). В ГА РФ нами были изучены фонды Ф. А-482 «Министерство здравоохранения РСФСР» (оп. 35

«Бюро заграничной санитарной информации», оп. 55 «Секретная часть Наркомздрава 1921–1933 гг.»), Ф. Р-8009 «Министерство здравоохранения СССР» (оп. 10 «Общесоюзное бюро заграничной санитарной информации, 1929–1940 гг.»), Ф. Р-5446 «Совет Министров СССР», Ф. Р-3341 «Центральный комитет Российского общества Красного Креста (Центрокрест, ЦК РОКК)», Ф. Р-9501 «Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (СОКК И КП СССР)», Ф. Р-5283 «Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС)».

Важная информация о советском здравоохранении на международной арене в 1920–1940-х гг. содержится в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Архива Национального НИИ общественного здоровья и здравоохранения им. Н.А. Семашко, Российского государственного архива научно-технической документации (РГАНТД).

Считаю приятным долгом выразить благодарность своим коллегам по научному коллективу по проекту Ю.В. Кирик, М.В. Ульяновой и П.К. Плотниченко за всестороннюю помощь и постоянное внимание. Мне также хочется выразить особые слова благодарности члену нашего коллектива П.А. Шеновой за великолепные переводы с немецкого языка и корректуру текста монографии.

Искренне благодарен сотрудникам Национального НИИ общественного здоровья и здравоохранения им. Н.А. Семашко и входящего в его состав Российского музея медицины Н.В. Чиж, М.С. Турской и Е.Е. Бергер за бескорыстную помощь в проведении исследований. Мне также хочется выразить слова благодарности руководителю отдела истории медицины ННИИ общественного здоровья и здравоохранения им. Н.А. Семашко С.Н. Затравкину за предоставленную возможность поработать с фондами архива института.

Выражаю свою признательность за всестороннее содействие в проведении исследований, в том числе за помощь в поиске научной литературы в библиотеках Германии, научному сотруднику Института истории, теории и этики медицины Ульмского университета О.Н. Косенко.

Мой труд был в значительной степени облегчен благодаря помощи сотрудников Государственного архива Российской Федерации (особенно Э.А. Болотиной и Н.Н. Ребчук), Российской государственной библиотеки и Российского государственного архива социально-политической истории. Выражаю глубокую благодарность Российскому научному фонду за неоценимую финансовую помощь в форме исследовательского гранта и руководству Дальневосточного государственного медицинского университета (ДВГМУ) за содействие в проведении исследования. Также выражаю благодарность сотрудникам издательства ДВГМУ за большую помощь при подготовке рукописи к публикации. В заключение мне хотелось бы поблагодарить свою семью за оказанную помощь, а также за слова ободрения и поддержку, оказанную мне в процессе работы.

Глава 1. Введение

§ 1.1. Теоретические подходы к изучению международной деятельности в области медицины и здравоохранения

В советской историографии для описания международной деятельности в области культуры, науки, медицины и образования использовались такие термины как «культурные и научные связи с заграницей», «культурные связи с социалистическими странами» и т.п. Ключевым словом в этих понятиях было «связи», но оно не позволяло точно определить границы и рамки внутренней и внешней культурной политики¹. В англоязычной и германоязычной научной литературе для этих целей используются понятия «культурная дипломатия» и «внешняя культурная политика».

Первое упоминание термина «культурная дипломатия» («*cultural diplomacy*») в англоязычной литературе традиционно относится к книге Ф. Багхорна «Советское культурное наступление: роль культурной дипломатии во внешней политике СССР» (1960)². В ней Багхорн определял «культурную дипломатию» как манипулирование культурными материалами и персоналом в целях пропаганды. Для него это одно из направлений межправительственной пропаганды, но особенное и значимое. Следует обратить внимание на то, что Багхорн не проводит четкого различия между «культурной дипломатией» и «пропагандой». Более того, он ставит между ними практически равенство, относя характеристику пропаганды («побуждение других вести себя так, как они не вели бы себя в ее отсутствие») к понятию культурной дипломатии³.

¹ Космач В.А. Внешняя культурная политика Германии в годы Веймарской республики: (1919–1933 г.): Дис. на соиск. учен. степ. д. ист. н. – Витебск: Белорусский государственный университет, 1995. – С. 5.

² Barghoorn F.C.C. The Soviet cultural offensive: the role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy. – Princeton, N.J.: Princeton university press, 1960.; Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – С. 45; Баргхорн Ф. Советская пропаганда за рубежом. – М.: Прогресс, 1964.

³ Barghoorn F.C.C. The Soviet cultural offensive: the role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy. – Princeton, N.J.: Princeton university press, 1960. – P. 10–11.

Изучавший СССР в межвоенный период истории американский исследователь М. Дэвид-Фокс в своей работе расшифровывает термин «культурная дипломатия» как «комплекс задач по воздействию на иностранцев-представителей интеллигенции на территории СССР и за рубежом», называя этот термин стандартным в англоязычной литературе и (за отсутствием лучшей альтернативы) неизбежным для любого исследователя⁴.

В научной литературе это понятие получило дальнейшее развитие. Например, мексиканский исследователь Сесар Виллануева Ривас (*César Villanueva Rivas*) на примерах из истории Мексики и Швеции конца XX – начала XXI вв. выделяет три репрезентационные модели культурной дипломатии: «космополитический конструктивизм» (*Cosmopolitan Constructivism*), «национальный брендинг» (*Nation Branding*) и «мягкую силу» (*Soft Power*)⁵. В своей работе Ривас под «космополитическим конструктивизмом» понимает смесь многосторонней дипломатии и дипломатии идентичности, где суть заключается в том, чтобы нация представляла целостное видение своей культуры и вырабатывала подлинное понимание других наций для построения мирного международного общества. «Брендинг нации» для него – это современная стратегия, которую нации используют в качестве шаблонов культурной дипломатии для создания ощущения коммерческой ценности других стран, таким образом, развивая символическую иерархию, превращающую национальную культуру в международный товар для обмена. Наконец, в понимании Риваса «мягкая сила» – это стратегия, используемая в современном мире для демонстрации другим странам образа превосходства и более высоких ценностей со стороны страны. При этом цель «мягкой силы» состоит в завоевании «сердец и умов» других иностранных народов, чтобы сделать их расположенными в культурном отношении, благоприятствуя позиции доминирующей нации в международных отношениях⁶.

⁴ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – С. 45.

⁵ Villanueva Rivas C. Representing cultural diplomacy: soft power, cosmopolitan constructivism and national branding in Mexico and Sweden. – Växjö: Växjö University Press, 2007.

⁶ Там же. – Р. 18.

В свою очередь современные британские исследователи рассматривают культурную дипломатию как одну из граней международных отношений, как один из «мягких» аспектов совместной жизни на планете, а не как «жесткий» элемент законов и договоров, многосторонних организаций и военного потенциала⁷. Схожего подхода придерживается американская исследовательница Андреа Орзоф (*Andrea Orzoff*). В своей работе о влиянии государств Восточной и Центральной Европы на западноевропейскую и американскую элиты она противопоставляет такие понятия как «пропаганда» и «культурная дипломатия»⁸.

Американский исследователь и политический обозреватель Найджел Гоулд-Дэвис (*Nigel Gould-Davies*) утверждает, что исследователи только начинают понимать роль культурной дипломатии в советской внешней политике⁹. Но основное место в исследованиях англоязычных авторов истории культурной дипломатии СССР занимает период холодной войны. Американские ученые пришли к выводу, что Советский Союз считал культурную дипломатию чрезвычайно важной для победы в холодной войне, и поэтому исследования, объединяющие традиционную и культурную дипломатию, позволяют лучше понять советскую внешнюю политику¹⁰.

Отечественный исследователь А.В. Голубев изучил динамику развития советской культурной дипломатии в 1917–1939 гг. в отношении западных стран. При этом, осознавая преемственность использования понятия «культурная дипломатия» у Ф. Багхорна, он несколько его расширил. По А.В. Голубеву это «использование государством для достижения политических, дипломатических, пропагандистских целей, существующих или специально установленных культурных, общественных и научных связей»¹¹.

⁷ Cultural diplomacy / K. Bound [et al.]. – London: Demos, 2007. – P. 15.

⁸ Orzoff A. Battle for the castle: the myth of Czechoslovakia in Europe, 1914–1948. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.

⁹ Gould-Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // Diplomatic History. – 2003. – Vol. 27. – № 2. – P. 193–214.

¹⁰ McDaniel C.P. American-Soviet cultural diplomacy: the Bolshoi Ballet's American premiere. – Lanham; Boulder; New York; London: Lexington Books, 2015. – P. xxvi.

¹¹ Голубев А.В. «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии, 1920–1930-х гг. – М: Ин-т рос. истории РАН, 2004. – С. 5.

В современных англоязычных исследованиях по истории Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) и бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР широко используется вышеупомянутое понятие «культурная дипломатия»¹².

Единственной до сих пор работой, где советское здравоохранение рассматривается в качестве средства «культурной дипломатии», является исследование С. Соломон¹³. В нем она пишет, что после Первой мировой войны в документах международных организаций в области здравоохранения Советскую Россию воспринимали как реципиента гуманитарной помощи и как источник эпидемий. Но лидеры советского здравоохранения предлагали в это время совершенно другую международную повестку, которая ни тогда, ни сейчас не рассматривается иностранными наблюдателями.

Во-первых, Советской России надо было прорвать международную изоляцию и получить доступ к передовым научным исследованиям. Во-вторых, нарком здравоохранения Н.А. Семашко хотел познакомить международную общественность со своей реформой системы здравоохранения и найти за рубежом ее сторонников. Соломон выделяет два советских подхода к «возвращению своего места» на международной сцене: долгосрочная цель (зависящая от дипломатического признания СССР) – это участие в международных мероприятиях, и краткосрочная задача – установление двусторонних контактов с зарубежными учеными и официальными лицами¹⁴.

¹² Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 193–216; David-Fox M. Showcasing the great experiment: cultural diplomacy and Western visitors to the Soviet Union, 1921–1941. – Oxford: Oxford University Press, 2014; David-Fox M. Leftists versus nationalists in Soviet-Weimar cultural diplomacy: showcases, fronts and boomerangs // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 103–156.

¹³ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 193–216.

¹⁴ Там же. – P. 193–194.

С. Соломон начинает историю «культурной дипломатии» советского здравоохранения с начала 1921 г., не анализируя, какие попытки в этом направлении предпринимались Наркомздравом, другими советскими организациями и органами власти в 1918–1920 гг. Также она не пытается изучить взаимоотношения и взаимодействие представительств Наркомздрава РСФСР и РОКК за рубежом и выяснить, почему в разное время эти миссии меняли вывески. С. Соломон опустила сюжет работы представительств Наркомздрава РСФСР во время сбора средств голодающим Поволжья в 1921–1922 гг., хотя в эти годы это было главное направление их работы.

В Германии широко распространен термин «внешняя культурная политика» (*Auswärtige Kulturpolitik*). Он стал употребляться в начале XX в., но дискуссии по его содержанию длятся до сих пор. В.А. Космач наиболее удачным определением считает формулировку Я. Буркхардта (*Jacob Burckhardt*), который рассматривал внешнюю культурную политику как внешнеполитическое проявление государственной культурной политики¹⁵. И именно такой подход получил в Германии наибольшее распространение.

Что касается вопроса о типологизации внешней культурной политики, то здесь наиболее удачным и общепризнанным является подход немецкого историка Курта Дювеля (*Kurt Düwell*), сформулированный им в книге «*Deutschlands auswärtige Kulturpolitik*» («Внешняя культурная политика Германии»). В зависимости от целевых установок он различает пять основных типов внешней культурной политики или пять ее разновидностей¹⁶:

1. «Культурное излучение» («*kulturelle Strahlung*») – признание культуры и культурного влияния других или другого народа более высокими по уровню и содержанию в качестве образца или примера для собственного подражания.

¹⁵ Космач В.А. Внешняя культурная политика Германии в годы Веймарской республики: (1919–1933 г.): Дис. на соиск. учен. степ. д. ист. н. – Витебск: Белорусский государственный университет, 1995. – С. 6.

¹⁶ Там же; Düwell K. Deutschlands auswärtige Kulturpolitik, 1918–1932: Grundlinien und Dokumente. Deutschlands auswärtige Kulturpolitik, 1918–1932. – Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1976. – P. 36–37.

2. «Культурная самоинтерпретация» («*kulturelle Selbstinterpretation*») – готовность учитывать пожелания и положение других народов, сотрудничая с ними в области культуры. В этом случае полностью признается возможность культурного влияния других народов на собственную культуру и наоборот.

3. «Культурная экспансия» («*kulturelle Expansion*») – внешняя культурная политика, основанная на духовном превосходстве собственной культуры и заботе о ее расширении. Интересы собственного государства выходят на первое место, влияние других культур на собственную допускается выборочно и в ограниченном масштабе.

4. «Культурная пропаганда» («*Kulturpropaganda*») – консервативный вариант внешней культурной политики государств тоталитарного типа или внешняя культурная политика, подчиненная целям великодержавной экспансии. Она в значительной степени ограничивает возможности нормального, естественного, равноправного культурного сотрудничества с другими народами, равно как и возможность их культурного воздействия на собственную культуру.

5. «Культурный империализм» («*Kulturimperialismus*») – реакционно-консервативный вариант внешней культурной политики, подчиненный великодержавным планам геополитической экспансии и территориальных захватов. Этот вариант внешней культурной политики целиком исключает равноправные и партнерские отношения в области науки и культуры, блокирует возможное влияние культур других народов на собственную. Агрессивная наступательность в сочетании с культурной пропагандой в этом случае полностью господствует во внешней культурной политике.

В классификации Дювеля наиболее важны два критерия: 1) степень автономии культуры и степень ее использования в политических или экономических целях и 2) степень принятия другой нации как равного партнера для культурного обмена¹⁷.

¹⁷ Wulf S. The Revista Médica project: medical journals as instruments of German foreign cultural policy towards Latin America, 1920–1938 // História, Ciências, Saúde-Manguinhos. – 2013. – Vol. 20. – № 1. – P. 184.

В данном исследовании мы, как правило, не используем подходы К. Дювеля к изучению внешней культурной политики.

Советско-германское сотрудничество десятки лет остается в фокусе внимания историков по всему миру. При этом, как отмечает канадская исследовательница С. Соломон, в России/СССР и Германии исследователи дают разные интерпретации этим событиям. Немецкие историки исходят из двух предпосылок. Первая – особые отношения (*Sonderverhältnis*) с Россией: эта идея активно циркулировалась в дипломатических кругах Веймарской Германии. Некоторые рассматривали отношения с Россией как проявление общей судьбы (*Schicksalsgemeinschaft*), другие же – как «брак по расчету» (*Zweckbündnis*). В середине 1920-х гг. преобладала первая концепция, но к концу десятилетия с окончанием «романтического периода» взаимоотношений стал доминировать аргумент о вынужденной необходимости тесных советско-германских связей¹⁸.

Вторая предпосылка в изучении данной проблемы для немецких историков – развитие советско-германских медицинских связей как продолжение внешней политики: из-за невозможности проявлять военную или политическую силу Германия была вынуждена использовать культуру и особенно науку (*Wissensschaft*) в новом качестве – замены военной силы (*Machtersatz*). Идея использования науки как замены силы в германской истории уходит корнями во времена Гумбольдта¹⁹.

В советской и российской историографии советско-германское сотрудничество никогда не описывалось терминами «особые отношения» или «общая судьба». Напротив, несмотря на тесные отношения с Германией в 1920-е гг., СССР параллельно развивал связи с другими развитыми странами.

Изучение архивов Представительства Наркомздрава РСФСР в Германии позволяет сделать вывод о приоритетности идеологической работы советских зарубежных учреждений с целью пропаганды коммунистической идеологии и достижений совет-

¹⁸ Solomon S.G. Introduction: Germany, Russia and Medical Cooperation between the Wars // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 7–8.

¹⁹ Там же. – P. 8.

ского государства. Следовательно, именно внешняя политика Наркомздрава в большей мере соответствует концепции «мягкой силы» (*«soft power»*) гарвардского профессора-политолога Джозефа Ная (*Joseph S. Nye, Jr.*), поскольку она была направлена на оценку распространения национальных идеалов и системы ценностей в других странах.

Сам автор определяет этот термин как «способность влиять на других путем средств сотрудничества в формировании программы действий, убеждений и оказания позитивного привлекающего воздействия для достижения желаемых результатов»²⁰. Согласно этой концепции, «жесткая сила» военного и дипломатического принуждения все больше уступает первенство «неосвязаемым» аспектам силы. На «мягкую силу» работают не конкретные инструменты принуждения, а инструменты влияния – культура, идеология и эффективно действующие институты²¹.

Несмотря на кажущуюся простоту и эффективность «мягкой силы», ее не всегда легко использовать, особенно когда слова и идеи не совпадают с внутренними реалиями. Также Дж. Най отмечает, что «мягкая сила» зависит от степени доверия, и при очевидных манипуляциях информация воспринимается как пропаганда, а доверие разрушается²². То есть, по мнению Ная, информация, которая кажется пропагандистской, может оказаться контрпродуктивной, если она подрывает репутацию страны как заслуживающей доверия²³.

Дж. Най в своих работах противопоставляет понятию «мягкая сила» понятие «пропаганда», которое употребляет в негативном контексте, когда информационная политика государства за рубежом не соответствует внутренним реалиям этого

²⁰ Най Д.С. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век. – М.: АСТ, 2014. – С. 56.

²¹ Nye J.S. Soft power: the means to success in world politics. – New York: Public Affairs, 2005. – XVI, 191 p.; Башкуев В.Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.) / ред. Л.В. Курас – Иркутск: Оттиск, 2016. – С. 10.

²² Най Д.С. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век. – М.: АСТ, 2014. – С. 151.

²³ Nye J.S. Soft power: the means to success in world politics. – New York: Public Affairs, 2005. – P. 107.

государства²⁴. Эту дихотомию мы также будем использовать в нашем исследовании, вкладывая в термин «пропаганда» намеренное распространение информации с целью повлиять на общественное мнение с широким использованием манипуляций.

По мнению В.Ю. Башкуева, отечественная медицина и здравоохранение, одна очень важная область взаимодействия, остались мало затронутыми научными изысканиями в рамках концепции «мягкой силы». Сам автор очень удачно концептуализировал советско-монгольские отношения в области медицины в рамках этой научной теории²⁵.

По мнению С. Соломон, использование Германией науки как замены военной силы (*Machtersatz*) отличается от концепции «мягкой силы». Немцы применяли концепцию *Machtersatz* исключительно к странам, которые не могут «играть мускулами»²⁶. В сильной науке они видели демонстрацию своего интеллектуального превосходства²⁷.

В данной работе предпринята попытка раскрытия и научного осмысления того, как и из чего формировалась повестка «мягкой силы» советской медицины. Научное осмысление процессов и механизмов формирования «мягкой силы» советской медицины своевременно и необходимо, учитывая современные глобальные тенденции развития здравоохранения и главенствующее значение трансфера информации, научных знаний и технологий в постиндустриальном обществе.

Наше исследование подразумевает отход от традиционного описания истории медицины как истории поступательного прогресса научной медицины. Мы предлагаем взглянуть на международную деятельность Наркомздрава РСФСР/СССР под новыми углами зрения: как открытый политический шаг

²⁴ Nye J.S. China's Soft Power Deficit: Opinion // Wall Street Journal. – 2012. – 8 May.

²⁵ Башкуев В.Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.) / ред. Л.В. Курас. – Иркутск: Оттиск, 2016. – 436 с.

²⁶ Solomon S.G. Introduction: Germany, Russia and Medical Cooperation between the Wars // Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 8.

²⁷ Ратманов П.Э., Кирик Ю.В. Представительство Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в Германии (1921–1929 гг.) в контексте международных связей Советской России // Дальневосточный медицинский журнал. – 2019. – № 4. – С. 41–46.

со всеми последствиями; как уникальный кейс межкультурного и междивилизационного взаимодействия; как процесс взаимопроникновения и взаимовлияния; как трансфер научного знания; как пример формирования комплекса новых знаний в медицине и здравоохранении; как образец политизации и идеологизации этого знания.

§ 1.2. Историография международной деятельности Наркомздрава РСФСР/СССР

Среди всей многообразной международной деятельности Наркомздрава РСФСР/СССР наибольший интерес историков вызывает проблема медицинского сотрудничества Советского Союза и Веймарской республики, пережившего апогей во второй половине 1920-х гг. История этого международного сотрудничества долгое время не изучалась из-за политической конъюнктуры (приход к власти Гитлера и установление фашистского режима в Германии). Только в 1950-х гг. в СССР появились обобщающие труды по истории международного сотрудничества в области медицины и здравоохранения.

В главе о международных связях советской медицины в книге «История медицины СССР» (1964) А.Н. Рубакин впервые в научной литературе упоминает имя представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга, хотя и приводит ошибочные данные о том, что тот был «старым большевиком», до Первой мировой войны долго жил в Германии и якобы был первым руководителем представительства в Германии. Также А.Н. Рубакин считал, что советско-германские медицинские связи «завязывались и развивались» через представительство Наркомздрава РСФСР в Германии. Автор обращал внимание и на геополитическую подоплеку этих связей: немецкие ученые, не имевшие в тот период возможности сотрудничества со странами Западной Европы и США, хотели использовать СССР как рынок сбыта медикаментов и медицинского оборудования и усилить немецкое влияние на СССР²⁸.

²⁸ Рубакин А.Н. Международные связи советской медицины // История медицины СССР / ред. Б.Д. Петров. – М.: Медицина, 1964. – С. 30–43.

Одной из первых работ по истории научных связей между СССР и Веймарской республикой стала работа немецкого историка Г. Розенфельда (1963)²⁹. В ней он приводит свидетельства бурного восстановления двусторонних связей в области медицины после окончания Первой мировой войны, например, публикацию статей советских авторов в немецких журналах. Также Г. Розенфельд упоминает визиты немецких ученых-медиков в СССР, помощь советских ученых германским коллегам во время оккупации Рура, издание «Русско-немецкого медицинского журнала», проведение недель советской медицинской науки в Берлине в 1927 г. и 1932 г., а также другие события. Источниковой базой публикации стали фонды Германского посольства в Москве из Германского центрального архива в Потсдаме. Признавая несомненную научную новизну работы Г. Розенфельда, следует отметить, что изучение советско-германских связей в области медицины не было в центре внимания данного исследования.

В 1960–1970-е гг. в СССР появились фундаментальные работы по истории, теории и практике советского здравоохранения, в которых осмысливалось понятие «социальная гигиена», так как в 1966 г., после более чем 35-летнего перерыва, социальная гигиена в СССР была восстановлена как научная дисциплина. В данных работах авторы проследили зарождение и развитие идей об общественном здоровье (социальной гигиене) и трансфере этой концепции между учеными Англии, Германии, Франции и СССР в первой половине XX в.³⁰ Особенно авторы подчеркивали тесное сотрудничество социал-гигиенистов СССР и Германии в 1920-х гг.³¹

В 1974 г. в журнале «Советское здравоохранение» вышла большая статья О.А. Александрова о вкладе наркома РСФСР Н.А. Семашко в развитие международного сотрудничества

²⁹ Розенфельд Г. Научные и культурные связи между СССР и Веймарской республикой // Вопросы истории. – 1963. – № 10. – С. 71–83.

³⁰ Венгрова И.В. Социальная гигиена в СССР (очерки истории) / И.В. Венгрова, Ю.А. Шилинис; ред. Б.Д. Петров. – М.: Медицина, 1976; Лисицын Ю.П. Социальная гигиена и организация здравоохранения. – М.: Медицина, 1973.

³¹ Винтер К. Альфред Гротьян и его значение для нашего времени // Здравоохранение Российской Федерации. – 1971. – № 6. – С. 30–32.

в области здравоохранения. Она фактически стала первой работой по этой теме, основанной на архивных документах. По нашим данным, это первая в историографии работа об отделе (бюро) заграничной информации Наркомздрава РСФСР. Изучив фонд этого отдела (Центральный государственный архив Октябрьской революции – ЦГАОР СССР, сейчас – ГАРФ. Ф.482, оп. 35), автор привел в качестве примера несколько эпизодов советско-германского сотрудничества³².

В 1970-х гг. историк медицины из ГДР Дитрих Тутцке посвятил несколько публикаций на немецком языке связям немецких и советских ученых³³. В них он изучал как общие вопросы сотрудничества медиков двух стран, так и частные кейсы (связь с Советской Россией немецких социал-гигиенистов А. Гротьяна, Э. Ресле, контакты в области венерологии).

В середине 1970-х гг. начался новый этап в изучении советско-германских медицинских связей. В июне 1975 г. в Галле состоялся I симпозиум по истории медицины СССР и ГДР, проведенный по инициативе историков медицины ГДР³⁴. На этом симпозиуме, посвященном истории социальной гигиены, была отмечена недостаточность освещения в литературе международного сотрудничества в области медицины и здравоохранения. Материалы симпозиума были опубликованы на немецком языке³⁵. Всего состоялось восемь симпозиумов по истории меди-

³² Александров О.А. Вклад Н.А. Семашко в развитие международного сотрудничества в области здравоохранения // Советское здравоохранение. – 1974. – № 9. – С. 18–24.

³³ Marcusson E. Die Bedeutung des Lebenswerkes von Emil Eugen Roesle (1875–1982) und die Entwicklung der medizinischen Statistik in Deutschland / E. Marcusson, D. Tutzke // Zeitschrift Für Die Gesamte Hygiene Und Ihre Grenzgebiete. – 1975. – Vol. 21. – № 8. – С. 649–652; Tutzke D. Alfred Grotjahn (1869–1931) und die junge Sowjetunion // Zeitschrift für die gesamte Hygiene und ihre Grenzgebiete. – 1973. – № 19. – С. 596–599; Tutzke D. Ueber Wenig Bekannte Beziehungen Zwischen Deutschen Und Sowjetischen Venerologen in Der Weimarer Republik // NTM. – 1976. – Vol. 13. – № 2. – С. 88–93; Tutzke D. Ueberblick über die Geschichte der deutsch-russischen medizinischen Beziehungen / D. Tutzke, I. Winter // Zeitschrift Für Die Gesamte Hygiene Und Ihre Grenzgebiete. – 1978. – Vol. 24. – № 10. – С. 780–783.

³⁴ Предисловие // Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – М., 1977. – С. 5–7.

³⁵ Zur Entwicklung der Sozialhygiene im 19. und 20. Jahrhundert: ausgewählte Beiträge vom 1. Medizinhistorischen Symposium der Gesellschaft für Geschichte der Medizin in der

цины СССР – ГДР, проводившихся раз в два года поочередно в двух странах. Последний из них состоялся в Риге в 1989 г.³⁶. Эти научные мероприятия стали площадкой для интенсивных контактов историков медицины не только СССР и ГДР, но и всех стран социалистического лагеря.

27–30 сентября 1977 г. в Тбилиси состоялся II симпозиум по истории медицины СССР – ГДР. В своих докладах участники из двух стран показали различные этапы и формы научно-медицинского сотрудничества между двумя странами как до 1917 г., так и в советский период³⁷. Пытаясь оценить русско-немецкие медицинские связи за более чем 300-летний период, профессор Б.Д. Петров написал, что их изучение – это «по существу, попытка написать конспект истории науки и здравоохранения двух народов»³⁸.

Немецкие историки медицины Д. Тутцке и И. Винтер в духе классовой теории разделили советско-германские связи в области медицины в 1920-х гг. на два направления: первое – это интерес немецкой буржуазии к быстрому преодолению экономической и научной изоляции Веймарской республики, а второе – это связь немецкого рабочего движения и ученых левого политического толка с СССР³⁹. Ими была особо отмечена плохая разработанность периода конца XIX – начала XX вв. несмотря на то, что интенсивность международных связей в области медицины в это время была максимальной⁴⁰.

DDR und der Wissenschaftlichen Alluniongesellschaft der Medizinhistoriker der UdSSR in Zusammenarbeit mit der Gesellschaft für Sozialhygiene der DDR, 23. – 25. Juni 1975 Halle (Saale). – Berlin: Akademie für Ärztliche Fortbildung der DDR, 1976.

³⁶ Kästner I. Das Leipziger Karl-Sudhoff-Institut und das Fach Geschichte der Medizin in der DDR // *Medizinhistorisches Journal*. – 2014. – Vol. 49. – № 1/2. – S. 152.

³⁷ Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – Москва, 1977.

³⁸ Петров Б.Д. Основные этапы и направления русско-немецких медицинских связей // Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – Москва, 1977. – С. 8.

³⁹ Тутцке Д., Винтер К. Развитие русско-немецких медицинских связей // Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – Москва, 1977. – С. 13–16.

⁴⁰ Там же. – С. 14.

Советские историки социальной гигиены И.Г. Лаврова и К.И. Журавлева также вели связь русских и немецких врачей с XVIII в., выделяя громадное влияние трудов И.П. Франка на воззрения русских врачей XIX и даже XX вв. Перечисляя переводы немецких руководств по социальной гигиене (Б. Хайеса, А. Гротьяна, Ф. Принцинга, А. Фишера) на русский язык, они подчеркивали их адаптацию к задачам советского здравоохранения⁴¹.

Одной из немногих работ этого сборника, основанных на архивных материалах, является публикация И.В. Венгровой⁴². Автор не только перечислила основные функции бюро заграничной информации, но и отметила роль представительства Наркомздрава РСФСР в Берлине. Венгрова пришла к выводу, что в 1920-х гг. все международные связи Советской России в области медицины были централизованы в бюро заграничной информации, а нарком Н.А. Семашко постоянно уделял большое внимание работе этого подразделения. В статье были упомянуты основные «вехи» советско-германских связей в области медицины в 1920-х – начале 1930-х гг.: посещение немецким социал-гигиенистом Э. Ресле СССР в 1924 г., пребывание Н.А. Семашко в Германии в октябре 1925 г., издание «Русско-немецкого медицинского журнала», неделя советских ученых в Берлине в июне 1927 г., советско-германская экспедиция в Бурят-Монголию в 1928 г., неделя советской медицины в Берлине в 1932 г.⁴³. Вместе с тем, признавая «крайне недостаточную» изученность этой темы, И.В. Венгрова, по сути, обрисовала перспективы дальнейших научных исследований.

Другие доклады на симпозиуме в Тбилиси были посвящены частным вопросам советско-германских связей: истории «Русско-немецкого медицинского журнала», советско-герман-

⁴¹ Лаврова И.Г., Журавлева К.И. Немецкие руководства по социальной гигиене в вузах России и СССР // Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – Москва, 1977. – С. 75–81.

⁴² Венгрова И.В. Наркомздрав РСФСР и русско-немецкое сотрудничество в 20–30-е годы // Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – Москва, 1977. – С. 82–89.

⁴³ Там же.

ской экспедиции по борьбе с венерическими болезнями в Бурят-Монголию в 1928 г.⁴⁴, неделе советской медицины в Берлине в 1932 г., участию СССР в германских гигиенических выставках, советско-германским связям в области патологии, гигиены и эпидемиологии, физиологии, психиатрии и другим сюжетам.

Несмотря на то, что главную роль в симпозиумах по истории медицины СССР – ГДР играла политическая конъюнктура (отражение «ленинской политики мирного сосуществования между народами», поиск истоков научного сотрудничества двух социалистических стран), их проведение стимулировало интерес к ранее забытой (если вообще не запрещенной) теме советско-германских связей в области медицины. На этой волне тезисы, доложенные на симпозиумах, получили развитие в виде научных статей в медицинской периодике⁴⁵.

В 1980-е гг. в ГДР было защищено несколько диссертаций по истории советско-германских отношений в области медицины. Для нас особый интерес представляет исследование Томаса Рихтера (*Thomas Richter*) «Значение «Русско-немецкого медицинского журнала» для советско-германского сотрудничества в области медицины с 1925 по 1928 год» (1987)⁴⁶. Автор не только изучил немецкие архивы по истории журнала под ред. Н.А. Семашко и Ф. Крауса, а также провел количественный анализ публикаций в этом издании, но и исследовал историю неудачного совместного журнального проекта «*Folia medica*». Другое важное диссертационное исследование из ГДР – работа

⁴⁴ Аруин М. Советско-немецкая экспедиция по борьбе с венерическими болезнями в Бурят-Монголии в 1928 г. // Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – Москва, 1977. – С. 95–101.

⁴⁵ Винтер К. Роль Н.А. Семашко в развитии германо-советских отношений в области медицины // Советское здравоохранение. – 1975. – № 7. – С. 77–81; Карбе К.-Х. Неделя советской медицины в Берлине (27/XI – 3/XII 1932 г.) // Советское здравоохранение. – 1978. – № 10. – С. 59–63; Мирский М.Б. «Русско-немецкий медицинский журнал» (к 50-летию выхода в свет первого номера журнала // Советское здравоохранение. – 1975. – № 10. – С. 72–75; Яровинский М.Я. Русско-немецкое сотрудничество в создании гигиенических музеев и выставок // Гигиена и санитария. – 1977. – № 9. – С. 52–55.

⁴⁶ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987.

Вольфганга Гютхоффа (*Wolfgang Güthoff*) об эпидемиологии и борьбе с эпидемиями советских и германских медиков в Советской России с 1918 по 1924 гг.⁴⁷

Особенностью публикаций историков медицины СССР и ГДР были широкие временные рамки – с XVII до второй половины XX вв. – практически без привлечения архивных материалов и охват почти всего спектра сотрудничества: медицинские конгрессы⁴⁸, медицинские выставки⁴⁹, медицинская печать⁵⁰, больничное дело⁵¹, акушерство и гинекология⁵², бактериология⁵³, гигиена и эпидемиология⁵⁴, профессиональная гигиена⁵⁵.

Новой струей в исследовании советско-германских культурных связей стала кандидатская диссертация исследователя из Витебска В.А. Космача (1984)⁵⁶. На ее основе вышла серия статей

⁴⁷ Güthoff W. Zur Epidemiologie und Bekämpfung des Seuchengeschehens in Sowjetrußland von 1918 bis 1924 – ein Beitrag zur Geschichte der deutsch-sowjetischen medizinischen Beziehungen: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1986.

⁴⁸ Идельчик Х.И., Штильман Н.Л. Важный этап в развитии русско-немецких медицинских связей // Советское здравоохранение. – 1982. – № 6. – С. 72–75. Идельчик Х.И., Штильман Н.Л. XII международный медицинский конгресс в Москве (1897) и русско-немецкие связи в области медицины // Советское здравоохранение. – 1978. – № 9. – С. 74–78.

⁴⁹ Яровинский М.Я. Международная гигиеническая выставка 1911 г. в Дрездене и ее роль в развитии медицинского музейно-выставочного дела // Советское здравоохранение. – 1986. – № 9. – С. 75–77.

⁵⁰ Базанов В.А. Журнал «Врач» как источник изучения русско-немецких медицинских связей // Советское здравоохранение. – 1983. – № 4. – С. 60–63.

⁵¹ Петров Б.Д. Юбилей Шарите // Советское здравоохранение. – 1987. – № 1. – С. 70–71.

⁵² Шнек П. Из истории русско-немецких медицинских связей // Советское здравоохранение. – 1982. – № 4. – С. 61–63.

⁵³ Базанов В.А., Шнек П. Научные связи Роберта Коха и его школы с русскими исследователями // Советское здравоохранение. – 1982. – № 3. – С. 64–67.

⁵⁴ Александровский Б.Н., Щелетова Г.А. К истории русско-немецких научных связей в области эпидемиологии и гигиены // Советское здравоохранение. – 1982. – № 1. – С. 61–65.

⁵⁵ Шванн С. Русско-немецкие связи в области профессиональной гигиены // Советское здравоохранение. – 1976. – № 6. – С. 66–68.

⁵⁶ Космач В.А. Германо-советские научно-технические и культурные связи в 1922–1932 гг.: (Из истории культ. политики Германии в отношении СССР): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – Минск: Белорус. гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1984.

о сотрудничестве двух стран в области медицины⁵⁷. Источниковой базой этих материалов, также как в исследовании Г. Розенфельда 1963 г., стали фонды Германского посольства в Москве из Германского центрального архива в Потсдаме, журнал «*Das Neue Rußland*» («Новая Россия») и научная литература ГДР. При этом неопубликованные русскоязычные источники автор не использовал, так как основным вектором его исследований была внешняя политика Веймарской республики. В этом контексте вызывает особый интерес наличие подробной информации о деятельности Наркомздрава РСФСР в Веймарской республике в фондах Германского посольства в Москве.

В своих публикациях В.А. Космач пришел к выводу, что интенсификация советско-германского сотрудничества в области медицины во второй половине 1920-х гг. стала прямым следствием расширения политических торговых связей, заложенных в начале десятилетия после заключения Рапалльского договора. Особую роль в этом сыграли Ленинградские соглашения 1925 г. во время празднования 200-летнего юбилея Академии наук СССР. При этом Германское посольство в Москве играло заметную роль в этих отношениях, занимаясь не только организацией поездок немецких ученых в СССР и сбором информации о советской медицине, но и анализом поездок советских медиков в Веймарскую республику.

Отличительной чертой историко-медицинских публикаций советского периода о советско-германских медицинских связях является освещение проблемы через биографии известных врачей и деятелей советского здравоохранения (Н.А. Семашко, Н.Н. Бурденко, И.Д. Страшун)⁵⁸. В этих работах международные связи показываются как эпизоды в биографии или же как примеры международного признания заслуг ученого. О глубине рус-

⁵⁷ Космач В.А. Важный этап сотрудничества в области медицины // Советское здравоохранение. – 1988. – № 4. – С. 64–65; Космач В.А. Из истории советско-германского сотрудничества в области медицины // Советское здравоохранение. – 1989. – № 7. – С. 59–61; Космач В.А. Неделя советской медицины в Берлине // Советское здравоохранение. – 1987. – № 1. – С. 64–65.

⁵⁸ Винтер К. Роль Н.А. Семашко в развитии германо-советских отношений в области медицины // Советское здравоохранение. – 1975. – № 7. – С. 77–81; Лотова Е.И. И.Д. Страшун. – М.: Медицина, 1979. Мирский М.Б. Исцеляющий скальпелем: Акад. Н.Н. Бурденко. – М.: Знание, 1983.

ско-германских медицинских связей до Первой мировой войны свидетельствует то, что практически в каждой биографии русского/советского ученого-медика, начинавшего свою научную карьеру в начале XX в., мы найдем свидетельство о научной стажировке в Германии и имя немецкого профессора-наставника.

Также эти работы характеризует фактографичность, скромное использование архивов, избегание «неудобных» и конфликтных тем, акцент на сотрудничестве между двумя народами, отсутствие научных гипотез и подчеркивание эпизодов, которые американский исследователь М. Дэвид-Фокс позднее назвал «Святым Граалем советской культурной дипломатии» – получение от иностранцев формального признания превосходства советских достижений⁵⁹. Например, из всего богатого научного наследия немецкого социал-гигиениста Э. Ресле в советской научной литературе чаще всего цитировалась его фраза об институте рабочей медицины в Харькове о том, что подобным институтам «мы в Германии ничего противопоставить не можем»⁶⁰.

В начале 1990-х гг. в связи со сменой политического курса страны в отечественной научной литературе произошли изменения в освещении международных связей Наркомздрава РСФСР: стали обсуждаться новые, ранее запрещенные сюжеты. Например, в публикации М.В. Поддубного была затронута тема освещения (не всегда положительного) иностранными врачами советской медицины 1930-х гг.⁶¹ Исследователь из Германии Йохен Рихтер (*Jochen Richter*) обратился к темам привлечения немецких врачей к лечению В.И. Ленина и изучению его мозга,

⁵⁹ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – С. 58.

⁶⁰ Венгрова И.В. Наркомздрав РСФСР и русско-немецкое сотрудничество в 20–30-е годы // Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – Москва, 1977. – С. 82–89; Винтер К. Роль Н.А. Семашко в развитии германо-советских отношений в области медицины // Советское здравоохранение. – 1975. – № 7. – С. 77–81; Махмутова Г.Н. Эмиль Евгений Ресле (1875–1962) // Советское здравоохранение. – 1990. – № 9. – С. 72.

⁶¹ Поддубный М.В. Иностранные врачи о советской медицине 30-х годов // Советское здравоохранение. – 1991. – № 2. – С. 72–75.

а также помощи со стороны Веймарской республики голодающим Советской России в 1921–1922 гг.⁶²

В эти годы исследователи смогли писать о репрессированных ученых-медиках, публикации о которых были ранее невозможны, а также публиковать их воспоминания с критическими оценками советской власти. В этих работах освещались и межличностные аспекты советско-германских связей⁶³. Однако традиционные советские подходы и сюжеты в освещении связей СССР и Веймарской республики в области медицины продолжали сохраняться в последние годы существования СССР и несколько лет после его распада. Например, в этом ключе была написана статья о немецком социал-гигиенисте Э. Ресле⁶⁴.

В начале 1990-х гг. в немецкоязычной литературе появилось несколько фундаментальных работ по истории советско-германских медицинских связей. Большая монография историка медицины Хайнца Мюллера-Дитца (*Heinz Müller-Dietz*) охватывает 300 лет международных контактов Германии и России в традиционной позитивистской трактовке – подчеркивание примеров плодотворного сотрудничества через описание биографий лиц, благодаря которым это сотрудничество стало возможным (в 1920-е гг. ими были Э. Ресле, Н. А. Семашко, Х. Цейсс, О. Фёрстер и О. Фогт). Автор, с одной стороны, придерживается «про-советских» взглядов, но с другой, упоминает противоречия в политике двух стран и сталинские репрессии. К достоинствам этой монографии можно отнести привлечение новых, как правило немецких, источников по истории советско-германских медицинских связей⁶⁵.

Один из подходов немецких историков к анализу двусторонних связей – это особые отношения (*Sonderverhältnis*) между

⁶² Рихтер И. Медицина и политика в германо-советских отношениях в 20-е годы // Советское здравоохранение. – 1990. – № 11. – С. 69–71.

⁶³ Васильев К. Г. Трагедия русской микробиологии // Acta Medico-Historica Rigensia. – 1992. – № 1(20). – С. 272–282; Владимиров А. А. Воспоминания микробиолога. – М.: Медицина, 1991; Тополянский В. Д. Доктор Д. Д. Плетнев // Репрессированная наука / ред. М. Г. Ярошевский. – Л.: Наука, 1991. – С. 305–318.

⁶⁴ Махмутова Г. Н. Эмиль Евгений Ресле (1875–1962) // Советское здравоохранение. – 1990. – № 9. – С. 70–73.

⁶⁵ Müller-Dietz H. Ärzte zwischen Deutschland und Rußland: Lebensbilder zur Geschichte der medizinischen Wechselbeziehungen. – Stuttgart: Fischer, 1995. – VII, 187 s.

Германий и Россией. Примером этого подхода можно назвать работу Юргена Нётцольда (*Jürgen Nötzold*) о германо-советских научных связях. Он отмечал, что ученых обеих стран после окончания Первой мировой войны отстранили от работы в международных научных кругах, и в период Веймарской республики они были вынуждены сотрудничать друг с другом. Также он пишет, что после 1933 г. сотрудничество Германии с СССР сошло на нет, а в 1937 г. немцам вообще запретили общаться с советскими учеными и участвовать в конгрессах в СССР⁶⁶.

Одной из лучших работ о советско-германских медицинских связях на немецком языке является статья Вольфганга Эккарта (*Wolfgang Eckart*), вышедшая в 1993 г.⁶⁷. Он придерживается другой научной традиции, расценивая развитие советско-германских медицинских связей как продолжение внешней политики⁶⁸. Эккарт прослеживает развитие советско-германского медицинского сотрудничества от помощи голодающим Советской России в 1921–1924 гг., уделяя особое внимание работе в СССР немецкого бактериолога и гигиениста Х. Цейсса (*Heinrich «Heinz» Zeiss*) в 1924–1932 гг., работе немецких больниц в СССР (в частности, в Тифлисе), визитам в СССР немецких ученых-медиков.

Работа Эккарта освещает исключительно «немецкую» часть советско-германских медицинских связей, а императивов внешней политики Наркомздрава РСФСР почти не касается. Вместе с тем, Эккарт подчеркивает различные повестки внешней политики двух стран: если Веймарская республика намеревалось

⁶⁶ Nötzold J. Die deutsch-sowjetischen Wissenschaftsbeziehungen // Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft: Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm-/Max-Planck-Gesellschaft: aus Anlaß ihres 75jährigen Bestehens / eds. R. Vierhaus, B. vom Brocke. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1990. – S. 778–800.

⁶⁷ Eckart W.U. Medizin und auswärtige Kulturpolitik der Republik von Weimar – Deutschland und die Sowjetunion 1920–1932 // Medizin in Geschichte und Gesellschaft. – 1993. – № 11. – S. 105–142.

⁶⁸ Solomon S.G. Introduction: Germany, Russia and Medical Cooperation between the Wars // Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 8; Патманов П. Э., Кирик Ю. В. Представительство Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в Германии (1921–1929 гг.) в контексте международных связей Советской России // Дальневосточный медицинский журнал. – 2019. – № 4. – С. 41–46.

продемонстрировать достижения немецкой медицины в научной, практической и промышленной областях, то советская сторона хотела противопоставить все это достижениям революционной власти в области социальной гигиены (в первую очередь чтобы достучаться до представителей левого крыла немецкой ответственности, которая активно интересовалась политикой в области здравоохранения)⁶⁹. Позднее Эккарт вернулся к теме помощи, предоставленной Веймарской республикой и немецким Красным Крестом Советской России во время голода, борьбе с эпидемиями с 1921 по 1924 гг. и к личности Х. Цейсса⁷⁰.

Под научной редакцией В. Эккарта было выполнено важнейшее для понимания советско-германских отношений в области медицины и здравоохранении исследование Кристины Бётхер (*Christine Böttcher*)⁷¹. В этой книге изучается образ советской медицины в медицинской прессе и научной политике Веймарской республики: научные медицинские контакты в духе Рапалльских соглашений, восприятие советской системы здравоохранения в Германии, а также дебаты о системе здравоохранения в начальный период Веймарской республики в контексте реформы здравоохранения в СССР.

Особый интерес представляет книга на немецком языке историка медицины Й. Рихтера «Раса, элита, пафос: Хроника медицинской биографии Ленина и история исследования элитного мозга в документах» (2000), в которой он, помимо прочего, описывает приглашение немецких и шведских врачей для лечения В.И. Ленина и исследования его мозга⁷².

⁶⁹ Eckart W.U. Medizin und auswärtige Kulturpolitik der Republik von Weimar – Deutschland und die Sowjetunion 1920–1932 // *Medizin in Geschichte und Gesellschaft*. – 1993. – № 11. – S. 105–142.

⁷⁰ Eckart W.U. Deutsche Hungerhilfe für Russland (1921–1923) // *Fiat Panis: für eine Welt ohne Hunger* / ed. H. Eiselen. – Stuttgart: Hampp, 2009. – S. 55–60; Eckart W.U. Von Kommissaren und Kamelen: Heinrich Zeiss, Arzt und Kundschafter in der Sowjetunion 1921–1931. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2016.

⁷¹ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998.

⁷² Richter J. Rasse, Elite, Pathos: eine Chronik zur medizinischen Biographie Lenins und zur Geschichte der Elitegehirnforschung in Dokumenten; a study in co-operation with the Stalin Era Research and Archives Project of the University of Toronto. Rasse, Elite, Pathos. – Herbolzheim: Centaurus Verlag, 2000.

В 2001 г. вышло самое глубокое из опубликованных до сих пор исследований научного сотрудничества Советского Союза и Веймарской Германии. В книге изучалась организация совместных исследований, экспедиций и «недель ученых», причины расцвета и кризиса этих отношений уже к началу 1930-х гг.⁷³. Монография была подготовлена коллективом авторов Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова с привлечением и немецких исследователей, в том числе Й. Рихтера. Но советско-германское сотрудничество в области медицины и здравоохранения не было в фокусе исследования данной работы, и архивы Наркомздрава РСФСР в ней не использовались.

В англоязычных исследованиях интерес к советской медицине 1920–1930-х гг. возник только в 1980-е гг. В мае 1986 г. в Торонто прошла международная конференция по истории общественного здоровья в России и СССР, материалы которой вышли отдельной книгой в 1990 г.⁷⁴. Этот том стал «революционным» для западной историографии, так как авторы отошли от традиционной риторики «холодной войны» и попытались представить объективный взгляд на советское здравоохранение начала XX в. К вопросам советско-германских связей в области здравоохранения в главе об истоках новой науки – социальной гигиены – обратилась Сюзан Гросс Соломон (*Susan Gross Solomon*)⁷⁵. Автор возвращалась к этой проблеме еще несколько раз, но советско-германские связи в области социальной гигиены не были предметом самостоятельного исследования⁷⁶.

⁷³ Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – 366 с.

⁷⁴ Health and Society in Revolutionary Russia / eds. S.G. Solomon, J.F. Hutchinson. – Bloomington: Indiana University Press, 1990.

⁷⁵ Solomon S.G. Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921–1930 // Health and Society in Revolutionary Russia / eds. S.G. Solomon, J.F. Hutchinson. – Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990. – P. 175–199.

⁷⁶ Solomon S.G. Social Hygiene in Soviet Medical Education, 1922–30 // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. – 1990. – Vol. 45. – № 4. – P. 607–643; Solomon S.G. The expert and the state in Russian public health: continuities and changes across the revolutionary divide // The History of Public Health and the Modern State / ed. D. Porter. – Amsterdam: Rodopi, 1994. – P. 183–223; Solomon S.G. The Limits of Government Patronage of Sciences: Social Hygiene and the Soviet State, 1920–1930 // Social History of Medicine. – 1990. – Vol. 3. – № 3. – P. 405–435.

Тема советско-германского сотрудничества в области медицины в англоязычной литературе стала активно разрабатываться в начале 1990-х гг. Этой проблеме были посвящены работы Пола Уайндлинга (*Paul Weindling*) об институте расовых исследований⁷⁷, о немецком микробиологе Х. Цейссе⁷⁸ и советско-германских связях в области микробиологии и эпидемиологии⁷⁹. В этих публикациях автор применяет к связям СССР и Веймарской республики концепцию *Lebensraum* (нем. жизненное пространство на Востоке) и подчеркивает геополитическую подоплеку этих международных отношений.

В 1993 г. С. Соломон обратилась к теме советско-германской экспедиции 1928 г. по изучению сифилиса в Бурят-Монголии⁸⁰. В ней исследовательница подробно изучила политические и медицинские аспекты совместной работы, выделив многослойную и гетерогенную повестку советских и немецких медиков. Вместе с тем, она временами абсолютизирует политические аспекты экспедиции⁸¹. В 1995 г. при участии С. Соломон была переиздана статья об экспедиции Курта Берингера, опубликованная впервые в 1934 г. в журнале «*Der Nervenarzt*»⁸². Несмотря на то, что статья предельно схематична, она является ценным источником, так как дает материал об отношении немцев к советской медицине и проблемам нацменьшинств.

⁷⁷ Weindling P. German-Soviet Medical Co-operation and the Institute for Racial Research, 1927 – c. 1935 // *German History*. – 1992. – Vol. 10. – № 2. – P. 177–206.

⁷⁸ Weindling P. Heinrich Zeiss, Hygiene and the Holocaust // *Doctors, politics and society: historical essays* / eds. D. Porter, R. Porter. – Amsterdam: Rodopi, 1993. – 23. – P. 174–187.

⁷⁹ Weindling P.J. German–Soviet Medical Collaboration // *Epidemics and Genocide in Eastern Europe, 1890–1945*. – Oxford University Press, 2000. – P. 183–208.

⁸⁰ Solomon S.G. The Soviet-German Syphilis Expedition to Buriat Mongolia, 1928: Scientific Research on National Minorities // *Slavic Review*. – 1993. – Vol. 52. – № 2. – P. 204–232.

⁸¹ Башкуев В.Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.) / ред. Л.В. Курас. – Иркутск: Оттиск, 2016. – С. 45.

⁸² Beringer K. Die deutsch-russische Syphilisexpedition in der Burjato-Mongolei und ihre Bedeutung für die Frage der Metaluespathogenese / K. Beringer // Lues, Lamas, Leninisten: Tagebuch einer Reise durch Russland in die Burjatische Republik im Sommer 1926. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verlagsgesellschaft, 1995. – S. 298–308.

В 1992–1997 гг. в Берлине и в 2000 г. в Торонто (Канада) прошла серия из восьми симпозиумов по советско-германским медицинским связям, результаты которых были представлены в коллективной монографии под редакцией С. Соломон «*Doing Medicine Together: Germany and Russia between the Wars*» («Создавая медицину вместе: Германия и Россия между войнами») (2006)⁸³. Многогранный анализ советско-германских медицинских связей в ней представлен политическими аспектами взаимодействия, импортом медицинской географии, «пограничными объектами» в медицинском взаимодействии, советской культурной дипломатией в Веймарской республике, организацией крупных совместных научных проектов, таких как Институт исследований мозга и лаборатория расовой патологии, а также деятельностью «научных предпринимателей».

Признавая, что данная монография стала прорывом в изучении советско-германских отношений в области медицины в межвоенный период, следует, однако, отметить ряд ее недостатков. Во-первых, в книге заметен явный крен в сторону изучения деятельности немцев в Советской России, а деятельность советской стороны представлена только в двух главах российских авторов. Во-вторых, излишне много внимания в монографии (4 главы из 11) уделено деятельности Х. Цейсса – фигуре заметной, но не ключевой в советско-германских медицинских связях. Соавторы книги явно очарованы личностью Цейсса, его действительно неординарной биографией и трагической судьбой. Возможно, из-за этого они ненамеренно «героизируют» его. В-третьих, в коллективной монографии совершенно отсутствуют ссылки на работы, доложенные на симпозиумах по истории медицины СССР – ГДР, хотя среди авторов был один их участник – Й. Рихтер. Этот разрыв с историографией СССР и ГДР лишил монографию ряда важных аспектов двустороннего сотрудничества.

Через несколько лет после выхода монографии ее редактор С. Соломон вернулась к теме советско-германских медицинских связей в двух публикациях, посвященных зарубежным представи-

⁸³ Cocks G. *Doing Medicine Together: Germany and Russia between the Wars* // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. – 2008. – Vol. 63. – № 1. – P. 132–134.

тельствам Наркомздрава РСФСР⁸⁴. Положив в основу исследования фонд отдела (бюро) заграничной информации (ГАРФ. Ф.482, оп. 35), С. Соломон впервые для себя описала его деятельность, отметив его политико-организационные, научно-медицинские и посреднические функции. Но акцент в первой (2008 г.) из этих двух публикаций автор сделала на изучении работы двух самых крупных зарубежных представительств Наркомздрава РСФСР – в Германии и Франции (и их руководителей – Я.Р. Гольденберга и А.Н. Рубакина). Значительное внимание С. Соломон уделила изданию совместного «Русского-немецкого медицинского журнала» (*«Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift»*) и визиту наркома Н.А. Семашко в Берлин и Париж осенью 1925 г.⁸⁵. Работа 2017 г. рассматривает советское здравоохранение в качестве инструмента «культурной дипломатии». В ней С. Соломон повторяет многие сведения из своих предыдущих публикаций, добавляя в них новые материалы из немецких и французских архивов, но опять строит свою статью на сравнении парижского и берлинского представительств Наркомздрава РСФСР⁸⁶.

Благодаря упомянутым выше двум публикациям, С. Соломон стала пионером в англоязычной литературе в изучении проблемы международной деятельности Наркомздрава РСФСР, в частности его связей с Веймарской республикой. Однако, ее работы имеют ряд недостатков. Во-первых, она рассматривает создание и деятельность отдела (бюро) заграничной информации и его зарубежных представительств на протяжении 1920-х гг. как следствие

⁸⁴ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 193–216; Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 231–268.

⁸⁵ Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 231–268.

⁸⁶ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 193–216.

реализации четкого плана. Между тем, их работа и кадровая политика, скорее, были ситуативными ответами на появляющиеся новые вызовы. Во-вторых, С. Соломон жестко ограничивает хронологические рамки работы берлинского представительства Наркомздрава РСФСР 1921–1929 гг. и деятельностью Я.Р. Гольденберга, хотя до него на этой должности работал С.Ф. Вербов, а после него – С.И. Черномордик и А.М. Маргулис. При этом она не вполне обоснованно называет Я.Р. Гольденберга «специалистом в области здравоохранения».

В-третьих, С. Соломон подошла к совместным медицинским журналам с постмодернистской точки зрения (считая их основной целью обозначение нового перспективного направления исследования), хотя они выполняли для Наркомздрава РСФСР, скорее, пропагандистскую задачу. Практика издания переводных журналов западными странами для пропаганды своей медицины в мире была достаточно распространенной в межвоенный период. В-четвертых, в своих работах она совершенно не использует русскоязычную литературу по истории советско-германских медицинских связей как советского, так и постсоветского периода. При это, ее библиография по истории советской социальной гигиены 1920-х гг. до сих пор не имеет равных в отечественной литературе.

И, наконец, в-пятых, использование С. Соломон в качестве российской источниковой базы исключительно фонд бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР (а в нем она привлекла только три десятка дел о работе берлинского и парижского представительств из 700 дел всей описи) приводит к систематическому искажению, состоящему в преувеличении роли представительств (так же как и у И.В. Венгровой за 30 лет до этого). В своих отчетах Я.Р. Гольденберг и А.Н. Рубакин пытались увеличить свою значимость в глазах наркома Н.А. Семашко, представляя положение дел так, будто все международное сотрудничество в области медицины сосредоточено в их руках. По этой же причине С. Соломон не отметила роль берлинского представительства Наркомздрава РСФСР в лечении советской и партийной номенклатуры. Об этом направлении работы в фондах отдела (бюро) заграничной информации имеется мало

информации. Но без учета этого аспекта работа представительства предстает исключительно идеалистически-пропагандистской, и прагматическая сторона деятельности берлинского представительства (привлечение немецких врачей для лечения должностных лиц советского государства высокого уровня) ускользает от исследователя.

Единственные нам известные работы на русском языке о деятельности Х. Цейсса – это публикации М.В. Поддубного, в которых автор не только приводит сведения из иностранных источников, но и впервые использует личное дело Цейсса из Центрального архива ФСБ⁸⁷. В последующем он и другие сотрудники Национального НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко еще раз обращались теме международной деятельности Наркомздрава РСФСР, в том числе на немецком направлении⁸⁸.

В 2010-е гг. к вопросам советско-германского сотрудничества в области медицины в 1920-х гг. обратился исследователь из Улан-Удэ В.Ю. Башкуев. В фокусе его внимания оказались геополитические аспекты этого сотрудничества и совместные советско-германские медицинские экспедиции⁸⁹. В этих работах автор впервые в отечественной историографии сформулировал концепцию использования медицины в качестве геополитического инструмента. В его видении советско-германское сотрудничество имело как символический (в смысле преодоления

⁸⁷ Поддубный М.В. Генрих Цейсс и московские «германофилы» 1920-х годов // *Acta Medico-Historica Rigensia*. – 2000. – Т. V (XXXIV). – С. 53–74; Поддубный М.В. Профессор Г. Цейсс (1888–1949) и история медицины в России (к 70-летию одной статьи) // *Проблемы социальной гигиены и истории медицины*. – 1998. – № 2. – С. 60–61.

⁸⁸ Поддубный М.В. Международное сотрудничество Наркомата здравоохранения РСФСР в период 1920–1930 годов / М.В. Поддубный, И.В. Егорышева, А.В. Морозов // *Вестник современной клинической медицины*. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 74–78.

⁸⁹ Башкуев В.Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.) / ред. Л.В. Курас. – Иркутск: Оттиск, 2016; Башкуев В.Ю. Геополитические аспекты советско-германского сотрудничества в области медицины в 1920-х гг. // *Власть*. – 2012. – № 2. – С. 145–149; Башкуев В.Ю. Экспорт советской медицины в 1920-х гг.: медико-санитарные экспедиции Наркомздрава РСФСР в Монгольской Народной Республике // *Власть*. – 2016. – № 6. – С. 196–202.

статуса геополитических изгоев), так и сугубо прагматический характер, причем большими прагматиками на этот раз выступали советские руководители, сумевшие аккумулировать опыт взаимодействия и встроить его элементы в собственную медико-санитарную помощь странам и регионам Внутренней Азии – Монголии, Туве, Синьцзяну. Одновременно советско-германское медицинское сотрудничество являлось ареной борьбы интересов, скрытых замыслов, неформального лоббирования идей и продуктов. В конце десятилетия в русскоязычной литературе впервые появилось исследование о работе представительства Наркомздрава РСФСР в Германии⁹⁰.

Сформировавшаяся историография отражает сложность тематики связей СССР и Веймарской республики в области медицины: с одной стороны, сближение двух геополитических «изгоев» межвоенного периода кажется вполне закономерным, с другой – разнородность идеологических повесток акторов взаимодействия, пестрота фактов и ведомственная разногласия архивных документов добавляет противоречивости исследовательским задачам. Определенный эффект накладывает и сам исторический период, отмеченный невиданной до тех пор ролью идеологии в развитии любой отрасли, не исключая науку и медицину.

Поэтому в пестрой мозаике разнородных событий, фактов, биографий отдельных медиков (и не только их) историки зачастую усматривают нечто большее, чем просто взаимовыгодное сотрудничество в медицинской области. В результате, история советско-германского взаимодействия рассматривается через призму множества концепций, от «ленинской политики мирного сосуществования между народами» до использования культуры и науки в качестве замены военной силы. Факты же зачастую встраиваются историком в какую-либо из удобных интерпретаций, в зависимости от идеологических и методологических предпочтений, а также, в значительной степени, от изученных архивных фондов. В них источники чаще всего отражают

⁹⁰ Ратманов П. Э., Кирик Ю. В. Представительство Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в Германии (1921–1929 гг.) в контексте международных связей Советской России // Дальневосточный медицинский журнал. – 2019. – № 4. – С. 41–46.

какой-то определенный аспект изучаемого явления, а для комплексного осмысления требуется верификация документами из другой описи, фонда или архива.

Таким образом, история связей в области медицины между СССР и Веймарской республикой привлекала множество исследователей из разных стран, но в ней остается все еще много лакун. Например, остаются неизученными императивы внешней политики Наркомздрава РСФСР в отношении Веймарской республики. Какие принципы, стратегии и практики международной деятельности Наркомздрава РСФСР применялись для адаптации советской медицины в международном научном и профессиональном поле, а также для параллельного решения встроженных в медицинскую повестку политических задач? Также до сих пор не изучена работа отдела (бюро) заграничной информации – причины его создания, эволюция его функций, кадровый состав, и, самое главное, место во внешней политике Наркомздрава РСФСР.

Гораздо меньше разработана тема советско-французских отношений в области медицины и здравоохранения. Ее историография также начинается в начале 1960-х гг., и одним из авторов этих работ был доктор А.Н. Рубакин, непосредственный участник событий 1920–1930-х гг. и бывший руководитель представительства Наркомздрава РСФСР во Франции⁹¹. Он же является автором объемных воспоминаний⁹². Рубакин крайне схематично описывал основные вехи двустороннего сотрудничества – взаимные визиты медиков, ученых и политических деятелей, участие СССР в международных санитарных организациях и издание франко-советских журналов. Основное место в работах Рубакина о советско-французских отношениях в области медицины и здравоохранения занимает его собственная деятельность, а также его знакомство с наркомом Н.А. Семашко⁹³.

⁹¹ Рубакин А.Н. Международные связи советской медицины // История медицины СССР / ред. Б.Д. Петров. – М.: Медицина, 1964. – С. 30–43; Рубакин А.Н. Воспоминания о франко-советских медицинских связях // Клиническая медицина. – 1960. – № 8. – С. 153–156.

⁹² Рубакин А.Н. Над рекою времени: Воспоминания. – М.: Междунар. отношения, 1966.

⁹³ Рубакин А.Н. Я знал его 40 лет (Воспоминания о Н.А. Семашко) // Советское здравоохранение. – 1974. – № 11. – С. 82–85.

В 2012 г. в Санкт-Петербурге вышел сборник статей на английском языке коллектива авторов из России и Франции о русско-французских связях в биологии и медицине⁹⁴. Деятельность Наркомздрава РСФСР во Франции в этой публикации не затрагивается.

В англоязычной литературе проблема советско-французских отношений в области медицины и здравоохранения разрабатывалась в уже упомянутых выше публикациях С. Соломон⁹⁵, а также в ее же работах, посвященных доктору А.Н. Рубакину⁹⁶. При участии Соломон была переиздана книга стихов Рубакина, первоначально вышедшая в 1920 г.⁹⁷. Также она стала сценаристом посвященного доктору А.Н. Рубакину документального фильма⁹⁸.

Советско-американские связи в области медицины и здравоохранения отечественными и украинскими исследователями изучаются, как правило, в контексте помощи США Советскому Союзу во время голода 1921–1922 гг.⁹⁹. Американских авто-

⁹⁴ Russian-French links in biology and medicine: papers of the international colloquium, September 13–14, 2011 / eds. J.-G. Barbara [et al.]. – St. Petersburg: Nestor-Historia, 2012.

⁹⁵ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960 / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 193–216; Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 231–268.

⁹⁶ Solomon S.G. “Dangerous Play”. Go-Betweens and Borders in Inter-War Public Health // Revue d’études comparatives Est-Ouest. – 2018. – Vol. 1. – № 1. – P. 175–208; Solomon S.G. Entre deux mondes: Alexandre Nikolaevich Roubakine (1889–1979) // La cité / ed. S.G. Solomon. – Semur-en-Auxois: Éditions Spiralinthe, 2011.

⁹⁷ Rubakin A. La cité / A. Rubakin, N.S. Goncharova; ed. S.G. Solomon. – Semur-en-Auxois: Éditions Spiralinthe, 2011.

⁹⁸ Lahusen T., Solomon S.G. In Search of Roubakine. – Chemodan Films, 2012.

⁹⁹ Кнурова В.А. Деятельность американской администрации помощи по ликвидации голода 1921–1922 гг. в Нижнем Поволжье // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2006. – № 6. – С. 295–299; Латыпов Р.А. Помощь АРА Советской России в период «великого голода» 1921–1923 гг. // Regla. – 2006. – № 1(123); Усманов Н.В. Помощь американцев голодающим в Советской России в 1921–1923 гг. (по материалам Урала) // Исторический вестник. – 2013. – Т. 4. – № 151. – С. 158–183; Усманов Н.В. Американская помощь голодающим на Южном Урале в 1921–1923 гг.: документы госархивов Республики Башкортостан // Отечественные Архивы. – 2009. – № 1. – С. 48–55; Погромский В.А. Американская

ров больше всего привлекают связи Рокфеллеровского фонда с Советской Россией¹⁰⁰. Деятельность представительств РОКК и Наркомздрава РСФСР в Америке до сих пор не была предметом самостоятельного исследования.

Визиту экспертов в области общественного здоровья Джона Кингсбери (*John Kingsbury*) и сэра Артура Ньюсхолма (*Arthur Newsholme*) в СССР в 1932 г. посвящены публикации С. Соломон и Дж. Эйлера¹⁰¹. В основу этих исследований были положены исключительно англоязычные материалы из американских и британских архивов.

Еще один традиционный сюжет отношений СССР и США в области здравоохранения – это поездки А. Сигериста (Зигерист, *H. Sigerist*) в Советский Союз и его публикации о советском здравоохранении. В отечественной литературе пик публикаций о Сигеристе был приурочен к смерти этого ученого¹⁰². Но наиболее глубокий анализ его научного наследия на русском языке принадлежит И.В. Венгровой в ее публикации 1991 г.¹⁰³. В англо-

администрация помощи и ее деятельность в Советской Беларуси в 20-е гг. XX ст. / В.А. Погромский, В.А. Тетенова // *Емінак*. – 2014. – № 3–4 (9). – С. 69–75.

¹⁰⁰ Solomon S.G. Giving and Taking across Borders: The Rockefeller Foundation and Russia, 1919–1928 / S.G. Solomon, N. Krementsov // *Minerva*. – 2001. – Vol. 39. – № 3. – P. 265–298; Solomon S.G. ‘Through a Glass Darkly’: The Rockefeller Foundation’s International Health Board and Soviet Public Health // *Studies in History and Philosophy of Science Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. – 2000. – Vol. 31. – № 3. – P. 409–418; Solomon S.G. “Being There”: Fact-Finding and Policymaking: The Rockefeller Foundation’s Division of Medical Education and the “Russian Matter,” 1925–1927 // *Journal of Policy History*. – 2002. – Vol. 14. – № 04. – P. 384; Solomon S.G. Knowing the “Local”: Rockefeller Foundation Officers’ Site Visits to Russia in the 1920s // *Slavic Review*. – 2003. – Vol. 62. – № 4. – P. 710–732.

¹⁰¹ Solomon S.G. The Perils of Unconstrained Enthusiasm John Kingsbury, Soviet Public Health, and 1930s America // *Comrades in Health U.S. Health Internationalists, Abroad and at Home* / eds. A.-E. Birn, T.M. Brown, S.G. Solomon. – New Brunswick, New Jersey; London: Rutgers University Press, 2013. – P. 45–64; Eyler J.M. Sir Arthur Newsholme and State Medicine, 1885–1935. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1997.

¹⁰² Лисицын Ю.П. Памяти Г.Э. Сигериста / Ю.П. Лисицын, И.В. Венгрова // *Советская медицина*. – 1957. – № 12. – С. 114–119; Рубакин А.Н. Генри-Эрнест Сигерист – виднейший историк медицины нашего времени (1891–1957) // *Советское здравоохранение*. – 1958. – № 1. – С. 46–48; Терновский В.Н. Генри Е. Сигерист // *Советское здравоохранение*. – 1964. – № 4. – С. 77–79.

¹⁰³ Венгрова И.В. К 100-летию со дня рождения Генри Эрнста Сигериста (1891–1957) // *Здравоохранение Российской Федерации*. – 1991. – № 12. – С. 25–27.

язычной литературе практически единственной работой, посвященной изучению Сигеристом советского здравоохранения, до сих пор остается статья Дж. Хатчинсона «Танцы с комиссарами: Сигерист и советская медицина»¹⁰⁴.

Изучение деятельности швейцарского представительства РОКК и Наркомздрава РСФСР, как правило, сводится к исследованию биографии их главы – С.Ю. Багоцкого. В отечественной историографии С.Ю. Багоцкий известен, в первую очередь, как революционер и соратник В.И. Ленина в эмиграции¹⁰⁵. Его работе в Швейцарии посвящено крайне мало исследований, и при этом значение представительства Советского Красного Креста в Швейцарии в развитии международных медицинских связей, как правило, не изучается¹⁰⁶. Самой глубокой работой о деятельности С.Ю. Багоцкого в Швейцарии является монография Жан-Франсуа Файе (*Jean-François Fayet*) на французском языке¹⁰⁷.

Таким образом, проведенный нами анализ историографии проблемы показал, что несмотря на обилие публикаций по международным связям Наркомздрава РСФСР/РСФСР, эта проблема очень далека до состояния полной изученности. Большая часть публикаций по этой теме носит поверхностный характер и не основана на изучении архивных источников. Наиболее глубоко в изучении международной деятельности Наркомздрава

¹⁰⁴ Hutchinson J.F. Dances with Commissars: Sigerist and Soviet Medicine // Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 229–258.

¹⁰⁵ Багоцкий С.Ю. О встречах в Лениным в Польше и Швейцарии. [2-е изд.]. – М.: Политиздат, 1971; Корольчук Э.А. Багоцкий Сергей Юстинович / Э.А. Корольчук, Ш.М. Левин // Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь От предшественников декабристов до падения царизма / ред. В.И. Невская. – М.: 1931, Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев. – Т. 5: Социал-демократы. 1880–1904: Вып. 1: А-Б. – С. 187–188.

¹⁰⁶ Арунин М.И. Сергей Юстинович Багоцкий, 1879–1953 // Врачи-большевики – строители советского здравоохранения: Сборник статей / ред. Е.И. Лотова, Б.Д. Петров. – М.: Медицина, 1970. – С. 313–327; Арунин М.И. С.Ю. Багоцкий – врач, революционер и общественный деятель // Советское здравоохранение. – 1970. – № 5. – С. 65–70; Багоцкий Сергей Юстинович // Большая медицинская энциклопедия. – М.: Гос. изд-во мед. лит., 1957. – Т. Т. 3: Б-Боголепова. – С. 12–13.

¹⁰⁷ Fayet J.-F. VOKS: le laboratoire helvétique: histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres. – Chêne-Bourg: Georg éditeur, 2014.

РСФСР/СССР до выхода настоящей работы продвинулась канадская исследовательница С. Соломон, но и в ее публикациях содержится ряд неточностей, так как они не охватывают всей проблемы пропаганды советского здравоохранения в Европе и Северной Америке в 1920–1940-е гг.

Еще один вывод из всего массива изученной нами литературы – это доминирование советско-германских связей Наркомздрава РСФСР/СССР над двусторонними отношениями с другими странами мира. Такое положение дел сложилось отнюдь не случайно и было обусловлено как исторически, так и политической ситуацией той эпохи. В связи с этим, «немецкое» направление работы Наркомздрава РСФСР/СССР занимает значительное место в нашем исследовании.

Глава 2. Истоки международной политики РСФСР в области здравоохранения (1918–1921)

§ 2.1. Формирование принципов советского здравоохранения и его международная повестка

История создания и эволюции принципов советского здравоохранения является актуальной и современной темой, так как Россия в XXI в. строит свою систему здравоохранения на фундаменте «модели Семашко». Вместе с тем этот термин не имеет точного и общепринятого научного определения и в нашей стране нередко используется для ностальгического описания советского здравоохранения 1970–1980-х гг.

В этом параграфе мы попытаемся дать свое определение историческому термину «советское здравоохранение», обсудим историю формулирования принципов советского здравоохранения в 1918 г., а также оценим воздействие коммунистической идеологии на изменение отношения руководства Наркомздрава РСФСР к влиянию социальных факторов на здоровье.

Советское здравоохранение (советская система здравоохранения, советская медицина, советская модель здравоохранения, «модель Семашко») не является четко очерченным предметом для изучения как в силу длительности существования советской политической системы (1917–1991), так и из-за значительных территориальных особенностей. Кроме того, декларируемые принципы часто расходились с реальными шагами руководства страны. Теория и практика советского здравоохранения в РСФСР, сформированная в 1920-е гг., значительно изменилась в 1930-х гг., а после Великой Отечественной войны подверглась кардинальной перестройке. Но даже если рассматривать один временной отрезок, здравоохранение в Магадане в конце 1930-х гг. имело мало общего с здравоохранением Москвы в тот же период времени, равно как и здравоохранение в 1980-х гг. в Закавказье, Средней Азии и Прибалтике. Тем не менее, формально все эти примеры – советское здравоохранение. При этом не только практика, но и декларируемые принципы со временем

менялись¹⁰⁸. Все это создает сложности в работе с таким понятием как «советское здравоохранение».

Советское здравоохранение не часто, но все же становилось предметом больших научных исследований¹⁰⁹. При этом концептуализировать национальную систему здравоохранения наиболее плодотворно можно в сравнительном анализе с национальными системами здравоохранения других стран. В подобных исследованиях анализировалось не только самоописание советской системы в виде идеологических лозунгов. Авторы также «открывали» для себя черты, которые никогда в СССР публично не озвучивались. Если в 1920–1930-е гг. советское здравоохранение часто воспринималось несколько наивно и некритично, например, Анри Сигеристом (*Henry Sigerist*)¹¹⁰, то в послевоенный период самый влиятельный медицинский советолог Марк Филд (*Mark Field*) подверг здравоохранение СССР детальному разбору и жесткой критике¹¹¹. Но все авторы среди базовых принципов советского здравоохранения подчеркивали его государственный характер. Именно это мы и считаем основным принципом советского здравоохранения, а все остальные лишь проистекают из

¹⁰⁸ Затравкин С.Н., Вишленкова Е.А. Принципы советской медицины: история создания // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и история медицины. – 2020. – Т. 28. – № 3. – С. 491–498.

¹⁰⁹ Field M.G. Doctor and Patient in Soviet Russia. – Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1957; Field M.G. Soviet socialized medicine: an introduction. Soviet socialized medicine. – Free Press, 1967; Gantt W.H. A Medical Review of Soviet Russia. – London: British Medical Association, 1928; Gantt W.H. Russian medicine. – New York: P.B. Hoeber, Inc., 1937; Newsholme A., Kingsbury J.A. Red Medicine: Socialized Health in Soviet Russia. Red Medicine. – New York: Doubleday, Doran, 1933; Ryan M. Doctors and the state in the Soviet Union. – New York: St. Martin's Press, 1990; Sigerist H.E., Older J. Medicine and health in the Soviet Union. – New York: The Citadel Press, 1947; Sigerist H.E. Socialized medicine in the Soviet Union. – New York: Norton, 1937; Solomon S.G. The expert and the state in Russian public health: continuities and changes across the revolutionary divide // The History of Public Health and the Modern State / ed. D. Porter. – Amsterdam: Rodopi, 1994. – P. 183–223.

¹¹⁰ Sigerist H.E. Medicine and health in the Soviet Union / H.E. Sigerist, J. Older. – New York: The Citadel Press, 1947; Sigerist H.E. Socialized medicine in the Soviet Union. – New York: Norton, 1937.

¹¹¹ Field M.G. Doctor and Patient in Soviet Russia. – Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1957; Field M.G. Soviet socialized medicine: an introduction. Soviet socialized medicine. – Free Press, 1967.

него. По этому главному критерию описывают и «модель здравоохранения Семашко»¹¹².

Поэтому трудно согласиться с исследовательницей международных связей Наркомздрава РСФСР и пропаганды советского здравоохранения за рубежом С. Соломон в ее формулировании основных принципов советского здравоохранения. Перечисляемые ею тезисы (бесплатная общедоступная медицинская помощь, интеграция лечения и профилактики, понимание болезни как следствия влияния социальных факторов) являются, скорее, декларацией, чем реальной политикой советской власти в 1920-е гг. в области здравоохранения¹¹³.

На основе изучения отечественной и зарубежной литературы¹¹⁴ к последней мы относим следующее:

- централизация (на принципах демократического централизма) и бюрократизация управления;
- приоритет общественных ценностей над индивидуальными;
- монополизация медицинских услуг;
- отсутствие прямых платежей между пациентами и врачами;
- государство – единственный работодатель для медицинских работников, имеющих невысокий социальный статус;
- обеспечение доступности медицинской помощи для большинства жителей за счет большого числа медицинских работников и невысокого качества медицинской помощи;
- система приоритетов в оказании медицинской помощи.

¹¹² Этот термин является также неоднозначным. Российский исследователь И. Шейман «моделью Семашко» называет советскую участковую систему первичной медико-санитарной помощи Sheiman I. Rocky road from the Semashko to a new health model. Interview by Fiona Fleck // Bulletin of the World Health Organization. – 2013. – Vol. 91. – № 5. – P. 320–321..

¹¹³ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960 / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 194.

¹¹⁴ Ратманов П.Э. Советское здравоохранение в освещении западных авторов (1920–1960-е гг.) // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России. – 2013. – № 3 (12). – С. 7.

Следование этим принципам мы можем проследить на протяжении всей истории советского здравоохранения, хотя и в неодинаковой степени.

Следует отметить, что история создания принципов советского здравоохранения по-настоящему является одной из исторических загадок. Несколько поколений историков по всему миру были заняты поиском ответа на вопросы о том, кто, почему, когда и как впервые сформулировал эти принципы. Советские историки медицины А.И. Слонимской и Т.П. Новикова, отмечали, что в трудах В.И. Ленина об организации здравоохранения ничего не говорится¹¹⁵. В 1940–1960-е гг., когда создавались эти публикации, были еще живы участники описываемых событий, например, М.И. Барсуков, который мог влиять на их содержание и выводы (усиление и ослабление роли тех или иных деятелей, избегание «неудобных» сюжетов, вычеркивание из истории лиц, позднее репрессированных). Сам М.И. Барсуков защитил диссертацию и опубликовал монографию по этой теме, заложив своеобразный канон в изучении этой проблемы^{116, 117}. В 1950-е гг. сложную задачу увязывания советского здравоохранения с письменным наследием В.И. Ленина (который крайне мало писал о медицине и охране здоровья) решал директор Института организации здравоохранения и истории медицины им. Н.А. Семашко Е.Д. Ашурков¹¹⁸. Тем не менее, прямой фальсификации, указывавшей на

¹¹⁵ Затравкин С.Н., Вишленкова Е.А. Принципы советской медицины: история создания // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и история медицины. – 2020. – Т. 28. – № 3. – С. 491–498.

¹¹⁶ Барсуков М.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения (Октябрь 1917 г. – июль 1918 г.). – М.: Медгиз, 1951. – 316 с.

¹¹⁷ Работа М.И. Барсукова представляет собой серьезное исследование, написанное с привлечением большого числа источников 1917–1918 гг., но поскольку автор был участником описываемых событий, это создаёт потенциальную угрозу искажения фактов и опускание неудобных для него моментов. Поскольку работа М.И. Барсукова выполнялась в конце 1940-х гг., по понятным причинам в ней часто упоминается И.В. Сталин, а роль И.Д. Троцкого совершенно игнорируется. Все это заставляет осторожно относиться к научной достоверности работы М.И. Барсукова, но пока не проведено новое исследование и не опровергнуты выводы автора мы вынуждены полагаться на его версию событий.

¹¹⁸ Ашурков Е.Д. В.И. Ленин и охрана здоровья народа / ред. П.И. Калю. – М.: Медицина, 1965.

формулирование принципов советского здравоохранения до июня 1918 г., даже тогда сделано не было.

Барсуков приводит разговор с В.И. Лениным в конце 1917 г., в котором врачи-большевики просили главу советского государства создать комитет народного здравия, но В.И. Ленин в ответ предложил сначала собрать и обобщить опыт советов на местах¹¹⁹. Неизвестно, был ли этот разговор реальным или вымышленным, но он соответствует взглядам и политике В.И. Ленина того времени. Сразу же после захвата власти у него не было готовых ответов по вопросам государственного строительства, и он предлагал советам самим проявлять инициативу, нежели ждать прямых указаний из Совнаркома.

Работу А.И. Слонимской, Т.П. Новикова и М.И. Барсукова продолжил историк медицины А.И. Нестеренко, подготовивший к 100-летию Октябрьской революции серьезное историческое исследование под названием «Как был образован Народный комиссариат здравоохранения РСФСР: из истории советского здравоохранения (октябрь 1917 г. – июль 1918 г.)», написанное с широким привлечением архивных материалов¹²⁰. Он также отмечал, что до 1917 г. «ни в одном из партийных документов вопросы борьбы за здоровье народа не связывались с вопросом о необходимости введения в России государственного здравоохранения»¹²¹.

Роль I съезда представителей медико-санитарных отделов Советов рабочих и крестьянских депутатов в формировании советского здравоохранения также изучал в своей диссертации и монографии известный историк медицины Э.Д. Грибанов¹²².

В англоязычной литературе первой серьезной работой о создании Наркомздрава РСФСР является публикация Нила

¹¹⁹ Нестеренко А.И. Как был образован Народный комиссариат здравоохранения РСФСР: из истории советского здравоохранения (октябрь 1917 г. – июль 1918 г.). – М.: Медицина, 1965. – С. 28.

¹²⁰ Нестеренко А.И. Как был образован Народный комиссариат здравоохранения РСФСР: из истории советского здравоохранения (октябрь 1917 г. – июль 1918 г.). – М.: Медицина, 1965.

¹²¹ Там же. – С. 6.

¹²² Грибанов Э.Д. Всероссийские съезды здравотделов и их значение для практики советского здравоохранения. – М.: Медицина, 1966. – 192 с.

Уайссмана (*Neil Weissman*) 1990 г., написанная на основе опубликованных советских источников¹²³. Поэтому в целом в своих выводах Н. Уайссман соглашается со своими советскими коллегами. Из современных отечественных исследователей к проблеме истоков советского здравоохранения обращался профессор М.Б. Мирский. Подводя итог своим многолетним исследованиям, он пришел, по сути, к тем же выводам, что и его предшественники (А.И. Нестеренко и Н. Уайссман). По мнению Мирского, идея советского здравоохранения – это результат не многолетних научных исследований проблем организации здравоохранения, а трансформация взглядов врачей-большевиков за короткий промежуток времени (ноябрь 1917 г. – март 1918 г.) под влиянием внешних факторов. К последним М.Б. Мирский относил развал экономики, безвластие, противостояние с Пироговским обществом и начало Гражданской войны. Следование Н.А. Семашко и З.П. Соловьева негласным партийным установкам М.Б. Мирский тоже не исключал¹²⁴.

Современные исследователи придерживаются схожей позиции, но основное внимание уделяют противостоянию большевиков с «пироговцами», отмечая, что «принципы советской медицины рождались в совершенно определенной политической обстановке и были ответом большевиков на полемический вызов»¹²⁵. Таким образом, доминирующим взглядом в научной литературе по проблеме истоков советского здравоохранения является концепция «вызов-ответ», когда для решения внезапно возникших проблем за короткий срок была выработана новая идеология.

При анализе первых задач советского здравоохранения, сформулированных летом 1918 г., особый интерес представляет декларация о советской власти как о единственном условии

¹²³ Weissman N.B. *Origins of Soviet health administration: Narkomzdrav, 1918–1928 // Health and Society in Revolutionary Russia*. – Bloomington: Indiana University Press, 1990. – P. 97–120.

¹²⁴ Мирский М.Б. *Медицина России X – XX веков: Очерки истории*. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 359–360.

¹²⁵ Затравкин С.Н., Вишленкова Е.А. *Принципы советской медицины: история создания // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и история медицины*. – 2020. – Т. 28. – № 3. – С. 492.

ликвидации социальных болезней. Ее можно объяснить коммунистической идеологией, так как в рамках этой доктрины провозглашалось, что в капиталистическом обществе работодатель заинтересован только в получении прибыли, а не в здоровье пролетариата, и только в государстве диктатуры пролетариата возможна полная ликвидация социальных основ болезней.

Официальная идеология оказывала огромное влияние на повседневную жизнь в СССР, но при этом, как отмечали советские авторы, «советское здравоохранение – неотъемлемая часть нашей государственной системы»¹²⁶. Поэтому при анализе эволюции лозунгов советского здравоохранения мы считаем необходимым определить идеологические истоки некоторых из них.

Практически все исследователи раннего советского здравоохранения отмечают у большевиков отсутствие внятной программы в области охраны здоровья до 1918 г. Не был даже определен такой важный для того времени вопрос, к какому классу отнести врачей – к пролетариату или эксплуататорам. Советская власть была крайне догматичной, и перед лидерами советской медицины к лету 1918 г. встала проблема: как в такой далекой от марксистской теории сфере как медицина применить классовую теорию? Ответ дало бы даже поверхностное изучение трудов К. Маркса и Ф. Энгельса. Еще в 1845 г. Ф. Энгельс опубликовал свое знаковое исследование «Положение рабочего класса в Англии», в котором отметил социальную обусловленность болезней пролетариата. Эти взгляды в конце XIX в. стали популярны в среде русских врачей благодаря работам Ф. Эрисмана¹²⁷.

В начале XX в. в Западной Европе стало бурно развиваться движение социальной гигиены как научной дисциплины, достигнув наибольшего расцвета в Германии. Русские врачи пристально следили за этой новой дисциплиной, как анализируя современную им дискуссию западноевропейских врачей, так и подчеркивая ее связь с исследованиями XIX в., в том числе

¹²⁶ Ашурков Е.Д., В.И. Ленин и охрана здоровья народа / ред. П.И. Калью. – М.: Медицина, 1965. – С. 73.

¹²⁷ Венгрова И.В. Из истории социальной гигиены в Англии XIX века. – М.: Медицина, 1970; Венгрова И.В., Шилинис Ю.А. Социальная гигиена в СССР (очерки истории) / ред. Б.Д. Петров. – М.: Медицина, 1976. – С. 41, 72–73.

с работами К. Маркса и Ф. Энгельса¹²⁸. Традиционными сферами социальной гигиены в начале XX в. была борьба с венерическими заболеваниями, туберкулезом, алкоголизмом и детской смертностью¹²⁹. Таким образом, тезис на I Всероссийском съезде медико-санитарных отделов о советской власти как о единственном условии ликвидации социальных болезней, высказанный летом 1918 г., имеет вполне понятную политическую конъюнктуру и исторические корни.

Именно этот логический посыл привел к развитию социальной гигиены в Советской России – сначала Музея социальной гигиены (1919 г.), а затем кафедр социальной гигиены, Государственного института социальной гигиены и профильного журнала (1922 г.)¹³⁰. Но он же к концу 1920-х гг. привел и к логической ловушке: если единственный способ кардинального решения проблемы здоровья – строительство социализма, то через 10 лет после революции и крушения капитализма (основной причины болезней пролетариата в рамках этой доктрины) социально-обусловленные болезни должны были исчезнуть сами собой¹³¹. Но в жизни такого не произошло.

Возможно, поэтому И.Д. Страшун исключил этот лозунг из «канонических» в статье «Здравоохранение» в Большой медицинской энциклопедии в 1929 г. Но некоторое время он все еще сохранял свое значение. В том же 1929 г. в совместном

¹²⁸ Канель В.Я. Социальная гигиена, ее сущность и значение (по данным новейшей немецкой литературы) // Общественный врач. – 1913. – Т. XVIII. – № 4. – С. 439–440; Грановский Л.Б. О содержании и методах социальной гигиены (по данным западноевропейской литературы) // Журнал общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. – 1908. – № 3. – С. 267–282.

¹²⁹ Кирик Ю.В. Институализация социальной гигиены в Советской России в 1920–1930-х годах в международном контексте / Ю.В. Кирик, П.Э. Ратманов, П.А. Шеноева // Дальневосточный медицинский журнал. – 2020. – № 1. – С. 85–94.

¹³⁰ Венгрова И.В., Шилинис Ю.А. Социальная гигиена в СССР (очерки истории) / ред. Б.Д. Петров. – М.: Медицина, 1976; Шишкин А.П. Государственный институт социальной гигиены Наркомздрава РСФСР и его роль в развитии теории и организации советского здравоохранения // Советское здравоохранение. – 1982. – № 6. – С. 59–62.

¹³¹ Hutchinson J.F. Dances with Commissars: Sigerist and Soviet Medicine // Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 243; Селиванов В.И. Состояние и задачи историко-медицинской науки в период перестройки / В.И. Селиванов, Е.Ф. Селиванов // Из истории медицины. – Рига: ЛМА, 1990. – Т. 19. – С. 11.

обращении Наркомтруда СССР и Наркомздрава РСФСР об участии СССР во Второй Международной гигиенической выставке в Дрездене среди основных лозунгов советского павильона был следующий: «Подлинное оздоровление трудящихся возможно только на базе широких и коренных социальных мероприятий, обеспечивающих высокий жизненный уровень трудящихся и культурной революции, влекущих реконструкцию быта»¹³². Тем не менее, следует согласиться, что после ухода Н.А. Семашко из Наркомздрава РСФСР в начале 1930 г. идея социальной гигиены была снята с повестки дня в СССР¹³³.

Вопрос рождения и эволюции принципов советской медицины еще далек от своего окончательного разрешения. Еще в 1965 г. советский исследователь А.И. Нестеренко писал, что «архивных исчерпывающих материалов (т.е. стенограмм) о работе I съезда представителей медико-санитарных отделов Советов рабочих и крестьянских депутатов пока разыскать не удалось. О том, что стенограммы съезда были, можно судить по тому, что для стенографирования выступлений на I Всероссийском съезде медико-санитарных отделов Советом врачебных коллегий было выделено 3 500 рублей»¹³⁴. И за прошедшие полвека в истории медицины ничего в этом вопросе принципиально не изменилось. То есть мы до сих пор не знаем, как шла дискуссия о первой версии принципов (лозунгов) советского здравоохранения, кто же их предложил первым. Также до сих пор не изучена роль Н.А. Семашко в их формулировании, так как до переезда в марте 1918 г. советского правительства из Петрограда в Москву он возглавлял медико-санитарный отдел Московского совета,

¹³² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.96–98. Проспект Советского павильона на Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1930 г.

¹³³ Solomon S.G. Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921–1930 // *Health and Society in Revolutionary Russia* / eds. S.G. Solomon, J.F. Hutchinson. – Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990. – P. 175–199; Solomon S.G. Social Hygiene in Soviet Medical Education, 1922–30 // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. – 1990. – Vol. 45. – № 4. – P. 607–643; Solomon S.G. The Limits of Government Patronage of Sciences: Social Hygiene and the Soviet State, 1920–1930 // *Social History of Medicine*. – 1990. – Vol. 3. – № 3. – P. 405–435.

¹³⁴ Нестеренко А.И. Как был образован Народный комиссариат здравоохранения РСФСР: из истории советского здравоохранения (октябрь 1917 г. – июль 1918 г.). – М.: Медицина, 1965. – С. 68.

к работе Совета врачебных коллегий подключился не сразу и наркомом стал только через месяц после июньского съезда¹³⁵.

Также до сих пор нет исследованных архивных документов о причинах пересмотра этих принципов, роли отдельных партийных и государственных деятелей и политической ситуации в их изменении. Вопрос об атрибутивных признаках советского здравоохранения (как декларативных, так и фактических) имеет значение не только для истории отечественного здравоохранения, но и для изучения влияния СССР на здравоохранение других стран.

Исследуя эволюцию советской социальной гигиены в контексте истории общественного здоровья стран Европы и Северной Америки, неизбежно приходишь к выводу о приведении советской повестки к общеевропейской в первой половине 1920-х гг.¹³⁶. Принятие этой повестки в России началось еще до создания советской социальной гигиены в 1922 г. В 1918 г. работу по охране материнства и младенчества в системе разных советских наркоматов возглавила В.П. Лебедева, которая с 1912 по 1917 гг. работала врачом в Швейцарии. Схожий трансфер идей из Германии в Россию происходил и в организации медицинской помощи детям. Благодаря знакомству с зарубежным опытом она и ее коллеги внедряли в Советской России отдельные звенья немецкого здравоохранения, в частности, противотуберкулезные и венерологические диспансеры, патронаж детей на дому, оздоровительные площадки¹³⁷. Как было показано в исследовании Д. Хоффмана, централизация и огосударствление медицины в начале XX в. было общемировой тенденцией, а не уникальной особенностью СССР¹³⁸. В Германии за это, например, выступал А. Гротьян.

¹³⁵ Мирский М.Б. Медицина России X – XX веков: Очерки истории. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 357–359.

¹³⁶ Хоффманн Д.Л. Вращивание масс: модерное государство и советский социализм, 1914–1939. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – С. 103.

¹³⁷ Шер С.А. Детское здравоохранение Германии в конце XIX – начале XX века и его влияние на формирование советской системы охраны здоровья детей // Бюллетень Национального Научно-Исследовательского Института Общественного Здоровья Имени Н.а. Семашко. – 2017. – № S1. – С. 220–223.

¹³⁸ Хоффманн Д.Л. Вращивание масс: модерное государство и советский социализм, 1914–1939. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – С. 110–111.

Благодаря тому, что советская и европейская повестки политики общественного здоровья стали во многом совпадать, советское здравоохранение выглядело на европейской арене вполне современно. И это придало ему внешнеполитический потенциал – на теорию и практику советского здравоохранения стали обращать внимание, оно вызывало интерес. С другой стороны, «патронаж Наркомздрава» привел к тому, что новая повестка политики общественного здоровья в Советской России шла не от местного экспертного сообщества социал-гигиенистов, а из-за границы через вернувшихся из эмиграции врачей¹³⁹.

Говоря о пропаганде советского здравоохранения за рубежом в межвоенный период, нельзя не сказать о таком подходе как «торговля будущим». Советская сторона не скрывала, особенно в 1920-х гг., что состояние советского здравоохранения на порядок хуже, чем в Европе и Америке. Объяснялось это «бременем нерешенных проблем царской эпохи» и последствиями Первой мировой и Гражданской войн. Нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко в зарубежных выступлениях и публикациях признавал, что реализация многих основополагающих принципов отложена. Поэтому в пропаганде за границей Наркомздрав РСФСР предпочитал говорить о ценности идеологии советского здравоохранения и локальных успехах в отдельных областях, обещая основные достижения только в будущем. Следует отметить, что нередко такая тактика работы с иностранцами давала результат.

Таким образом, в данном исследовании под советским здравоохранением мы понимаем всю совокупность как декларируемых основных принципов советского здравоохранения, так и фактическую политику советской власти в области здравоохранения в 1920–1940-е гг. В своей пропаганде за рубежом Наркомздрав РСФСР, в первую очередь, заявлял о своих «официальных» принципах, но от внимания иностранных европейских и американских наблюдателей, как правило, не ускользало и реальное положение дел в советском здравоохранении. При

¹³⁹ Solomon S.G. The Limits of Government Patronage of Sciences: Social Hygiene and the Soviet State, 1920–1930 // Social History of Medicine. – 1990. – Vol. 3. – № 3. – P. 421.

этом, советское здравоохранение за рубежом всегда воспринималось в национальном контексте исходя из актуальной в то время повестки. Например, в Веймарской республике из всей новаторской политики Наркомздрава РСФСР наибольшие дискуссии вызывали вопросы социального статуса советского врача и разрешение абортс с СССР. Даже понятие «социализация» в немецкой врачебной среде сужалось всего лишь до противоположности «врачебной свободы»¹⁴⁰. В Америке, напротив, пропаганда советского здравоохранения воспринималась как попытка введения обязательного медицинского страхования в Соединенных Штатах¹⁴¹. Зарубежные наблюдатели нередко попадали по обаяние советской пропаганды, но в работах иностранных авторов акцент, все-таки ставился на тех проблемах, которые были наиболее актуальны не в СССР, а в их собственных странах.

§ 2.2. Международная деятельность Российского общества Красного Креста (РОКК) и организация медицинской помощи русским военнопленным за границей¹⁴²

Современные исследователи истории Красного Креста пришли к выводу, что эта гуманитарная организация в Советской России выполняла квазидипломатические функции¹⁴³. По мнению И. Томана, отношение советского правительства к Красному Кресту было сугубо прагматическим: оно прибегало к его услугам для достижения главной цели – сохранения советского государства и победы мировой пролетарской революции. В связи

¹⁴⁰ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 121–122.

¹⁴¹ Solomon S.G. The Perils of Unconstrained Enthusiasm: John Kingsbury, Soviet Public Health, and 1930s America // *Comrades in Health U.S. Health Internationalists, Abroad and at Home* / eds. A.-E. Birn, T.M. Brown. – New Brunswick, New Jersey; London: Rutgers University Press, 2013. – P. 45–64.

¹⁴² Ратманов П.Э. Зарубежные представительства Советского Красного Креста в 1920–1930-е гг. в международной политике СССР в области здравоохранения / П.Э. Ратманов, В.Ю. Башкуев // *История медицины*. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 41–50.

¹⁴³ Томан И. Россия и Красный Крест (1917–1945): Красный Крест в революц. государстве. Деятельность МККК в России после Окт. революции 1917 г.: Пер. / И. Томан. – 2-е изд. – М.: МККК, 2002. – С. 5.

с этим РОКК часто использовался как средство политической пропаганды¹⁴⁴.

В годы Гражданской войны и международной блокады Красный Крест стал фактически единственным легальным каналом связи большевиков с внешним миром, а для западных стран – с РСФСР. В 1921 г. во время голода Советская Россия была вынуждена допустить на свою территорию краснокрестные миссии из США, Веймарской республики и других государств. При этом немецкий историк медицины В. Эккарт считает, что все стороны использовали данный канал в целях «ведения разведывательной деятельности и шпионажа»¹⁴⁵.

Таким образом, с 1917 г. политика советской власти в отношении Красного Креста стала основываться на соединении гуманитарных и политических целей, но политический аспект доминировал¹⁴⁶. Приверженность новой организации РОКК международным Женевским конвенциям 1864 и 1907 гг., а также правопреемственность дореволюционной организации провозглашалась декретами Совета народных комиссаров (СНК) СНК РСФСР¹⁴⁷. Помимо гуманитарной, такое решение имело и политическую подоплеку. Необходимо было ускорить репатриацию военнопленных, так как около двух с половиной миллионов русских военнопленных на территории бывших Центральных держав представляли собой значительный резерв обученных солдат. И советская власть, и ее противники намеревались черпать из него новые силы¹⁴⁸.

Декрет СНК РСФСР от 7 августа 1918 г. установил контроль Народного комиссариата здравоохранения РСФСР над деятельностью РОКК и предписал последнему согласовывать

¹⁴⁴ Там же. – С. 49–50.

¹⁴⁵ Eckart W.U. Medizin und auswärtige Kulturpolitik der Republik von Weimar – Deutschland und die Sowjetunion 1920–1932 // Medizin in Geschichte und Gesellschaft. – 1993. – № 11. – S. 110.

¹⁴⁶ Тoman И. Россия и Красный Крест (1917–1945): Красный Крест в революц. государстве. Деятельность МККК в России после Окт. революции 1917 г. – 2-е изд. – М.: МККК, 2002. – С. 20.

¹⁴⁷ Там же. – С. 26–29.

¹⁴⁸ Бюньон Ф. Международный Комитет Красного Креста и Советский Союз (1917–1991): Пер. с фр. – М.: Междунар. Ком. Красн. Креста, 2000. – С. 23.

свои действия с общим планом и указаниями Наркомздрава¹⁴⁹. Первым председателем Советского Красного Креста стал В.М. Свердлов, в июле 1919 г. его сменил заместитель наркома здравоохранения РСФСР З.П. Соловьев. Именно поэтому в отечественной историографии международная деятельность Советского Красного Креста традиционно изучалась в контексте работы Наркомздрава РСФСР¹⁵⁰.

Официально Советский Красный Крест был создан в ноябре 1918 г., но еще до этого в аппарате Центральной коллегии управления делами РОКК был сформирован специальный иностранный отдел¹⁵¹. Уже 2 сентября 1918 г. на совместном с коллегией НКЗ заседании Комитета по реорганизации РОКК рассматривался вопрос о миссиях в Германии и Австро-Венгрии и о ввозе продовольствия из-за границы под флагом Красного Креста¹⁵². Большевики создавали специфику РОКК и понимали политические интересы, связанные с военнопленными, а также посредническую роль, которую он мог играть в контактах с внешним миром¹⁵³.

Благодаря своим гуманитарным принципам РОКК удалось прорвать международную изоляцию РСФСР. Это привело к повышению роли иностранного отдела Центрального комитета РОКК. В 1920 г. в издании Международного Комитета Красного Креста «*Revue internationale de la Croix-Rouge*» руководитель иностранного отдела РОКК юрист Е.А. Коровин отмечал, что «отсутствие дипломатической службы заставляло представителей РОКК за рубежом выполнять, в определенной степени, функции Народного комиссариата иностранных дел (НКВД). Иностраннный отдел Центрального комитета РОКК явился тем

¹⁴⁹ 100 лет Красного Креста в нашей стране / ред. Г.А. Митерев. – Москва: Медицина, 1967. – С. 59.

¹⁵⁰ Дьячкова М. Первые зарубежные миссии // Советский Красный Крест. – 1977. – № 1. – С. 20–21.

¹⁵¹ 100 лет Красного Креста в нашей стране / ред. Г.А. Митерев. – Москва: Медицина, 1967. – С. 74.

¹⁵² Там же. – С. 73.

¹⁵³ Там же. – С. 58.

средством, с помощью которого общество Красного Креста осуществляло эту многостороннюю деятельность»¹⁵⁴.

Брестский мирный договор предусматривал, помимо прочего, и обмен пленными. Но из-за начавшейся Гражданской войны в Россию репатриировали очень мало людей. Страны Антанты в начале 1919 г. фактически запретили обмен пленными между Германией и Советской Россией из-за опасений, что после освобождения русские военнопленные вольются в Красную Армию¹⁵⁵. Обмен пленными возобновился только в начале 1920 г.

Для репатриации военнопленных РОКК открыл представительства в Германии, Великобритании, Австро-Венгрии, Азербайджане, Болгарии, Дании, Эстонии, США, Финляндии, Грузии, Литве, Польше, Румынии, Чехословакии, Украине, Франции и Швейцарии¹⁵⁶. В состав этих первых миссий входили революционеры-большевики. В конце 1918 г. в Германию был направлен сотрудник РОКК доктор А.И. Шнеерсон, проработавший в немецких лагерях военнопленных по крайней мере до весны 1919 г., даже несмотря на высылку из Германии советского диппредставительства¹⁵⁷.

В феврале 1919 г. во Францию с целью возвращения на родину солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса ездил Я.Х. Давтян. В ноябре 1920 г. он стал первым начальником иностранного отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Враждебность иностранных правительств к РСФСР сказывалась на их отношении к представителям Красного Креста: миссия РОКК в Польше

¹⁵⁴ Томан И. Россия и Красный Крест (1917–1945): Красный Крест в революц. государстве. Деятельность МККК в России после Окт. революции 1917 г. – 2-е изд. – М.: МККК, 2002. – С. 47; Korovine E. Compte-rendu de l'activité de la Section étrangère du Comité central de la Croix-Rouge russe, du 1er décembre 1918 au 1er novembre 1919 // *Revue internationale de la Croix-Rouge*. – 1920. – № 18. – P. 1083.

¹⁵⁵ Бюньон Ф. Международный Комитет Красного Креста и Советский Союз (1917–1991). – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Междунар. Ком. Красн. Креста, 2000. – С. 31–32.

¹⁵⁶ 100 лет Красного Креста в нашей стране / ред. Г.А. Митерев. – Москва: Медицина, 1967. – С. 64.

¹⁵⁷ Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1918–1921 гг. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2006. – С. 89, 93.

была расстреляна в конце декабря 1918 г., арестам подверглись миссии РОКК в Германии, Чехословакии и Венгрии¹⁵⁸.

Наиболее важным зарубежным представительством РОКК была открытая в 1918 г. миссия в Швейцарии, которую с августа 1918 г. возглавлял лично знакомый с В. И. Лениным по эмиграции С. Ю. Багоцкий¹⁵⁹. Также он был уполномоченным Центральной коллегии по делам пленных и беженцев Советской России¹⁶⁰. Основными задачами миссии РОКК в Женеве было признание советской организации Красного Креста и установление контактов с МККК. Но не менее важной для нее была идеологическая и информационная работа среди военнопленных. Таким образом предполагалось противодействовать попыткам контрреволюционных сил организовать антисоветскую пропаганду¹⁶¹. К работе миссии были привлечены сотрудники ликвидированной советской дипмиссии в Швейцарии: Илья Шнеерсон, Григорий Шкловский и Николай Любарский¹⁶². К 1921 г. из Швейцарии в Советскую Россию было направлено около 3 000 русских военнопленных и гражданских лиц¹⁶³.

Для русских военнопленных представительством РОКК в Швейцарии было организовано пребывание в арендованном пансионате «Эрика» («Erika») в Интерлакене (*Interlaken*), в гостинице «Симплон» («Simplon»), гостинице «Курхаус» («Kurhaus») в Вильдерсвиле (*Wilderswil*), а также лечение в санаториях в Шевалейр-сюр-Блонэ (*Chevaleires sur Blonay*)

¹⁵⁸ Барынкин А. В. Судьба советской миссии Красного Креста в Варшаве в контексте советско-польских отношений на рубеже 1918–1920 г. // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – № 2–2. – С. 17–21.

¹⁵⁹ Томан И. Россия и Красный Крест (1917–1945): Красный Крест в революц. государстве. Деятельность МККК в России после Окт. революции 1917 г. – 2-е изд. – М.: МККК, 2002. – С. 39; 100 лет Красного Креста в нашей стране / ред. Г. А. Митерев. – Москва: Медицина, 1967. – С. 64; Арунин М. И. С. Ю. Багоцкий – врач, революционер и общественный деятель // Советское здравоохранение. – 1970. – № 5. – С. 65–70.

¹⁶⁰ Арунин М. И. С. Ю. Багоцкий – врач, революционер и общественный деятель // Советское здравоохранение. – 1970. – № 5. – С. 67.

¹⁶¹ Дьячкова М. Первые зарубежные миссии // Советский Красный Крест. – 1977. – № 1. – С. 21.

¹⁶² Fayet J.-F. VOKS: le laboratoire helvétique: histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres. – Chêne-Bourg: Georg éditeur, 2014. – P. 65–66.

¹⁶³ Багоцкий С. Ю. Представительство РОКК в Швейцарии // Бюллетень Российского общества Красного Креста. – 1923. – № 1. – С. 11.

и в Давосе (*Davos*) для больных туберкулезом¹⁶⁴. Заведующим санаторием в Шевалейр-сюр-Блонэ был эмигрант из России доктор Исаак Эйзенбух (*Isaak Eisenbuch*, Эйзенбаум, Эйзенбург, И.П. Калина), так же, как и С.Ю. Багоцкий – выпускник медицинского факультета Базельского университета 1917 г.¹⁶⁵.

Еще одной задачей, решавшейся Багоцким (недавним работником Наркомздрава РСФСР) за границей, было направление в Советскую Россию новейшей научной медицинской литературы. Для этого при представительстве РОКК в Швейцарии в 1919 г. была организована научная комиссия, объединявшая до 20 врачей. Комиссия подобрала более 200 рефератов по различным медицинским проблемам (в том числе 85 по туберкулезу и 63 по охране материнства и детства, 45 по борьбе с эпидемическими болезнями) из зарубежной прессы за 1917–1920 гг. и послала их в Наркомздрав РСФСР. Эта же комиссия опубликовала в 1919–1920 гг. в общей и медицинской печати Швейцарии, Германии, Франции и Голландии статьи о принципах организации советского здравоохранения¹⁶⁶.

Другие зарубежные миссии Советского Красного Креста также занимались политической пропагандой. Например, во Франции под руководством дипломата Д.З. Мануильского РОКК удалось репатриировать солдат для Красной армии, собрать средства и опубликовать на французском и русском языках бюллетень об успехах Советской России в области санитарного дела и образования. Представительство РОКК в Великобритании сосредоточило свои усилия на закупках медицинского оборудования и медикаментов¹⁶⁷.

Таким образом, зарубежные представительства Советского Красного Креста стремились не только обеспечить репатриацию

¹⁶⁴ Fayet J.-F. VOKS: le laboratoire helvétique: histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres. – Chêne-Bourg: Georg éditeur, 2014. – P. 78.

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.41, д.1355, л.1–11. Личное дело Калины Игнатия Петровича.

¹⁶⁶ Иоффе А.Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932. – М.: Наука, 1975. – С. 48–49; ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.80, л.150–163. Деятельность представительства Наркомздрава в Швейцарии [отчет] от 25.02.1924.

¹⁶⁷ Томан И. Россия и Красный Крест (1917–1945): Красный Крест в революц. государстве. Деятельность МККК в России после Окт. революции 1917 г. – 2-е изд. – М.: МККК, 2002. – С. 47–48.

военнопленных, но и служили источником информации об изменениях в молодой Советской республике¹⁶⁸. Эти функции плохо согласовывались с декларируемой гуманитарной ролью организации¹⁶⁹.

Одним из первых представителей РОКК в Веймарской республике был сотрудник советского посольства в Берлине Виктор Леонтьевич Копп (1880–1930)¹⁷⁰. Он же был заведующим Бюро военнопленных при Генеральном консульстве Советской России в Берлине. После длительного перерыва Бюро возобновило свою работу в апреле 1920 г. Для работы в санитарной и медицинской инспекции были приглашены врачи Немецкий и И. Эйзенбух, которым В.Л. Копп дал хорошую характеристику¹⁷¹. Как уже указывалось выше, Эйзенбух до этого работал заведующим больницей-санаторием для русских военнопленных в Швейцарии и сотрудничал с РОКК¹⁷². В Бюро Эйзенбух сосредоточился не на медицинской работе, а на организации транспортов и объезде лагерей, в которых были случаи столкновений с администрацией. Немного позднее к работе Бюро был привлечен доктор Иоселевский, но политическая благонадежность последнего вызвала у главы НКВД Чичерина сомнения, поэтому его не допускали до непосредственного контакта с пленными¹⁷³. Тем не менее, в середине 1920-х гг. Иосилевский был врачом советского полпредства в Берлине.

¹⁶⁸ Дзячкова М. Первые зарубежные миссии // Советский Красный Крест. – 1977. – № 1. – С. 20–21.

¹⁶⁹ Томан И. Россия и Красный Крест (1917–1945): Красный Крест в революц. государстве. Деятельность МККК в России после Окт. революции 1917 г. – 2-е изд. – М.: МККК, 2002. – С. 48.

¹⁷⁰ В 1919–1921 гг. руководитель миссии РСФСР по делам военнопленных уполномоченный в Германии, с августа 1920 г. уполномоченный НКВД и Наркомата внешней торговли РСФСР в Германии. См.: Космач В.А. От Компьена и Рапалло. Внешняя политика Веймарской Германии после Первой мировой войны (1918–1923 гг.): страницы истории. – Псков: Псковский ГУ, 2017. – С. 320.

¹⁷¹ Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1918–1921 гг. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2006. – С. 144.

¹⁷² ГАРФ. Ф.А482, оп.41, д.1355, л.1–11. Личное дело Калины Игнатия Петровича.

¹⁷³ Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1918–1921 гг. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2006. – С. 145–146.

Ситуация с русскими военнопленными и интернированными лицами обострилась в результате неутешительного для Советской России хода войны с Польшей. После поражения красных под Варшавой в августе 1920 г. среди интернированных в Восточную Пруссию оказался дивизионный врач С.Ф. Вербов¹⁷⁴.

В середине сентября 1920 г. при Бюро военнопленных в Берлине был создан Отдел интернированных войск Красной армии, заведующим которого стал сотрудник Бюро Камецкий (по другим данным Ф.И. Каменецкий)¹⁷⁵. Доктор С.Ф. Вербов был принят на должность заведующего санитарным отделом этого бюро, где проработал до лета 1921 г.¹⁷⁶. Он не первым занял эту должность (его предшественник доктор Немировский был уволен за неблагоприятное поведение), но тоже оказался случайным человеком на ней, поскольку не знал немецкого (в тот период времени) и не придерживался коммунистической идеологии¹⁷⁷.

Посещение лагерей военнопленных сотрудниками Бюро было ограничено. Любая пропагандистская деятельность пресекалась немецкими властями. В функции заведующего санитарным отделом Бюро первоначально входила только организация медицинской помощи русским военнопленным в лагерях. Но постепенно круг его обязанностей расширился. Его привлекали для закупки медикаментов по линии Наркомата внешней торговли РСФСР. Также С.Ф. Вербов участвовал в качестве секре-

¹⁷⁴ Подробнее о Сергее Федоровиче Вербове (1883–1976) см. Васильев К.К. Судьба питомца медицинского факультета Императорского Харьковского университета доктора С.Ф. Вербова (1883–1976) // Вестник Харьковского Национального университета имени В.Н. Каразина. Серия Медицина. – 2004. – № 9 (639). – С. 96–100.

¹⁷⁵ Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1918–1921 гг. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2006. – С. 144; Трошина Т.И. «Красным лагерем» в Германии. «Интернированная Красная армия» в Германии в 1920–1921 гг.: об одном полузабытом эпизоде Гражданской войны. – Архангельск, 2014. – С. 67.

¹⁷⁶ Васильев К.К. Судьба питомца медицинского факультета Императорского Харьковского университета доктора С.Ф. Вербова (1883–1976) // Вестник Харьковского Национального университета имени В.Н. Каразина. Серия Медицина. – 2004. – № 9 (639). – С. 96–100.

¹⁷⁷ Вербов С.Ф. Люди, пути и тропы: (Клуб заштат. интеллигентов). – Париж: Б.И., 1970. – С. 402, 425.

таря на заседаниях немецкого и русского Красных Крестов под председательством В.Л. Коппа¹⁷⁸.

В 1920 г. впервые увенчалась успехом поездка за рубеж советского ученого: основателю и директору Государственного рентгенологического и радиологического института в Петрограде профессору М.И. Неменову удалось выехать в Германию и закупить там научную аппаратуру и книги¹⁷⁹. Осенью 1920 г. в Петроград был отправлен почти целый железнодорожный состав с приобретенными им научными изданиями, справочниками, приборами. Профессор М.И. Неменов участвовал в съездах врачей в Германии, публиковал статьи в немецких газетах и журналах. Именно он дал рекомендацию доктору С.Ф. Вербову, благодаря чему последний получил работу в Бюро военнопленных в Берлине¹⁸⁰. Неменов призвал врачей и бывших пленных в Берлине подготовить серию обзоров по медицине и биологии на русском языке в виде монографий немецких ученых, наладив получение рукописей и перевод. Эту серию предполагалось издавать под заглавием «Успехи медико-биологических наук за 1914–1920 гг.». Выступая по возвращении в Москву в Доме печати, профессор М.И. Неменов сказал: «Немецкие ученые охотно вступили бы в самые тесные отношения с русскими учеными»¹⁸¹.

Американский комитет помощи России (*American Committee for Relief in Russia*) возглавлял доктор Михаил Исаевич Михайловский¹⁸². Это был русский врач, переехавший в Нью-Йорк в 1895 г. Выходец из России и уроженец Сибири, Михайловский имел частную практику в Нью-Йорке. Связей с Родиной он не

¹⁷⁸ Вербов С.Ф. Люди, пути и тропы: (Клуб заштат. интеллигентов). – Париж: Б.И., 1970. – 501 с.

¹⁷⁹ Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): Сборник документов. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. – С. 372–376.

¹⁸⁰ Вербов С.Ф. Люди, пути и тропы: (Клуб заштат. интеллигентов). – Париж: Б.И., 1970. – С. 420.

¹⁸¹ Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – С. 34.

¹⁸² Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 195.

порывал и согласился исполнять роль представителя наркома здравоохранения Н.А. Семашко¹⁸³. Скорее всего, при содействии Михайловского в сентябре 1920 г. в просоветском американском журнале «*Soviet Russia*» была опубликована большая статья Н.А. Семашко о работе Народного комиссариата здравоохранения РСФСР на английском языке¹⁸⁴. Следует подчеркнуть, что этот пропагандистский материал вышел за полгода до создания отдела заграничной информации Наркомздрава РСФСР.

§ 2.3. Создание отдела зарубежной информации Наркомздрава РСФСР

На VIII съезде РКП(б), проходившем в марте 1919 г., в программе партии было признано желательным использование средств буржуазной науки и техники для строительства коммунизма¹⁸⁵. А в докладе ЦК РКП(б) на IX съезде партии в марте-апреле 1920 г. вновь отмечалось, что для строительства коммунизма «надо взять и технику, и науку и пустить ее в ход для более широких кругов, а взять ее неоткуда, кроме как от буржуазии»¹⁸⁶. Таким образом, к началу 1920-х гг. в Советской России не было идеологических барьеров для установления контактов с зарубежными учеными.

В начале 1921 г., после окончания международной блокады Советской России, началась активизация наркоматов по установлению контактов со странами Европы. При НКВД для информирования советских полпредств и иностранной прессы об успехах

¹⁸³ Афанасьев А.Л. Одиссея генерала Яхонтова: Докум. повесть / А.Л. Афанасьев, Ю.К. Баранов. – М.: Сов. Россия, 1988.

¹⁸⁴ Semashko N. The Work of the People's Commissariat of Health // *Soviet Russia*. – 1920. – Vol. III. – № 12. – P. 276–279.

¹⁸⁵ Иоффе А.Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932. – М.: Наука, 1975. – С. 83–84; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2: 1917–1922. – 9-е изд., доп и испр. – М.: Издательство политической литературы, 1983. – С. 143.

¹⁸⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2: 1917–1922. – 9-е изд., доп и испр. – М.: Издательство политической литературы, 1983. – С. 281.

развития РСФСР было организовано Информационное бюро¹⁸⁷. В это же время Научно-техническим отделом (НТО) ВСНХ (Высший совет народного хозяйства) при Экономическом представительстве РСФСР в Берлине было создано Бюро иностранной науки и техники (БИНТ)¹⁸⁸.

Советский историк медицины О.А. Александров определил истоки организационного становления международных медицинских связей советского здравоохранения в переписке начала 1921 г. между наркомом здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко и наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным. В письме Чичерина Семашко от 15 февраля 1921 г. сообщалось, что «при НКИД организовано Информационное бюро, целью которого является информирование заграничных представителей РСФСР и иностранной прессы об экономическом, политическом и культурном строительстве Республики», и предполагалось «назначить одного или двух ответственных сотрудников Ваших по сбору и передаче в Информационное бюро при Секретариате Народного Комиссара на имя Заведующего тов. Сирвинта статистических отчетов и политических обзоров Вашей работы. Материал должен исчерпывать политическую, экономическую и культурно-просветительную сторону Вашей деятельности»¹⁸⁹. Аналогичные по содержанию письма были разосланы по всем наркоматам¹⁹⁰.

В ответном письме Г.В. Чичерину от 10 марта 1921 г. Н.А. Семашко, по мнению О.А. Александрова, описал развернутую программу деятельности Наркомздрава РСФСР по

¹⁸⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.3, л.1. Письмо народному комиссару здравоохранения от народного комиссара иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина от 15.02.1921 № 11/250.

¹⁸⁸ Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – С. 54–55; Декреты Советской власти. Т. 13: 1 февраля–31 марта 1921 г. – М.: Политиздат, 1989. – С. 501–503.

¹⁸⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.3, л.1. Письмо народному комиссару здравоохранения от народного комиссара иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина от 15.02.1921 № 11/250; Александров О.А. Вклад Н.А. Семашко в развитие международного сотрудничества в области здравоохранения // Советское здравоохранение. – 1974. – № 9. – С. 19.

¹⁹⁰ Иоффе А.Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932. – М.: Наука, 1975. – С. 79.

развитию международных связей¹⁹¹. Однако мы не можем согласиться с оценкой О.А. Александрова, что этот вопрос всесторонне рассматривался руководством Наркомздрава РСФСР еще до организации информационного бюро НКВД. Документальных подтверждений этому нет, действия двух наркоматов были синхронными. Скорее, между наркоматами уже началось ведомственное противостояние, характерное для бюрократического аппарата всего советского периода. Нарком Н.А. Семашко был опытным аппаратчиком и всегда старался проводить линию ЦК ВКП(б) и Совнаркома самостоятельно, а не под патронажем других наркоматов.

В этом письме Н.А. Семашко писал: «Придавая особо важное значение делу осведомления путем иностранной и специальной медицинской прессы всех слоев населения Западной Европы и Америки о деятельности Наркомздрава и положения санитарно-медицинского дела в Советской России, что в тоже время должно способствовать рассеянию ложных слухов о Советской России, мною уже в первой половине февраля с.г. организован Отдел Заграничной Информации при Наркомздраве»¹⁹².

В функции отдела заграничной информации Наркомздрава входило:

- 1) собирать, систематизировать и обрабатывать для печати за границей материал, касающийся деятельности различных отделов Наркомздрава и его периферических органов;
- 2) следить за иностранной общей и социальной научной и врачебно-медицинской прессой, отмечая своевременно все то, что так или иначе может интересовать Наркомздрав и что в интересах Советской России требует ответа в виде специальных

¹⁹¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.3, л.3–5. Копия письма народному комиссару иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину от народного комиссара здравоохранения Н.А. Семашко от 10.03.1921 № 12.

¹⁹² Александров О.А. Вклад Н.А. Семашко в развитие международного сотрудничества в области здравоохранения // Советское здравоохранение. – 1974. – № 9. – С. 19; ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.3, л.3–5. Копия письма народному комиссару иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину от народного комиссара здравоохранения Н.А. Семашко от 10.03.1921 № 12.

статей или простого опровержения для помещения в заграничной прессе;

3) заблаговременно осведомлять Наркомздрав о предполагаемых за границей конгрессах, съездах и совещаниях по вопросам, входящим в компетенцию Наркомздрава, а также постоянно держать Наркомздрав в курсе всех выдающихся событий в научной и врачебно-медицинской жизни на Западе, могущих интересовать Наркомздрав и русские научные круги.

Кроме этого, учитывая трудности отношений с заграницей не только для отдельных лиц, но и для учреждений, на отдел была временно возложена посредническая роль между русскими и зарубежными учеными, врачами и заграничной прессой по вопросам научно-медицинского характера. Для этой цели отдел должен был заниматься получением литературы, оборудования и лекарственных препаратов из-за границы, а также содействовать помещению научных статей про советских ученых и врачей в иностранных журналах¹⁹³.

Для достижения успеха в развертывании международных медицинских связей Н.А. Семашко предлагал организацию специальной сети медико-санитарных секций или бюро при полпредствах СССР в ведущих мировых державах. По его мнению, руководителями их должны были быть лица с медицинским образованием, имеющие связи с местными учеными и врачебными кругами. «Необходимость этого вытекает из того, что деятельность отдела зарубежной информации вызовет на местах ряд специальных вопросов, разрешение которых будет не под силу общей канцелярии при наших представительствах за границей. По целому ряду вопросов потребуются справки специального медицинского характера, личные переговоры с представителями медицинской прессы, представителями врачебного мира и т.д. Кроме того, весьма важная сторона деятельности отдела заграничной информации – быть постоянно в курсе важнейших событий в области научной и практической

¹⁹³ Александров О.А. Вклад Н.А. Семашко в развитие международного сотрудничества в области здравоохранения // Советское здравоохранение. – 1974. – № 9. – С. 19–20; ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.3, л.3–5. Копия письма народному комиссару иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину от народного комиссара здравоохранения Н.А. Семашко от 10.03.1921 № 12.

медицины на Западе – требует на местах лиц со специальным образованием»¹⁹⁴. В качестве примера такого заграничного представительства Семашко привел медико-санитарную секцию при советской торговой делегации в Италии, организованную в декабре 1920 г. Ее возглавил доктор М.С. Шефтель, ставший в последствии представителем РОКК и Наркомздрава РСФСР в Италии¹⁹⁵.

В полной мере эта программа действий стала реализовываться только к середине 1920-х гг. Для быстрого развертывания зарубежных представительств Наркомздрав РСФСР не имел ни достаточных кадровых, ни финансовых ресурсов. Поэтому Н.А. Семашко вынужден был привлекать врачей, уже находящихся за границей. Ими были либо большевики-революционеры, не вернувшиеся еще из эмиграции, либо случайные люди.

По мнению С. Соломон, распоряжение об отделе заграничной информации Наркомздрава РСФСР было подписано наркомом Н.А. Семашко в марте 1920 г., когда Гражданская война еще не была завершена¹⁹⁶. Но изучение архивных документов Наркомздрава РСФСР показывает, что дата создания отдела заграничной информации в 1920 г. является ошибочной. Действительно, в фонде Наркомздрава РСФСР в ГАРФ в личном деле И.П. Калины (Ф.А482, оп. 42, д.2506) хранится копия распоряжения Наркомздрава РСФСР № 208 с написанной от руки датой «14 марта 1920 г.» о назначении И.П. Калины заведующим отделом заграничной информации, правда лишь с 7 фев-

¹⁹⁴ Александров О.А. Вклад Н.А. Семашко в развитие международного сотрудничества в области здравоохранения // Советское здравоохранение. – 1974. – № 9. – С. 20; ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.3, л.3–5. Копия письма народному комиссару иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину от народного комиссара здравоохранения Н.А. Семашко от 10.03.1921 № 12.

¹⁹⁵ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.5, д.45, л.13. Письмо секретарь медико-санитарной секции экономической делегации РСФСР в Италии М.С. Шефтеля З.П. Соловьеву от 23.12.1921.

¹⁹⁶ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960 / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 194; Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 242.

раля 1921 г.¹⁹⁷ И на следующем документе в деле, заявлении И.П. Калины наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко о зачислении на службу в комиссариат здравоохранения, имеется резолюция наркома: «Зачислить завед. Отд. Загран. Инф-ции. 7/II 21 Н. Семашко»¹⁹⁸. Этот, а также остальные документы в фондах Наркомздрава РСФСР доказывают, что дата 1920 г. является опиской при составлении копии документа, и отдел заграничной информации был создан в 1921 г. Но какую же дату считать началом работы отдела? Скорее всего, 7 февраля 1921 г., когда на работу был принят его первый заведующий. Тем более, что в последующих документах о работе отдела заграничной информации указывалась именно дата 7 февраля 1921 г.¹⁹⁹.

Также мы не можем согласиться с С. Соломон, когда она называет отдел заграничной информации «первым большевистским правительственным агентством по сбору и распространению информации за границей»²⁰⁰. Переписка Н.А. Семашко и Г.В. Чичерина в феврале 1921 г. показывает, что создание отдела заграничной информации было частью более широкого межведомственного процесса, начавшегося в Советской России. Например, еще в сентябре 1920 г. профессора А.А. Эйхенвальд и Н.М. Федоровский создали Бюро иностранной науки и техники (БИНТ) научно-технического отдела ВСНХ при экономическом представительстве РСФСР в Германии²⁰¹. Одновременно с представительством Наркомздрава РСФСР в Германии в начале

¹⁹⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.42, д.2506, л.4. Копия распоряжения Наркомздрава РСФСР № 208 от 14.03.1920.

¹⁹⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.42, д.2506, л.5. Заявление И.П. Калины наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.4, л.166–167. Краткая записка здравоохранения РСФСР о деятельности отдела заграничной информации НКЗ за время с 7/II по 12/IV 1921 года от 14.04.1921 № 123.

²⁰⁰ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 194; Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 242.

²⁰¹ Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): Сборник документов. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. – С. 377.

1921 г. было создано представительство Наркомпроса в Берлине, которое в 1921–1924 гг. возглавил З.Г. Гринберг. Последнему было поручено организовать составление для Советской России библиографии немецких научных трудов (в том числе по медицине), опубликованных с начала Первой мировой войны²⁰².

Цели работы отдела заграничной информации Н.А. Семашко коротко сформулировал в письме в диппредставительство РСФСР в Германии: «информация Запада о деятельности Наркомздрава РСФСР, наблюдение за научной и врачебной жизнью Запада, и посредничество между русским научным миром и соответствующими кругами за границей»²⁰³. Следует обратить внимание на то, что первоначально деятельность отдела заграничной информации нарком ограничивал исключительно странами «Запада», то есть Западной Европы и Северной Америки. Восточное направление в работе отдела появилось только через несколько лет.

В 1923 г. заведующий отделом заграничной информации И.П. Калина писал, что необходимость создания отдела при Наркомздраве РСФСР в феврале 1921 г. была следствием «прекращения блокады и изменения политической ориентации западноевропейских государств к Рабоче-Крестьянской Республике», благодаря чему у Наркомздрава РСФСР возникла возможность установления международных связей для решения ряда задач политически-организационного и научно-медицинского характера²⁰⁴. Канадская исследовательница С. Соломон также считает причины создания отдела заграничной информации очевидными: прорыв международной изоляции после Первой мировой войны и революции, а также выход советской медицины и здравоохранения на международную арену²⁰⁵. При этом она отмечает,

²⁰² Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – С. 35, 43–44.

²⁰³ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.4–4об. Копия письма представителю РСФСР в Германии от заведующего отдела заграничной информации от 24.06.1921 № 6 (секретно).

²⁰⁴ Калина И.П. Сношения с врачебно-санитарными учреждениями и организациями за границей // Пять лет советской медицины: 1918–1923. – М.: НКЗ, 1923. – С. 33.

²⁰⁵ Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 242–243.

что практика сбора информации за рубежом для формирования внутренней повестки и положительного внешнеполитического имиджа была характерна для многих европейских стран того периода²⁰⁶.

Первым заведующим отделом заграничной информации Наркомздрава РСФСР был назначен недавно вернувшийся из Германии доктор И. Эйзенбух, хорошо зарекомендовавший себя во время работы в Бюро военнопленных и после возвращения из эмиграции в Советскую Россию сменивший имя на Игнатия Петровича Калину²⁰⁷. Помощником заведующего отдела был назначен несколько лет проработавший в Италии профессор Константин Николаевич Кржишковский – доктор медицины, профессор кафедры физиологии Ярославского и Петербургского университетов, ученик И.П. Павлова²⁰⁸.

Решения об организации представительств Наркомздрава РСФСР за границей принимались, учитывая политический момент и возможности каждой страны²⁰⁹. В 1921 г. представительства Наркомздрава осуществляли свою деятельность в Германии, Англии, США и Швейцарии. Представителем Наркомздрава РСФСР в Германии стал уже упоминавшийся выше заведующий санитарным отделом Бюро военнопленных доктор С.Ф. Вербов. Интересы Наркомздрава РСФСР в Швейцарии представлял старый революционер и представитель РОКК в данной стране доктор С.Ю. Багоцкий (на этой должности с октября 1918 г.), до этого много лет проживший в эмиграции²¹⁰. Представительство Наркомздрава РСФСР в США возглавил М.И. Михайловский – русский врач, переехавший в Нью-Йорк в 1895 г. и ранее возглавлявший Американский комитет помощи России (*American Committee for Relief in Russia*). В Англии поручения Наркомз-

²⁰⁶ Там же. – Р. 243.

²⁰⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.41, д.1355, л.1–11. Личное дело Калины Игнатия Петровича.

²⁰⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.42, д.2506, л.3. Служебная записка управляющего делами Наркомздрава РСФСР НГ. Фрейберга в тарифно-расценочную комиссию Наркомздрава № А1624 от 15.03.1924.

²⁰⁹ Калина И.П. Сношения с врачебно-санитарными учреждениями и организациями за границей // Пять лет советской медицины: 1918–1923. – М.: НКЗ, 1923. – С. 33.

²¹⁰ Арунин М.И. С.Ю. Багоцкий – врач, революционер и общественный деятель // Советское здравоохранение. – 1970. – № 5. – С. 65–70.

драва РСФСР выполняла представитель РОКК в Великобритании В.Н. Половцева, не имевшая медицинского образования. В остальных странах Наркомздрав РСФСР свои запросы направлял советским полпредам. В 1921 г. были утверждены типовые штаты зарубежного представительства Наркомздрава РСФСР в составе главы миссии, секретаря и машинистки²¹¹.

Одним из первых шагов работы зарубежных представительств Наркомздрава РСФСР был сбор актуальной информации из медицинской печати (книг и периодики)²¹². Фактически эта деятельность стала продолжением работы научной комиссии представительства РОКК в Швейцарии, которая составляла рефераты из зарубежной прессы по различным медицинским проблемам и направляла их в Наркомздрав РСФСР²¹³. В 1920 г. к этой работе присоединилась медико-санитарная секция при советской торговой делегации в Италии. Получается, что эта работа началась еще задолго до образования отдела заграничной информации.

Наркомздрав РСФСР также организовал снабжение литературой Центральной медицинской библиотеки, медицинских факультетов университетов, отделов Наркомздрава РСФСР и научно-медицинских институтов. Для этих учреждений выписывались периодические издания и книги по всем отраслям медицины за последние годы на немецком, французском, английском, итальянском и других языках. Только представительство в Германии получило от Наркомздрава РСФСР в 1922 г. 175 000 марок на эти цели. Особое внимание уделялось литературе по социальной гигиене, социальным болезням, санитарно-противоэпидемическому и лечебному делу²¹⁴. Кроме того, Наркомздрав

²¹¹ Solomon S. G. A Matter of "Reach": Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 262.

²¹² Там же. – P. 243.

²¹³ Иоффе А.Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932. – М.: Наука, 1975. – С. 48–49.

²¹⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.79–79об. Письмо заведующего отдела заграничной информации Наркомздрава РСФСР И.П. Калины представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 21.12.1922 № 1111 (лично, конфиденциально).

РСФСР получал из разных стран значительные пожертвования в виде книг, инструментов и медикаментов²¹⁵.

С. Соломон обращает внимание на доступность для современных исследователей только источников о сборе зарубежными представительствами Наркомздрава РСФСР сведений из открытых источников²¹⁶. Вопрос о разведдеятельности сотрудников Наркомздрава РСФСР за границей и получении ими секретных данных пока остается открытым. Тем не менее, косвенные свидетельства о такой работе представительств Наркомздрава РСФСР имеются. Например, полиция европейских стран следила за деятельностью представительств Наркомздрава РСФСР, хотя и гораздо меньше, чем за работниками советских диппредставительств и Народного комиссариата внешней торговли²¹⁷.

К 1923 г. отделом заграничной информации Наркомздрава РСФСР была установлена связь с Германией, Италией, Швейцарией, Северо-Американскими Соединенными Штатами, Англией, Австрией, Бельгией, Швецией, Норвегией, Чехословакией, Польшей, Эстонией, Латвией, Литвой и другими странами.

Со всеми этими государствами был устроен обмен официальными бюллетенями о ходе инфекционных болезней, а с некоторыми из них также обмен медицинскими изданиями. Независимо от данного обмена, Наркомздрав РСФСР регулярно направлял различные медицинские издания заграничным государственным органам здравоохранения, медицинским учреждениям и редакциям для отзывов и реферирования²¹⁸.

С начала 1921 г., то есть после создания отдела заграничной информации, Наркомздрав РСФСР начинает помещать как в общей, так и в специальной печати в разных странах Европы и Америки ряд статей-очерков на немецком, французском, английском и русском языках, рисующих организацию здравоохранения.

²¹⁵ Калина И. П. Сношения с врачебно-санитарными учреждениями и организациями за границей // Пять лет советской медицины: 1918–1923. – М.: НКЗ, 1923. – С. 34.

²¹⁶ Solomon S. G. A Matter of "Reach": Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 243.

²¹⁷ Там же. – P. 243–244.

²¹⁸ Калина И. П. Сношения с врачебно-санитарными учреждениями и организациями за границей // Пять лет советской медицины: 1918–1923. – М.: НКЗ, 1923. – С. 34.

ранения и принципы советской медицины как результат Октябрьской революции и нового подхода к медико-санитарному делу. Большевики преувеличивали результаты этой пропагандистской компании, считая, что идея объединения всего дела здравоохранения в государственном масштабе в одних руках, реализованная после пролетарской революции в Советской России, сыграла определенную роль при создании министерств здравоохранения в некоторых странах Западной Европы²¹⁹. Такие министерства действительно создавались, но были, скорее, следствием Первой мировой войны, когда страны-участники конфликта столкнулись с проблемой здоровья призывников²²⁰.

Еще одним направлением публикационной активности отдела заграничной информации стало создание положительного образа советской медицины, изрядно подпорченного в годы военного коммунизма. Наркомздрав РСФСР активно размещал в европейской медицинской и общеполитической прессе материалы, опровергавшие сообщения о якобы замершей научной медицинской мысли в РСФСР, а также свидетельствовавшие об усилиях советского правительства по нормализации деятельности научно-медицинских учреждений и их работников, несмотря на трудности переживаемого страной момента²²¹. С. Соломон делает предположение, что большая часть распространяемых за границей материалов о советском здравоохранении первоначально была напечатана в Советской России на русском языке, что из-за языкового барьера делало их недоступными для иностранных читателей²²².

Здравоохранение в СССР строилось в соответствии с принципами нового социалистического общества, и представители СССР пытались завоевать симпатии за рубежом, когда писали

²¹⁹ Там же. – С. 33.

²²⁰ Porter D. *Health, Civilization and the State: A History of Public Health from Ancient to Modern Times*. Health, Civilization and the State. – London; New York: Routledge, 1999. – P. 179–180.

²²¹ Калина И.П. Сношения с врачебно-санитарными учреждениями и организациями за границей // Пять лет советской медицины: 1918–1923. – М.: НКЗ, 1923. – С. 34.

²²² Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 243.

или говорили о «новой советской медицине». Таким образом, освещение советского здравоохранения за рубежом всегда было связано и с политической системой. Кроме того, советские врачи были очень заинтересованы в публикации статей в немецкой медицинской прессе, чтобы возобновить обмен мнениями в области науки²²³.

В первое время после Октябрьской революции 1917 г. за рубежом было мало новостей о Советской России. В Веймарской республике могли лишь довольствоваться скудной информацией от зарубежных коллег. Например, в 1920 г. в «Немецком медицинском еженедельнике» появилась статья прозектора и члена Рижской городской санитарной комиссии Романа Адельхейма (*Roman Adelheim*), в которой он сообщал об эпидемии сыпного тифа 1919 г. и не скрывал своего неодобрения в отношении большевиков, обвиняя их в хаосе в Латвии и в самой вспышке эпидемии²²⁴. Немного позднее в двух крупнейших медицинских журналах Германии, «Немецком медицинском еженедельнике» («*Deutsche Medizinische Wochenschrift*») и «Мюнхенском медицинском еженедельнике» («*Münchener Medizinische Wochenschrift*»), публиковались отчеты немецких врачей о путешествии в СССР в рамках экспедиции Красного Креста по оказанию помощи голодающим в Поволжье²²⁵.

В качестве примера действий, использовавшихся Наркомздравом РСФСР для формирования положительного образа Советской России за границей, приведем статьи Х. Геста. В мае 1920 г. Советскую Россию посетила британская делегация рабочих, врачом и секретарем которой был Хейден Гест (*Haden Guest*). Во время визита последний встретился с наркомом здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко. Свои впечатления о поездке Х. Гест изложил в серии вполне благожелательных к Советской

²²³ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 112.

²²⁴ Adelheim R. Die Fleckfieberepidemie in Riga im Jahre 1919 unter der Bolschewistenherrschaft // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1920. – T. 46. – № 39. – S. 1085–1086.

²²⁵ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 112–113.

России статей в авторитетном британском медицинском журнале «*Lancet*» осенью 1920 г.²²⁶. В заключении Х. Гест сделал вывод, что Советская Россия до сих пор не преодолела последствия Гражданской войны, а эпидемические болезни продолжают угрожать населению молодой республики, призвав помочь России с поставками мыла, медикаментов и дезинфектантов, так как иначе эти болезни могут перекинуться в страны Западной Европы. Гест писал, что только по этой причине России необходима помощь, но не путем навязывания другой системы правления, а скорее путем оказания медицинской помощи²²⁷.

Реакция на статью Х. Геста в Советской России была не совсем обычной. Перевод статьи был опубликован в «Голландском медицинском журнале» («*Nederlandsch Tijdschrift voor Geneskunde*»), а перевод с голландского появился в ноябре 1920 г. в немецком журнале «*Deutsche Medizinische Wochenschrift*» («Немецкий медицинский еженедельник»)²²⁸. В результате многократных переводов содержание статьи изменилось в сторону сгущения красок. И именно о публикации в немецком издании стало известно в Москве.

Нарком Н.А. Семашко 12 февраля 1921 г. написал письмо в редакцию «Немецкого медицинского еженедельника». Основная претензия Семашко заключалась в том, что статья доктора Геста была частично искажена при переводе. Однако, эта ответная статья за авторством наркома Н.А. Семашко в «Немецком медицинском еженедельнике» была опубликована только через полгода – в июне 1921 г.²²⁹. В ней нарком пытался убедить немецкую аудиторию, что со здравоохранением в России «дело не так безнадежно плохо», хотя страна и отчаянно нуждается

²²⁶ Guest L.H. Public Health in Soviet Russia // *The Lancet*. – 1920. – Vol. 196. – № 5063. – P. 566–568; Guest L.H. Public Health in Soviet Russia // *The Lancet*. – 1920. – Vol. 196. – № 5062. – P. 518–519; Guest L.H. Public Health in Soviet Russia // *The Lancet*. – 1920. – Vol. 196. – № 5064. – P. 617–620; Guest L.H. Public Health in Soviet Russia // *The Lancet*. – 1920. – Vol. 196. – № 5065. – P. 661–663.

²²⁷ Guest L.H. Public Health in Soviet Russia // *The Lancet*. – 1920. – Vol. 196. – № 5065. – P. 663.

²²⁸ Die Gesundheitsverhältnisse in Sowjet-Rußland // *Deutsche Medizinische Wochenschrift*. – 1920. – Т. 46. – № 48. – S. 1339–1340.

²²⁹ Винтер К. Роль Н.А. Семашко в развитии германо-советских отношений в области медицины // *Советское здравоохранение*. – 1975. – № 7. – С. 77–81.

в «лекарствах, инструментах, даже самых элементарных вещах, которые могут сохранить здоровье, таких как мыло, одежда, обувь и еда». И эти беды Н.А. Семашко считал исключительно «последствиями империалистической войны, Гражданской войны и блокады»²³⁰. При этом нарком особо подчеркнул один из принципов советского здравоохранения – оказание бесплатной и доступной медицинской помощи трудящимся и беднейшим слоям населения²³¹.

Н.А. Семашко посчитал своим долгом обратиться к врачам западноевропейских стран и к редакциям медицинских журналов:

*«Было бы очень печально, если бы мы, российские врачи и медработники, вместо объективных суждений и помощи нашим больным (в том числе детям) получали бы в ответ от наших коллег и от западных медицинских журналов только политические страсти, которые играют на руку тем, кто выступает за блокаду. Медицинская наука интернациональна. Все те, кто работает в медицине, должны служить не разделению народов, а их объединению, а также способствовать не их угнетению, а их процветанию»*²³².

Публикация опровержения через полгода после выхода материала может объясняться как трудностями доставки иностранной прессы в Советской России, так и задержкой со стороны редакции²³³. Скорее всего, редакция «Немецкого медицинского еженедельника» сомневалась, стоит ли публиковать этот явно просоветский материал, так как в то время большинство публикаций в немецких медицинских журналах носило

²³⁰ Semaschko N. Die Gesundheitsverhältnisse in Sowjet-Rußland // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1921. – Т. 47. – № 25. – С. 720–720.

²³¹ Александров О.А. Вклад Н.А. Семашко в развитие международного сотрудничества в области здравоохранения // Советское здравоохранение. – 1974. – № 9. – С. 21.

²³² Semaschko N. Die Gesundheitsverhältnisse in Sowjet-Rußland // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1921. – Т. 47. – № 25. – С. 720–720; Karbe C.-H. Veröffentlichungen N.A. Semaškos in Deutschland über das sowjetische Gesundheitswesen // NTM Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin. – 1968. – Vol. 5. – № 11. – С. 79–92.

²³³ Karbe C.-H. Veröffentlichungen N.A. Semaškos in Deutschland über das sowjetische Gesundheitswesen // NTM Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin. – 1968. – Vol. 5. – № 11. – С. 79–92.

антикоммунистический характер. В сноске редакция поставила под сомнение правдивость описанного Семашко: «Мы опубликовали это письмо из соображений лояльности, не имея возможности в полной мере судить о том, насколько содержащиеся в нем заявления полностью соответствуют действительности (прим. ред.)»²³⁴.

Также редакция «Немецкого медицинского еженедельника» «уравновесила» статью Н. А. Семашко, опубликовав статью врача Й. П. цум Буша (*J.P. zum Busch*)²³⁵. Это был своего рода комментарий к публикации Н. А. Семашко, причем статья Буша носила антикоммунистический характер, как и многие другие публикации в немецких медицинских журналах. По словам Буша, вся система больниц была национализирована, что создало множество бюрократических проволочек, на которые впустую тратилось огромное количество времени. Во главе администраций были поставлены молодые и некомпетентные врачи-коммунисты. Ответная статья этого врача ясно показывает предрассудки немцев против национализированной системы здравоохранения. «Государственная медицина» приравнивалась к некомпетентности и лишней бюрократии, поэтому многие были решительно настроены против нее²³⁶.

Немецкие врачи не всегда непредвзято реагировали на публикации своих советских коллег. Они скорее относились к ним с недоверием и сомневались в правдивости утверждений авторов из СССР. Многие немецкие врачи отвергали политическое устройство СССР и возлагали на новое руководство страны ответственность за любые неполадки и нарушения²³⁷.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Busch J.P. zum. Die Gesundheitsverhältnisse in Sowjet-Rußland // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1921. – Vol. 47. – № 32. – S. 934.

²³⁶ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 113.

²³⁷ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 112.

§ 2.4. Организация берлинского представительства Наркомздрава в 1921 г.

С. Соломон называет датой создания представительства Наркомздрава РСФСР в Германии август 1921 г., однако, как видно из предыдущих параграфов, фактически сотрудники, получавшие задания от Наркомздрава РСФСР и работавшие в Берлине, появились еще в 1920 г. на базе Бюро военнопленных. Как правило, это были врачи, проживавшие в тот момент в Германии, а не направленные непосредственно из Москвы. Подбор медицинского персонала проводил не Наркомздрав РСФСР, а полпредство в Германии по согласованию с ОГПУ. Тем не менее, в основном это были случайные люди, не подходившие для этой работы как по организаторским навыкам, так и по своим политическим взглядам. Предшественник С.Ф. Вербов в Бюро военнопленных был уволен из-за аферы с обеспечением бельем лагерей для военнопленных. Система рекомендаций старых большевиков работала тоже не всегда. Сестра Л.Д. Троцкого, О.Д. Каменева, в будущем руководитель ВОКС, будучи проездом в Берлине, провела на должность секретаря представителя Наркомздрава РСФСР в Германии молодого врача из семьи старых эмигрантов. Но вскоре этот молодой человек был уволен, когда выяснилось, что он пытался повернуть махинации при закупке медикаментов для Народного комиссариата внешней торговли у немецких фармацевтических компаний²³⁸.

Официально представительство Наркомздрава РСФСР в Германии было образовано в мае 1921 г., по поводу чего в советское полпредство в Берлине было направлено письмо²³⁹. После формального перехода из Бюро военнопленных в представительство Наркомздрава РСФСР в Германии С.Ф. Вербов запросил ставки секретариата и расходы для найма жилья, разъездов и пр. Но заведующий отделом заграничной информации ответил, что цель представительства – не сбор большого объема информации при

²³⁸ Вербов С.Ф. Люди, пути и тропы: (Клуб заштат. интеллигентов). – Париж: Б.И., 1970. – С. 426.

²³⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.4–4об. Копия письма представителю РСФСР в Германии от заведующего отдела заграничной информации от 24.06.1921 № 6 (секретно).

помощи значительного бюрократического аппарата, а «непосредственные и личные сношения с местным научным и врачебным миром (...) лица с соответствующим медицинским цензом»²⁴⁰. При этом за пример работы зарубежного представительства Наркомздрава РСФСР была взята деятельность военных и других атташе старого режима.

В этом заведующий отделом заграничной информации Наркомздрава РСФСР доктор И.П. Калина фактически описал программу действий представительства, расставив акценты и приоритеты. Наркомздрав РСФСР интересовали только медицинские конгрессы международного характера, немецким врачам предписывалось предоставлять исключительно официальную информацию Наркомздрава РСФСР. Москве также были необходимы списки новой литературы, медикаментов и медицинского оборудования. Реферативная работа к этому времени была централизована, со слов И.П. Калины, в «Медицинском реферативном журнале», поэтому представительство от неё освобождалось. Плановая работа на долгосрочную перспективу в представительстве полностью исключалась, Калина писал Вербову: «для нас надо лишь то, что непосредственно может быть нами использовано немедленно, например данные о международных конгрессах, выдающихся докладах по научным и практическим вопросам и т.п.»²⁴¹. Также отдел заграничной информации считал необходимым направление в Наркомздрав РСФСР заметок о советском здравоохранении и медицине в немецкой прессе.

К лету 1921 г. С.Ф. Вербов втянулся в текущую работу представителя Наркомздрава РСФСР. Он завязывал знакомства с немецкой профессурой и издателями медицинских журналов, «пристраивал» в эти журналы статьи советских врачей и выполнял другие текущие поручения Наркомздрава РСФСР. В Берлине начал регулярно выходить информационный бюллетень предста-

²⁴⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.2. Копия письма представителю Наркомздрава при Представительстве РСФСР в Германии С.Ф. Вербову от заведующего отдела заграничной информации от 24.06.1921 № 5 (секретно).

²⁴¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.2–3об. Копия письма представителю Наркомздрава при Представительстве РСФСР в Германии С.Ф. Вербову от заведующего отдела заграничной информации от 24.06.1921 № 5 (секретно).

вительства Наркомздрава РСФСР²⁴². Вместе с тем Вербов больше года не был в Советской России и не мог из первых рук донести до немцев актуальную информацию об изменениях в советском здравоохранении.

О причинах увольнения с должности представителя Наркомздрава РСФСР С.Ф. Вербова летом 1920 г. мы можем судить по его воспоминаниям, опубликованным в Париже в 1970 г. Он пишет, что у него в полпредстве была репутация «известного контрреволюционера», и когда его пригласили в Москву занять важный пост, он принял решение не возвращаться и стать эмигрантом²⁴³. Новым представителем Наркомздрава РСФСР в Германии с сентября 1921 г. стал Яков Рафаилович Гольденберг (1876–1935)²⁴⁴.

Гольденберг провел в эмиграции во Франции и Германии 14 лет. В середине 1921 г. он работал редактором просоветской берлинской газеты «Новый мир». После он приехал в Москву для участия в 3-м конгрессе Коммунистического интернационала в июне-июле 1921 г. После окончания конгресса Гольденберг направился на постоянную работу в Берлин по линии Коминтерна, а Семашко предложил ему также стать представителем Наркомздрава РСФСР в Веймарской республике. Гольденберг соответствовал основным критериям, определенным самим Семашко для кандидатов на эту должность: был врачом, партийцем со стажем (хотя и не членом РКП(б), а СДКПиЛ), знал немецкий и французский языки.

О Я.Р. Гольденберге известно немного. Фактически первым исследователем его биографии стала С. Соломон, изучавшая фонды Наркомздрава РСФСР в ГА РФ²⁴⁵. Она называет Я.Р. Голь-

²⁴² Иоффе А.Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932. – М.: Наука, 1975. – С. 83; Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – С. 106.

²⁴³ Вербов С.Ф. Люди, пути и тропы: (Клуб заштат. интеллигентов). – Париж: Б.И., 1970. – С. 428.

²⁴⁴ Рубакин А.Н. Международные связи советской медицины // История медицины СССР / ред. Б.Д. Петров. – М.: Медицина, 1964. – С. 30.

²⁴⁵ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960 / ed. S. Grant. – Cham:

денберга «старостой» глав зарубежных представительств Наркомздрава РСФСР, поскольку берлинское представительство занимало центральное положение – через него осуществлялась связь с Парижской и Нью-Йоркской миссиями, а сам Гольденберг консультировал недавно назначенных коллег²⁴⁶.

Одним из немногих документов личного характера о Я.Р. Гольденберге, который нам удалось обнаружить в Архиве Национального НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко, стала рукопись выступления или заметки Н.А. Семашко, составленная, видимо, после смерти Гольденберга²⁴⁷. В этом документе Н.А. Семашко описал главную задачу, которую он поставил перед Я.Р. Гольденбергом, а именно противопоставить «потоку лжи и клеветы» эмигрантов о советском государстве «действительную картину истинного положения дел у нас»²⁴⁸. Семашко назвал эту работу «правильной постановкой заграничной информации»²⁴⁹. Таким образом, после окончания братоубийственной Гражданской войны в 1921 г. зарубежным представителям наркоматов было необходимо создать положительный образ Советской России.

20 сентября 1921 г. Я.Р. Гольденберг стал представителем Наркомздрава РСФСР и Коминтерна в Берлине²⁵⁰. На должность своего секретаря он пригласил доктора Александра Васильевича Бингера (1885-?). С согласия немецких властей

Springer International Publishing, 2017. – P. 193–216; Solomon S. G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 231–268.

²⁴⁶ Solomon S. G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 246.

²⁴⁷ Архив Национального НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко. Фонд Н.А. Семашко. Рукопись Н.А. Семашко «Стиль работы Я.Р. Гольденберга».

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Solomon S. G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 246; ГАРФ. Ф.А482, оп.41, д.769, л.20–21об. Личное дело Гольденберга Якова Рафаиловича.

представительство Наркомздрава РСФСР в Берлине располагалось в районе, который немецкий историк Карл Шлегель назвал «архипелагом» советского посольства²⁵¹. Первоначально представительство Наркомздрава РСФСР в Германии располагалось в здании представительства Наркомвнешторга СССР в Берлине по адресу Литценбургерштрассе, д.11 (*Lietzenburger Straße*, 11) в западной части Берлина. Но в феврале представители НКВТ предложили миссии Наркомздрава РСФСР освободить это помещение и арендовать помещение в частном доме на (Альте Якобштрассе) *Alte Jakobstraße*. Наркомздрав РСФСР сначала согласился с этим предложением, но потом, указав на «политически-секретный» характер работы представительства Наркомздрава РСФСР в Германии, попросил все же оставить его в одном из зданий торгпредства²⁵². В дальнейшем представительство много раз меняло свой адрес в Берлине.

Текущая работа представительства включала поиск и направление в Советскую Россию необходимой литературы, ответы на запросы различных советских ведомств, подготовку визитов ученых-медиков, наведение справок о врачах в части их известности в научном мире и политических взглядов, помощь в оформлении виз, вопросы, связанные с покупкой медицинского оборудования и медикаментов, а также то, что С. Соломон назвала «бюро газетных вырезок» (*«clipping service»*). Дело в том, что представительство собирало в немецкой прессе сведения о Советской России²⁵³.

Гольденберг до перехода на работу в представительство Наркомздрава РСФСР в Германии работал в русскоязычной берлинской прокоммунистической газете «Новый мир», выходившей в 1921–1922 гг. Тогда Гольденберг использовал это

²⁵¹ Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 245.

²⁵² ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.181. Копия письма наркома здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко представителю Наркомвнешторга в Берлине Б.С. Стомоньякову от 21.02.1924 № 20с (секретно).

²⁵³ Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 245.

периодическое издание для пропаганды советского здравоохранения. Например, в 1921 г. в «Новом мире» были опубликованы статья «Врачебная помощь рабочим» и разъяснение наркома Н.А. Семашко о санитарном состоянии Петрограда²⁵⁴.

«Новый мир» был первым просоветским русскоязычным изданием в Берлине. Оно издавалось советским полпредством на деньги, поступавшие из Москвы, и отличалось крайней нетерпимостью по отношению к представителям эмиграции. По мнению российского исследователя Е. Деменка, неэффективность такого подхода очень скоро стала очевидной для советских властей, и в апреле 1922 года «Новый мир» был закрыт²⁵⁵. Гольденберг был вынужден также искать новую площадку для наркомздоровской пропаганды.

Через полтора месяца после своего приезда в Берлин, 3 ноября 1921 г., Я.Р. Гольденберг предложил Наркомздраву РСФСР проводить свою культурную пропаганду не через личную инициативу официальных представителей Москвы, а посредством создания за границей «Общества друзей русской науки с различными секциями (по медицине, естествознанию, истории и др.)»²⁵⁶. Он считал, что «развивать работу общества надо под покровительством известных литераторов, ученых и общественных деятелей»²⁵⁷. Гольденберг назвал несколько имен, например, А. Франса (*Anatole France*), А. Барбюса (*Henri Barbusse*), А. Эйнштейна (*Albert Einstein*), Э. Фукса (*Eduard Fuchs*) и некоторых других²⁵⁸. После получения принципиального согласия из Москвы Гольденберг планировал создание в Берлине, Париже и других городах инициативных групп, которые должны были действовать от своего имени (а не от имени советских представи-

²⁵⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.11, л.28. Письмо представителя Наркомздрав РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга заведующему отделом заграничной информации Наркомздрав от 02.09.1921 № 442.

²⁵⁵ Деменок Е.Л. Новые миры // Новый мир. – 2016. – № 3. – С. 165–177.

²⁵⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.8. Письмо представителя Наркомздрав РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу заведующему отдела заграничной информации Наркомздрав РСФСР И.П. Калине от 03.11.1921 № 614 (секретно).

²⁵⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.9..

²⁵⁸ Там же.

телей). Гольденберг выбрал центром этой работы Берлин, но не свое представительство.

Общий патронаж над обществом Гольденберг предлагал возложить на Народный комиссариат просвещения (с согласия наркома А.В. Луначарского), а за Наркомздравом оставить медицинскую секцию. В данном случае Гольденберг действовал одновременно как представитель Коминтерна и Наркомздрава в Берлине, а свои идеи доносил до обоих патронов в Москве²⁵⁹. Но для заведующего отделом заграничной информации Наркомздрава РСФСР это была слишком смелая инициатива. Калина несколько раз обсуждал с Н.А. Семашко идею «Общества друзей русской науки», но с наркомом просвещения по причине болезни А.В. Луначарского ему связаться не удалось. Тем не менее, в декабре 1921 г., не дожидаясь ответа А.В. Луначарского, Я.Р. Гольденберг получил отмашку из Наркомздрава РСФСР приступить к проведению подготовительных мероприятий по этому вопросу, однако без официального участия в этих обществах (то есть не в качестве представителя Наркомздрава)²⁶⁰.

В отечественной и зарубежной литературе создание «Общества друзей новой России» («*Gesellschaft der Freunde des Neuen Russland*») относят к 1 июля 1923 г., отмечая роль Коминтерна²⁶¹. Но анализ архивных фондов Наркомздрава РСФСР показывает, что истоки организации этого общества относятся к концу 1921 г. Кроме того, определённую роль в создании этого общества сыграл представитель Наркомздрава РСФСР в Германии, одновременно тесно связанный с Коминтерном.

Первоначальной задачей при организации представительства Наркомздрава РСФСР в Германии было восстановление информационной и научной связи в области здравоохранения между РСФСР и Германией. Однако начавшийся в Советской

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.15–15об. Копия письма заведующего отдела заграничной информации Наркомздрава И.П. Калины представителю Наркомздрава в Германии Я.Р. Гольденбергу от 13.12.1921 № 1049 (секретно).

²⁶¹ Гладышева В.А. Предыстория создания общества германо-советской дружбы как отражение развития взаимоотношений между странами // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 2(44) Часть 1. – С. 93–96; Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – С. 117–118.

России в 1921 г. голод заставил зарубежные представительства бросить все силы на помощь голодающим и ликвидацию последствий голода²⁶². Представительство Наркомздрава РСФСР в Берлине совместно с представительством РОКК (уполномоченный – С.И. Братман-Бродовский) проводило в Германии обширную кампанию по привлечению гуманитарной и медицинской помощи пострадавшим от голода районам Советской России. В результате этой деятельности Правительство Германии выделило 10 млн. марок для медицинской помощи населению молодого советского государства и организации экспедиции²⁶³.

В 1921–1924 гг. в Советской России работала миссия Германского Красного Креста для оказания помощи голодающим. Министерство иностранных дел Веймарской республики, вероятно, руководствовалось не только альтруистическими соображениями или желанием предотвратить распространение эпидемий, но и конкретными внешнеполитическими интересами. Гуманитарная помощь населению Советской России служила сигналом того, что Германия готова к сближению с Востоком в вопросах культурной и торговой политики²⁶⁴. Представители Веймарской республики, воспользовавшись своим пребыванием в Москве, также стали продвигать коммерческие интересы и интересы своей национальной науки в молодой советской республике²⁶⁵. Немецкий историк В. Эккарт отмечает, что эта помощь населению Советской России оказывалась не столько из альтруистических соображений, сколько в целях ведения разведывательной

²⁶² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.702, л.170–180; Общий обзор деятельности Представительства Наркомздрава за 5-летний период. Егорышева И.В. Борьба с голодом в России и СССР и участие в ней Красного Креста / И.В. Егорышева // Советское здравоохранение. – 1973. – № 12. – С. 65–69.

²⁶³ Рихтер И. Медицина и политика в германо-советских отношениях в 20-е годы // Советское здравоохранение. – 1990. – № 11. – С. 69–71.

²⁶⁴ Eckart W.U. Medizin und auswärtige Kulturpolitik der Republik von Weimar – Deutschland und die Sowjetunion 1920–1932 // Medizin in Geschichte und Gesellschaft. – 1993. – № 11. – S. 105–142.

²⁶⁵ Weindling P. German overtures to Russia, 1919–1925: Between racial expansion and national coexistence / P. Weindling // Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 38; Weindling P.J. Epidemics and genocide in Eastern Europe 1890–1945 / P.J. Weindling. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. – P. 179.

деятельности и шпионажа на территории страны, которая во всем остальном оставалась закрытой для Запада²⁶⁶.

В сентябре 1921 г. в Ленинград прибыла экспедиция Германского Красного Креста, которой руководил гамбургский специалист по тропическим болезням и малярии Петер Мюленс (*Peter Mühlens*, 1874–1943 гг.). В это же время в Москве под руководством участника экспедиции Хайнца Цейсса (*Heinrich «Heinz» Zeiss*, 1888–1949), также связанного с Гамбургским институтом тропической медицины, была создана Центральная бактериологическая лаборатория Германского Красного Креста²⁶⁷. В сентябре 1921 г. П. Мюленс отправил из Советской России письмо редакторам и издателям основных немецких медицинских журналов с грифом «строго конфиденциально», в котором написал, что «в течение семи лет россияне не имели почти никакого доступа к немецкой литературе. Англичане, французы и американцы уже начинают вести здесь пропаганду, бесплатно распространяя свои журналы. Необходимо, чтобы Германия срочно занялась тем же самым»²⁶⁸. Однако этот призыв Мюленса откликнулись только его коллеги из Гамбурга. Тем не менее, вопрос о поставках немецкой медицинской литературы в Советскую Россию нашел сторонников в Министерстве внутренних дел Веймарской республики²⁶⁹. Работа Германского Красного Креста в России продолжалась до весны 1924 г.²⁷⁰.

Деятельность Цейсса в СССР уже была предметом изучения многих авторов, но, тем не менее, все еще заслуживает отдельного исследования с привлечением документов из российских архивов. Цейсс был ключевой фигурой в Москве, который по словам историка медицины М.В. Поддубного «содейство-

²⁶⁶ Eckart W.U. *Medizin und auswärtige Kulturpolitik der Republik von Weimar – Deutschland und die Sowjetunion 1920–1932* // *Medizin in Geschichte und Gesellschaft*. – 1993. – № 11. – С. 110.

²⁶⁷ Там же. – С. 112.

²⁶⁸ Richter T. *Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928*: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – С. 23.

²⁶⁹ Там же. – С. 24.

²⁷⁰ Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – С. 106.

вал русско-германскому сближению по всем направлениям»²⁷¹. В некоторой мере его деятельность можно сравнить с работой представительства Наркомздрава РСФСР в Берлине, хотя, судя по всему, интеграция Цейсса в советские учреждения была гораздо глубже, чем у Гольденберга в немецкие.

В конце 1922 г. вопросы помощи голодающим и оценка западной общественностью этой гуманитарной катастрофы в Советской России перестали интересовать Наркомздрав РСФСР. В декабре 1922 г. заведующий отделом заграничной информации И.П. Калина велел представителю в Берлине Я.Р. Гольденбергу прекратить направление в Москву посылок с вырезками о голоде из немецких и русских эмигрантских газет²⁷².

§ 2.5. Попытки Наркомздрава РСФСР издавать заграничные журналы в 1920–1922 гг.

История русско-немецких связей в области медицины насчитывает несколько столетий, и совместные научные издания также имеют длительную традицию. В начале XX в., до начала Первой Мировой войны, в Берлине издавался журнал «*Russische Medizinische Rundschau*» («Русское медицинское обозрение»). По задумке его учредителей (С. Липлявского и С. Вайсбейна) издание должно было устранить языковой барьер, а также построить своего рода научный мост между Россией и Германией²⁷³.

В этом журнале на протяжении десяти лет печатались краткие содержания русских научных работ. После пятилетнего юбилея со дня создания журнала его начали называть «официальным печатным органом Российско-германского медицинского общества в Берлине». Председателями этого общества были директор Второй клиники Берлинского университета

²⁷¹ Поддубный М.В. Генрих Цейсс и московские «германофилы» 1920-х годов // Acta Medico-Historica Rigensia. – 2000. – Т. V (XXXIV). – С. 54.

²⁷² ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.79–79об. Письмо заведующего отдела заграничной информации Наркомздрава РСФСР И.П. Калины представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 21.12.1922 № 1111 (лично, конфиденциально).

²⁷³ Tutzke D. Überblick über die Geschichte der deutsch-russischen medizinischen Beziehungen / D. Tutzke, I. Winter // Zeitschrift Für Die Gesamte Hygiene Und Ihre Grenzgebiete. – 1978. – Т. 24. – № 10. – S. 780–783.

Э. фон Лейден (*E. von Leyden*), профессор В.М. Бехтерев и профессор-хирург в берлинской клинике Шарите О. Хильдебранд (*Otto Hildebrand*)²⁷⁴. После начала Первой Мировой войны связь русских и немецких медиков практически прервалась.

Стремление наладить двусторонние научные и околонаучные связи исходили не только от Советской России, но и от Веймарской республики. Также оказавшаяся в международной блокаде послевоенная Германия искала рынки сбыта своей продукции. Низкий курс немецкой марки делал немецкие товары и услуги конкурентоспособными на международном рынке.

В начале 1921 г. ответственный редактор (*Geschäftsführende Schriftleitung*) журнала «*Kongresszentralblatt für die gesamte innere Medizin und ihre Grenzgebiete*» («Журнал по внутренним болезням и смежным наукам»), издательство Шпрингер – *Springer-Verlag*) доктор Виктор Залле стал искать контакты с Советской Россией для получения русских медицинских журналов²⁷⁵. В феврале 1921 г. от имени издательства Шпрингер доктор Залле обратился к заграничному представителю Госиздата в Латвии С.М. Закс-Гладневу с предложением издавать в Веймарской республике советский медицинский журнал²⁷⁶.

Виктор Залле (*Victor Salle*, 1878–1942) родился в Харькове, изучал медицину в России и получил докторскую степень в Базеле. Его сотрудничество с издательством Шпрингер нача-

²⁷⁴ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – S. 20; Tutzke D. Überblick über die Geschichte der deutsch-russischen medizinischen Beziehungen / D. Tutzke, I. Winter // Zeitschrift Für Die Gesamte Hygiene Und Ihre Grenzgebiete. – 1978. – Vol. 24. – № 10. – S. 780–783; Winter I. Die Zeitschrift «Russische Medicinische Rundschau» als Mittlerin zwischen deutscher und russischer Medizin // Zeitschrift Für Die Gesamte Hygiene Und Ihre Grenzgebiete. – 1980. – Vol. 26. – № 5. – S. 379–380.

²⁷⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.10, л.11. Письмо ответственного редактора журнала «*Kongresszentralblatt für die gesamte innere Medizin und ihre Grenzgebiete*» В. Залле наркому здравоохранения Н.А. Семашко от 20.01.1921 (на нем. языке).

²⁷⁶ Леликова Н.К. Закс-Гладнев Самуил Маркович (лит. псевд.: И.Г. Гладнев) // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь, т. 1–4 (электронная версия) [Электронный ресурс]. – URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=770 (дата обращения: 02.06.2021); ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.16, л.4. Письмо представителя Госиздата в Латвии С.М. Закс-Гладнева наркому здравоохранения Н.А. Семашко от 21.02.1921 № 190.

лось в 1910 г., когда он был ассистентом профессора внутренних болезней Первой клиники Берлинского университета Вильгельма Хиса (*Wilhelm His*). Позднее В. Залле был назначен ответственным редактором журнала «*Zentralblatt für Innere Medizin*» («Центральный журнал внутренней медицины»), а с 1923 г. – журнала «*Klinische Wochenschrift*» («Клинический еженедельник») издательства Шпрингер²⁷⁷. Мы не знаем, в какой мере В. Залле владел русским языком, так как его переписка с Наркомздравом проходила исключительно на немецком языке. Вместе с тем, учитывая его активный интерес к русской медицинской науке в 1921 г., его в этот период можно назвать русофилом. Но этот интерес у В. Залле быстро пропал, так как его переписка с Наркомздравом к 1922 г. прекратилась.

Представитель Госиздата в Латвии отнесся к этому предложению отрицательно, считая, что немецкое издательство хотело из этого журнала «лавочку и в особенности при допечатывании того же журнала уже с объявлениями и т.д. для окраинных государств»²⁷⁸. Резолюция Наркомздрава на это письмо С.М. Закс-Гладнева также не согласовала издание советского медицинского журнала за границей²⁷⁹. Тем не менее, попытки организовать совместный советско-германский медицинский журнал продолжались.

Окончание международной изоляции Советской России привело к интересу к советской медицине в других странах. Так, в марте 1921 г. в Наркомздрав РСФСР обратилось Германское министерство иностранных дел с предложением быть посредником между Наркомздравом РСФСР и соответствующим органом

²⁷⁷ Conrads H. Carl Neuberg – Biochemie, Politik und Geschichte: Lebenswege und Werk eines fast verdrängten Forschers. Carl Neuberg – Biochemie, Politik und Geschichte / H. Conrads, B. Lohff, T. Ripperger. – Stuttgart: Franz Steiner, 2006. – S. 38; Götze H. Springer-Verlag: history of a scientific publishing house. Part 2, 1945–1992 : rebuilding, opening frontiers, securing the future. Springer-Verlag. – Berlin: Springer, 1996. – P. 18.

²⁷⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.16, л.4. Письмо представителя Госиздата в Латвии С.М. Закс-Гладнева наркому здравоохранения Н.А. Семашко от 21.02.1921 № 190.

²⁷⁹ Там же.

в Германии в организации сотрудничества в области здравоохранения²⁸⁰.

1 марта 1921 г. в Москве состоялось совещание с участием Наркомздрава РСФСР и Имперского управления здравоохранения (*Reichsgesundheitsamt*)²⁸¹. С немецкой стороны протокол был подписан представителем Министерства иностранных дел Германии по экономическим вопросам, с советской – наркомом Н.А. Семашко и заведующим отделом заграничной информации Наркомздрава И.П. Калиной. Помимо прочего, в протоколе было отмечено намерение Наркомздрава установить советско-германские научно-медицинские связи через доктора В. Залле²⁸².

В марте 1921 г. доктор Залле, как один из редакторов немецкого медицинского журнала «*Berliner klinische Wochenschrift*» («Берлинский клинический еженедельник»), направил Н.А. Семашко напрямую письмо и оттиски статей из немецких журналов. Учитывая авторитет Залле в кругах немецкой медицинской общественности, Н.А. Семашко обратился к немецкому ученому с предложением стать «постоянным научным представителем в сношениях с медицинским миром Германии»²⁸³. В последующем это заочное знакомство не сыграло большую роль в развитии русско-немецких медицинских связей.

Идеи организовать советско-германский медицинский журнал исходили не только от немецкой стороны. В начале марта

²⁸⁰ Венгрова И.В. Наркомздрав РСФСР и русско-немецкое сотрудничество в 20–30-е годы // Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – Москва, 1977. – С. 84.

²⁸¹ Иоффе А.Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932. – М.: Наука, 1975. – С. 83; Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – С. 105–106.

²⁸² ГАРФ, Ф.А482, оп.35, д.10, л.47–48. Protokoll der Besprechung vom 1 März 1921 Betr. die Anbahnung von amtlichen Beziehungen zwischen dem Volkskommissariat für Gesundheitswesen der R.S.F.S.R. und dem Reichsgesundheitsamt zum zwecke der Annäherung der beiderseitigen medizinischen Forscher- und Gelehrtenkreise [Протокол совещания от 1 марта 1921 г. Об установлении официальных отношений между Народным комиссариатом здравоохранения Р.С.Ф.С.Р. и Ведомством здравоохранения Рейха с целью сближения медицинских исследовательских и научных кругов обеих сторон] (на нем. языке).

²⁸³ Александров О.А. Вклад Н.А. Семашко в развитие международного сотрудничества в области здравоохранения // Советское здравоохранение. – 1974. – № 9. – С. 22.

1921 г. заведующий санитарным отделом Российского бюро военнопленных при представителе РСФСР по делам военнопленных в Германии С.Ф. Вербов обратился к заведующему БИНТ в Берлине с предложением создания медицинской секции при БИНТ. Предполагаемыми задачами данной секции были издание монографий по актуальным вопросам медицины и биологии, перевод научных трудов, а также издание медицинского журнала. Основным поводом для создания такого журнала указывался «пробел в научно-медицинском материале, каковой создавался в России за 7 лет войны и блокады»²⁸⁴. Таким образом, основной идеей Вербова для нового русскоязычного и издаваемого в Берлине журнала было знакомство русских врачей с европейской медицинской наукой.

В мае 1921 г. С.Ф. Вербов продолжил разрабатывать вопрос об издании в Берлине русского медицинского журнала. Его целесообразность он обосновывал невозможностью «поставить редакционную часть такого журнала на надлежащую высоту» в Советской России, а также отсутствием в РСФСР оригинальных научных исследований²⁸⁵. В качестве немецкого партнера по изданию такого журнала С.Ф. Вербов указывал доктора Виктора Залле²⁸⁶.

Наркомздрав это предложение отверг. В ответном письме С.Ф. Вербову заведующий отделом заграничной информации Наркомздрава И.П. Калина оценил инициативу В. Залле по изданию русского медицинского журнала за границей как излишнюю. И.П. Калина весьма самонадеянно написал, что «русские ученые и врачи достаточно знакомы с европейскими языками, чтобы прочесть в оригинале (или в реферате в нашем Рефер.

²⁸⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.10, л.87–88. Копия письма заведующего санитарным отделом Российского бюро военнопленных при представителе РСФСР по делам военнопленных в Германии С. Вербова и доктора Иосилевского заведующему НТО при представительстве РСФСР в Берлине от 03.03.1921 г.

²⁸⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.10, л.122–124. Проект организации работ по поручению Народного Комиссариата Здравоохранения [представителя Наркомздрава в Германии С.Ф Вербова, май 1921 г.].

²⁸⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.10, л.137–139. Письмо представителя Наркомздрава при представительстве РСФСР в Германии С.Ф Вербова заведующему отделом заграничной информации Наркомздрава от 23.05.1921 № 3/Д2104.

Журнале), то, что им нужно»²⁸⁷. Вряд ли это была объективная оценка положения дел в Советской России. Скорее, это была попытка предостеречь недавно назначенного представителя Наркомздрава в Берлине от слишком амбициозных проектов. Тем более, что проблема с изданием медицинской литературы стояла достаточно остро. Также следует отметить, что через два года Наркомздрав РСФСР запустил масштабный процесс перевода немецкой медицинской литературы и подготовки к изданию русско-немецкого медицинского журнала. Но выбор литературы для перевода, переводчиков и редакторов осуществлялся не в Берлине, а в Москве под строгим надзором Наркомздрава РСФСР.

Создание нового советского медицинского журнала рассматривалось на совещании по вопросу о медицинской прессе в РСФСР в Наркомздраве 9 июня 1921 г. Главной обсуждаемой проблемой на этом совещании была потребность снабжения медицинских и научных учреждений Советской России новейшей иностранной литературой, которую Наркомздрав удовлетворить не мог. Заместитель заведующего отдела заграничной информации Наркомздрава РСФСР профессор К.Н. Кржишковский в качестве решения этой проблемы предложил создать новый советский медицинский журнал европейского уровня, куда могли бы помещаться статьи высокого научного уровня, и в обмен на который можно было бы получать иностранные издания. Совещание в целом одобрило предложение К.Н. Кржишковского по расширению уже существовавшего «Клинического журнала»²⁸⁸. Из-за ухода Кржишковского из Наркомздрава в сентябре 1921 г. этот проект реализован не был.

Следующая попытка создания советского медицинского журнала в Европе относится к концу 1921 г. К этому времени сеть представительств Наркомздрава в Европе раскинулась на Веймарскую республику, Италию, Швейцарию и Великобританию, а сами сотрудники зарубежных представительств получили

²⁸⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.2–3об. Копия письма представителю Наркомздрава при Представительстве РСФСР в Германии С.Ф. Вербову от заведующего отдела заграничной информации от 24.06.1921 № 5 (секретно).

²⁸⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.21, л.15–16об. Журнал совещания по вопросу о медицинской прессе в РСФСР от 9 июня 1921 г.

некоторый опыт. В ноябре 1921 г. представитель РОКК и Наркомздрава в Швейцарии С.Ю. Багоцкий обратился к наркому Н.А. Семашко с предложением создания журнала о советской медицине. Эта инициатива была согласована С.Ю. Багоцким с недавно назначенным новым представителем Наркомздрава в Берлине доктором Я.Р. Гольденбергом. Но если в начале 1921 г. С.Ф. Вербов предлагал знакомить медиков в Советской России с новостями западной медицины на русском языке, то Багоцкий и Гольденберг спустя полгода рекомендовали наркому Н.А. Семашко создать журнал на одном из иностранных языков (немецком или французском) для освещения вопросов советской медицины (научных и организационных)²⁸⁹.

Издание печатной продукции в Веймарской республике в этот период имело экономический смысл. Как отмечает исследователь издательского дела А.Г. Катаева, в 1921–1922 гг. действительно сложилась такая ситуация, когда для РСФСР издавать книги и журналы за границей было не только экономически оправданно, но и могло приносить прибыль. Однако в Советской России не все решения были экономически обоснованы. Издание литературы за границей могло представлять угрозу для советской идеологической монополии²⁹⁰. Руководство РСФСР старалось использовать благоприятную экономическую конъюнктуру. С 1920 г. в Берлине работало Издательство НТО (затем перешедшее к БИНТ), которое централизованно печатало научную литературу для Советской России²⁹¹.

Фактически С.Ю. Багоцкий предлагал издавать за счет субсидий Наркомздрава РСФСР в Берлине небольшой (2 печатных листа) ежемесячный реферативный журнал с материалами о советской медицине и здравоохранении. Предполагалось, что журнал будет осуществлять не только пропагандистские функции, но и позволит по бесплатному обмену получать европейс-

²⁸⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.11, л.260–264. Письмо представителя РОКК в Швейцарии С.Ю. Багоцкого наркому здравоохранения Н.А. Семашко от 28.11.1921.

²⁹⁰ Катаева А.Г. М. Горький и русское издательское дело в Германии в начале 20-х гг. // Новый исторический вестник. – 2000. – № 2. – С. 6–29.

²⁹¹ Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – С. 59.

кие медицинские журналы и даже книги²⁹². Но эта инициатива не нашла поддержки в Наркомздраве РСФСР, поэтому Багоцкий и Гольденберг больше к ней не возвращались.

В конце 1922 г. в Наркомздрав РСФСР поступило предложение об издании в Веймарской республике немецкого журнала «Медицинское обозрение» для Советской России. Основной задачей журнала было заявлено «систематически осведомлять русских врачей со всеми достижениями в области лечебного дела за последнее десятилетие, а также содействие всестороннему изучению массовых (народных) заболеваний: туберкулеза, инфекционных болезней, венерических, детских. Восполнив этот пробел в русской медицинской литературе, журнал перейдет к освещению всех современных и будущих проблем во всех областях врачебной науки»²⁹³. Издателем журнала предлагался профессор Георг Клемперер (*Georg Klemperer*), который в 1922 и 1923 гг. привлекался советским правительством для лечения В.И. Ленина, а редактором журнала – директор гидро-терапевтического института Берлинской городской больницы им. Вирхова доктор А. Лакер (*August Laqueur*). Планировалось, что объем журнала составит 48 стр., а тираж – 1 тыс. экземпляров. Резолюция наркома Н.А. Семашко на это предложение была лаконична: «Вежливо отклонить»²⁹⁴. Поэтому Я.Р. Гольденбергу в Берлине сообщили, что в Советской России выходит много журналов, реферирующих зарубежную литературу, а отношения с иностранными государствами налажены, так что русские врачи могут свободно пользоваться иностранными журналами. Но и об основной причине отказа тоже было сказано – «кредиты, предоставленные Наркомздраву, ограничены»²⁹⁵. Гольденберг в ответ только смог написать, что предложение об издании журнала

²⁹² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.11, л.260–264. Письмо представителя РОКК в Швейцарии С.Ю. Багоцкого наркому здравоохранения Н.А. Семашко от 28.11.1921.

²⁹³ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.57, л.4. Об издательстве журнала «Медицинское обозрение». Вх. № 3406 от 29.12.1922.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.57, л.3. Копия письма зам. завед. отделом заграничной информации Наркомздрава РСФСР Б.Т. Бидерман представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 10.01.1923 № 41.

«Медицинское обозрение» прошло мимо представительства²⁹⁶. Вероятно, из этого письма Гольденберг понял отрицательное отношение Наркомздрава РСФСР к созданию подобного рода журналов. Продолжения эта инициатива также не имела.

В начале 1920-х гг. у Наркомздрава РСФСР не было финансовых средств субсидировать издание журнала за границей, так как в связи с переходом к нэпу в 1921 г. возможности этого ведомства резко сократились. Однако по мере стабилизации экономической ситуации Н.А. Семашко вернулся к этой идее уже в 1923 г.

²⁹⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.57, л.52. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга завед. отделом заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 20.01.1923 № 3368.

Глава 3. Международные связи и зарубежная идеологическая пропаганда Наркомздрава РСФСР в первой половине 1920-х гг.

Расширение международных медицинских связей в начале 1920-х гг. потребовало выработки единой программы действий, определения основных организационных форм сотрудничества. В положении об отделе заграничной информации Наркомздрава РСФСР²⁹⁷ эти вопросы получили четкую регламентацию. В деятельности этого отдела в ноябре 1922 г. были определены основные направления:

1. Политически-организационная и официальная часть: связь с государственными, общественными, медицинскими и иными организациями Западной Европы и Америки через особые представительства Наркомздрава РСФСР за границей; информирование о принципах здравоохранения в России, организация участия Наркомздрава РСФСР в санитарных конвенциях, договорах и сношения, вытекающие из постановлений, конвенций, теснейший контакт с приезжающими в Россию медицинскими и иными представителями и организациями для правильного направления их деятельности и контроля.

2. Научно-медицинская часть: организация участия в международных конгрессах, съездах, ознакомление через органы печати о положении и постановке здравоохранения в РСФСР, обмен научной литературой и официальными бюллетенями; взаимная информация о новых методах и открытиях медицинской науки, снабжение литературой Центральной медицинской библиотеки, отделов Наркомздрава РСФСР и научно-медицинских институтов.

²⁹⁷ В 1924 г. отдел заграничной информации сменил название на бюро заграничной информации. См.: Solomon S.G. A Matter of "Reach": Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 242.

3. Организация посредничества в отношении получения литературы для государственных учреждений и их сотрудников²⁹⁸.

В своих работах о деятельности отдела (бюро) заграничной информации С. Соломон сводит всю его деятельность в единый цикл (*loop*) сбора информации (*fact-finding*) и ее распространения (*information dissemination*)²⁹⁹. С другой стороны, она обращает внимание на то, что научно-медицинская часть работы отделялась от политически-организационной («культурной дипломатии»), а также на разделение пропагандистской деятельности на продвижение советской медицинской науки и на пропаганду советского здравоохранения (по мнению С. Соломон, неотъемлемую часть большевистского проекта)³⁰⁰.

В мае 1923 г., перед 5-летним юбилеем Наркомздрава, который отмечался 21 июля 1923 г., зарубежные представительства Наркомздрава РСФСР получили циркуляр о сборе данных, свидетельствующих об интересе к советскому здравоохранению за рубежом, с дальнейшим включением его в юбилейный сборник. И поскольку в книге данная глава якобы отсутствует, С. Соломон подвергла сомнению эффективность работы замкнутого цикла сбора и распространения информации³⁰¹.

Однако заведующий отделом заграничной информации И.П. Калина все же отчитался о своей работе в сборнике, написав об этом целый раздел³⁰². Весь массив переписки отдела (бюро) заграничной информации со своими зарубежными представительствами позволяет представить, как широк был диапазон информации из-за границы, который представлял интерес для Наркомздрав РСФСР. И просьба в последний момент о заказ-

²⁹⁸ Там же. – Р. 244; Александров О.А. Вклад Н.А. Семашко в развитие международного сотрудничества в области здравоохранения // Советское здравоохранение. – 1974. – № 9. – С. 18–24.

²⁹⁹ Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – Р. 243.

³⁰⁰ Там же. – Р. 244.

³⁰¹ Там же. – Р. 243; Пять лет советской медицины: 1918–1923. – М.: НКЗ, 1923.

³⁰² Калина И.П. Сношения с врачебно-санитарными учреждениями и организациями за границей // Пять лет советской медицины: 1918–1923. – М.: НКЗ, 1923. – С. 33–37.

ных поздравлениях из-за рубежа вряд ли имеет отношение к описанному Соломон циклу сбора и распространения информации.

Что же касается описанного Соломон инцидента, то изучение архивов показало следующее. За 10 дней до юбилея в представительство Наркомздрава в Берлине было отправлено срочное письмо, согласно которому Я.Р. Гольденберг должен был неофициально довести до сведения органов управления здравоохранением, научно-медицинских учреждений, общественных организаций и левых политических кругов Веймарской республики информацию о предстоящем юбилее Наркомздрава РСФСР и обеспечить поступление в Москву до 20 июля телеграмм-приветствий из-за рубежа, чтобы они могли быть прочитаны на торжественном заседании. Кроме этого, представительство Наркомздрава РСФСР должно было организовать появление в немецкой прессе заметок об этом юбилее, информировать общественность о предстоящей радиоречи Н.А. Семашко 21 июля на русском и французском языках³⁰³.

Судя по делопроизводственной отметке на этом письме, оно попало в берлинское представительство Наркомздрава РСФСР только 23 июля 1923 г., и возможности его исполнить у Я.Р. Гольденберга не было. В отчете о праздновании юбилея в официальном издании Наркомздрава РСФСР «Известия Народного комиссариата здравоохранения» информация о зарубежных приветствиях отсутствует³⁰⁴. Международная деятельность Наркомздрава в этом номере была отмечена в статье заведующего отделомграничной информации И.П. Калины о работе зарубежных представительств³⁰⁵ и статье заведующего санитарно-эпидемиологическим отделом Наркомздрава РСФСР А.Н. Сынина о вхождении представителей СССР в международные санитарные организации³⁰⁶.

³⁰³ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.5, л.17–17об. Письмо заведующего отделаграничной информации Наркомздрава РСФСР И.П. Калины представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 11.07.1924 № 706 (совершенно секретно).

³⁰⁴ V-летие советской медицины: 1918–1923 // Известия Народного комиссариата здравоохранения. – 1923. – № 4–5. – С. 3–4.

³⁰⁵ Калина И.П. Международная медико-санитарная связь Наркомздрава (из деятельности представительств Наркомздрава за границей) // Известия Народного комиссариата здравоохранения. – 1923. – № 4–5. – С. 49–50.

³⁰⁶ Сынин А.Н. Международные организации и общества в области гигиены и здравоохранения // Известия Народного комиссариата здравоохранения. – 1923. –

Описывая достижения своего отдела И.П. Калина писал, что Наркомздраву РСФСР удалось пока только «вызвать интерес в среде западно-европейского мед[ицинского] мира к идеям и строительству сов[етской] медицины и к способу подхода к ним, что для Западной Европы во многих отношениях явилось совершенно новым»³⁰⁷.

Таким образом, спустя два года после организации отдела заграничной информации основным результатом его деятельности стало признание Наркомздраву РСФСР и представителей советской медицины на международной арене. Но до получения восторженных оценок этой работы было еще далеко.

В начале 1923 г. Наркомздрав РСФСР решал задачу о восстановлении советской (русской) медицины в международном медицинском сообществе. Например, передовой статьей первого номера журнала «Известия Народного комиссариата здравоохранения» за 1923 г. был материал о Луи Пастере по поводу 100-летия великого французского ученого, подготовленный директором Санитарно-гигиенического института Наркомздраву РСФСР П.Н. Диатроповым³⁰⁸. Для Наркомздраву РСФСР было важно присоединиться к празднованию этого юбилея, отмечавшегося во всем мире, но особенно во Франции. Вместе с тем все-таки основным направлением международного сотрудничества Наркомздраву РСФСР в 1920-е гг. стала Германия.

§ 3.1. Немецкое направление в международной деятельности Наркомздраву

Среди всех линий международного сотрудничества Наркомздраву РСФСР главной, несомненно, была германская. Широкомасштабное сотрудничество Советской России и Веймарской республики в области здравоохранения началось фактически только после заключения Рапалльского договора 1922 г. и значи-

№ 4–5. – С. 50–54.

³⁰⁷ Калина И.П. Международная медико-санитарная связь Наркомздраву (из деятельности представительств Наркомздраву за границей) // Известия Народного комиссариата здравоохранения. – 1923. – № 4–5. – С. 49.

³⁰⁸ Диатропов П.Н. Луи Пастер. 1822–1922 г. // Известия Народного комиссариата здравоохранения. – 1923. – № 1. – С. 1–3.

тельного улучшения двусторонних отношений. Заключение этого соглашения запустило процесс экономического, научно-технического и культурного сотрудничества двух государств, временно оказавшихся в международной изоляции. Геополитическая подоплека этого сближения заключалась в том, что вступая во взаимовыгодные отношения в областях, ограниченных статьями Версальского договора, они демонстрировали мировому сообществу свое стремление к независимой внешней политике³⁰⁹. Так, к концу 1922 г. деятельность представительства Наркомздрава РСФСР в Германии вернулась к своей первоначальной задаче – восстановлению контактов с ученым миром Веймарской республики.

В январе 1923 г. нарком Н.А. Семашко по пути в Швейцарию (для участия в работе гигиенической секции Лиги Наций в Женеве) посетил Веймарскую республику. Это был не просто проезд на поезде по стране, а посещение многочисленных научных и медицинских учреждений и встречи с немецкими учеными. Следует отметить, что в этот период Веймарская республика переживала острейший политический и экономический кризис вследствие франко-бельгийской оккупации Рурской области – главного источника угля для Германии.

В впечатлениях о поездке, опубликованных в «Известиях Народного комиссариата здравоохранения», Н.А. Семашко предстает как германофил – настолько он явно восхищается духом и укладом жизни немецкого народа: «ибо нет другого народа в Европе, который по своим традициям и национальным особенностям был бы так способен, как немцы, научить, как нужно выходить из затруднительного положения»³¹⁰. При этом он

³⁰⁹ Башкуев В.Ю. Геополитические аспекты советско-германского сотрудничества в области медицины в 1920-х гг. // Власть. – 2012. – № 2. – С. 145–149; Solomon S.G. Introduction: Germany, Russia and Medical Cooperation between the Wars // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 3–31; Weindling P. German overtures to Russia, 1919–1925: Between racial expansion and national coexistence // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 65–60.

³¹⁰ Семашко Н.А. Вопросы социальной гигиены в Германии (беглые заметки из заграничных впечатлений) / Н.А. Семашко // *Известия Народного комиссариата здравоохранения*. – 1923. – № 2–3. – С. 26.

противопоставлял интеллигенцию в Веймарской республике и интеллигенцию СССР, причем его симпатии были не на стороне соотечественников, которые распространяют «жалостливые, обывательские воззвания, рассказывающие о нищенстве русских ученых (...) и призывающих всех добрых людей прийти на помощь несчастным жертвам людоедства большевиков»³¹¹.

В январе 1923 г. Н.А. Семашко в Берлине встретился с всемирно известным ученым Августом Вассерманом (*August von Wassermann*), автором методики диагностики сифилиса (известной как «реакция Вассермана»). Вассерман рассказал наркому о своих исследованиях по профилактике и лечению сифилиса (на стадии опытов над животными), которые произвели на Н.А. Семашко огромное впечатление. Хотя никакого научного прорыва в этом направлении Вассерману сделать не удалось, он сумел договориться с Н.А. Семашко об организации проведения опытов на людях в сельской местности СССР. Нарком писал об этом как о большом достижении – установлении контакта с ведущим ученым мирового уровня. Но причины интереса немцев к СССР Н.А. Семашко прекрасно понимал: «нигде в Европе нет более благоприятной обстановки для проверки этих опытов, как в нашей стране экстрагенитального люэса»³¹².

Летом 1923 г. социально-экономическая ситуация в Веймарской республике была близка к критической, поэтому Исполком Коминтерна принял решение осуществить вооружённое восстание с целью захвата власти немецкими коммунистами в стране³¹³. Операция была запланирована на октябрь-ноябрь 1923 г., уже летом в изданиях Наркомздрава РСФСР открыто говорилось о предреволюционной ситуации в Веймарской республике.

В летнем выпуске «Известий Народного комиссариата здравоохранения» заведующий отделомграничной информации И.П. Калина открыто писал об экспорте советской модели здравоохранения: «Особенно для немецких представителей социальной медицины стало ясным, что создававшаяся послевоенная

³¹¹ Там же.

³¹² Там же. – С. 27.

³¹³ Макдермотт К. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина: Серия «Первая публикация в России» / К. Макдермотт, Д. Агно. – М.: АИРО-XX, 2000. – С. 53–54.

конъюнктура Германии, при возрастающем обнищании всей страны и народных масс, ведет к полному банкротству прежних мер здравоохранения и что единственной страной, которая поставила проблему здравоохранения во весь рост, была Сов. Россия». И далее: «На международном фронте охраны здоровья широких рабочих масс пропаганда идей Наркомздрава является для Запада конкретной программой, отвечающей требованиям дня»³¹⁴.

Эта попытка вооруженного восстания и захвата власти в Германии при поддержке Коминтерна провалилась. Мы не знаем, участвовал ли в этой операции представитель Наркомздрава РСФСР Я.Р. Гольденберг, так как личное дело Гольденберга в РГАСПИ пока недоступно для исследователей³¹⁵. Британские исследователи истории Коминтерна К. Макдермотт и Дж. Агню отмечают противоречие между мировой революцией как конечной целью Коминтерна и государственными интересами Советской России. Важным поворотным пунктом авторы называют как раз незавершенную германскую революцию 1923 г. По их мнению, с этого момента «равновесие между традиционной дипломатией НКВД'а и коминтерновской революционной миссией начало медленно, но уверенно склоняться в пользу первого»³¹⁶. Для представительства Наркомздрава РСФСР эти события также имели последствия – с конца 1923 г. оно стало устанавливать более тесные связи с немецким медицинским и научным сообществом (не только левого политического толка) и ставить долгосрочные проекты.

1 июня 1923 г. в Веймарской республике Коминтерном по инициативе советского правительства было создано «Общество друзей Новой России» (*Gesellschaft der Freunde des neuen Russland*) с целью осуществлять непосредственный большевистский

³¹⁴ Калина И.П. Международная медико-санитарная связь Наркомздрава (из деятельности представительств Наркомздрава за границей) // Известия Народного комиссариата здравоохранения. – 1923. – № 4–5. – С. 49.

³¹⁵ РГАСПИ. Ф.495, оп.272, д.1884. Личное дело Якова Гольденберга.

³¹⁶ Макдермотт К. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина / К. Макдермотт, Д. Агню. – М.: АИРО-XX, 2000; Гришин А.В. Внешняя политика советского государства первой половины 1920-х годов: монография. – Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2009. – С. 79.

контроль над сочувствующими СССР общественными деятелями. По мнению М. Дэвида-Фокса, это общество стало прототипом культурных обществ дружбы с СССР под эгидой ВОКС, появившихся позднее по всему миру³¹⁷. Изучение документов Наркомздрава показывает, что одним из идеологов создания «Общества друзей Новой России» был представитель Наркомздрава и Коминтерна Я.Р. Гольденберг.

Как было показано в предыдущих исследованиях, немецкое «Общество друзей Новой России» существовало благодаря прямым финансовым субсидиям ВОКС³¹⁸. Изучение переписки Наркомздрава РСФСР со своим представителем в Берлине свидетельствует, что ВОКС не был единственным каналом финансовой помощи этому Обществу. В декабре 1923 г. Я.Р. Гольденберг писал Н.А. Семашко, что по поручению наркома он вел переговоры с членами Общества, где последние попросили средства (сверх уже полученных от О.Д. Каменевой в Москве), первоначально собранные в СССР для помощи немецким ученым³¹⁹. В ответном письме заведующий отделом заграничной информации Наркомздрава уведомил представителя в Берлине о решении наркома: средства для помощи немецким ученым должны передаваться в «Общество друзей Новой России», а средства для немецких врачей будут направлять в представительство Наркомздрава в Германии³²⁰.

В дальнейшем Наркомздрав просил Гольденберга держать связь с «Обществом друзей Новой России», снабжать его материалами о Советской России, а также, в свою очередь, информировать Наркомздрав о деятельности Общества³²¹. Из средств,

³¹⁷ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – С. 117–118, 131–132.

³¹⁸ Там же. – С. 136.

³¹⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.116–116об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 08.12.1923 № 9290 (секретно).

³²⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.123. Копия письма заведующего отдела заграничной информации Наркомздрава РСФСР И.П. Калины представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 24.12.1923 № 56 (секретно).

³²¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.176. Копия письма зам.заведующего отделом заграничной информации Наркомздрава Б.Х. Бидерман представителю Наркомздрава

собранных для помощи немецким ученым, Гольденбергом в «Общество друзей Новой России» в начале 1924 г. было передано 2 000 долларов³²². Но Общество финансировалось не только из СССР. Корреспонденцию из Москвы Общество получало на русском языке, поэтому техническую функцию перевода осуществлял аппарат представительства Наркомздрава в Берлине³²³. Сотрудничество с Обществом не было совсем «непрофильной деятельностью» для представительства, так как при Обществе была создана врачебная секция.

В 1924 г. взаимодействие с «Обществом друзей Новой России» стало одним из основных направлений работы Я.Р. Гольденберга. Берлинское представительство Наркомздрава РСФСР снабжало Общество материалами о здравоохранении и социальной гигиене в Советской России. Затем эта информация попадала на страницы печатаного органа общества («*Neue Kulturkorrespondenz*» («Новая культурная переписка»), переименованного в 1924 г. в «*Das Neue Rußland*» («Новая Россия»). Также через берлинское представительство шло взаимодействие Наркомздрава со Службой Пролетарского здравоохранения Германии (*Proletarischer Gesundheitsdienst* – общественная врачебная организация, занимавшаяся здоровьем рабочих в 1921–1926 гг.)³²⁴. Даже в конце 1924 г. Я.Р. Гольденберг значительную часть своего времени тратил на «Общество друзей Новой России», а именно на подготовку первого выпуска журнала «Новая Россия» и докладов на заседаниях этого Общества³²⁵.

в Германии Я.Р. Гольденбергу от 02.02.1924 № 14 (секретно).

³²² ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.205. Копия письма зам.заведующего отделом заграничной информации Наркомздрава Б.Х. Бидерман в Дом ученых ЦКУБУ от 26.32.1924 № 319.

³²³ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.209–209об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в отдел заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 14.02.1924 № 584 (секретно).

³²⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.46, л.8–10. Отчетные данные Бюро заграничной информации за время с 1 октября по 31 декабря 1923 г.; Ратманов П.Э. Представительство Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в Германии (1921–1929 гг.) в контексте международных связей Советской России / П.Э. Ратманов, Ю.В. Кирин // Дальневосточный медицинский журнал. – 2019. – № 4. – С. 41–46.

³²⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.371. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 22.11.1924 (секретно).

Таким образом, изучение архивов Наркомздрава РСФСР показало, что ВОКС был не единственным куратором «Общества друзей Новой России». В феврале 1924 г., то есть более чем через полгода после создания этой общественной организации Я.Р. Гольденберг писал в Наркомздрав РСФСР о слабой организации делопроизводства в Обществе. Главное, что эта помощь оказывалась неофициально, чтобы «Общество друзей Новой России» не выглядело как марионетка СССР³²⁶.

Члены «Общества друзей Новой России» заняли откровенно иждивенческую позицию даже в случае с предложением бесплатного лечения немецких ученых в советских санаториях, требуя бесплатного проезда до них. Поскольку бесплатный проезд на поезде был вне компетенции Наркомздрава РСФСР, Гольденберг предлагал направить на эти цели часть направляемых из СССР денег, предназначенных для финансирования Общества. Поскольку одной из магистральных линий в политике берлинского представительства Наркомздрава РСФСР была пропаганда советского здравоохранения, в 1924 г. в «Обществе друзей Новой России» была создана врачебная секция, которая планировалась как площадка для выступлений и лекций о положении дел в советской медицине³²⁷.

Расширение перечня задач, стоявших перед представительством Наркомздрава РСФСР в Берлине, привело к расширению его штатов. В 1924 г. в его состав входило трое: Я.Р. Гольденберг, А.В. Бингер и стенографистка А.Г. Шустова³²⁸. В 1925 г. штат представительства составлял уже пять человек: помимо Я.Р. Гольденберга в него входил секретарь представительства, две стенографистки и регистратор-курьер³²⁹. В итоге представительство Наркомздрава РСФСР выглядело как отдел, то есть

³²⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.209–209об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в отдел заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 14.02.1924 № 584 (секретно).

³²⁷ Там же.

³²⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.289. Ведомость приходов и расходов представительства Наркомздрава в Германии с января по июнь 1924 г.

³²⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.702, л.280. Состав Представительства Наркомздрава в Германии в октябре 1925 г.

именно как себе его представлял С.Ф. Вербов летом 1921 г., а не просто как фигура одного представителя.

Молодое советское здравоохранение в начале 1920-х гг. нуждалось в получении информационного материала из Германии. По запросам Наркомздрава, Наркомтруда, Санитарного управления Кремля, Всемедикосантруда и других организаций представительство готовило подробные информационные справки о медицине, санитарии и организации здравоохранения в Германии, каждые две недели отправляя в Москву пакет с примерно сотней сообщений и вырезок из немецкой печати³³⁰. К 1923 г. из Веймарской республики Наркомздравом РСФСР было получено около 900 книг и журналов³³¹.

Полученная из берлинского представительства Наркомздрава РСФСР информация использовалась не только в органах управления и научных учреждениях. Часть материалов реферативного характера публиковалась даже в официальном журнале «Известия Народного комиссариата здравоохранения» в рубрике «За границей». Конечно, во всех заметках проводилась классовая линия, подчеркивалось тяжелое положение и ухудшающееся здоровье пролетариата в капиталистических странах. Основная часть материалов была заимствована из немецкой прессы.

Сотрудники Представительства Наркомздрава РСФСР в Германии привлекались также к деликатным вопросам оказания медицинской помощи лидерам советского государства. Широко известно, что к лечению В.И. Ленина в начале 1920-х гг. привлекались врачи из Германии³³². Причем эта работа щедро оплачивалась: например, приглашенные для лечения В.И. Ленина врачи хирург Юлиус Борхардт (*Julius Borchardt*) и профессор-терапевт

³³⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.702, л.265–279. Деятельность Представительства Наркомздрава в Германии с декабря 1923 г. по июль 1924 г.

³³¹ Калина И.П. Сношения с врачебно-санитарными учреждениями и организациями заграницей // Пять лет советской медицины: 1918–1923. – М.: НКЗ, 1923. – С. 36.

³³² Richter J. Rasse, Elite, Pathos: eine Chronik zur medizinischen Biographie Lenins und zur Geschichte der Elitegehirnforschung in Dokumenten; a study in co-operation with the Stalin Era Research and Archives Project of the University of Toronto. Rasse, Elite, Pathos. – Herbolzheim: Centaurus Verlag, 2000.

Георг Клемперер (*Georg Klemperer*) получали за день работы 20 000 немецких марок каждый³³³.

Для организации лечения советской и партийной номенклатуры в Германии штата полпредства было недостаточно, требовались люди с медицинским образованием для поиска подходящих клиник и врачей, согласившихся соблюдать строгую конфиденциальность такого лечения. Таким образом, функции представительства Наркомздрава РСФСР в Берлине были шире, чем это было обозначено в официальных наркомздравовских документах. Сведения об организации такого лечения в архивных фондах отдела заграничной информации (ГАРФ, Ф.А482, оп. 35) практически отсутствуют, об этой работе можно прочесть только между строк.

Как выяснила в своем исследовании И.В. Венгрова, нарком Н.А. Семашко инициировал крупномасштабную программу перевода современной немецкой медицинской литературы на русский язык и ее адаптации к советским условиям. Он предлагал издавать на русском языке часть вышедших и готовящихся к печати в Германии трудов с заменой в них материалов по Германии соответствующими данными по России. Одним из важнейших он считал вопрос о снабжении учащихся медицинских вузов России учебниками³³⁴.

Это движение имело целью в короткий срок ознакомить советских медиков с успехами научной мысли за период Первой мировой и Гражданской войн, когда международные научные связи были прерваны. Таким образом, речь шла, в первую очередь, о возобновлении старых связей с Германией и только потом — об установлении новых³³⁵.

³³³ Service R. W. Lenin: a biography. — London: Pan, 2002. — 592 p.

³³⁴ Венгрова И.В. Наркомздрав РСФСР и русско-немецкое сотрудничество в 20–30-е годы // Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР — ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. — Москва, 1977. — С. 84.

³³⁵ Базанов В.А. Научные связи Роберта Коха и его школы с русскими исследователями / В.А. Базанов, П. Шнек // Советское здравоохранение. — 1982. — № 3. — С. 64–67; Владимиров А.А. Воспоминания микробиолога. — М.: Медицина, 1991. — 110 с.; Ефременко А.А. Из прошлого русско-немецких медицинских связей (русские врачи на бактериологических курсах при Институте Р. Коха, Кох и русские врачи) // Журнал гигиены, эпидемиологии, микробиологии и иммунологии. — 1968. — Т. 12. — № 4. —

Советская переводная литература включала значительное число работ немецких медиков. По подсчетам коллектива авторов под ред. Э.И. Колчинского в 1927 г. из общего числа вышедших в СССР переводов монографий немецких авторов (180 наименований) к медицине относится 55³³⁶. Но кроме перевода монографий и учебников в Советской России отечественные медицинские журналы публиковали рефераты и обзоры о новейших достижениях зарубежных медиков³³⁷.

Другой точкой соприкосновения ученых-медиков Веймарской республики и Советской России стали исследования в области социальной гигиены. Если на русский язык переводились немецкие учебники по социальной гигиене и законодательные акты Веймарской республики в области охраны здоровья, то для немецких представителей социальной гигиены Советская Россия стала «показательной лабораторией социально-гигиенических проблем и методов их проведения в жизнь»³³⁸. В связи с этим представительство Наркомздрава проводило работу по ознакомлению научных кругов и широкой общественности Германии с опытом советского здравоохранения.

Несмотря на противоречивое отношение к СССР в Веймарской республике, представители СССР хотели установить контакты с немецкой общественностью и вызвать у нее расположение к Советскому Союзу. В рамках сотрудничества с Веймарской республикой все больше советских ученых, а также официальных политических представителей СССР получили возможность рассказывать немецким партнерам не только о кон-

С. 440–447; Ефременко А.А. Из прошлого русско-немецких медицинских связей (Эрлих и русские врачи) // Журнал гигиены, эпидемиологии, микробиологии и иммунологии. – 1965. – Т. 9. – № 3. – С. 354–360; Ефременко А.А. Из прошлого советско-немецкого научно-медицинского сотрудничества // Из истории медицины. – Рига: ЛМА, 1990. – Т. 19. – С. 82–92; Шнек П. Пауль Эрлих и его контакты с учеными Восточной Европы // Проблемы социальной гигиены и история медицины. – 1996. – № 6. – С. 56–58.

³³⁶ Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – С. 306.

³³⁷ По поиску в каталоге ЦНМБ за 1920–1930 гг. содержится более 400 книг, переведенных с немецкого языка (с атрибутом поиска «Пер. с нем.» <http://www.scsml.rssi.ru/>)

³³⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.702, л.170–180. Общий обзор деятельности Представительства Наркомздрава за 5-летний период.

кретных научных темах, но и об организации нового государства, то есть в каком-то смысле даже пропагандировать СССР³³⁹.

О новом главном векторе работы представительства Наркомздрава в Германии Гольденберг писал в Москву летом 1924 г. Он отмечал, что по мере восстановления экономики в СССР деятельность представительства все больше сосредотачивается «на чисто пропагандистской работе проблем советской медицины»³⁴⁰. Гольденберг придерживался мнения, что «широкая пропаганда проблем социальной медицины СССР есть конкретный способ использования легальных возможностей для пропаганды наших социалистических идей»³⁴¹. В данном случае мы можем наблюдать «резкспорт» немецкой социальной гигиены из СССР обратно в Германию, но уже в виде советской пропаганды.

§ 3.2. Советское здравоохранение в публикациях и выступлениях иностранцев

Как отмечает исследовательница из ФРГ К. Бётхер, если в консервативных кругах Веймарской республики многие скорее хотели дистанцироваться от СССР, то среди ученых и интеллектуалов (то есть не только среди членов Коммунистической партии Германии) в ходе политики Рапалльского договора возник большой интерес к модели СССР. В некоторых областях они даже рассматривали СССР как пример для подражания. При этом именно их восхищение советской системой, связанное с желанием перемен в собственном обществе, стало еще одной причиной недоверия к СССР со стороны консервативных немецких кругов. Таким образом, когда немецкие врачи писали о СССР, речь часто могла идти не только о медицине, но и о той самой «советской модели», что многим, однако, вовсе не нравилось³⁴².

³³⁹ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 103–104.

³⁴⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.80, л.111. Дополнение к отчету о деятельности представительства Наркомздрава в Германии от 29.07.1924.

³⁴¹ Там же, л.113.

³⁴² Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. –

В сфере здравоохранения эта советская пропаганда даже выходила за рамки только лишь симпатизирующих СССР немецких периодических изданий. Дело в том, что статьи советских авторов все чаще начали появляться и в популярной медицинской периодике Германии. В «Мюнхенском медицинском еженедельнике» (*«Münchener Medizinische Wochenschrift»*) даже были собственные корреспонденты, которые освещали состояние здравоохранения в стране непосредственно из СССР. До 1931 г. это были исключительно советские авторы. С 1923 по 1926 гг. врач и антрополог, выпускник Гейдельбергского университета, доктор медицины С. А. Вайсенберг (1867–1928) из Елисаветграда (УССР) написал несколько статей о ситуации в СССР, из которых понятно, что он не был сторонником нового режима. Кроме того, с 1926 по 1929 гг. доктор А. И. Дворецкий из Москвы публиковал в «Мюнхенском медицинском еженедельнике» многочисленные статьи, в которых он рассказывал об успешном развитии советской системы здравоохранения. В 1931 г. на посту корреспондента его сменил Х. Цейсс³⁴³.

Значительная часть статей и отчетов немецких врачей о советской системе здравоохранения после поездок в СССР касалась вопросов социального обеспечения и профилактики, представлявшей важнейший компонент «новой» советской медицины. Отчеты немецких врачей, побывавших в Советском Союзе, в основном публиковались в медицинской периодике или профессиональной прессе. Следует подчеркнуть, что представители немецких делегаций обычно должны были брать на себя обязательство рассказать о поездке на специальном мероприятии после возвращения в Германию³⁴⁴.

В 1920-е гг. Советскую Россию посещали многие немецкие ученые-медики: социал-гигиенисты Х. Хауштайн (*H. Haustein*) и Э. Ресле (*E. Roesle*), патологоанатомы Л. Ашофф (*L. Aschoff*) и С. Любарш (*O. Lubarsch*) профессор-гинеколог Вильгельм Липманн (*W. Lippmann*), профессор-гематолог В. Шиллинг

Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 103.

³⁴³ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 103–104.

³⁴⁴ Там же. – S. 106.

(*W. Schilling*) в 1926 г., проф. Б. Нохт (*B. Nocht*) и другие специалисты³⁴⁵. В настоящем исследовании мы не ставим цель изучить эти визиты, так как этому посвящены публикации других авторов³⁴⁶.

К пропаганде советского политического строя и советского здравоохранения привлекались и немецкие врачебные круги, сочувствующие СССР. Большое значение для создания положительного образа советского здравоохранения сыграла шестинедельная поездка в Советский Союз немецкого социал-гигиениста Эмиля Ресле в 1924 г. в составе комиссии Лиги Наций³⁴⁷. По ее итогам в просоветском журнале «Новая Россия» была опубликована симпатизирующая советскому эксперименту статья «Советская медицина и ее социальное значение»³⁴⁸, а после нападок на нее в немецкой прессе – ответ под названием «Правда о советской медицине»³⁴⁹.

³⁴⁵ Венгрова И.В. Наркомздрав РСФСР и русско-немецкое сотрудничество в 20–30-е годы // Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – Москва, 1977. – С. 86–87; Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – С. 280–281; Модлин И.С. К вопросу об истории развития научно-медицинских связей Германской демократической республики с Советским Союзом // Проблемы научной медицинской информации (материалы V научной конференции ВНИИМИ). – М.: ВНИИМИ, 1972. – С. 103; О поездке В. Шиллинга в 1926 г. в Советский Союз / И. Гюнтер [и др.] // Клиническая медицина. – 1972. – Т. 50. – № 6. – С. 141–142; Шнек П. Влияние достижений в области охраны материнства и младенчества в СССР на здравоохранение Германии периода Веймарской республики (1918–1933) // Положение и задачи врача в обществе в различные исторические периоды: Тезисы докл. IV симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 25–27 нояб. 1981 г., Вильнюс. – Москва, 1981. – С. 132.

³⁴⁶ Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001; Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998; Müller-Dietz H. Ärzte zwischen Deutschland und Rußland: Lebensbilder zur Geschichte der medizinischen Wechselbeziehungen. – Stuttgart: Fischer, 1995.

³⁴⁷ Müller-Dietz H. Ärzte zwischen Deutschland und Rußland: Lebensbilder zur Geschichte der medizinischen Wechselbeziehungen. – Stuttgart: Fischer, 1995. – S. 150–159.

³⁴⁸ Roesle E. Die Sowjet-Medizin und ihre soziale Bedeutung // Das Neue Rußland. – 1925. – Vol. 2. – № 1/2. – S. 6–9.

³⁴⁹ Махмутова Г.Н. Эмиль Евгений Ресле (1875–1962) // Советское здравоохранение. – 1990. – № 9. – С. 70–73; Roesle E. Die Wahrheit über die Sowjet-Medizin // Das Neue Rußland. – 1925. – Vol. 2. – № 5/6. – S. 15–20.

Интерес Ресле к России возник еще в 1911 г. в ходе подготовки к Международной гигиенической выставке в Дрездене, а с П.И. Куркиным его связывала личная дружба. Но для советской стороны наиболее важным было следующее утверждение Ресле: «Коммунизм вовсе не является, как ранее ошибочно полагали, элементом разрушения культуры, а представляет собой скорее элемент, способствующий развитию культуры». По его словам, ни в одной стране мира государство до сих пор не оценивало социальную и культурную значимость здравоохранения столь высоко, как это делают в СССР³⁵⁰.

Кроме Э. Ресле впечатления о советском здравоохранении и медицине в журнале «Новая Россия» размещали такие немецкие врачи, как директор Германского института акушерства и гинекологии В. Липманн, профессор М. Кучинский (*M. Kuczynski*), Г. Фурман (*G. Fuhrmann*), Х. Хауштайн и другие известные медики³⁵¹.

Эти положительные отзывы иностранных просоветски настроенных врачей в 1924 г. привели наркома Н.А. Семашко и главу БЗИ И.П. Калину к восторженному выводу о влиянии советской медицины на западноевропейские врачебные и научные круги и особенно на пролетарские организации (например, в Германии), для которых стимулом служит здравоохранение России³⁵².

³⁵⁰ Roesle E. Die Sowjet-Medizin und ihre soziale Bedeutung // Das Neue Rußland. – 1925. – Vol. 2. – № 1/2. – S. 6–9; Marcusson E., Tutzke D. Die Bedeutung des Lebenswerkes von Emil Eugen Roesle (1875–1982) und die Entwicklung der medizinischen Statistik in Deutschland // Zeitschrift Für Die Gesamte Hygiene Und Ihre Grenzgebiete. – 1975. – Vol. 21. – № 8. – S. 649–652.

³⁵¹ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998; Винтер К. Роль Н.А. Семашко в развитии германо-советских отношений в области медицины // Советское здравоохранение. – 1975. – № 7. – S. 77–81; Kuczynski M.H. Neue medizinische Aufgaben im neuen Rußland // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 7/8. – S. 25–26; Als Arzt in Moskau // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 3/4. – S. 53; Fuhrmann G. Die Bekämpfung des Alkoholismus in der Sowjetunion // Das Neue Rußland. – 1929. – Vol. 6. – № 7/8. – S. 57–58; Hausteин H. Sexuelle Hygiene – eine Volksangelegenheit. Nachklänge zum 2. Allrussischen Kongress zur Bekämpfung der Geschlechtskrankheiten in Charkow vom 13.-19.5.1925 // Das Neue Rußland. – 1925. – Vol. 2. – № 5/6. – S. 50–53.

³⁵² Венгрова И.В. Наркомздрав РСФСР и русско-немецкое сотрудничество в 20–30-е годы // Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума

Исследовательница из ФРГ К. Бётхер подчеркивает, что немецкие врачи воспринимали советское здравоохранение, как правило, во внутринемецком контексте, где «социализации медицины» противопоставлялась «свобода врачей»³⁵³. Это дает представление о том, как в то время велись дебаты о немецкой системе здравоохранения. Если врачи-социалисты относились к государственной системе здравоохранения как к естественной составляющей социалистического государства, то буржуазные врачи, которым нравилась советская форма организации системы здравоохранения, скорее старались игнорировать политические аспекты и говорили в целом о требованиях социал-гигиенистов и попытках создания министерств здравоохранения³⁵⁴.

С одной стороны, немецкие врачи признавали достоинства советской системы здравоохранения, но с другой, ограничивали возможности ее применения только бедными странами. Например, известный терапевт Виктор Шиллинг, посетивший СССР в 1926 г. в рамках спонсируемой Министерством иностранных дел Германии поездки врачей, в статье о впечатлениях от своего путешествия для журнала «Восточная Европа» особенно отметил примитивные условия жизни в СССР. По его словам, именно в этой связи новая советская медицина была особенно пригодна для обеспечения хотя бы минимальной медицинской помощи в такой большой и слаборазвитой стране. Поэтому, несмотря на все ее достоинства, советская медицина не может и не должна быть образцом для Германии, так как она не нужна столь богатой и цивилизованной стране с хорошей системой социального обеспечения³⁵⁵.

Из англоязычных публикаций о советском здравоохранении следует выделить серию статей американского врача Уильяма Хосли Гента (*W. Horsley Gantt*). Впервые он приехал в Россию

по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – Москва, 1977. – С. 87.

³⁵³ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998.

³⁵⁴ Там же. – С. 124.

³⁵⁵ Там же. – С. 125; Schilling V. Über die Entwicklung der medizinischen Wissenschaft im Zeichen des Leninismus // Osteuropa. – 1927. – Vol. 2. – № 8/9. – С. 481–497.

в 1922 г. в качестве заведующего медицинским отделом АРА (англ. *American Relief Administration* – Американская администрация помощи) в Петрограде, после чего в течение 5 лет работал в лаборатории И.П. Павлова. В США Гент организовал Павловское научное общество, а также перевел на английский язык ряд научных трудов советских ученых³⁵⁶.

В 1924–1927 гг. Гент написал серию статей о советской медицине для «*British Medical Journal*» («Британского медицинского журнала») ³⁵⁷. Позднее эти материалы были объединены и в 1928 г. опубликованы в маленькой книжке под названием «*A Medical Review of Soviet Russia*» («Медицинское обозрение Советской России») ³⁵⁸. Наибольший интерес представляют его описания методов исследовательской работы и характеристики И.П. Павлова, Л.А. Орбели, А.Д. Сперанского и других ученых ³⁵⁹. В 1937 г. У. Гент вернулся к этой теме в книге «*Rus-*

³⁵⁶ Поддубный М.В. Иностранные врачи о советской медицине 30-х гг. // Советское здравоохранение. – 1991. – № 2. – С. 72–75.

³⁵⁷ Gantt W.H. A Medical Review of Soviet Russia: II.-Hospitals and health conditions // *British medical journal*. – 1924. – Vol. 2. – № 3321. – P. 336–340; Gantt W.H. A Medical Review of Soviet Russia: III.-Scientific Work // *British medical journal*. – 1924. – Vol. 2. – № 3325. – P. 533–536; Gantt W.H. A Medical Review of Soviet Russia: IV.-Change in Type and Incidence of Disease // *British medical journal*. – 1926. – Vol. 2. – № 3423. – P. 303–307; Gantt W.H. A Medical Review of Soviet Russia: IV.-Change in Type and Incidence of Disease // *British medical journal*. – 1926. – Vol. 2. – № 3433. – P. 747–750; Gantt W.H. A Medical Review of Soviet Russia: IV.-Change in Type and Incidence of Disease // *British medical journal*. – 1926. – Vol. 2. – № 3434. – P. 802–805; Gantt W.H. A medical review of Soviet Russia: V. – The medical profession, Soviet science, and Soviet sanitation // *British medical journal*. – 1927. – Vol. 1. – № 3447. – P. 198–200; Gantt W.H. A medical review of Soviet Russia: V. – The medical profession, Soviet science, and Soviet sanitation // *British medical journal*. – 1927. – Vol. 1. – № 3448. – P. 244–246; Gantt W.H. A medical review of Soviet Russia: V. – The medical profession, Soviet science, and Soviet sanitation // *British medical journal*. – 1927. – Vol. 1. – № 3450. – P. 338–340; Gantt W.H. A medical review of Soviet Russia: VI.-Work of Pavlov and Other Scientists // *British medical journal*. – 1927. – Vol. 1. – № 3466. – P. 1070–1073; Gantt W.H. A Medical Review of Soviet Russia: VI.-Work of Pavlov and Other Scientists // *British medical journal*. – 1927. – Vol. 2. – № 3485. – P. 739–742; Gantt W.H. A Review of Medical Education in Soviet Russia // *British medical journal*. – 1924. – Vol. 1. – № 3311. – P. 1055–1058.

³⁵⁸ Gantt W.H. A Medical Review of Soviet Russia. – London: British Medical Association, 1928.

³⁵⁹ Поддубный М.В. Иностранные врачи о советской медицине 30-х гг. // Советское здравоохранение. – 1991. – № 2. – С. 72–75.

sian Medicine) («Российская медицина») ³⁶⁰. Поскольку академик И.П. Павлов не работал в системе учреждений Наркомздрава РСФСР, и Гент в своих работах мало касался вопросов организации здравоохранения РСФСР, его публикации не интересовали отдел (бюро) заграничной информации Наркомздрава РСФСР.

§ 3.3. Советские публикации о здравоохранении в СССР за рубежом и визиты советских врачей за границу

Одним из важных направлений работы отдела (бюро) заграничной информации и зарубежных представительств Наркомздрава РСФСР было размещение статей советских ученых в иностранной научной прессе. Представительство Наркомздрава в Германии буквально «отвоевывало помещение каждой статьи» ³⁶¹. Целью размещения статей советских авторов в зарубежной печати была «парализация ложных слухов» о Советской России и пропаганда достижений советского здравоохранения ³⁶².

Например, благодаря усилиям представительства Наркомздрава РСФСР в Берлине в 1923 г. в немецких научных журналах были опубликованы статьи профессора Д.Д. Плетнёва о сыпном тифе и профессора Г.П. Сахарова о Рудольфе Вирхове. Но это была работа не с единичными статьями – через представительство Наркомздрава в Берлине проходили сотни работ советских авторов. По данным немецкого историка Г. Розенфельда, в 1922–1923 гг. в германских медицинских журналах было опубликовано 160 статей советских авторов ³⁶³. При этом многие работы получали отрицательные рецензии и возвращались авторам. Тем не менее, в 1926 г. Гольденберг признал в немецкой прессе, что

³⁶⁰ Gantt W.H. Russian medicine. – New York: P.B. Hoeber, Inc., 1937. – 214 p.

³⁶¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.702, л.170–180. Общий обзор деятельности Представительства Наркомздрава за 5-летний период.

³⁶² Венгрова И.В. Наркомздрав РСФСР и русско-немецкое сотрудничество в 20–30-е годы // Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – Москва, 1977. – С. 83.

³⁶³ Розенфельд Г. Научные и культурные связи между СССР и Веймарской республикой // Вопросы истории. – 1963. – № 10. – С. 73.

задача по публикации статей советских ученых в немецкой медицинской прессе достигнута³⁶⁴.

Но миссия Наркомздрава в Берлине была заинтересована не только в научных медицинских статьях как доказательстве существования науки в СССР. Москва требовала также пропаганду принципов советского здравоохранения. Материалы такого рода публиковались либо отдельными изданиями, либо размещались в журналах левого толка.

Безусловно, важную роль в установлении советско-германских связей сыграл народный комиссар здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко, который разъяснял и пропагандировал советскую систему здравоохранения в многочисленных статьях и лекциях. Его влияние действительно не следует недооценивать, так как в рамках советско-германских отношений Семашко смог завоевать симпатию и уважение даже в немецких буржуазных кругах³⁶⁵.

В 1923 году издательством «Книга» по случаю пятой годовщины Октябрьской революции был опубликован первый фундаментальный труд Н.А. Семашко о советском здравоохранении на немецком языке. Он вошел в юбилейное издание «Пять лет власти Советов в России», опубликованное в Германии³⁶⁶. Хотя автор статьи под названием «Народный комиссариат здравоохранения» не был указан в оглавлении, в предисловии к юбилейному изданию написано, что «очерки по отдельным центральным учреждениям были составлены под руководством и ответственностью товарищей, стоящих во главе этих учреждений»³⁶⁷. Историк медицины из ГДР К.-Х. Карбе пришел к выводу, что автором этого материала был Н.А. Семашко. Но из-за небольшого тиража

³⁶⁴ Goldenberg J. Wege und Ausblicke der Zusammenarbeit Deutschlands und Sowjetrußlands auf dem Gebiete der Gesundheitspflege // Osteuropa. – 1927. – Vol. 2. – № 8/9. – S. 474–481.

³⁶⁵ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 114.

³⁶⁶ Volkskommissariat für Gesundheitspflege // Fünf Jahre Sowjetherrschaft in Russland 1917–1922. – Berlin: Kniga G.m.b.H., 1923. – S. 521–532.

³⁶⁷ Karbe C.-H. Veröffentlichungen N.A. Semaškos in Deutschland über das sowjetische Gesundheitswesen // NTM Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin. – 1968. – Vol. 5. – № 11. – S. 79–92.

юбилейного издания эта работа не получила столь широкого распространения.

В 1923–1924 гг. одной из основных площадок для пропаганды идей советского здравоохранения стал журнал «Новая Россия»³⁶⁸. В первый год издания этого журнала в нем вышла статья наркома Н. А. Семашко, приуроченная к 5-летию Наркомздрава РСФСР³⁶⁹. Всего Семашко опубликовал в журнале «Новая Россия» восемь статей, включая вышеупомянутую³⁷⁰. Учитывая общеполитический характер издания, Семашко знакомил немецкую аудиторию не только с аспектами деятельности своего ведомства (советская медицина и народная гигиена, советское законодательство об абортах), но и с вопросами физической культуры в Советском Союзе, положением интеллигенции и евреев в СССР. Заместитель наркома здравоохранения РСФСР и председатель РОКК З. П. Соловьев осветил деятельность Советского Красного Креста за пять лет³⁷¹. Представитель Наркомздрава в Германии Я. Р. Гольденберг размещал на страницах журнала «Новая Россия» материалы о путях развития здравоохранения в Советской России, развитии советской социальной гигиены, вопросах труда и гигиены в СССР и половом воспита-

³⁶⁸ Винтер К. Роль Н. А. Семашко в развитии германо-советских отношений в области медицины // Советское здравоохранение. – 1975. – № 7. – С. 77–81.

³⁶⁹ Semaschko N. A. Fünf Jahre Sowjet-Medizin. Rede von Prof. N. A. Semaschko, gehalten zum 5jährigen Jubiläum des Volkskommissariats für Gesundheitswesen // Neue Kulturkorrespondenz. – 1923. – Vol. 1. – № 6/7. – S. 1.

³⁷⁰ Semaschko N. A. Fünf Jahre Sowjet-Medizin. Rede von Prof. N. A. Semaschko, gehalten zum 5jährigen Jubiläum des Volkskommissariats für Gesundheitswesen // Neue Kulturkorrespondenz. – 1923. – Vol. 1. – № 6/7. – S. 1; Semaschko N. A. Drei Jahre Sowjetgesetzgebung in einer „wunden Frage“ (das Dekret über die Aborte) // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 3/4. – S. 27; Dreißig Jahre öffentlich-sozialer Tätigkeit N. A. Semaschko // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 7/8. – S. 24–25; Semaschko N. A. Körperkultur in der Sowjetunion // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 7/8. – S. 22–23; Semaschko N. A. Ansprache bei dem Empfang der Ärzte und Gelehrten in der ‘Gesellschaft der Freunde des neuen Russland // Das Neue Rußland. – 1925. – Vol. 2. – № 9/10. – S. 13–14; Semaschko N. A. Sowjetmedizin und Volkshygiene // Das Neue Rußland. – 1925. – Vol. 2. – № 9/10. – S. 12–13; Semaschko N. A. Die Intellektuellen und ihre Lage in der Sowjetunion // Das Neue Rußland. – 1926. – Vol. 4. – № 9/10. – S. 11; Semaschko N. A. Volkskommissar Semaschko über die jüdischen Bauern // Das Neue Rußland. – 1927. – Vol. 5. – № 11/12. – S. 76.

³⁷¹ Ssolowjew S. Fünf Jahre Russisches Rotes Kreuz // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 1/2. – S. 13.

нии детей³⁷². Представитель Наркомздрава и РОКК в Швейцарии С.Ю. Багоцкий напечатал в этом журнале статью о борьбе с туберкулезом в СССР³⁷³.

В середине 1920-х гг. эти материалы о советском здравоохранении были использованы в выступлении коммунистического депутата в рейхстаге. В докладной записке наркому Н.А. Семашко Я.Р. Гольденберг отмечал, что советская медицина в Германии была «использована с парламентской трибуны как фактор пропаганды-агитации широких пролетарских масс»³⁷⁴. Важно, что неназванный Гольденбергом депутат ссылаясь на мнение социал-гигиениста Э. Ресле, опубликованное в немецкой научной печати.

Помимо публикаций советских авторов в немецкой прессе, официальная советская инстанция, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), также публиковала материалы и брошюры, посвященные, в частности, здравоохранению, чтобы заинтересованные немецкие читатели могли ознакомиться с ними. Советская сторона активно влияла на формирование положительного общественного мнения об СССР в Германии³⁷⁵.

Советская медицинская наука и советское здравоохранение привлекли к себе пристальное внимание врачей Германии левых политических взглядов, в том числе Союза социалистических

³⁷² Goldenberg J. Wege der Gesundheitsfürsorge in Sowjetrußland // Das Neue Rußland. – 1925. – Vol. 2. – № 5/6. – S. 21–23; Goldenberg J. Das Problem der Gesundung der Arbeit in Russland // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 3/4. – S. 22–25; Goldenberg J. Das Sexualleben des Kindes und die soziale Umgebung // Die neue Generation. – 1926. – № 5. – S. 137–39; Sozialhygienisches aus Sowjetrußland // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 1/2. – S. 12–13; Goldenberg J. Der Kulturwert der ländlichen Gesundheitsfürsorge in der Sowjetunion // Das Neue Rußland. – 1926. – Vol. 3. – № 3/4. – S. 12–14; Goldenberg J. Der öffentliche Arzt // Das Neue Rußland. – 1927. – Vol. 4. – № 1/2. – S. 31–33; Goldenberg J. Der Aufstieg der hygienischen Kultur in der UdSSR // Das Neue Rußland. – 1928. – Vol. 5. – № 1. – S. 11–14.

³⁷³ Bagotzky S. Die Tuberkulose-Bekämpfung in Sowjet-Rußland // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 3/4. – S. 38–41.

³⁷⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.21, л.231. Докладная записка Я. Гольденберга наркому здравоохранения Н.А. Семашко – германская пресса о советской медицине.

³⁷⁵ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 104.

врачей (*Der Verein Sozialistischer Ärzte*), основанного в 1913 г.³⁷⁶. Государственный характер здравоохранения произвел на немецких врачей огромное впечатление как пример беспрецедентного по масштабу эксперимента в здравоохранении. Союз социалистических врачей приглашал в Германию лидеров и идеологов советского здравоохранения – сотрудников Наркомздрава РСФСР – Н.А. Семашко, И.Д. Страшуна, В.М. Броннера, которые выступили там с серией лекций и докладов о социалистических принципах советского здравоохранения. Материалы этих докладов, а также различные проблемы медицинской науки и организации советского здравоохранения освещались на страницах упомянутой выше немецкой просоветской периодической печати³⁷⁷.

В журнале Союза социалистических врачей «Врач-социалист» (*«Der Sozialistische Arzt»*), издававшемся в 1925–1933 гг., также публиковались статьи сотрудников Наркомздрава РСФСР³⁷⁸. В 1925 г. в этом журнале вышла статья Н.А. Семашко о советском здравоохранении, и был переведен один декрет Наркомздрава РСФСР³⁷⁹.

Отдельно следует упомянуть статью представителя Наркомздрава в Берлине Я.Р. Гольденберга в журнале *«Ost-Europa»* («Восточная Европа»). Это был издательский проект Германского общества по изучению Восточной Европы (*Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas*) – организации, которая являлась одним из важнейших европейских партнеров ВОКСа. Руководитель этого общества, берлинский историк Отто Хётч

³⁷⁶ Модлин И.С. К вопросу об истории развития научно-медицинских связей Германской демократической республики с Советским Союзом // Проблемы научной медицинской информации (материалы V научной конференции ВНИИМИ). – М.: ВНИИМИ, 1972. – С. 102.

³⁷⁷ Там же. – С. 102–103.

³⁷⁸ Winter I. Der Verein sozialistischer Ärzte: ein Beitrag zur Geschichte des Ärztestandes // Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung. – 1964. – № 58/19. – С. 1140–1143.

³⁷⁹ Semaschko N.A. Sozialistische Gesichtspunkte im Gesundheitswesen Russlands // Der Sozialistische Arzt. – 1925. – Vol. 1. – № 4. – С. 1–8; Semaschko N.A. Rundschreiben des Volkskommissariats für Gesundheitswesen Nr. 221 vom 3. November 1924 // Der Sozialistische Arzt. – 1925. – Vol. 1. – № 4. – С. 42–43.

(*Hoetzsch*), не был идейным сторонником СССР³⁸⁰. Материал Гольденберга в журнале этого общества подводил итоги советско-германского сотрудничества в области медицины и здравоохранения в 1920-е гг.³⁸¹

Особенностью публикаций о советском здравоохранении в левой немецкой политической прессе был их «наркомздравовский» характер. Тут мы обращаем внимание на то обстоятельство, что исследования советских ученых-медиков, работавших не в подчинении Наркомздрава РСФСР (в том числе таких всемирно известных, как академик И.П. Павлов, академик В.М. Бехтерев, профессор М.И. Неменов) в этих статьях не освещались. Наука в УССР (ученых из Киевского, Харьковского и Одесского университетов) также не была представлена в этих публикациях. Зато выпячивалась роль наркома Н.А. Семашко. Например, в честь его 50-летия и 30-летия его общественно-политической деятельности в журнале «Новая Россия» были опубликованы его портрет и подробная биография³⁸².

Представительство Наркомздрава РСФСР в Германии на протяжении всех 1920-х гг. размещало как в специальной медицинской, так и в общеполитической немецкой прессе статьи по актуальным вопросам здравоохранения в СССР, организовывало соответствующие экспозиции на немецких врачебных съездах, предоставляло информацию о советском здравоохранении и медицине по индивидуальным запросам немецких обществ, учреждений и врачей³⁸³.

В ноябре 1923 г. наркому здравоохранения РСФСР поступило письмо от редактора журнала «*Deutsche Medizinische Wochenschrift*» («Немецкий медицинский еженедельник»), немецкого врача еврейского происхождения Юлиуса Швальбе

³⁸⁰ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – С. 115.

³⁸¹ Goldenberg J. Wege und Ausblicke der Zusammenarbeit Deutschlands und Sowjetrußlands auf dem Gebiete der Gesundheitspflege // Osteuropa. – 1927. – Vol. 2. – № 8/9. – S. 474–481.

³⁸² Dreißig Jahre öffentlich-sozialer Tätigkeit N.A. Semaschko // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 7/8. – S. 24–25.

³⁸³ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.702, л.37–62. Отчет Представительства Наркомздрава в Германии с января 1927 г. по январь 1928 года.

(*Julius Schwalbe*, 1863–1930). В нем Швальбе предлагал наркому разместить на страницах своего издания серию статей о советском здравоохранении³⁸⁴. Для Наркомздрава РСФСР это был просто подарок – бесплатная площадка для ведения пропаганды советского здравоохранения в уважаемом немецком медицинском журнале. Перед отделом заграничной информации Наркомздрава и его берлинским представительством давно стояла задача издать в Европе материал о советском здравоохранении и самом Наркомздраве РСФСР³⁸⁵. И благодаря профессору Швальбе эта задача решилась при минимальных усилиях со стороны Наркомздрава.

В конечном итоге в 1924 г. в журнале была опубликована серия статей наркома Н.А. Семашко о практически всех аспектах советской медицины – от организации здравоохранения до медицинской науки³⁸⁶. Эти публикации готовились в Москве,

³⁸⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.59, л.285–285об. Письмо профессора Ю. Швальбе наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 13.10.1923 (на нем. языке).

³⁸⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.59, л.355. Письмо представительства Наркомздрава РСФСР в Германии наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 14.12.1923 № 9373.

³⁸⁶ Винтер К. Роль Н.А. Семашко в развитии германо-советских отношений в области медицины // Советское здравоохранение. – 1975. – № 7. – С. 77–81; Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland I. Das Volkskommissariat für Gesundheitswesen und seine Verwaltungsorgane // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 4. – S. 117–119; Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. II. Die Epidemien und ihre Bekämpfung (1914–1923) // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 7. – S. 213–214; Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. II. Die Epidemien und ihre Bekämpfung (1914–1923) (Schluß des Artikels aus Nr. 7.) // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 8. – S. 243–244; Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjetrußland. III. Der Kampf gegen die sozialen Krankheiten // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 11. – S. 344–345; Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. IV. Mutterschafts-, Säuglings- und Kindergesundheitsschutz // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 17. – S. 545–546; Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. IV. Mutterschafts-, Säuglings- und Kindergesundheitsschutz (Schluß aus Nr. 17.) // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 18. – S. 581–582; Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. IX. Das medizinische Studium und die ärztliche Fortbildung // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 46. – S. 1587–1588; Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. V. Die Aerzte // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 22. – S. 722–723; Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. VI. Die sanitäre Aufklärungsarbeit // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 27. – S. 923–924; Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. VII. Das Heilwesen // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 32. – S. 1090–1092; Semasch-

представительство Наркомздрава РСФСР в Германии просто информировалось об этих публикациях³⁸⁷. Публикации шли почти весь год: первая статья из этой серии появилась в номере «Немецкого медицинского еженедельника» от 25 января 1924 г., последняя – в номере от 14 ноября 1924 г.

В этой серии статей Семашко смог довольно убедительно доказать, что так называемая советская медицина – это не только идеологические принципы, но и «практико-ориентированная программа принятия неотложных мер», направленная на оказание базовой медицинской помощи населению не очень развитого с культурной точки зрения многонационального государства, сильно пострадавшего от войны. Для проведения реорганизации системы здравоохранения новая власть решила черпать вдохновение в других странах. Семашко, в частности, ориентировался на выводы немецкой социальной гигиены. Он обозначил четкие границы между советской медициной и идеологическими разногласиями, тем самым произведя большое впечатление на многих врачей, которые считали, что медицина не имеет никакого отношения к политике³⁸⁸.

В связи с широким спектром задач компетенции Наркомздрава РСФСР выходили за рамки одной лишь медицины. В них входили все социальные задачи, которые были «тесно связаны с охраной здоровья и в целом представляли собой социально-гигиенические меры»³⁸⁹. Таким образом, Наркомздрав был обязан «не только бороться с существующими проблемами и заведомо вредными для здоровья условиями жизни и труда, но и заботиться об улучшении общего состояния здоровья населе-

ko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. VIII. Das Kurortwesen // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 37. – S. 1251–1253.

³⁸⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.176. Копия письма зам.заведующего отделом заграничной информации Наркомздрава Б.Х. Бидерман представителю Наркомздрава в Германии Я.Р. Гольденбергу от 02.02.1924 № 14 (секретно).

³⁸⁸ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 115.

³⁸⁹ Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland I. Das Volkskommissariat für Gesundheitswesen und seine Verwaltungsorgane // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 4. – S. 117–119.

ния»³⁹⁰. Семашко не просто классифицировал задачи Наркомздрава с медицинской точки зрения, он рассматривал его как часть социально-культурного развития страны. Семашко считал, что повышение «культуры гигиены» – это необходимое условие для повышения культуры всего населения СССР³⁹¹. В серии статей 1924 г. он признал, что эти долгосрочные цели были отложены в первые годы существования СССР, так как приоритетом была борьба с эпидемиями.

Следует отметить, что хотя редакция «Немецкого медицинского еженедельника» публиковала материалы явно пропагандистского характера наркома Н.А. Семашко, редакторы не придерживались просоветских взглядов. Напротив, в том же самом журнале печатались ярко выраженные антикоммунистические идеи и критические высказывания в сторону советской службы здравоохранения. Яркий пример этого – анонимная статья «Медицинская жизнь на Украине»³⁹².

Наркомздрав РСФСР первоначально планировал издать все статьи Н.А. Семашко из «Немецкого медицинского еженедельника» вместе в одной брошюре, но потом от этой идеи отказались. Вместо этого иностранным гостям наркома в Москве дарили отдельные оттиски этих статей.

Советские политики и врачи в целом признавали, что состояние медицины в СССР не дотягивает до западного уровня. Однако они оправдывались тем, что СССР досталось «бремя нерешенных проблем» царской эпохи, когда значительная часть населения либо вовсе не получала медицинской помощи, либо получала ее в минимальном объеме. Таким образом, в 1920-е гг. СССР все еще находился в самом начале создания системы здравоохранения. В ответ на обвинения в запущенном состоянии системы здравоохранения в СССР говорили, что советская меди-

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 116; Semaschko N.A. Sowjetmedizin und Volkshygiene // Das Neue Rußland. – 1925. – Vol. 2. – № 9/10. – S. 12–13.

³⁹² Karbe C.-H. Veröffentlichungen N.A. Semaškos in Deutschland über das sowjetische Gesundheitswesen // NTM Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin. – 1968. – Vol. 5. – № 11. – S. 79–92; Das medizinische Leben in der Ukraine // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 47. – S. 1622–1623.

цина уже достигла первых успехов, о чем свидетельствовало снижение инфекционных заболеваний и общей смертности³⁹³.

Таким образом, в 1923–1924 гг. статьи советских авторов по медицине и здравоохранению стали обычным делом в немецкой печати. Многочисленные публикации советских врачей в различных немецких журналах четко дают понять, что советская сторона пыталась вызвать интерес к СССР и его системе здравоохранения. Советские ученые-медики публиковались в специализированных медицинских журналах, а пропагандистские материалы о советском здравоохранении чаще появлялись на страницах левой политической прессы. Исключением из этого правила стала серия статей Семашко в «Немецком медицинском еженедельнике». С одной стороны, первоначальные цели Наркомздрава РСФСР по выходу в немецкие журналы была достигнута, но с другой, перед Наркомздравом РСФСР встала необходимость иметь собственный печатный орган в Веймарской республике, чтобы не зависеть от прихотей немецких редколлегий.

§ 3.4. Проект журнала «*Folia medica*»

Одной из загадок медицинского сотрудничества между СССР и Веймарской республикой является судьба совместного журнала «*Folia medica*»³⁹⁴, замысел которого так и не был реализован. Об этом журнале упоминается в отечественной и зарубежной литературе³⁹⁵. При этом сведения о журнале приводятся

³⁹³ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 120.

³⁹⁴ Буквальный перевод с латыни *Folia medica* – медицинские листы. Журнал с таким же названием выпускался в Неаполе в 1915–1983 гг.

³⁹⁵ Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 231–268; Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д. А. Александров [и др.]; ред. Э. И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001; Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 193–216; Wulf S. The Revista Médica project:

самые противоречивые. Например, В.А. Космач писал о «*Folia medica*» как о реализованном проекте, и что отпечатанный первый номер журнала вышел в январе 1923 г.³⁹⁶. С. Соломон, изучив архивы Наркомздрава РСФСР, обнаружила в фонде Бюро заграничной информации (ГА РФ Ф.А482, оп. 35) протокол совещания комиссии по пересмотру договора об издании в Германии журнала «*Folia medica*» и сделала вывод, что представитель Наркомздрава РСФСР в Берлине Я.Р. Гольденберг в 1923–1924 г. безуспешно пытался основать двуязычный совместный медицинский журнал³⁹⁷. Эта же исследовательница ссылается на письмо Х. Цейсса в Германский Красный Крест от ноября 1924 г., найденное в архивах Германского посольства в Москве, в котором немцы считали, что русский закрыли проект по изданию журнала «в последний момент»³⁹⁸.

Так какие же все-таки цели перед журналом ставили разные стороны? Для чего этот журнал был нужен немецким издателям и гамбургским врачам? Какую пользу от журнала видел Н.А. Семашко для советской медицины? Какую роль в подготовительных мероприятиях играли германское посольство в Москве и Х. Цейсс? И почему эта попытка создать журнал не увенчалась успехом?

Ответы на некоторые из этих вопросов дает изучение секретной части фонда отдела (бюро) заграничной информации

medical journals as instruments of German foreign cultural policy towards Latin America, 1920–1938 // *História, Ciências, Saúde-Manguinhos*. – 2013. – Vol. 20. – № 1. – P. 181–201; Weindling P.J. *Epidemics and genocide in Eastern Europe 1890–1945*. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.

³⁹⁶ Космач В.А. Важный этап сотрудничества в области медицины // *Советское здравоохранение*. – 1988. – № 4. – С. 65.

³⁹⁷ Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 247, 263; Solomon S.G. *Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s* // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 196.

³⁹⁸ Solomon S.G. *Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s* // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 196, 210.

(ГА РФ Ф.А482, оп. 55), в которой содержится корреспонденция представительства Наркомздрава РСФСР в Берлине и директора Государственного института микробиологии в Москве профессора В.А. Барыкина, находившегося с первой половине 1924 г. в заграничной командировке в Западной Европе.

История этого журнала начинается в начале 1920-х гг. К этому времени врачами из Института морской и тропической медицины в Гамбурге и немецкой медицинско-книготорговой фирмой уже был создан испаноязычный журнал «*Revista Médica de Hamburgo*» («Гамбургский медицинский журнал») для стран Латинской Америки и Испании³⁹⁹. Это издание было задумано еще в 1914 г. и выходило ежемесячно до октября 1928 г., когда было объединено с журналом «*La Medicina Germano-Hispano-Americana*» («Немецко-испано-американская медицина»). Этот новый журнал стал называться «*Revista Médica Germano-Iberoamericana*» («Немецко-иберо-американский медицинский журнал») и продолжал выходить до 1938 г.⁴⁰⁰. «Гамбургский медицинский журнал» содержал статьи немецких ученых, отчеты о проведенных в Веймарской республике конференциях, обзоры новых немецких книг, а также рекламу немецких лекарств, медицинского оборудования, курортов и клиник⁴⁰¹. Таким образом, немецкая медицинская наука должна была выйти на новые зарубежные рынки, и тропическая медицина подходила на эту роль как нельзя лучше⁴⁰². После Первой Мировой войны внешняя культурная политика стала одной из немногих областей, где Веймарская республика могла свободно действовать без оглядки на ограничения Версальского договора. В продвижении своих национальных интересов и до войны, и после нее главным врагом Германии была Франция.

³⁹⁹ Sá M.R., da Silva A.F.C. La Revista Médica De Hamburgo y la Revista Médica Germano-Ibero-Americana : Diseminación de la medicina germánica en España y América Latina (1920–1933) // *Asclepio*. – 2010. – Vol. 62. – № 1. – P. 7–34.

⁴⁰⁰ Wulf S. The Revista Médica project: medical journals as instruments of German foreign cultural policy towards Latin America, 1920–1938 // *História, Ciências, Saúde-Manguinhos*. – 2013. – Vol. 20. – № 1. – P. 181–201.

⁴⁰¹ Там же. – P. 183.

⁴⁰² Там же. – P. 187.

Важным фактором в распространении «Гамбургского медицинского журнала» по всему миру была роль немецкого государства. После реформы Министерства иностранных дел Германии (*Auswärtiges Amt*) 1919–1929 гг. в нем появился департамент культуры с четырьмя отделами, в том числе отделом книг (*Bücherreferat*). Целью этого отдела было распространение немецкой литературы за рубежом, обмен литературой, создание немецких научных институтов за границей и визиты ученых по обмену⁴⁰³. Отдел книг германского МИДа не просто поддерживал «Гамбургский медицинский журнал», но и тесно сотрудничал с редакторами и издателями журнала. Например, отдел организовал получение откликов о журнале от немецких врачей, живших за границей, с целью внесения необходимых корректив в издание, когда это было необходимо. Связь редакции журнала с германским МИДом осуществлял профессор Л. Брауэр⁴⁰⁴.

Людольф Брауэр (*Ludolph Brauer*, 1865–1951) был немецким врачом-хирургом, профессором, специалистом по туберкулезу, болезням сердца и легких. Начиная свою деятельность в качестве сотрудника профессора-бактериолога Э. Беринга (*Emil Adolf von Behring*). В 1905–1910 гг. Брауэр был директором Университетской клиники в Марбурге, в 1910–1934 гг. – директором Больницы Гамбург-Эппендорф (сначала финансируемой за счет частных средств, затем в качестве подразделения Гамбургского университета) (*Ärztlicher Direktor des Allgemeinen Krankenhauses Eppendorf*), в 1930–1934 гг. – президентом Гамбургского университета⁴⁰⁵.

Врач и предприниматель Л. Брауэр рассматривал немецкую медицину как средство распространения немецкой культуры, поэтому был очень заинтересован в переносе опыта «Гамбургского медицинского журнала» на регионы с другой культурой

⁴⁰³ Düwell K. Deutschlands auswärtige Kulturpolitik, 1918–1932: Grundlinien und Dokumente. Deutschlands auswärtige Kulturpolitik, 1918–1932. – Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1976. – P. 91.

⁴⁰⁴ Wulf S. The Revista Médica project: medical journals as instruments of German foreign cultural policy towards Latin America, 1920–1938 // *História, Ciências, Saúde-Manguinhos*. – 2013. – Vol. 20. – № 1. – P. 188–189.

⁴⁰⁵ Wulf S. The Revista Médica project: medical journals as instruments of German foreign cultural policy towards Latin America, 1920–1938 // *História, Ciências, Saúde-Manguinhos*. – 2013. – Vol. 20. – № 1. – P. 196.

и другими языками. Он задумывал издание подобного журнала в Югославии, Италии, Советской России, Японии, Китае, а также на иврите. Фактически Л. Брауэр планировал издание русскоязычной версии «Гамбургского медицинского журнала», а не создание нового советско-германского журнала.

Исследователь из ГДР Т. Рихтер обнаружил в архивах письмо Л. Брауэра в германское Министерство внутренних дел от ноября 1919 г. о планах издания медицинского журнала на русском языке⁴⁰⁶. О целях нового журнала можно получить представление из следующей цитаты из письма Брауэра: «Всеми нами движет патриотическое стремление максимально тактично и достойно использовать достижения немецкой медицины для аккуратного ведения пропаганды на территории других стран». И далее он пишет: «Мы хотели бы внести свой вклад в продвижение интересов Германии с помощью немецкой медицины, которая сама по себе аполитична, но пользуется большим уважением за рубежом»⁴⁰⁷. Но в это время Брауэр так и не смог реализовать свои планы по созданию версии «Гамбургского медицинского журнала» на русском языке.

Летом 1921 г., вкладывая в эту научно-медицинскую деятельность политическую подоплеку (подготовка почвы к политическим изменениям в России), Л. Брауэр вновь писал о планах издания русской версии немецкого медицинского журнала⁴⁰⁸. Вместе с тем он тогда не решался вступить в контакт с Советской Россией, опасаясь, что его могут использовать в пропагандистских целях. Осенью 1921 г. он консультировался у Министерства иностранных дел Веймарской Республики, будет ли это «по-немецки», если он опубликует статью, о которой его попро-

⁴⁰⁶ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – S. 21.

⁴⁰⁷ Там же. – S. 21–22.

⁴⁰⁸ Weindling P. German overtures to Russia, 1919–1925: Between racial expansion and national coexistence // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 38; Weindling P.J. *Epidemics and genocide in Eastern Europe 1890–1945*. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. – P. 179.

сила советская сторона, в русском журнале. В течение 1922 г. эта осторожность немецких ученых постепенно развеялась⁴⁰⁹.

22 октября 1922 г. Министерство внутренних дел Веймарской республики при финансовой помощи Фонда Бильрота (*Billroth-Stiftung für deutsche Heilkunde im Ausland*) организовало конференцию с участием издателей медицинской литературы. Пол Уейндлинг считает, что одним из итогов этой встречи стала поддержка наркомом Н.А. Семашко и его заместителем З.П. Соловьева идеи создания двуязычного советско-германского медицинского журнала (под рабочим названием «*Folia medica*»)⁴¹⁰. Важную роль в осуществлении связи между медиками Советской России и Веймарской республики играл проживавший в Москве немецкий врач Х. Цейсс.

В мае-июне 1923 г. Л. Брауэр во время своего визита в СССР встретился с наркомом здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко. Профессор Брауэр договорился с Семашко, что ежемесячный журнал на русском языке под названием «*Folia Medica*» должен был начать выходить с января 1924 г. параллельно с испаноязычным «Гамбургским медицинским журналом» в том же формате и с тем же оформлением⁴¹¹. В ходе переговоров стороны согласились с предложением до печати всего тиража журнала показывать этот номер представителю Наркомздрава РСФСР в Берлине⁴¹². В сентябре 1923 г. Л. Брауэр предоставил в Германское посольство в Москве детальную информацию о планируемом издании.

О перспективах этого совместного советско-германского издания в сентябре 1923 г. издательство Фишера (*Fischers Medizinische Buchhandlung, Berlin*) также уведомило Министерство

⁴⁰⁹ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 49.

⁴¹⁰ Weindling P. German overtures to Russia, 1919–1925: Between racial expansion and national coexistence // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 48.

⁴¹¹ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 82.

⁴¹² ГАРФ. Ф.Р3341, оп.6, д.334 л.90. Копия письма главноуполномоченного Германского Красного Креста Х. Цейсса в РОКК от 02.12.1923 № 6385 (перевод с немецкого).

иностранных дел Веймарской республики. В письме говорилось, что на октябрь 1923 г. был запланирован выход рекламного проспекта журнала тиражом в 100 тыс. экземпляров, а в январе 1924 г. ожидалось начало издания ежемесячного журнала на русском языке. Издательство просило германский МИД через посольства найти потенциальных читателей, которые могли бы подписаться на журнал. Немецкая сторона ставила перед собой цель укрепить связи между учеными Германии и России, информировать советских врачей о новостях немецкой медицины за десять послевоенных лет и о текущих исследованиях⁴¹³.

В ответе на это письмо издательства доверенное лицо германского посольства в Москве по вопросам медицины доктор Х. Цейсс отметил, что найти адреса потенциальных подписчиков будет трудно. Проживший уже 2 года в Москве Х. Цейсс предложил действовать централизованно – через Наркомздрав РСФСР. На консультациях в Наркомздраве он договорился об оповещении всех территориальных органов здравоохранения (губздравов) и медицинских факультетов, а также о размещении объявления о новом журнале в «Бюллетене Наркомздрава». Для организации продвижения журнала «*Folia Medica*» с 30 октября 1923 г. Наркомздрав пообещал Х. Цейссу даже финансовые средства, но точная сумма на переговорах не называлась⁴¹⁴.

На этих консультациях Х. Цейсса в Наркомздраве РСФСР впервые открыто проявились противоречия между советской и германской сторонами. Представители Наркомздрава заявили, что в случае выхода журнала на русском языке больше нельзя будет говорить об обмене знаниями. В этой связи советская сторона внесла предложение издавать журнал на двух языках, то есть в одном номере печатать немецкие оригиналы в переводе на русский язык и работы российских врачей в переводе на немец-

⁴¹³ Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – С. 108–109; Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – S. 30.

⁴¹⁴ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – S. 30.

кий язык. Таким образом, СССР был явно заинтересован в том, чтобы использовать «*Folia Medica*» для распространения советских работ за рубежом. Однако это противоречило намерениям Л. Брауэра и немецких издателей: они хотели просто русскую версию «Гамбургского медицинского журнала» для продвижения «важных интересов Германии»⁴¹⁵.

При этом для немецкой стороны на первом плане были как коммерческие аспекты книготорговли и реклама фармацевтических и прочих компаний, так и «осторожная зарубежная пропаганда», потому что немецким издателям журнал сулил много прибыли, если бы его можно было продавать в СССР без инфляции и кризисных колебаний. Кроме того, высокий спрос на медицинскую литературу в СССР и централизованное распространение журнала благодаря договоренностям с Наркомздравом гарантировали издателям коммерческий успех. Советская сторона, напротив, предлагала двустороннее сотрудничество. Ее интересы были совершенно другими: импорт достижений исследователей из Западной Европы и пропаганда успехов советской медицины, науки и здравоохранения. Таким образом, советскую сторону не устраивала роль пассивного потребителя⁴¹⁶.

Тем не менее, организационная работа по подготовке нового журнала шла полным ходом. В редакционную коллегию журнала «*Folia medica*» планировалось ввести ученых-медиков из СССР и Веймарской республики. По данным Германского посольства в Москве, еще одним немецким редактором (*Herausgeber*) нового журнала, помимо Л. Брауэра, был выбран директор Института морской и тропической медицины в Гамбурге Б. Нохт. С советской стороны редакторами (*Herausgeber*) были названы профессор-хирург из Военно-медицинской академии С.П. Федоров (бывший лейб-хирург императорской семьи) и профессор П.П. Лазарев – директор Института физики и биофизики. Оба этих ученых работали в Петрограде и имели тесные научные связи с коллегами в Европе.

Членами редакционной коллегии (*Redakteur*) с немецкой стороны должны были стать П. Мюленс (*Peter Mühlens*), ассистент

⁴¹⁵ Там же. – С. 30–31.

⁴¹⁶ Там же. – С. 31.

Университетской клиники Гамбург-Эппендорф О. Фишер (*Otto Fischer*), редактор берлинского журнала по проблемам туберкулеза доктор Михельсон (*Michelsohn*) и Х. Цейсс. С советской стороны в редколлегия журнала были предложены кандидатуры профессора Е.Е. Фромгольда (заведующий пропедевтической клиникой Первого Московского университета), К.Н. Георгиевского (профессор терапии внутренних болезней Харьковского университета), А.А. Кронтовского (профессор общей патологии Киевского университета) и профессора О.А. Степуна (директор Научно-исследовательского химико-фармацевтического института ВСНХ СССР в Москве)⁴¹⁷.

Германское посольство в СССР курировало издание этого журнала через уполномоченного Германского Красного Креста в Москве, бактериолога и гигиениста Х. Цейсса. Он же в сентябре 1923 г. сообщил посольским работникам о возникших в Германии затруднениях с реализацией замысла. Тем не менее, в ноябре 1923 г. появились объявления-анонсы журнала, в которых подчеркивалось, что журнал предполагалось издавать на двух языках с немецкими статьями в русском переводе и советскими работами в переводах на немецкий язык⁴¹⁸.

Издавать будущий журнал планировалось в книжном доме *Fischer's Medizinische Buchhandlung H. Kornfeld, Berlin*, владельцем которого был Курт Корнфельд (*Kurt Kornfeld*, 1887–1967)⁴¹⁹. Это издательство уже было связано с Наркомздравом РСФСР, так как в нем планировалось издание сборника к 5-летию юбилею Наркомздрава на немецком языке⁴²⁰.

В конце 1923 г. Х. Цейсс писал, что журнал «*Folia medica*» будет создан под «ведомством Германского Красного Креста», а печататься он будет в Веймарской республике. Руководство

⁴¹⁷ Там же. – С. 29–30.

⁴¹⁸ Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – С. 109.

⁴¹⁹ Немецкий издатель, с 1914 г. владелец *Fischer's Medizinische Buchhandlung H. Kornfeld, Berlin*. После 1933 г. эмигрировал в США. Wulf S. The Revista Médica project: medical journals as instruments of German foreign cultural policy towards Latin America, 1920–1938 // *História, Ciências, Saúde-Manguinhos*. – 2013. – Vol. 20. – № 1. – P. 196.

⁴²⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.59, л.281. Копия письма К. Корнфельда представителю Наркомздрава РСФСР в Германии от 05.11.1923 (на нем. языке).

журнала он дополнил еще одним русским редактором – терапевтом Д.Д. Плетневым, а в состав редакционной коллегии был включен профессор-бактериолог В.А. Барыкин⁴²¹. Именно профессору В.А. Барыкину суждено было сыграть главную роль в переговорах по изданию журнала.

Чтобы подстраховаться от неожиданностей, Х. Цейсс даже заранее хотел получить предварительное разрешение на издание журнала «*Folia medica*» в Советской России, но Центральный комитет РОКК ответил ему, что уже после выхода журнала его надо представить в Главлит⁴²².

Представитель Наркомздрава РСФСР в Берлине Я.Р. Гольденберг в 1923 г. в подготовке выхода журнала «*Folia medica*» не участвовал. В конце 1923 г. он писал в Москву о планах представительства издавать двухнедельный журнал на немецком языке по вопросам здравоохранения совместно с группой немецких врачей левого толка. Вероятно, в данном случае Я.Р. Гольденберг имел в виду журнал, который стал издаваться позже под названием «*Der sozialistische Arzt*» («Врач-социалист»)⁴²³. Кроме этого, основным проектом в области периодики для Я.Р. Гольденберга в это время был журнал «Новая Россия».

Согласно документам, находящимся в секретной описи отдела (бюро) заграничной информации (ГА РФ, ф.А482, оп.55), вопрос о выходе Наркомздрава из проекта по изданию совместного журнала «*Folia medica*» был решен в марте-апреле 1924 г. после переговоров профессора В.А. Барыкина, уполномоченного на их проведение Наркомздравом РСФСР, с профессором Л. Брауэром в Гамбурге.

Командировка профессора В.А. Барыкина в Веймарскую республику, Бельгию, Францию, Англию и Швейцарию на 3 месяца «для ознакомления с научной работой в области

⁴²¹ ГАРФ. Ф.Р3341, оп.6, д.334 л.54–58. Германский Красный Крест. Отдел Медицинская помощь России. Деятельность бактериологической лаборатории в Москве. 16.11.1923 (перевод с немецкого).

⁴²² ГАРФ. Ф.Р3341, оп.6, д.334 л.69. Копия письма зав.иностранным отделом ЦК РОКК главноуполномоченному Германского Красного Креста доктору Х. Цейссу от 23.11.1923 № 1035.

⁴²³ Winter I. Der Verein sozialistischer Ärzte: ein Beitrag zur Geschichte des Ärztestandes // Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung. – 1964. – № 58/19. – S. 1140–1143.

микробиологии и новейшими методами противоэпидемической борьбы» была запланирована еще в августе 1923 г.⁴²⁴. Полномочия на ведение переговоров по изданию журнала «*Folia medica*» Барыкин получил в январе 1924 г.⁴²⁵. Уже перед самым выездом В.А. Барыкин получил разрешение на посещение Пастеровского института в Тунисе по приглашению профессора Э. Бюрне (*Étienne Burnet*) и на эти цели получил дополнительно 350 зол. руб.⁴²⁶.

Из писем В.А. Барыкина в Наркомздрав следует, что Н.А. Семашко был настроен подписать договор с немцами об издании журнала. Конечно, Барыкину поручалось провести переговоры, но надежда на успех была достаточно высокая – Наркомздрав даже выдал профессору субсидию в валюте.

В своем первом письме из Берлина от 21.02.1924 профессор В.А. Барыкин пишет, что в первый день переговоров он встретился с ассистентом профессора Л. Брауэра доктором О. Фишером (*Otto Fischer*) и представителем немецкого издательства К. Корнфельдом (В.А. Барыкин ошибочно называет его Кронбергом), после которого у него сложилось скептическое отношение ко всему проекту. Барыкин сделал для себя вывод, что с помощью этого журнала «они исключительно хотят овладеть русским медицинским рынком в целях популяризации немецкой науки и, главным образом, получения некоторых доходов с нашей помощью от русских научных работников»⁴²⁷. К приезду Барыкина немецкой стороной был подготовлен проект договора об издании журнала «*Folia medica*» и проект первого номера, где русским статьям отводилась незначительная часть всего выпуска.

У представителя Наркомздрава РСФСР в Берлине Я.Р. Гольденберга, присутствовавшего на этой встрече, также сложилось

⁴²⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.26, л.38. Письмо директора Микробиологического института Гинз'а профессора В.А. Барыкина наркому здравоохранения от 02.08.1923.

⁴²⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.26, л.37. Доверенность Наркомздрава РСФСР профессору В.А. Барыкину от 18.01.1924 № 69 (на нем. языке).

⁴²⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.26, л.64. Копия письма наркома здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко в центральную комиссию пограничным научным командировкам при Наркомпросе от 10.02.1924 № 143.

⁴²⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.233–235об. Письмо профессора В.А. Барыкина из Берлина наркому здравоохранения Н.А. Семашко от 21.02.1924 и 28.02.1924.

впечатление, что немецкая сторона рассматривала журнал, главным образом, как площадку для размещения немецкой медицинской рекламы в СССР⁴²⁸.

Негативное отношение профессора В.А. Барыкина к немцам в эту поездку было обусловлено еще одним обстоятельством. В мае-июне 1923 г. в Москве профессор Брауэр предложил свои услуги в размещении научных статей советских ученых в немецких медицинских журналах (с переводом на немецкий язык) за счет авторского гонорара. В феврале 1924 г. Барыкин привез в Германию 8 статей сотрудников своего института, но Фишер запросил за их перевод на немецкий и перепечатку на пишущей машинке сумму, превышающую авторский гонорар. Разницу в ценах между московскими и озвученными Фишером Барыкин оценил в 10 раз⁴²⁹.

Переговоры по договору на издание журнала «*Folia medica*» от имени Наркомздрава РСФСР должен был вести именно профессор В.А. Барыкин, а не представитель Наркомздрава в Берлине Я.Р. Гольденберг. Последний в письме в Москву сообщал, что не знает обсуждавшийся В.А. Барыкиным с Н.А. Семашко план ведения переговоров по журналу⁴³⁰. Поскольку профессор Брауэр отказался ехать на встречу в Берлин, Барыкин вынужден был выехать в Гамбург в сопровождении помощника Гольденберга – доктора А.В. Бингера. Последний должен был помочь Барыкину в редактировании соглашения на немецком языке, если такое соглашение было бы подписано.

В следующем письме наркому Н.А. Семашко, написанном уже из Парижа несколько дней спустя после встречи в Гамбурге, профессор В.А. Барыкин описал свою версию этих переговоров. Профессор-микробиолог писал, что Брауэр встретил его «настолько нелюбезно и почти невежливо, что в первые минуты

⁴²⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.218–218об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в отдел заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 01.03.1924 № 785 (секретно).

⁴²⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.233–235об. Письмо профессора В.А. Барыкина из Берлина наркому здравоохранения Н.А. Семашко от 21.02.1924 и 28.02.1924.

⁴³⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.218–218об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в отдел заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 01.03.1924 № 785 (секретно).

я был близок к тому, чтобы с ним просто раскланяться». Тем не менее, переговоры продолжились и длились 2 дня⁴³¹.

Во время этой встречи профессор Брауэр сообщил советским гостям, что обменялся телеграммами с доктором Х. Цейсом, находившемся в Москве, и через него согласовал все вопросы с наркомом Н.А. Семашко⁴³². Вероятно, тем самым он хотел снять лишние вопросы по поводу подписания договора.

Условия Наркомздрава РСФСР по изданию совместного журнала «*Folia medica*» оказались для немецкой стороны «совершенно неприемлемы» (подчеркнуто В.А. Барыкиным)⁴³³. Главное, что на цель издания журнала немцы смотрели совершенно другими глазами. Со слов Барыкина, журнал они создавали для достижения двух целей: получение дохода и популяризация немецкой науки среди русских врачей⁴³⁴.

Первое обязательное требование Наркомздрава РСФСР заключались в размещении русских и немецких статей в одних выпусках журнала (русские статьи в переводе на немецкий язык, а немецкие статьи – по желанию авторов). Немецкая же сторона настаивала на подготовке двух версий журнала (для Германии – статьи советских медиков, для Советской России – статьи немецких врачей). Совмещение этих версий в один журнал, как утверждали Фишер и Брауэр, «невыгодно в финансовом отношении и неудобно технически»⁴³⁵.

Во-вторых, советская сторона желала, чтобы публикуемые в журнале статьи носили обзорный характер. Но такой подход к содержанию журнала отвергали немцы. Их идея заключалась в издании немецкой версии журнала (со статьями советских авторов) за счет Наркомздрава РСФСР, а русской версии – за счет немецкой стороны (и с их редакционной политикой), но с гаран-

⁴³¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.229. Письмо профессора В.А. Барыкина из Парижа наркому здравоохранения Н.А. Семашко от 11.03.1924.

⁴³² ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.237–237об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в отдел заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 10.03.1924 № 872 (секретно).

⁴³³ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.229. Письмо профессора В.А. Барыкина из Парижа наркому здравоохранения Н.А. Семашко от 11.03.1924.

⁴³⁴ Там же, л.229–229об.

⁴³⁵ Там же, л.229об.

тием от Наркомздрава РСФСР, что журнал будет распространяться в СССР⁴³⁶. Но издавать немецкоязычный медицинский журнал за свой счет Наркомздрав РСФСР готов не был.

Миссия В.А. Барыкина, видимо, первоначально выглядела как техническая – улаживание мелких деталей и подписание договора на издание журнала. Он даже вез с собой однократную субсидию Наркомздрава РСФСР – сумму в размере около 500 амер. долл. Это все, что Н.А. Семашко мог выделить на издание совместного журнала. Но профессор Л. Брауэр заявил, что этих денег едва ли хватит на печать проспекта и первого номера журнала. По его оценкам, затраты на издание одного номера одной национальной версии журнала составят 300–400 амер. долл., или 7 000–8 000 тыс. зол. руб. в год. При таких затратах получалось, что расходы на журнал почти равнялись содержанию берлинского представительства Наркомздрава РСФСР (около 500 амер. долл. в месяц)⁴³⁷. В свою очередь, берлинские издатели оценили В.А. Барыкину издание одного номера (объемом 2 печатных листа) примерно в 100 амер. долл.⁴³⁸

В качестве уступки Л. Брауэр предложил В.А. Барыкину сохранить одно название «*Folia medica*» на обе версии журнала и печатать в обеих версиях на первом листе название журнала на двух языках. Других выходов из сложившейся ситуации Л. Брауэр не видел, а когда Барыкин пытался его убедить своими аргументами, в ответ немецкий профессор рассказал о «достоинствах русской медицинской науки и о его горячем желании объединить дружеской связью русских с немцами»⁴³⁹.

Во второй день переговоров Л. Брауэр представил свое письмо, адресованное наркому Н.А. Семашко, в котором он заявил о согласовании всех предложений немецкой стороны с Барыкиным и предложил ему подписать проект соглашения по изданию журнала в неизменной версии немецкой сто-

⁴³⁶ Там же.

⁴³⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.289. Ведомость приходов и расходов представительства Наркомздрава в Германии с января по июнь 1924 г.

⁴³⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.230. Письмо профессора В.А. Барыкина из Парижа наркому здравоохранения Н.А. Семашко от 11.03.1924.

⁴³⁹ Там же.

роны⁴⁴⁰. В итоге Барыкин подписал протокол об издании журнала в версии гамбургской стороны⁴⁴¹. Как Барыкин оправдывался в письме Н.А. Семашко, сделал он это, не желая брать ответственность за окончательный разрыв с Брауэром, а также потому, что не до конца был уверен в позиции наркома по этому вопросу. Но свое мнение по этому поводу он сформулировал так: «с Брауер’ом нельзя входить ни в какие соглашения, нельзя также рассчитывать с его помощью установить связь между русскими и немецкими врачами, нельзя ему и верить» (подчеркнуто В.А. Барыкиным)⁴⁴².

В итоге переговоры В.А. Барыкина с Л. Брауэром закончились безрезультатно. Статьи работников своего института в немецкие журналы Барыкин через Брауэра разместить не смог, соглашение об издании совместного журнала согласовано не было. Что касается статей, В.А. Барыкин решил все-таки заплатить за их перевод на немецкий, но за счет средств Наркомздрава РСФСР. Из Гамбурга В.А. Барыкин уехал в Париж.

Обсуждение вопроса об издании *«Folia medica»* продолжилось в Берлине 21 марта 1924 г. во время визита профессора Л. Брауэра в столицу Веймарской республики. Он встретился с представителем Наркомздрава РСФСР Я.Р. Гольденбергом, осведомленным о ходе гамбургской встречи от своего секретаря А.В. Бингера и из письма В.А. Барыкина. Гольденберг не стал давать никаких обещаний, заявил, что не уполномочен вести переговоры по этому поводу, и что якобы наркома Н.А. Семашко сейчас нет в Москве, а быстро получить от него ответ не получится. Поэтому Гольденберг попросил рассматривать их разговор как частный, а не официальный.

Тем не менее, Я.Р. Гольденберг в этом разговоре подчеркнул, что основной интерес Наркомздрава РСФСР в этом проекте – это сближение русской и немецкой науки, поэтому для советской стороны было важно размещать тексты на русском и немецком

⁴⁴⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.85, л.270–271. Письмо Л. Брауэра наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 08.03.1924 (на нем. языке).

⁴⁴¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.85, л.272–274. Протокол [об издании журнала *Folia medica*], подписанный Л. Брауэром и В.А. Барыкиным от 08.03.1924 (на нем. языке).

⁴⁴² ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.230–231об. Письмо профессора В.А. Барыкина из Парижа наркому здравоохранения Н.А. Семашко от 11.03.1924.

языках в одном номере. В качестве примера такого журнала представитель Наркомздрава РСФСР в Берлине привел журнал «*Internationale Zeitschrift für Individualpsychologie*» («Международный журнал по индивидуальной психологии») ⁴⁴³. Это было периодическое издание под редакцией австрийского ученого Альфреда Адлера (*Alfred Adler*), выходившее в Вене и освещавшее проблемы психотерапии, психологии и педагогики. В те годы оно публиковалось на немецком, английском и французском языках.

Гольденберг еще раз поднял вопрос субсидирования журнала за счет средств Наркомздрава РСФСР, развеяв все надежды Брауэра на гарантированное дополнительное финансирование, поэтому последний стал отчаянно просить Наркомздрав РСФСР о содействии в рекламе и распространении журнала. В итоге в ходе разговора с Брауэром у Гольденберга сложилось впечатление, что немецкую сторону в советском подходе к изданию журнала не устраивает именно финансовая сторона – соединение в одном номере русских и немецких статей якобы делало его убыточным. На следующий день Брауэр опять встретился с Гольденбергом, на этот раз в качестве посредника от немецкого издательства, и представил расчеты рентабельности журнала при отсутствии субсидий Наркомздрава РСФСР. Речь шла о тираже в 600–1 000 экземпляров каждого издания журнала (русского и немецкого). По мнению Гольденберга, немецкая сторона не хотела рисковать, требуя либо гарантированные субсидии, либо гарантированное распространение тиража, но ни того, ни другого Наркомздрав РСФСР обещать не мог ⁴⁴⁴. Тем не менее, разрывать отношения с Москвой Брауэр тоже не хотел.

По итогам переговоров с Барыкиным и Гольденбергом Брауэр сообщил наркому Н.А. Семашко, что немецкая сторона желает продолжить переговоры по изданию «*Folia medica*», для

⁴⁴³ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.227–227об. Копия письма представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в отдел заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 27.03.1924 № 1082 (секретно).

⁴⁴⁴ Там же.

чего он планирует направить в Москву своего ассистента доктора О. Фишера⁴⁴⁵.

Информация о результатах переговоров была доведена представительством Наркомздрава РСФСР до наркома Н.А. Семашко, который согласился с позицией своих делегатов. Он собрал в Наркомздраве РСФСР комиссию по пересмотру договора об издании совместного журнала. Комиссия разработала новый проект договора, оставив принципиальные для советской стороны позиции, и этот вариант направила профессору Брауэру⁴⁴⁶.

Требования комиссии сводились к следующему: 1) публикация исключительно обзоров и рефератов важнейших русских и немецких работ, 2) русские работы печатаются на русском языке, немецкие – на русском, 3) русские и немецкие статьи помещаются в одной книжке журнала, 4) заглавный лист и вся официальная информация о журнале размещается на двух языках, 5) количество русских и немецких статей должно быть приблизительно равно⁴⁴⁷.

Летом 1924 г. в Москве прошли переговоры под руководством доверенного лица немецких издателей, доктора О. Фишера, которые должны были еще раз прояснить ситуацию и по возможности изменить положение дел на благо Германии. Но, по словам Х. Цейсса, они «не привели ни к каким результатам и в определенной степени просто сошли на нет, хотя их никто фактически не срывал»⁴⁴⁸.

Во второй половине 1924 г. еще предпринимались попытки спасти проект журнала «*Folia medica*», для чего, по сведениям Х. Цейсса, были привлечены ученые-медики одинаково авторитетные как в Советской России, так и в Веймарской республике –

⁴⁴⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.85, л.275. Письмо Л. Брауэра наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 31.03.1924 (на нем. языке).

⁴⁴⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.217. Копия письма заведующего отдела заграничной информации Наркомздрава РСФСР И.П. Калины представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 18.04.1924 № 35с (секретно).

⁴⁴⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.85, л.280. Протокол заседания комиссии по пересмотру договора об издании в Германии журнала «*Folia medica*» в составе т.т. Калина, Страшуна, Лермана от 06.04.1924.

⁴⁴⁸ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – S. 32.

председатель Немецкого общества патологоанатомов Людвиг Ашофф и директор госпитальной терапевтической клиники Первого Московского медицинского института Д.Д. Плетнев. Но в ноябре 1924 г. Х. Цейсс в письме в Германское Посольство в Москве констатировал крах проекта. Оценивая причины провала проекта журнала «*Folia medica*», он писал, что в этой неудаче виноваты «безответственные лица в Народном комиссариате здравоохранения»⁴⁴⁹. Любопытно, что, по мнению представителя Наркомздрава РСФСР Я.Р. Гольденберга, один инициаторов издания журнала «*Folia medica*» профессор Л. Брауэр в 1925 г. считал виновником провала проекта Х. Цейсса, поскольку якобы переговоры шли через него⁴⁵⁰.

Почему же проект совместного медицинского журнала «*Folia medica*» не был реализован? Виноваты ли в этом взаимное недоверие сторон и межнациональные противоречия? Да, недоверие было. Скептические отношение к сотрудничеству с немцами высказывал не только В.А. Барыкин, но и проработавший к тому времени уже 2,5 года в Веймарской республике представитель Наркомздрава РСФСР Я.Р. Гольденберг. Барыкин связывал это с различием в мировоззрении у русских и немцев, он писал по этому поводу: «мы говорим на разных языках, точно мы люди с разных полюсов»⁴⁵¹. Тем не менее, все-таки главную роль в крахе проекта сыграла кардинальная разница в целях, которые перед собой ставили стороны.

Для советской стороны совместный медицинский советско-немецкий журнал открывал доступ отечественных авторов к немецкой аудитории, и именно в этом заключалась главная задача миссии Наркомздрава РСФСР⁴⁵². Скорее всего, Н.А. Семашко планировал использовать страницы журнала

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.188. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР Я.Р. Гольденберга в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 29.09.1925 № 14/с (секретно).

⁴⁵¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.235. Письмо профессора В.А. Барыкина из Берлина наркому здравоохранения Н.А. Семашко от 21.02.1924 и 28.02.1924.

⁴⁵² ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.218–218об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в отдел заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 01.03.1924 № 785 (секретно).

в качестве площадки для ведения советской пропаганды. Кроме того, состояние медицинской науки в СССР было на ступень ниже, чем в Веймарской республике, поэтому Наркомздрав РСФСР хотел наполнить журнал статьями обзорного характера, а не оригинальными, в которых отставание СССР было бы очень заметно. Также Н.А. Семашко вел переговоры с немецкими медиками «на равных», и был готов учредить журнал на паритетных началах, хотя фактически в 1924 г. научного равенства между СССР и Веймарской республикой не было. После Первой мировой войны, Гражданской войны, периода военного коммунизма и массовой эмиграции ученых русская медицинская наука пострадала гораздо больше немецкой.

Вероятно, изменение позиции Наркомздрава РСФСР произошло летом-осенью 1923 г., так как у нас нет сведений, что на переговорах Семашко и Брауэра в Москве в июне 1923 г. были договоренности о научном паритете сторон. Во всяком случае, Х. Цейсс, активный участник переговоров, впервые упомянул об этом новом условии Наркомздрава только в октябре 1923 г. Видимо, именно это перемена в позиции Наркомздрава РСФСР по изданию «*Folia medica*» и стала роковой для проекта.

Представительство Наркомздрава в Берлине не играло такую значимую роль в основании журнала «*Folia medica*», как это описывает С. Соломон⁴⁵³. Инициатива по созданию журнала исходила от Л. Брауэра, который на прямых переговорах с Н.А. Семашко в июне 1923 г. заручился поддержкой Наркомздрава. Переговоры по заключению проекта соглашения по изданию журнала первоначально вел профессор В.А. Барыкин, а представитель Наркомздрава Я.Р. Гольденберг подключился только на втором этапе переговоров. Таким образом, представительство Наркомздрава в Берлине в подготовке издания «*Folia medica*» выполняло второстепенные функции, а ключевые решения принимались в Гамбурге и Москве.

С другой стороны, у гамбургских врачей уже был успешный опыт создания совместных международных медицинских перио-

⁴⁵³ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960 / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 196.

дических изданий (испаноязычный «Гамбургский медицинский журнал»)⁴⁵⁴. С помощью выпуска этого журнала немецкие врачи не только продвигали немецкую медицину в Испании и Латинской Америке, но и обеспечивали доступ немецких врачей к полевым исследованиям в условиях тропиков. В этой цели журналы соответствовали культурно-пропагандистской стратегии внешней политики Веймарской республики в тот период времени.

Эта стратегия была направлена на прорыв международной блокады немецкой науки, на нивелирование активной французской культурной политики, а также на минимизацию влияния Северной Америки: Рокфеллеровский фонд также осуществлял активную деятельность на латиноамериканском континенте, причем, главным образом, в виде кампаний в области здравоохранения⁴⁵⁵. Например, с 1921 г. за счет Рокфеллеровского фонда для латиноамериканских стран издавалась испаноязычная версия журнала «*Journal of the American Medical Association*» («Журнал Американской медицинской ассоциации»)⁴⁵⁶.

Профессор Брауэр и представители немецкого издательства пытались просто повторить модель «Гамбургского медицинского журнала» в СССР, пропагандируя мощь немецкой медицины и продвигая на новый рынок немецкие медикаменты и оборудование. Но к 1924 г. в СССР, в свою очередь, началась фаза интенсивной идеологической пропаганды во внешней политике, и Наркомздрав РСФСР уже был готов не просто «учиться» немецкой медицине, а сам «учить» немцев принципам советского здравоохранения. Следует отметить, что за пределами Латинской Америки опыт «Гамбургского медицинского журнала» немецким врачам и издателям удалось повторить только в Китае, где в 1926–1941 гг. выходил журнал «*Tung-Chi, Medizinische Monatschrift*» («Медицинский ежемесячный журнал Тунцзи»). Остальные инициативы как в Советской России, так и в странах Европы

⁴⁵⁴ Sá M.R., da Silva A.F.C. La Revista Médica De Hamburgo y la Revista Médica Germano-Ibero-Americana : Diseminación de la medicina germánica en España y América Latina (1920–1933) // *Asclepio*. – 2010. – Vol. 62. – № 1. – P. 7–34.

⁴⁵⁵ Там же.

⁴⁵⁶ Abel C. Health, hygiene and sanitation in Latin America, c.1870 – c.1950. – London: Institute of Latin American Studies, 1996. – P. 20–21.

и Азии реализованы не были. Немецкий исследователь С. Вульф пришел к выводу, что «Гамбургский медицинский журнал» был преимущественно политическим инструментом, который можно было применить во всем мире, но только в Латинской Америке и Испании немецкая пропаганда достигла успеха⁴⁵⁷. Кроме упомянутого выше журнала, там издавалось еще два, посвященных немецкой медицине («*Vox médica*» и «*La Medicina Germano-Hispano-Americana*»).

Следует отметить, что ни гамбургские врачи, ни Наркомздрав РСФСР не провели маркетинговых исследований, не изучили рынок медицинских журналов и потенциальных конкурентов, в первую очередь русских эмигрантских журналов. В 1924 г. из-за краха проекта «*Folia medica*» это не имело большого значения, но в дальнейшем это упущение стало весьма значимым.

Весной 1924 г. советская и немецкая стороны не смогли достичь компромисса, но желание учредить совместный медицинский журнал осталось. Такой журнал («Русско-немецкий медицинский журнал», «*Deutsch-russische medizinische Zeitschrift*») был создан через полтора года, осенью 1925 г., причем по модели Н.А. Семашко, выработанной в ходе работы над «*Folia medica*». Профессор Л. Брауэр принял участие в издании этого журнала, но только как один из членов редакционной коллегии.

§ 3.5. Пропаганда советского здравоохранения в Западной Европе и Северной Америке в середине 1920-х гг.

В 1923–1924 гг. Представительство Наркомздрава РСФСР в Германии разрабатывало план Международной выставки по социальной гигиене в Москве. При этом инициатива по ее созданию исходила от организаторов гигиенической выставки в Дрездене в 1911 г.⁴⁵⁸. Выставка в Москве задумывалась как

⁴⁵⁷ Wulf S. The Revista Médica project: medical journals as instruments of German foreign cultural policy towards Latin America, 1920–1938 // *História, Ciências, Saúde-Manguinhos*. – 2013. – Vol. 20. – № 1. – P. 190–191.

⁴⁵⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.59, л.255. Письмо представительства Наркомздрава РСФСР в Германии наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 15.10.1923

самоокупаемая. Более того, после окончания выставки в Москве должны были «выкристаллизоваться» гигиенический музей, музей «Человек», институт научной и социальной сексологии⁴⁵⁹. По решению наркома Н.А. Семашко в ноябре 1923 г. было созвано совещание с привлечением сотрудников нескольких отделов Наркомздрава РСФСР по поводу организации и проведения этой выставки⁴⁶⁰. Но в итоге эта идея не была реализована⁴⁶¹. Наиболее вероятной причиной отказа от организации выставки была нехватка средств.

Работа представительств Наркомздрава РСФСР в Великобритании, Италии, США и Швейцарии по пропаганде советского здравоохранения значительно уступала по масштабам и результатам деятельности берлинскому представительству. Для глав этих зарубежных представительств работа на Наркомздрав была единственной и не главной. Поэтому руководители этих миссий фактически были номинальными главами представительств Наркомздрава РСФСР, а всю работу по этой линии перекладывали на других людей и им же платили зарплату из средств Наркомздрава. В Великобритании руководитель представительства РОКК и Наркомздрава РСФСР В.Н. Половцева медицинскую часть своей работы возложила на доктора С. Созонова. В Швейцарии глава миссии С.Ю. Багоцкий пригласил на эту работу доктора А. Старобинского⁴⁶².

В части информирования иностранных кругов о медицине и здравоохранении в Советской России, С.Ю. Багоцкий, по

№ 8562.

⁴⁵⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.59, л.252. Письмо представительства Наркомздрава РСФСР в Германии наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 19.10.1923 № 8653; ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.59, л.253–254. Предварительный проект 2-й Интернациональной выставки по социальной гигиене в Москве.

⁴⁶⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.59, л.257. Копия письма зам. завед. отделом заграничной информации Наркомздрава РСФСР Б.Т. Бидерман в орготдел, финотдел, санэпид и санпросвет отделы Наркомздрава РСФСР от 12.11.1923 № 1196.

⁴⁶¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.702, л.265–279. Деятельность Представительстве Наркомздрава в Германии с декабря 1923 г. по июль 1924 г.

⁴⁶² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.80, л.150–163. Деятельность представительства Наркомздрава в Швейцарии [отчет] от 25.02.1924; Ратманов П.Э. Представительство Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в Швейцарии (первая половина 1920-х гг.) // Труды по истории медицины. *Opera medica historica: альманах*. Вып. 5. / ред. К.А. Пашков. – М.: М-Принт, 2020. – С. 81–92.

сути, присоединился к начатой ранее Наркомздравом РСФСР кампании пропаганды советского здравоохранения в европейских медицинских журналах. С 1921 г. он стал публиковать брошюры о борьбе с туберкулезом в Советской России на немецком и французском языках. В 1924–1925 гг. он опубликовал в немецком журнале «*Zeitschrift für ärztliche Fortbildung*» статью о противотуберкулезной службе в СССР и материал о борьбе с венерическими заболеваниями в Советском Союзе во французском журнале «*Annales des maladies vénériennes*». Еще одним сюжетом его брошюр на французском языке, изданных в Швейцарии, были вопросы охраны материнства и детства⁴⁶³. Для распространения сведений о принципах советского здравоохранения, работе Советского Красного Креста и потерях России в Первую мировую войну С.Ю. Багоцкий использовал страницы официального журнала Международного Комитета Красного Креста («*Bulletin international des Sociétés de la Croix-Rouge*»)⁴⁶⁴.

Представительство Наркомздрава РСФСР в Швейцарии также размещало в швейцарском журнале «*Revue Suisse de Médecine*» научные статьи русских врачей по разным аспектам медицины, опубликованные ранее в советской медицинской печати. Всего, по данным представительства, при его содействии с октября 1921 г. по февраль 1924 г. в зарубежной прессе было опубликовано 66 работ советских врачей, в большей части в Швейцарии на французском языке⁴⁶⁵.

⁴⁶³ ГАРФ. Ф.А539, оп.6, д.150, л.66–67. Научные и литературные работы Багоцкого Сергея Юстиновича.

⁴⁶⁴ Bagotzky S. Die Tuberkulose-Bekämpfung in Sowjet-Rußland // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 3/4. – S. 38–41; Bagotzky S. La lutte contre la tuberculose en Russie // Bulletin international des Sociétés de la Croix-Rouge. – 1924. – Vol. 6. – № 65. – P. 309–320; Bagotzky S. Les pertes de la Russie pendant la guerre mondiale (1914–1917) // Bulletin international des Sociétés de la Croix-Rouge. – 1924. – Vol. 6. – № 61. – P. 16–21; Bagotzky S. La lutte contre les maladies vénériennes dans l'Union des Républiques soviétiques par la Société russe de la Croix-Rouge // Bulletin international des Sociétés de la Croix-Rouge. – 1925. – Vol. 7. – № 78. – P. 397–408; Bagotzky S. L'organisation et l'activité de la Société russe de la Croix-Rouge // Bulletin international des Sociétés de la Croix-Rouge. – 1923. – Vol. 5. – № 49. – P. 1–10.

⁴⁶⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.80, л.150–163. Деятельность представительства Наркомздрава в Швейцарии [отчет] от 25.02.1924.

Представительство РОКК и Наркомздрава РСФСР Великобритании сосредоточило свою работу на сборе информации о британской медицине и здравоохранении, убеждая Наркомздрав, что опубликовать статьи советских медиков в британских журналах практически невозможно. Глава миссии В.Н. Половцева утверждала, что «для Англии плохой перевод хуже, чем никакого; плохой перевод не будет принят ни в один из серьезных печатных органов и притом скорее послужит к порухе нашей репутации, чем к ее упрочнению»⁴⁶⁶. Но поскольку достаточных средств на оплату переводчика у представительства не было, статьи советских ученых в британских медицинских журналах практически не публиковались.

Для американского представительства Наркомздрава РСФСР работа по пропаганде советского здравоохранения не была приоритетной – на первом месте для него стояли сбор денежных и других материальных средств для оборудования Екатерининской больницы в Москве и получение информации об американской медицине⁴⁶⁷. Из успешных пропагандистских акций о светском здравоохранении в 1920-е гг. в американской печати можно выделить книгу Анны Хейнс (*Anna J. Haines*), но ее визит в СССР был организован без участия представительства Наркомздрава РСФСР в США⁴⁶⁸.

⁴⁶⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.80, л.121–130. Письмо представителя РОКК в Великобритании В.Н. Половцевой наркому здравоохранения Н.А. Семашко от 27.10.1924 № НКЗ/764.

⁴⁶⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.80, л.86–88. Итоги деятельности представительства Наркомздрава в Америке за 1923–1924 гг.

⁴⁶⁸ Haines A.J. *Health work in Soviet Russia*. – New York: Vanguard press, 1928.

Глава 4. Международные журналы Наркомздрава РСФСР в 1920-е гг.

Как было описано в предыдущих главах, инициативы по изданию международных медицинских журналов с участием Наркомздрава РСФСР появлялись регулярно на протяжении нескольких лет в начале 1920-х гг. Но в силу отсутствия финансовых средств и нежелания Наркомздрава РСФСР ввязываться в долгосрочные международные проекты в условиях нестабильной внутри- и внешнеполитической обстановки эти попытки не были реализованы. Наиболее далеко зашли переговоры по изданию советско-германского журнала *«Folia medica»*. Однако из-за принципиальных разногласий сторон этот проект также не состоялся.

Советская стратегия «восстановления места» (*«reclaiming place»*) в международном общественном здравоохранении, по мнению С. Соломон, включала долгосрочное участие в создании двуязычных медицинских журналов⁴⁶⁹. Самые удачные проекты журналов, дошедшие до стадии издания, выпускались в Германии и Франции, то есть странах, где были самые амбициозные представительства Наркомздрава РСФСР. Эти журналы⁴⁷⁰ рекламировались как надежные средства распространения материалов о советском здравоохранении и как средства создания сетей иностранных специалистов, симпатизирующих России.

В данной главе речь пойдет именно об этих журналах – «Новости французской медицины и биологии», *«Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie»* и «Русско-немецкий медицинский журнал» (*«Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift»*).

⁴⁶⁹ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 194, 197.

⁴⁷⁰ С. Соломон назвала из «любимыми проектами» (*«pet projects»*) Наркомздрава РСФСР. Там же.

§ 4.1. Истоки будущих журналов: проект Аснеса и Левича

В январе 1924 г., как раз во время подготовки к подписанию договора об издании «*Folia medica*», к представителю Наркомздрава РСФСР в Берлине обратились два проживавших в то время в Веймарской республике русских врача-эмигранта: А.И. Аснес и И.В. Левич. Доктор Александр Исаакович Аснес (1871-?, псевд. Сенсаев) был известен как эсперантист, в начале XX в. он был председателем санкт-петербургского клуба «*Espero*» и участвовал в издании журналов «*Esperanto*», «*Ruslanda Esperantisto*» («Русский эсперантист») ⁴⁷¹. Доктор Исай Вениаминович Левич (1879[1880?], Киев – 1950, США) был общественным деятелем и социал-демократом (меньшевиком). После 1917 г. он уехал в эмиграцию, жил в Константинополе, затем в Сербии и Германии. В Берлине он сотрудничал с меньшевистским социал-демократическим журналом «Заря» (1922–1925). С 1924 г. Левич жил в Париже, после 1940 г. переехал в США, где был сотрудником нью-йоркского журнала «Новоселье» ⁴⁷².

Оба автора журнального проекта имели опыт во врачебной деятельности и практику редакторской работы ⁴⁷³. Они представили Я.Р. Гольденбергу проект предполагаемого к изданию журнала «Вестник государственной, международной, муниципальной и общественной медицины». Будущему журналу они определили двойную задачу: информировать медицинский мир Советской России о всех практических вопросах международной медицины и информировать западные страны обо всем, что

⁴⁷¹ Российский медицинский список изд. Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1916 г. – СПб.: Тип. МВД, 1916. – С. 20; Власов Д.В. Журналистика российского эсперанто-движения в XX в.: тенденции развития и типологические особенности: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.01.10 Журналистика. – СПб., 2014. – С. 34–36.

⁴⁷² Российский медицинский список изд. Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1916 г. – СПб.: Тип. МВД, 1916. – С. 269; ЛЕВИЧ Исай Вениаминович // База данных «Деятели Русского Зарубежья» (некрологи). [Электронный ресурс]. – URL: <http://infoculture.rsl.ru/RSKD/asp/RUZ/drznec.htm> (дата обращения: 09.09.2021).

⁴⁷³ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.19, л.235–235об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 05.02.1925 № 632/с (секретно).

достигнуто в Советской России в области научной, практической и социальной медицины. Издание предполагалось временно разместить в Берлине с будущим переездом в Москву⁴⁷⁴.

В журнале должны были быть созданы разделы профессионально-врачебного быта; гигиены труда, физиотерапии и бальнеологии; обзор новейших методов диагностики и лечения; русский раздел и раздел медико-санитарной хроники. Редакция не планировала печатать большие статьи и монографии. Любопытно, что выпуски о Советской России предполагалось печатать на французском (!) языке 3–4 раза в год в виде приложений к журналу. Для первого номера Аснес и Левич наметили статьи о новых законах по социальному страхованию в Веймарской республике, о реорганизации больничной кассы в Италии, о новом проекте закона по борьбе с венерическими заболеваниями во Франции, об охране материнства и детства в Америке, о школьной гигиене в Англии.⁴⁷⁵ Таким образом, содержание проектируемого издания во многом напоминало «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины», издававшегося при Управлении главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел Российской Империи.

Я.Р. Гольденберг не отверг это предложение, а запросил дополнительную информацию от инициаторов этого проекта. Но Аснес и Левич не хотели затягивать решение с выходом нового журнала и просили Гольденберга ускорить ответ⁴⁷⁶. Но поскольку Наркомздрав РСФСР в это время готовился к созданию совместного журнала с Л. Брауэром «*Folia medica*», Аснес и Левич ответа от Гольденберга не дождались. Доктор И.В. Левич вскоре переехал в Париж, где стал соучредителем совсем других журналов.

⁴⁷⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.19, л.38. Копия письма А.А. Аснеса и И.В. Левича представителю Наркомздрава РСФСР Я.Р. Гольденбергу от 04.01.1924.

⁴⁷⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.19, л.40–41. Копия письма А.А. Аснеса и И.В. Левича представителю Наркомздрава РСФСР Я.Р. Гольденбергу от 14.02.1924.

⁴⁷⁶ Там же.

§ 4.2. Подготовительная работа по созданию просоветских медицинских журналов в Париже

Летом 1924 г. переехавший во Францию И.В. Левич и проживавший там на протяжении 15 лет А.Н. Рубакин начали организовывать советско-французский медицинский журнал под эгидой медицинской секции Общества франко-советской дружбы. Его предполагали выпускать двумя изданиями – на русском и французском языках. В русском издании планировалось печатать оригинальные и переводные статьи французских авторов, обзоры французской медицинской литературы. Инициаторы этого проекта сообщили представителю Наркомздрава РСФСР в Берлине Я.Р. Гольденбергу о решении многих организационных и финансовых вопросов, но просили помощь по следующим направлениям: привлечение к сотрудничеству в журнале ведущих советских ученых-медиков (с получением официального их согласия), привлечение к участию в работе журнала Н.А. Семашко, получение разрешения на ввоз и распространение журнала в СССР, а также гарантии материальной поддержки (в случае, если такая потребуется) и обеспечение минимального числа подписчиков в Советской России⁴⁷⁷.

В начале июля Гольденберг решил посоветоваться по этому вопросу с наркомом Н.А. Семашко. Он привел цитаты писем от инициаторов журнала (не указав их фамилии), в целом поддержал идею нового издания, но попросил у наркома дальнейших указаний⁴⁷⁸. Из Москвы, как всегда, никаких быстрых ответов не было, а его знакомые в Париже за месяц значительно продвинулись в организации нового журнала, который получил предварительное название «Франко-русский вестник медицины и биологии». Поэтому Гольденбергу пришлось самостоятельно принимать оперативные решения по этому журналу на основании предыдущих действий Наркомздрава РСФСР (в первую очередь, в отношении журнала «*Folia medica*»).

⁴⁷⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.86, л.198–198об. Копия письма представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 04.07.1924 № 2290 (лично).

⁴⁷⁸ Там же.

Уже в июле 1924 г. в Париже сформировалась редакционная коллегия нового журнала в составе А.Н. Рубакина, И.В. Левича, З.И. Рехнера и Л.А. Хохлова (Хохлова), и в это же время была выработана программа журнала. Русское издание планировалось в два раза больше французского по объему, о научном руководстве удалось договориться с профессором Пастеровского института в Париже А.М. Безредкой, велись переговоры с французской профессурой. Содержание русского издания планировалось очень обширным и включало оригинальные статьи, рефераты работ французских авторов, отчеты о французских медицинских съездах, медицинскую хронику, обзоры французского санитарного законодательства, сведения о современных методах лечения, курортах и минеральных водах Франции, вопросы биологии, библиографию, ответы на вопросы читателей и объявления. Первый номер обоих изданий предполагалось выпустить в начале октября 1924 г. Распространять журнал в СССР редакция рассчитывала через советскую контору рекламных объявлений «Двигатель». Самой большой проблемой для редакции была недоступность советских медицинских журналов – как научных, так и официальных. В последнем вопросе вся надежда была на представительство Наркомздрава РСФСР в Берлине⁴⁷⁹.

В ответе редакционной коллегии нового журнала Гольденберг сообщил, что для Наркомздрава РСФСР такое издание важно как фактор сближения медицинской науки Советской России и Франции. Также он предложил бесплатно разослать первые два выпуска журнала в рекламных целях, а затем в качестве основного источника финансирования издания опираться на рекламные объявления, а не средства от подписчиков. Гольденберг порекомендовал включать в журнал серьезные научные статьи, а не научно-популярные. Задержку с ответом из Москвы представитель Наркомздрава в Берлине связывал с летними каникулами и отъездом всех профессоров из столицы⁴⁸⁰.

⁴⁷⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.11–12. Копия письма редакции журнала «Франко-русский вестник медицины и биологии» представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 22.07.1924.

⁴⁸⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.9–9об. Копия письма представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в редакционную коллегию журнала «Франко-русский вестник медицины и биологии» от 26.07.1924.

С инициаторами журнала у Гольденберга были не только формальные отношения, но и личные. С Рубакиным он был знаком еще по совместной службе в Русском экспедиционном корпусе во Франции в Первую Мировую войну, а с Левичем – по его редакторской работе в издававшейся в начале 1920-х гг. в Берлине меньшевистской газете. Других учредителей журнала, докторов З.И. Рехнера и Л.А. Хахлова, он не знал и просил дать им профессиональную и политическую характеристику. Гольденберг убеждал Левича и Рубакина в перспективности именно франкоязычного журнала, который при «умелой постановке распространения» имел бы значительный круг читателей, а это, в свою очередь, обеспечило бы издание доходами от рекламы. При этом он пообещал Левичу и Рубакину «активное содействие во всем»⁴⁸¹.

Еще до получения ответа из Москвы Гольденберг направил в редакцию нового журнала имевшиеся у него информационные материалы о советской медицине и здравоохранении⁴⁸². Редакция, в свою очередь, уже в начале августа 1924 г. стала формировать первый номер русскоязычного журнала⁴⁸³. В качестве образца для подражания редакцией парижского журнала была выбрана «Врачебная газета», издававшаяся в начале XX в. в Санкт-Петербурге, Петрограде и Ленинграде издательством «Практическая медицина». Скорее всего, кто-то из редакционной коллегии парижского журнала ранее работал во «Врачебной газете», поэтому уже в августе 1924 г. предложение о сотрудничестве было отправлено именно этому советскому изданию⁴⁸⁴.

Информация о новом просоветском медицинском журнале в Париже дошла до наркома Н.А. Семашко только во второй

⁴⁸¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.10. Копия письма представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга А.Н. Рубакину и И.В. Левичу от 26.07.1924.

⁴⁸² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.15. Копия письма представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в редакционную коллегию журнала «Франко-русский вестник медицины и биологии» от 16.08.1924.

⁴⁸³ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.16. Копия письма редакции журнала «Франко-русский вестник медицины и биологии» представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 12.08.1924.

⁴⁸⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.17–18а. Копия письма редакции журнала «Франко-русский вестник медицины и биологии» в редакцию журнала «Врачебная газета» от августа 1924 г.

половине августа 1924 г. На письме Гольденберга по этому поводу он поставил резолюцию: «почему не издать по образцу *Fol. Medica?*»⁴⁸⁵. Таким образом, после эпопеи длительностью в год с проектом Л. Брауэра Семашко сформировал свое мнение по поводу совместных с иностранцами журналов и хотел применить этот подход не только к советско-германским проектам.

Тем временем, подготовка к выходу нового журнала уже заканчивалась. Редакция решила сменить название русскоязычного журнала на «Новости французской медицины и биологии», а франкоязычное издание назвать «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*» («Франко-русский обзор медицины и биологии»). Для издания журналов в Париже было учреждено специальное акционерное общество (*société anonyme*) «*Société d'Éditions Scientifiques France-Russie*» («Общество франко-русского научного издательства»). Общество было зарегистрировано в Париже по адресу *7 avenue du President Wilson*, в этом же доме жил А.Н. Рубакин, а позднее там же находилось представительство Наркомздрава РСФСР⁴⁸⁶.

Тогда же редакция «Новостей французской медицины и биологии» сообщила Гольденбергу, что русские врачи-эмигранты во главе с профессором И.П. Алексинским в Париже собрались учредить свой русскоязычный медицинский журнал. Возможно, так редакция пыталась повлиять на Наркомздрав, чтобы он оказал помощь именно их просоветскому журналу. Левич и Рубакин также просили Гольденберга войти в состав редакционной коллегии, тем самым связав его обязательствами⁴⁸⁷.

⁴⁸⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.8. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 28.07.1924 № 2534.

⁴⁸⁶ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 205.

⁴⁸⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.85–85об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР И.П. Калине от 10.09.1924 № 3145 ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.84. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР И.П. Калине от 15.09.1924 № 3197.

Свою позицию относительно нового парижского медицинского журнала нарком Н.А. Семашко сформулировал только в конце сентября 1924 г., причем эта позиция была выжидательной. Наркомздрав РСФСР предлагал Гольденбергу дожидаться выхода первого номера, чтобы «увидеть характер и лицо журнала». Кроме того, предлагалось помогать изданию информационными материалами, в том числе публиковать там свои статьи, но при этом входить в состав редакционной коллегии журнала Гольденбергу не рекомендовали⁴⁸⁸.

Из Москву в Париж было отправлено всего три оригинальные статьи советских ученых (П.П. Дьяконова, И.А. Добрейцера и Н.А. Семашко), и все они вышли в первом номере «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*»⁴⁸⁹. Остальное содержание журнала составила хроника советской медицинской жизни и рефераты работ советских медиков. Помощь Наркомздрава РСФСР также выразилась в оформлении разрешения Главлита на ввоз французских журналов⁴⁹⁰.

Выжидательная позиция Наркомздрава РСФСР и вероятный отказ от сотрудничества от ленинградского журнала «Врачебная газета» заставил редакцию «Новостей французской медицины и биологии» при поиске советских партнеров обратить свой взгляд на Украину. Представителем парижского журнала в СССР стал киевский врач Беренштейн, а предложение о сотрудничестве было направлено наркому здравоохранения УССР М.Г. Гуревичу. Разумеется, это вызвало сдержанную ревностную реакцию представителя Москвы в Берлине Я.Р. Гольденберга⁴⁹¹.

⁴⁸⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.83–83об. Копия письма завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР И.П. Калины представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 29.09.1924 № 849.

⁴⁸⁹ Diakonof P. Une Nouvelle Méthode Anthropométrique / *Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*. – 1924. – № 1. – P. 3–9; Ж.Семашко Н. L'Hygiène en Russie Soviétique // *Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*. – 1924. – № 1. – P. 10–16; Добрейцер И. Le Paludisme en Russie // *Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*. – 1924. – № 1. – P. 17–24.

⁴⁹⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.108. Копия письма завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР И.П. Калины представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 30.09.1924 № 881.

⁴⁹¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.184. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР И.П. Калине от 22.10.1924 № 3739.

§ 4.3. Начало издания журналов по Франции

В предисловии к первому выпуску журнала «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*» (октябрь 1924 г.) французский физиолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1913 г., Шарль Рише (*Charles Richet*) обращал внимание на долгую традицию связей России и Франции в области биологии и медицины. Он подчеркивал, что в 1882 г. при его участии предпринималась схожая попытка издания журнала «*Archives Slaves de Biologie*» («Архив славянской биологии»). Тогда эта инициатива не была востребована, поскольку, по мнению Рише, биология тогда не интересовала врачей⁴⁹².

Этот же номер анонимный редактор журнала (вероятно, А.Н. Рубакин) начал с традиций, то есть с экскурса в 1914 г., когда выходил журнал «Медицинский Париж» (русскоязычная версия журнала «*Paris Medical*»), прекративший существование из-за начала Первой мировой войны. Он не только объяснял актуальность появления журнала о русской науке славным прошлым, но и пытался играть на антигерманских настроениях французов, намекая на установление контактов советских и немецких ученых: «Германия одна открыла свои двери для России и стремилась распространить там свою науку. Она даже пыталась установить там настоящую монополию во всех вопросах, касающихся ввоза научных идей. (...) Но русский гений (...) не может брать все из одного источника, получать из рук Германии идеи о тенденциях французской науки. Прямой контакт необходим и своевременен»⁴⁹³.

Журнал «Новости французской медицины и биологии» был совершенно другим, отличным от «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*» и ориентированным на русскоязычную аудиторию изданием на русском языке с абсолютно другим содержанием и другими задачами. В журнале «Новости французской медицины и биологии» сообщались сведения о француз-

⁴⁹² Richet C. Avant propos / *Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*. – 1924. – № 1. – P. 1.

⁴⁹³ Préface de la Rédaction // *Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*. – 1924. – № 1. – P. 2–3.

ской медицине и здравоохранении, а также печатались научные статьи французских авторов.

Редакция у этих двух парижских журналов была одна, А.Н. Рубакин был ответственным секретарём обоих журналов. Главным редактором этих двух изданий был А.М. Безредка. В редакционную коллегию первых номеров журналов «*Revue Franco-Russe de medicine et de biologie*» и «Новости французской медицины и биологии» входили: доктор И.В. Левич, доктор З.И. Рехнер, доктор А.Н. Рубакин и доктор Л.А. Хяхлов. Издательство также выпускало «Бюллетень французских курортов, новых медикаментов и инструментария» и ежегодный «Календарь для врачей со спутником по медицинскому Парижу». Руководителем издательства был доктор З.И. Рехнер.

На первой станице «Новостей французской медицины и биологии» печатался перечень выдающихся французских ученых-медиков, привлеченных к подготовке издания: Ш. Ашард (*Ch. Achard*), Ф. Безансон (*F. Besançon*), А.М. Безредка (*A. Besredka*), Ю. Шассан (*E. Chassaing*), Ф. Динерт (*F. Dienert*), М. Фруа (*M. Frois*), А. Артманн (*H. Hartmann*), Лафитт (*Lafitte*), Ф. Легё (*F. Legueu*), Ж. Мазоне (*J. Maisonneuve*), Ж.-Л. Ротоки (*Julien-Louis Potocki*), Ш. Рише (*Ch. Richet*), Э. Валюд (*E. Valude*), Ф. Видадь (*F. Vidal*) и М. Вайнберг (*M. Weinberg*). Трое из них, Ш. Ашард, Ф. Безансон и Ф. Видадь, принимали участие в защите диссертации на степень доктора медицины А.Н. Рубакина⁴⁹⁴.

Цель издания французской версии журнала декларировалась как знакомство французских ученых с работой российских врачей и законодательством в области медицины и охраны здоровья в СССР. Но фактически журнал также использовался для пропаганды принципов советского здравоохранения во Франции. В первых выпусках «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*» содержались статьи наркома Н.А. Семашко, включавшие описание системы управления здравоохранением в Советской России, сети научно-исследовательских институ-

⁴⁹⁴ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960 / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 202.

тов, борьбы с эпидемиями, борьбы с социальными заболеваниями⁴⁹⁵. До выхода этого журнала информации о советском здравоохранении во французской медицинской прессе было мало. Несколько других журналов по общественному здоровью Франции публиковали статьи об СССР, но их автором, как правило, был сам А.Н. Рубакин⁴⁹⁶. Журнал «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*» не содержал никаких оригинальных материалов, все они ранее публиковались в советской печати на русском языке⁴⁹⁷.

Из-за политических условий Франции середины 1920-х гг., в частности, из-за враждебности местных медицинских кругов к советскому здравоохранению, было невозможно делать акцент журнала на социальной медицине. Один из спонсоров журналов, французский предприниматель Юджин Меерович (*Eugene Meerovich*), говорил о востребованности у французских читателей материалов о биологии и экспериментальной медицине в СССР⁴⁹⁸. Но Наркомздрав УССР направлял в редакцию «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*» рефераты статей и книг советских авторов, санитарную статистику и хронику медицинских событий в СССР.

Редакция привлекала в качестве авторов статей знаменитых французских медиков, готовила обзоры иностранной литературы по отдельным проблемам медицины. Большая часть всех обзорных материалов в журнале была подготовлена сотрудниками редакции А.Н. Рубакиным и И.В. Левичем.

После выхода первых номеров журналов Левич в письме Гольденбергу признавал, что французская версия журнала полу-

⁴⁹⁵ Sémaschko N. L'Hygiène en Russie Soviétique // *Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*. – 1924. – № 1. – P. 10–16; Sémaschko N. L'Hygiène en Russie Soviétique (suite) // *Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*. – 1924. – № 2. – P. 9–15.

⁴⁹⁶ Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 248.

⁴⁹⁷ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 198.

⁴⁹⁸ Там же. – P. 202.

чилась гораздо слабее русской⁴⁹⁹. Но содержание русскоязычного журнала формировала парижская редакция из работ французских авторов, а содержание французской версии целиком зависело от потока статей из Москвы. Поэтому уже в первые месяцы существования журнала «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*» высветилась его главная проблема – отсутствие серьезных научных статей по медицине из СССР.

Парижская редакция буквально выпрашивала у Гольденберга интересные оригинальные статьи советских медиков. Их аргументом было распространенное во Франции мнение, что научная жизнь в Советской России замерла, поэтому любая серьезная статья из СССР вызывала сенсацию. Левич и Рубакин, однако, просили статьи не по общественному здоровью и организации здравоохранения, а скорее статьи экспериментально-научного характера. Редакция полностью брала на себя перевод статей с русского на французский, лишь бы эти статьи были⁵⁰⁰. К ноябрю 1924 г. редакция также не имела разрешения Главлита на ввоз отпечатанного тиража французских журналов в СССР, и у него совершенно не было подписчиков в Советском Союзе. Рубакин писал Гольденбергу, что журналу было бы достаточно 500–600 подписчиков, но единовременная субсидия от советского правительства также сильно бы поддержала издание. Рубакин указывал на наличие такой субсидии от СССР у малочитаемой газеты «*Les amitiés nouvelle*», которую издавала недолговечная ассоциация «Новые франко-русские отношения» («*Nouvelles amitiés franco-russes*»)⁵⁰¹.

И если до конца 1924 г. разрешение Главлита все-таки было получено, то проблема с дефицитом научных медицинских статей из СССР только начинала открываться перед французской редакцией. Отчаявшись получить их из Наркомздрава РСФСР,

⁴⁹⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.213. Выписка из письма И.В. Левича Я.Р. Гольденбергу [октябрь-ноябрь 1924 г.].

⁵⁰⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.236–237. Копия письма редакции журнала «Франко-русский вестник медицины и биологии» представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 28.10.1924.

⁵⁰¹ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – С. 154; ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.238. Выписка из письма А.Н. Рубакина Я.Р. Гольденбергу [октябрь-ноябрь 1924 г.].

Левич и Рубакин стали обращаться напрямую к советским ученым-медикам, но и от них ответа не было. Более того, редакторы журнала узнали про саботаж советской профессуры. Рубакин писал Гольденбергу, что председатель Ученого медицинского совета при Наркомздраве РСФСР Л. А. Тарасевич вместо направления своей статьи в «Новости французской медицины и биологии» послал своему другу А. М. Безредке, главному редактору этого журнала, письмо личного характера, которое «навесило на него пессимизм»⁵⁰². Вероятно, в письме другу Тарасевич весьма скептически оценивал перспективы советской медицинской науки.

Сразу после выхода первых номеров «Новостей французской медицины и биологии» и «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*» в октябре 1924 г. представители журналов обратились к харьковскому издательству «Научная мысль» с предложением о совместной деятельности и распространении французских журналов на территории СССР. Учредителем издательства «Научная мысль» был Наркомздрав Украинской ССР. Самым известным изданием «Научной мысли» был популярный медицинский журнал «Врачебное дело»⁵⁰³. По мнению М. В. Поддубного, в 1920-е гг. это периодическое издание «наиболее полно воплощало тип универсального медицинского журнала» и выделялось на фоне полутора сотен выходивших на русском языке медицинских журналов высокой издательской культурой и тематической разборчивостью⁵⁰⁴. Переговоры с Харьковом вел представитель парижских журналов, киевский врач Беренштейн.

На сотрудников «Научной мысли» эти журналы произвели благоприятное впечатление, и издательство выразило желание сотрудничать, но на следующих условиях: журнал «Новости французской медицины и биологии» должен был стать ежемесяч-

⁵⁰² ГАРФ. Ф. А482, оп. 35, д. 87, л. 267. Выписка из письма А. Н. Рубакина Я. Р. Гольденбергу [ноябрь 1924 г.].

⁵⁰³ Петрова З. П. Первый заведующий кафедрой социальной гигиены Харьковско-го медицинского института М. Г. Гуревич / З. П. Петрова, В. А. Огнев // Медицина сьогодні і завтра. – 2013. – № 4 (61). – С. 22–27.

⁵⁰⁴ Поддубный М. В. Профессор Г. Цейсс (1888–1949) и история медицины в России (к 70-летию одной статьи) / М. В. Поддубный // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. – 1998. – № 2. – С. 60–61.

ным платным приложением к харьковскому журналу «Врачебное дело», главным редактором русскоязычной версии журнала должен был стать всемирно известный ученый (издательство «Научная мысль» предлагало на эту должность А.М. Безредку), а франкоязычной версии – доктор Л.И. Шейнис. Все вопросы рекламы принимала на себя украинская сторона, и договор должны были заключить в декабре 1924 г.

Чтобы французская редакция журнала «Новости французской медицины и биологии» была сговорчивее, харьковчане сообщили, что с подобным предложением к ним обратились представители эмигрантского журнала «Медицинское обозрение во Франции», редактором которого был профессор В.Н. Сиротинин⁵⁰⁵. То есть представители издательства «Научная мысль» на переговорах использовали то же оружие, что и Левич с Рубакиным на переговорах с Наркомздравом РСФСР.

Предложение задействовать в редактировании журнала доктора Л.И. Шейниса было обусловлено тем, что он более 30 лет прожил во Франции, окончил медицинский факультет Университета Монпелье, имел обширную медицинскую и юридическую практику, основал популярный медицинский журнал «*La Semaine Médicale*» (фр. «Медицинская неделя»), а в начале 1920-х гг. стал вести терапевтический раздел в самом востребованном медицинском журнале Франции «*La Presse Médicale*» (фр. «Медицинская пресса»). Он с самого начала поддерживал выход «Новостей французской медицины и биологии», где собирался заведовать отделом терапии, но трагически погиб 14 ноября 1924 г. в Париже⁵⁰⁶.

Остальные условия издательства «Научная мысль» редакцией журнала «Новости французской медицины и биологии» были полностью приняты, и в декабре 1924 г. был заключен договор о взаимодействии⁵⁰⁷. Согласно этому договору, основное

⁵⁰⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.15, л.12. Копия письма директора-распорядителя, секретаря правления и ответственного редактора издательства «Научная мысль» в издательство «Новостей французской медицины и биологии» от 29.11.1924 № 585.

⁵⁰⁶ Лев Исаевич Шейнис [некролог] // Новости французской медицины и биологии. – 1924. – № 2. – С. 45.

⁵⁰⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.15, л.13. Копия временного договора издательства «Научная мысль» и издательством журнала «Новости французской медицины и биологии»

бремя расходов ложилось на французскую редакцию журнала. Помимо подготовки номеров и печатания тиража, «Новости французской медицины и биологии» должны были за свой счет пересылать весь тираж журнала в Харьков, оплачивать таможенные расходы, предоставлять издательству «Научная мысль» 30% поступлений от подписки, а также возвращать подписчикам подписную плату за невысланные журналы. Издательство «Научная мысль», со своей стороны, обязалось рекламировать журнал на территории СССР, собирать подписку, доставлять копии подписчикам на территории Советского Союза и собирать объявления⁵⁰⁸. Фактически это не был договор о равноправном сотрудничестве, в данном случае издательство «Научная мысль» выступало скорее в качестве подписного агентства для журнала «Новости французской медицины и биологии». Все риски ложились на представителей французской стороны.

Но это международное сотрудничество было далеко не безоблачным. Французская сторона была настроена слишком оптимистично на счет тиража издания и отправляла в Харьков по 3 000 экземпляров каждого номера журнала. При этом украинской стороне в начале 1925 г. удалось набрать всего около 300 подписчиков в СССР (тираж «Врачебного дела» составлял 5 000 экземпляров). Также наблюдались проблемы с доставкой отпечатанного тиража из Парижа в Харьков⁵⁰⁹. Из-за отсутствия опыта организации работы редакции французская сторона несла финансовые потери.

Постепенно количество подписчиков «Новостей французской медицины и биологии» в СССР росло, по мере этого увеличивались и поступления от распространения журнала. Осенью 1925 г. в Советский Союз направлялось 1 500 экземпляров номера

от 08.12.1924.

⁵⁰⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.15, л.13. Копия временного договора издательства «Научная мысль» и издательством журнала «Новости французской медицины и биологии» от 08.12.1924.

⁵⁰⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.15, л.15. Копия письма заведующего издательством «Научная мысль» в издательство «Новостей французской медицины и биологии» (Париж) от 30.04.1925 № 157; ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.15, л.16; Копия письма заведующего издательством «Научная мысль» в издательство «Новостей французской медицины и биологии» (Киев) доктору Беренштейну от 05.05.1925 № 170.

журнала⁵¹⁰. За 1925 г. было выпущено 11 номеров русскоязычного журнала и 5 номеров франкоязычного. В СССР у журнала было около 500 подписчиков⁵¹¹.

Если организационные вопросы с русскоязычным журналом «Новости французской медицины и биологии» к концу 1924 г. были решены, то будущее франкоязычного журнала оставалось под вопросом. Минуя Гольденберга, А.Н. Рубакин обратился за помощью напрямую к наркому здравоохранения Н.А. Семашко. В письме он прямо заявил, что журнал на французском языке «является по существу пропагандистским органом, цель которого возбудить интерес к русской науке в Западной Европе и ознакомить с новыми путями в советской медицине»⁵¹².

Создав просоветский медицинский журнал на французском языке без участия Наркомздрава РСФСР (только при его одобрении и моральном содействии), его издатели фактически стали шантажировать Н.А. Семашко тем, что без помощи из СССР это важное для советской медицины издание прекратит свое существование. При этом Левич и Рубакин обращали внимание на важные и чувствительные для Семашко аспекты: политическое и культурное значение журнала, широкую географию распространения (рассылка журнала в Швейцарию, Италию, Бельгию, Испанию, Южную Америку) и конкуренцию советской медицины с русскими врачами-эмигрантами за симпатии французских врачей⁵¹³.

Позднее, в апреле 1925 г., Рубакин предлагал Наркомздраву РСФСР выкупить половину акций или полностью все доли в «*Société d'Éditions Scientifiques "France-Russie"*», чтобы он как представитель руководил этим обществом (*société anonyme*).

⁵¹⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.15, л.25. [Информация о журнале «Новости французской медицины и биологии»] от 31.10.1925 (Париж).

⁵¹¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.12, л.38–38об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина в отдел заграничной информации и издательство Наркомздрава РСФСР от 08.01.1926 № 42/с (секретно).

⁵¹² ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.19, л.11–12. Письмо А.Н. Рубакина наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 30.12.1924.

⁵¹³ Там же.

Однако эта идея вызвала недоумение в Москве, где развивали советское печатное дело⁵¹⁴.

Вместе с тем, не желая никак финансово участвовать в издании журнала, Наркомздрав РСФСР хотел диктовать его представителям редакционную политику. Наркомздрав РСФСР согласовал с Наркомздравом УССР состав редакционной коллегии франкоязычной версии издания: от РСФСР – проф. М.П. Кончаловский и доктор А.Н. Сысин, от УССР – проф. С.И. Златогоров и доктор В.М. Коган⁵¹⁵. На страницах журнала «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*» весной 1925 г. появился расширенный русско-украинский состав редколлегии. К уже упомянутым выше лицам добавились профессора Р.Н. Георгиевский (патолог), Е. Лондон (биолог), В.А. Оппель (хирург), С.Ф. Федоров (хирург) и специалист в области социальной медицины А.П. Жук. Фактически франкоязычный журнал стал совместным предприятием трех сторон: парижской редакции, Наркомздрава УССР и Наркомздрава РСФСР, при этом участие последнего было наименьшим.

Учредители «Новостей французской медицины и биологии» называли Я.Р. Гольденберга своим «товарищем и вдохновителем журнала»⁵¹⁶. Да и сам Гольденберг называл инициатором издания журналов в Париже свое представительство Наркомздрава РСФСР в Берлине⁵¹⁷. Гольденберг активно занимался этим изданием с момента его зарождения в июне 1924 г. до апреля 1925 г. Вероятной причиной его интереса к этому журналу в 1925 г., когда это периодическое издание уже встало на ноги, был планируемый перевод Гольденберга на работу во Францию – тоже

⁵¹⁴ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960 / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 205.

⁵¹⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.124, л.103. Копия письма завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР И.П. Калины представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 07.04.1924 № 13.702.

⁵¹⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.236–237. Копия письма редакции журнала «Франко-русский вестник медицины и биологии» представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 28.10.1924.

⁵¹⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.19, л.275–280. Деятельность представительства Наркомздрава РСФСР в Германии за июнь–декабрь 1924 г. – С. 275.

представителем Наркомздрава РСФСР⁵¹⁸. Но в итоге это назначение не состоялось, и Москва стала вести переговоры по поводу французских журналов напрямую с А.Н. Рубакиным.

Тем не менее, фактическим инициатором издания этих журналов все же был переехавший из Берлина в Париж в 1924 г. русский врач-эмигрант И.В. Левич. В середине 1925 г. Левич некоторое время работал врачом Генерального консульства СССР в Париже⁵¹⁹. Осенью 1925 г., после назначения А.Н. Рубакина представителем Наркомздрава РСФСР в Париже, он пытался сделать И.В. Левича своим помощником на этой работе, но Наркомздрав не согласовал эту кандидатуру⁵²⁰.

§ 4.4. Подготовительная работа по созданию «Русско-немецкого медицинского журнала»

Создание германоязычного журнала остро стояло на повестке дня в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР в 1924–1925 гг. После неудачи с «*Folia medica*» Наркомздрав РСФСР хотел вернуться к проекту журнала «Вестник государственной, международной, муниципальной и общественной медицины» в ноябре 1924 г., но в Берлине к этому времени остался только доктор А.И. Аснес, который был готов заняться этим журналом уже без И.В. Левича⁵²¹. В январе 1925 г. Наркомздрав РСФСР опять запросил у своего представителя в Берлине сведения об актуальности этого издательского проекта⁵²².

⁵¹⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.19, л.108–109. Письмо полпреда СССР во Франции Л.Б. Красина наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 19.01.1925 № 031 (секретно).

⁵¹⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.11, л.19. Копия письма представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина в Генеральное консульство СССР во Франции от 30.09.1925 № 38 (совершенно секретно).

⁵²⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.11, л.2–3об. Письмо врид заведующего бюро зграничной информации Наркомздрава М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава во Франции А.Н. Рубакина от 26.11.1925 № 930/с (секретно, лично).

⁵²¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.19, л.36. Копия письма А.А. Аснеса представителю Наркомздрава РСФСР Я.Р. Гольденбергу от 03.11.1924 ГАРФ; Ф.А482, оп.55, д.19, л.35. Письмо представителя Наркомздрава в Германии Я.Р. Гольденберга начальнику секретного органа Наркомздрава РСФСР от 18.11.1924 № 4065 (секретно).

⁵²² ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.19, л.34. Копия письма заведующего бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР И.П. Калины представителю Наркомздрава

В своем ответе Гольденберг определил И.В. Левича как опытного редактора, а А.И. Аснеса, скорее, как умелого организатора, который в одиночку такой проект реализовать не сможет⁵²³.

С одной стороны, время для принятия предложения Левича и Аснеса было давно упущено, но с другой, именно в начале 1925 г. на представителя Наркомздрава РСФСР в Берлине стали выходить немецкие медицинские круги с предложением издания журнала о советской медицине. Со слов Гольденберга, он имел множество таких бесед, но придерживаясь линии, выработанной на переговорах с «*Folia medica*», как правило, серьезно их не рассматривал. С его точки зрения, триггером для немецких врачей и издателей журналов стал выход в Париже журнала «Новости французской медицины и биологии» (одним из редакторов которого был И.В. Левич), сильно затронувшего патристические чувства немцев в противостоянии с французской наукой⁵²⁴.

Советско-германский медицинский журнал через некоторое время все же был создан. Изучение архивов Наркомздрава РСФСР показывает, что инициатива по изданию журнала исходила от директора Второй клиники Берлинского университета Ф. Крауса (*Friedrich Kraus*). Согласно переписке Я.Р. Гольденберга с Наркомздравом РСФСР, начало это издания было положено в феврале 1925 г., когда состоялась серия встреч с Ф. Краусом.

Профессор Ф. Краус видел новый журнал, во-первых, свободным от политики. По его мнению, целью журнала должно было стать восстановление старых отношений между германской и русской медициной, а также восстановление культурной гармонии между странами. Краус выступал за равноправие сторон в журнале и против односторонней пропаганды немецкой медицины. В качестве отрицательного примера сотрудничества он приводил только что вышедшее издание «Новости французской медицины и биологии». Во-вторых, Краус настаивал на том, чтобы советская сторона в лице Н.А. Семашко гарантировала свободный ввоз журнала в СССР и обеспечила достаточ-

РСФСР Я.Р. Гольденбергу от 28.01.1925 № 90/с (срочно, секретно).

⁵²³ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.19, л.235–235об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 05.02.1925 № 632/с (секретно).

⁵²⁴ Там же.

ное количество подписчиков. Рекламу немецких медикаментов и медицинского оборудования он завуалировал под фразой «распространение научно обоснованных и на практике проверенных технических предметов оборудования и фармацевтических средств»⁵²⁵.

Что касается главного вопроса нового журнала – его содержания, то оно, по мнению Крауса, должно было состоять из работ немецких и русских авторов. Немецкие статьи, по его плану, должны были переводиться на русский язык, а русские – на немецкий. Основной тематикой журнала он предлагал сделать практические вопросы терапии, но статьи из других разделов медицины также могли попадать на его страницы. Он также готов был принимать статьи по общественному здоровью и гигиене, официальные сообщения, отчеты о работе съездов. Кроме того, Краус предложил советской стороне не воспроизводить традиционный дня немецкой науки формат «Архива» (нем. *«Archiv»*), а создать трибуну для общения медиков двух стран⁵²⁶.

Таким образом, в то время планировалось издавать ежемесячный научно-медицинский журнал, в котором организационные и финансовые вопросы брала на себя немецкая сторона. Требования советской стороны заключались в совместном размещении статей на русском и немецком языках, а также в появлении в журнале раздела «Социальная гигиена». На переговорах Краус согласился возглавить немецкую часть редакции, но русскую попросил возложить на Н.А. Семашко. Краус знал о неудаче с *«Folia medica»* и интересовался ее причинами. Он был заинтересован в быстром осуществлении проекта: первый номер нового журнала должен был появиться в марте 1925 г. Однако до получения ответа от наркома Краус не хотел предпринимать никаких дальнейших действий⁵²⁷.

⁵²⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.19, л.184–185. Перевод письма проф. Крауз [февраль 1925 г.].

⁵²⁶ Там же.

⁵²⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.19, л.183. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР Я.Р. Гольденберга наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 06.02.1925 № 633/с (секретно, лично); ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.19, л.190–191. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР Я.Р. Гольденберга наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 17.02.1925 № 838/с (секретно).

Проект этого журнала был представлен берлинским представительством Наркомздрава наркому Н.А. Семашко в феврале 1925 г.⁵²⁸. Но быстрый и определенный ответ из Наркомздрава РСФСР опять не был получен – Н.А. Семашко в это время был за пределами Москвы. В конце марта 1925 г. Гольденберг напомнил Наркомздраву РСФСР о предполагаемом к изданию журнале и попросил скорее дать по нему заключение⁵²⁹.

В отсутствие наркома заведующий бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР И.П. Калина вынужден был сформулировать общую позицию наркомата по этому поводу: согласие на издание немецко-русского журнала в Берлине на условиях, определенных ранее на переговорах по поводу издания журнала «*Folia medica*». При этом ведение переговоров поручалось представителю Наркомздрава РСФСР в Берлине Я.Р. Гольденбергу⁵³⁰.

Совет взять за пример заключение по проекту «*Folia medica*» Гольденберг уже получал из Москвы за год до этого (по поводу журнального проекта Рубакина и Левича). Но если в 1924 г. Гольденбергу самому не разрешили вести переговоры, то в случае с проектом Ф. Крауса этот запрет был снят. Тем не менее, Краус хотел вести диалог напрямую с наркомом здравоохранения, а не через посредников⁵³¹. Семашко же в очередной раз проявил осторожность в отношениях с зарубежной стороной – он счел «пока неудобным ангажироваться личным сообщением проф. Краус»⁵³².

⁵²⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.162, л.46–57. Отчет Представительства Наркомздрава за 1925–1926 г. [в Германии].

⁵²⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.19, л.180. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР Я.Р. Гольденберга наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 24.03.1925 № 1382.

⁵³⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.19, л.179. Копия письма заведующего бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР И.П. Калины представителю Наркомздрава РСФСР Я.Р. Гольденбергу от 06.06.1925 № 308/с (секретно).

⁵³¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.124, л.82. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 16.04.1924 № 1925.

⁵³² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.124, л.77. Копия письма завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР И.П. Калины представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 17.04.1924 № 45.735.

Это недоверие со стороны Семашко было сломлено в июле 1925 г., когда Семашко и Краус вошли в личную переписку.

Основные решения о судьбе нового советско-германского медицинского журнала были приняты на переговорах профессора Крауса и Гольденберга в Берлине в июле 1925 г. Тогда было выбрано рабочее название издания – «Медицинский журнал» («*Medizinische Zeitschrift*») с подзаголовком «Орган связи научной медицины СССР и Германии» («*Verbindungsorgan der medizinischen Wissenschaft der Sowjetunion und Deutschland*»). Журнал должен был выходить ежемесячно. На тех же переговорах были достигнуты договоренности о двух редакторах – Н. А. Семашко и Ф. Краусе⁵³³.

В протоколе встречи было зафиксировано, что проф. Краус должен найти молодого врача для работы ответственным редактором журнала и платить ему ежемесячную зарплату. Им должен был стать приват-доцент, доктор С.Г. Цондек (*Samuel Georg Zondek*). Протокол также предусматривал две редакции – в Москве и Берлине, а связующим звеном между ними был обозначен доктор Я.Р. Гольденберг. Обе редакции должны были проводить отбор статей для журнала. При этом отдельно оговаривалось, что окончательное решение по выбору статей ложится на проф. Крауса⁵³⁴.

Предварительный состав редакционного комитета включал с немецкой стороны: профессоров Ашофа, Брауэра, Нойфельда, Томса, Любарша и Черни. Советская сторона, в свою очередь, предложила кандидатуры Зеленина, Кольцова, Бурденко, Молькова и Барыкина⁵³⁵. Цейсс их ехидно назвал «великими местной величины» («*Lokalgrößen*»)⁵³⁶. Но Краус хотел, чтобы в российской части редакции были также представлены более известные

⁵³³ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.125, л.347–349. [Протокол совещания по вопросу о русском журнале от 31.07.1925. Берлин].

⁵³⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.125, л.347–349. [Протокол совещания по вопросу о русском журнале от 31.07.1925. Берлин].

⁵³⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.127, л.65. Копия письма наркома здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко профессору Ф. Краусу от 21.07.1925 № 28146.

⁵³⁶ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 83.

немецкой врачебной аудитории лица: Л.А. Тарасевич, Д.Д. Плетнев и С.П. Федоров⁵³⁷. Если Тарасевич и Плетнев были тесно связаны с Наркомздравом и представляли собой приемлемые кандидатуры, то профессор-хирург Федоров, бывший почётный лейб-медик последнего российского императора, был абсолютно чужд советской власти.

По данным немецкой исследовательницы К. Бётхер со ссылкой на донесение Х. Цейсса, после получения сообщения от Крауса Семашко переговорил с Плетневым, но последний не захотел входить в состав редакционного комитета советско-германского журнала без Тарасевича и Федорова. В итоге Семашко и Плетнев договорились о следующих кандидатурах с советской стороны: Абрикосов, Федоров, Ланге, Плетнев, Тарасевич и Давыденков. Но вскоре, со слов Цейсса, Плетнева вызвали к Семашко, который взволнованно сообщил ему, что кандидатура Федорова политически невозможна, и что Федоров должен быть счастлив, что его еще до сих пор не арестовали (Федоров написал письмо в защиту двух врачей, живущих в эмиграции, и поэтому его допрашивали сотрудники ОГПУ). Поэтому на место Федорова в редакционный комитет был назначен другой профессор-хирург Бурденко. По словам Цейса, профессора Плетнев и Тарасевич уже летом 1922 г. были в списке ученых, подлежащих высылке⁵³⁸.

В том же июле для издания журнала было специально создано общество с ограниченной ответственностью «*Deutsch-Russische Ärztezeitschrift GmbH*.» Выход первого номера журнала должны были приурочить к съезду участковых врачей СССР в Москве 26 сентября 1925 г.⁵³⁹, поэтому завершить сбор материалов в этот номер планировалось 10 сентября⁵⁴⁰.

⁵³⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.125, л.347–349. [Протокол совещания по вопросу о русском журнале от 31.07.1925. Берлин].

⁵³⁸ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 83.

⁵³⁹ Этот съезд позднее был перенесен на декабрь 1925 г.

⁵⁴⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.125, л.347–349. [Протокол совещания по вопросу о русском журнале от 31.07.1925. Берлин].

Информация об этом совещании была доведена до Наркомздрава РСФСР в середине августа 1925 г. Гольденберг писал в бюро заграничной информации, что Краус настоял на включении Н.А. Семашко в журнал в качестве редактора, хотя сам Гольденберг не был уверен в том, что нарком на это согласится. Состав редакционного комитета оставался предметом для обсуждений. Гольденберг также предлагал добавить в него профессора О. Фёрстера. На совещании всплывало и имя Х. Цейсса, но Краус отверг эту кандидатуру на основании того, что якобы против Цейсса категорически выступил профессор Л. Брауэр. В письме в Москву Гольденберг особенно подчеркнул, что никаких обязательств по журналу Наркомздрав на себя не взял⁵⁴¹.

С названием нового журнала у советской стороны возникли сомнения. Гольденберг предпочитал наименование «Вестник русско-немецкой медицины», но в Советском Союзе избегали слово «русский», заменяя его на «советский»⁵⁴². Но с этим термином могла не согласиться немецкая сторона. В итоге приняли немецкий вариант «*Medizinische Zeitschrift*» («Медицинский журнал») и добавили зеркальное обозначение «Русско-немецкий» и «*Deutsch-Russische*» на русском и немецком языках⁵⁴³.

В целом, именно в июле-августе 1925 г. были приняты ключевые решения по новому советско-германскому медицинскому журналу, а также были обрисованы его основные контуры, содержание, состав редакционной коллегии и периодичность. Дело оставалось только за статьями. Отсутствие поступлений русских статей в редакцию журнала и в бюро заграничной информации связывали с «сезонным» фактором – летом профессура была

⁵⁴¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.125, л.346–346об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 12.08.1925 № 6619.

⁵⁴² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.128, л.205–205об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР Л.Я. Брусиловскому от 03.08.1925 № 6237 (срочно).

⁵⁴³ В литературе этот журнал также иногда неправильно называют «*Deutsch-russische medizinische Wochenschrift*». См.: Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – С. 109.

в отпусках⁵⁴⁴. Но Гольденберга эти отговорки не устраивали. Он не мог допустить, чтобы первый номер русско-немецкого журнала под ред. Н. А. Семашко вышел без статей русских авторов⁵⁴⁵. В итоге на первый номер удалось набрать статьи из СССР.

Наркомздрав РСФСР придавал созданию «Русско-немецкого медицинского журнала» большое политическое значение. Во-первых, это был ответ русским эмигрантским медицинским журналам, издававшимся в Берлине. Во-вторых, новый журнал вызывал интерес к советской медицинской науке. Поэтому одним из условий, которые выдвигал Гольденберг на переговорах с Краусом, было недопущение к работе в журнале (с немецкой стороны) русских врачей-эмигрантов⁵⁴⁶. Эти требования не выполнялись в дальнейшем, так как русские эмигранты в журнале все-таки работали (А.И. Аснес, Я. Каминский), но об их политических взглядах нам ничего не известно. С другой стороны, русские врачи-эмигранты действительно не публиковали свои статьи в «Русско-немецком медицинском журнале».

Вероятно, благоприятный ход переговоров побудил СССР на втором этапе обратиться в Общество помощи немецкой науке, чтобы договориться о финансировании нового журнала. В сентябре 1925 г. глава Общества помощи немецкой науке (*Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft*) Фридрих Шмидт-Отт (*Friedrich Schmidt-Ott*) находился в Ленинграде по случаю празднования двухсотлетия Академии наук СССР. На этом мероприятии на высоком уровне (с советской стороны переговоры вели управляющий делами Совнаркома СССР Н.П. Горбунов, секретарь Академии наук СССР С.Ф. Ольденбург и нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский) обсуждались возможности

⁵⁴⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.25. Копия письма врид завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 28.08.1925 № 788/с (секретно).

⁵⁴⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.125, л.296–296об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 02.09.1925 № 7147.

⁵⁴⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.187–187об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР Я.Р. Гольденберга в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 29.09.1925 № 12/с (секретно); ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.190. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР Я.Р. Гольденберга наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 29.09.1925 № 16/с (лично, секретно).

по проведению совместных научных исследований⁵⁴⁷. Позже в своей автобиографии Ф. Шмидт-Отт написал, что Семашко «беседовал» с ним, среди прочего, о «Русско-немецком медицинском журнале»⁵⁴⁸. 1 октября 1925 г. Ф. Шмидт-Отт и Н.П. Горбунов снова встретились в Берлине для обсуждения точек соприкосновения в науке⁵⁴⁹.

До сих пор не ясно, спонсировало ли Общество помощи немецкой науке издание нового советско-германского медицинского журнала, так как позднее Шмидт-Отт отрицал какое-либо финансовое участие Общества в «Русско-немецком медицинском журнале»⁵⁵⁰. Прямое финансирование журнала со стороны Наркомздрава РСФСР также было завуалировано⁵⁵¹.

§ 4.5. «Русско-немецкий медицинский журнал» в первый год своего существования

«Русско-немецкий медицинский журнал» начал выходить с октября 1925 г.⁵⁵². Редакторами его были нарком Н.А. Семашко

⁵⁴⁷ Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 252; Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998.

⁵⁴⁸ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – S. 37–38.

⁵⁴⁹ Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 252.

⁵⁵⁰ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 85.

⁵⁵¹ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – S. 37–38.

⁵⁵² Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 197.

и профессор Ф. Краус. К работе в журнале в качестве членов редакционного комитета были привлечены крупные советские ученые: патолог А.И. Абрикосов, хирург Н.Н. Бурденко, терапевт Г.Ф. Ланг, микробиолог и иммунолог Л.А. Тарасевич, терапевт Д.Л. Плетнев, невропатолог Г.И. Россоломо; и известные немецкие медики: патолог Л. Ашоф (*Ludwig Aschoff*), терапевт Л. Брауер (*Ludolph Brauer*), педиатр А. Черни (*Adalbert Czerny*), патолог О. Любарш (*Otto Lubarsch*), эпидемиолог А. Нойфельд (*Fred Neufeld*) и фармаколог Х. Томс (*Hermann Thoms*). Немного позднее в состав редакционной коллегии входили терапевт С. Цондек (*Samuel Georg Zondek*), стоматолог А. Канторович (*Alfred Kantorovitz*), нейрохирург О. Фёрстер (*Otfried Foerster*) и Л.Я. Брусиловский.

Для немецкой стороны одной из причин такого обширного состава редакционного комитета было стремление избежать идентификации журнала только с одним редактором (который обязательно имел конфликт с кем-то из коллег), чтобы привлечь максимальное число авторов⁵⁵³. Советская сторона решила сделать первый состав русской части редакционного комитета «зеркальной» его немецкой части. Патолог Абрикосов был как бы эквивалентом Ашофу, терапевт Плетнев – Краусу, микробиолог Тарасевич – Нойфельду⁵⁵⁴. В результате советская сторона при формировании редакционного комитета руководствовалась политическими принципами, а не научными критериями. Готовность и опыт работы в редактировании журнала при этом не рассматривались.

Осенью 1925 г. нарком Н.А. Семашко посетил Веймарскую республику. 6 ноября 1925 г. в честь выхода первого номера журнала в Берлине состоялся банкет, в котором приняли участие как немецкие, так и советские ученые и официальные лица⁵⁵⁵. По

⁵⁵³ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.9, л.39. Копия письма представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга Л.Я. Брусиловскому от 16.01.1928.

⁵⁵⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.126–126об. Копия письма завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 26.09.1925 № 932/с (секретно).

⁵⁵⁵ Solomon S.G. Introduction: Germany, Russia and Medical Cooperation between the Wars // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 3.

мнению историка из ГДР Т. Рихтера, банкет проходил во Второй медицинской клинике в Берлине, однако, по сведениям из архива Наркомздрава РСФСР, он состоялся в роскошной гостинице «Адлон» (*Hotel Adlon*) рядом с Бранденбургскими воротами⁵⁵⁶. Свидетельством этого события стала совместная фотография, опубликованная в «Русско-немецком медицинском журнале». Помимо редактора журнала Н.А. Семашко и его супруги, с советской стороны на фотографии были запечатлены полпред СССР в Германии Николай Николаевич Крестинский с супругой, представитель Наркомздрава РСФСР в Берлине Я.Р. Гольденберг с супругой, врач для поручений в Наркомздраве РСФСР Л.Я. Брусиловский с супругой и сотрудник Наркомздрава РСФСР в Берлине доктор А.В. Бингер.

Любопытно, что на фотографии также запечатлён русский врач-эмигрант А.И. Аснес, предложивший вместе с И.В. Левицем еще в 1924 г. совсем другой проект русско-немецкого журнала. Доктор Аснес привлекался к работе в «Русско-немецком медицинском журнале» с момента его основания, а спустя три года он стал его ответственным редактором. Документы от берлинского издателя журнала «*Deutsch-Russische Ärztezeitschrift GmbH*» в Москву шли за подписью Аснеса⁵⁵⁷. Еще одна не связанная с журналом персона на фотографии с советской стороны – это профессор-биохимик и физиолог Л.С. Штерн, только в 1925 г. переехавшая в СССР из Швейцарии, где она работала в Женевском университете.

С немецкой стороны на редакционном банкете побывали редактор журнала Ф. Краус и четыре члена редакционного комитета «Русско-немецкого медицинского журнала» из Берлина – А. Черни, Ф. Нойфельд, О. Любарш и Х. Томс. Также на нем присутствовали глава Имперского управления здравоохранения Франц Бумм (*Franz Bumm*) и медицинский советник магистрата Берлина Вильгельм фон Дригальский (*Wilhelm von Drigalski*). Кроме того, на фотографии также запечатлены некоторые предс-

⁵⁵⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.371. Копия списка участников банкета 06.11.1925 в гостинице Адлон (на нем. языке).

⁵⁵⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.125, л.61. Письмо *Deutsch-Russische Ärztezeitschrift* Г.м.В.Н. в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 02.11.1924.

тавители клиники Шарите, в том числе педиатр Леонид Доксиадис (*Leonid Doxiades*) с женой и Теодор Бругш (*Theodor Brugsch*), в честь которого позднее была названа клиника внутренних болезней Шарите⁵⁵⁸. На банкете также были, но не попали на совместную фотографию приват-доцент С.Г. Цондек и еще пять немецких врачей: Рост, Антрик, Вельтвайн, Штраус и Байер (*Rost, Antrik, Weltwein, Strauss, Beyer*)⁵⁵⁹.

Состав участников редакционного банкета отражает приоритеты советской и германской сторон. В советской делегации ученый-медик был всего один – Л.С. Штерн, которая никак не была связана с журналом. Остальные русские люди на фотографии – это чиновники Наркомздрава РСФСР и члены их семей (за исключением доктора А.И. Аснаса). Немецкую сторону представляли семь профессоров-медиков и один чиновник.

В состав редколлегии вошли уважаемые ученые-медики двух стран, а на банкете были совершенно разные как высокопоставленные, так и случайные люди. Но на кого же была возложена практическая рутинная работа над журналом?

Ответственным редактором первого выпуска «Русско-немецкого медицинского журнала» стал доктор Самюэль Цондек из клиники Шарите. В 1922 г. Цондек стал приват-доцентом, а в 1926 г. – экстраординарным профессором внутренней медицины и фармакологии. С ноября 1925 г. по июнь 1928 г. ответственным редактором журнала был доктор Я. Каминский (*Jacob Kaminsky*). Яков Каминский был бывшим российским подданным, родившимся в еврейской семье в 1887 г. в Александровске Екатеринославской губернии. Он окончил гимназию в Одессе, обучался на медицинском факультете Берлинского университета, а в 1913 г. защитил диссертацию во Второй клинике Берлинского университета (директором которой был Ф. Краус) по теме «Влияние специфического лечения на реакцию Вассермана»⁵⁶⁰.

⁵⁵⁸ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – S. 44.

⁵⁵⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.371. Копия списка участников банкета 06.11.1925 в гостинице Адлон (на нем. языке).

⁵⁶⁰ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss.

Его преемником в должности ответственного редактора «Русско-немецкого медицинского журнала» с июля по декабрь 1928 г. стал уже упоминавшийся выше доктор А.И. Аснес.

Еще до выхода первого номера журнала Наркомздрав РСФСР планировал ввести должности русского ответственного редактора журнала и секретаря, аналогичные должностям представителей немецкой стороны. При этом на должность немецкого ответственного редактора предполагалось принять доктора С. Цондека. Должность ответственного редактора с русской стороны предложили профессору Плетневу, но последний стал интересоваться по поводу гонорара (он знал, что работа Цондека будет оплачиваемой), так как ему пришлось бы редактировать весь материал. При этом Плетнев говорил, что просил деньги не для себя, а для своего секретаря⁵⁶¹. Цондек, вероятно, тоже не хотел выполнять работу за двоих, так что с ноября 1925 г. единственным ответственным редактором журнала вместо Цондека стал доктор Я. Каминский, знавший как русский, так и немецкий языки. Функции секретаря журнала с советской стороны сначала было решено возложить на Л.Я. Брусиловского⁵⁶², но потом их взяло на себя бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР⁵⁶³. Советская сторона даже добилась оплаты этой работы (аналогично немецкой должности) в твердой валюте⁵⁶⁴.

Говоря о лицах, причастных к созданию и изданию журнала, невозможно пройти мимо фигуры представителя Наркомздрава РСФСР в Берлине, доктора Я.Р. Гольденберга. Его имя всего несколько раз появлялось на страницах журнала в качестве автора статей, но в составе редакционного комитета его не было.

med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – S. 49.

⁵⁶¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.89–90. Копия письма врид завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 12.09.1925 № 892/с (сов. секретно).

⁵⁶² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.139, л.123–124. Протокол сзаседания по представительству НКЗ в Германии от 06.11.1925. [Берлин].

⁵⁶³ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.126–126об. Копия письма завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 26.09.1925 № 932/с (секретно).

⁵⁶⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.234–234об. Копия письма врид завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 10.10.1925 № 999/с (секретно).

Как показывает анализ архивов Наркомздрава РСФСР, именно он играл важнейшую посредническую роль между Москвой и Берлином в организации деятельности «Русско-немецкого медицинского журнала». В этом смысле Гольденбергу удалось сделать то, что не получилось у Х. Цейсса с «*Folia medica*».

Еще одна личность, которую следует упомянуть в контексте организации работы «Русско-немецкого медицинского журнала», — это доктор Л.Я. Брусиловский. Он некоторое время возглавлял бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР, а затем по поручению наркома курировал деятельность этого подразделения. Сам нарком Н.А. Семашко не имел возможности уделять много времени редактированию журнала, и эти функции он делегировал своему доверенному лицу — врачу для поручений Наркомздрава РСФСР Л.Я. Брусиловскому.

Что касается целей журнала, то в первом номере журнала Н.А. Семашко изложил свои взгляды на международное сотрудничество: «Наука интернациональна. Из национальных источников отдельных стран истекают научные данные, чтобы путем сопоставления, переработки, критики, углублений и дополнений выкристаллизовать те бесспорные научные данные, которые составляют научную сокровищницу человечества»⁵⁶⁵.

Характеризуя назначение этого журнала, профессор Ф. Краус в этом же номере подчеркивал, что «Русско-немецкий медицинский журнал» не собирается быть просто еще одним новым журналом среди других специальных периодических изданий. В отличие от Семашко, сам Краус в предисловии для первого выпуска журнала назвал конкретные задачи и цели нового журнала: «Его задача будет состоять в том, чтобы направлять в одно общее русло определенные, преимущественно практические стремления двух великих соседних наций, которые в настоящем и будущем во многих отношениях зависят друг от друга. Мы хотим сплотиться для поднятия и сохранения физических и духовных сил наших народов. На первый взгляд может показаться, что в таком случае единственная или, по крайней мере, основная задача журнала будет состоять в борьбе против

⁵⁶⁵ Семашко Н.А. К читателю / An die Leser // Русско-немецкий медицинский журнал. — 1925. — № 1. — С. 1–2.

определенных инфекционных болезненных процессов, оказывающих сильное влияние на смертность народонаселения. Конечно, этот вопрос будет играть выдающуюся роль в нашем журнале. Я лично хотел бы первым делом указать в общих чертах на значение законодательной и частной организации дела здравоохранения и профилактики для главных хронических инфекций»⁵⁶⁶.

Кроме того, из предисловия Крауса также видно, что он (как представитель консервативной немецкой профессуры) критически относился к недавно появившимся дисциплинам психологии и психоанализу, проявлял симпатию к расовой гигиене и намекал на особый путь русского и немецкого народов. По своему духу эта приветственная статья хорошо соотносится с концепцией особых отношений (*Sonderverhältnis*) между Германией и Россией⁵⁶⁷.

Но за высокопарными фразами редакторов на страницах «Русско-немецкого медицинского журнала» пряталась реклама, занимавшая значительный объем издания. Преимущественно это были немецкие рекламные объявления, полностью ориентированные на советский рынок. Многие немецкие производители фармацевтической продукции рекламировали свои товары на русском языке и писали о возможности импорта в СССР. Для сбыта товаров крупные немецкие фармацевтические компании создали организацию «Игерусско», которая занималась экспортом фармацевтической продукции этих предприятий в СССР. В регулярной рубрике «Новости медицинской техники» освещались новинки от производителей медицинского оборудования. Подробно на русском языке были представлены новинки, в число которых вошли, например, рентгеновские аппараты, новое гинекологическое зеркало и хирургические инструменты с подсветкой. Немецкие книжные магазины также были заинтересованы

⁵⁶⁶ Kraus F. Оздоровление наших народов // Русско-немецкий медицинский журнал. – 1925. – № 1. – С. 2–4.

⁵⁶⁷ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960 / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 200; Solomon S.G. Introduction: Germany, Russia and Medical Cooperation between the Wars // Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 7–8.

в торговле книгами и журналами в СССР. Свои услуги они предлагали в больших рекламных объявлениях⁵⁶⁸.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что советский рынок был очень перспективным для немецких компаний. Кроме того, это был способ снизить стоимость журнала, так как доходы от рекламы покрывали часть производственных расходов.

С точки зрения содержания, для «Русско-немецкого медицинского журнала», с одной стороны, были характерны регулярные колонки. Рубрика «Терапевтические сообщения» выходила почти исключительно на русском языке и служила для обсуждения новых лекарств и групп фармацевтических препаратов. В рубрике «Хроника», нерегулярно выходившей на немецком языке, можно было прочесть краткие отчеты о конгрессах врачей в СССР. В рубриках «Рефераты» и «Библиография» рассматривались новые книги и журнальные статьи как советских, так и немецких ученых. С другой стороны, в основном в журнале печатались оригинальные статьи. В конце сентября 1925 г., еще до выхода первого номера журнала, бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР решало вопрос «физиономии» будущего журнала согласно немецким образцам, то есть будет ли он «архивом» (нем. *Archiv* – издание с научными статьями по одной специальности) или «вохеншрифтом» (нем. *Wochenschrift* – еженедельник, многопрофильное издание с освещением текущих событий)⁵⁶⁹. Для себя Наркомздрав РСФСР сделал выбор в пользу научного «архива», но фактически журнал стал смесью этих двух форматов.

Основной сложностью с наполнением журнала в первые годы его существования был дефицит русских статей. С этой проблемой в конце 1924 г. уже столкнулись редакторы «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*», но тогда в Наркомздраве РСФСР не отнеслись к ней серьезно, тем более что к этому изданию Наркомздрав РСФСР в тот период времени формально

⁵⁶⁸ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – S. 54–58.

⁵⁶⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.89–90. Копия письма врид завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 12.09.1925 № 892/с (сов. секретно).

отношения не имел. Осенью 1924 г. в Париж смогли быстро отправить только пропагандистские материалы Н.А. Семашко о советском здравоохранении и еще несколько научных статей. Год спустя сложности с поиском русских научных статей для иностранного журнала повторились, но на этот раз редактором журнала уже был Н.А. Семашко. И административное давление на советских ученых-медиков не помогало решить проблему, так как ученые в СССР саботировали участие в «Русско-немецком медицинском журнале».

В этом контексте интерес вызывает публикационная активность членов редакционной коллегии журнала. По подсчетам исследователя из ГДР Т. Рихтера, редакторы журнала, Ф. Краус и Н.А. Семашко, опубликовали в «Русско-немецком медицинском журнале» по пять статей, однако другие члены редакционного комитета практически не писали статьи для журнала. Ашофф, Брауэр, Бурденко и Абрикосов выпустили по одной статье, Россолимо – две статьи, а Черни, Ланг, Любарш, Нойфельд, Плетнев, Тарасевич и Томс просто входили в редакционный комитет журнала и вообще не публиковались в нем⁵⁷⁰. Таким образом, подавляющее большинство членов редакционной коллегии журнала были номинальными фигурами и судьбой журнала не интересовались.

В теории именно члены редакционного комитета должны были формировать редакционную политику журнала и помогать привлекать авторов. Но советские члены редакционного комитета фактически игнорировали работу журнала. В этом отношении показательны действия профессора Д.Д. Плетнева. В начале сентября 1925 г. Наркомздрав РСФСР провел «серьезные переговоры» с Л.А. Тарасевичем и Д.Д. Плетневым по поводу направления статей в новый журнал⁵⁷¹. Той же осенью 1925 г., когда редакция «Русско-немецкого медицинского журнала» умоляла представителей советской стороны прислать материалы для вто-

⁵⁷⁰ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – S. 64.

⁵⁷¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.89–90. Копия письма врид завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 12.09.1925 № 892/с (сов. секретно).

рого номера, Наркомздрав РСФСР срочно затребовал статьи от Е.И. Марциновского, А.В. Молькова и Н.К. Кольцова⁵⁷². И если статьи Марциновского и Молькова были опубликованы в первом и втором номерах «Русско-немецкого медицинского журнала», то Тарасевич, Плетнев и Кольцов так в журнал свои материалы и не направили. При подготовке второго номера журнала в конце 1925 г. ситуация грозила обернуться скандалом из-за невыполнения советской стороной своих обязательств⁵⁷³.

Бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР осознало глубину проблемы неприятия «Русско-немецкого медицинского журнала» со стороны советской профессуры только в конце ноября 1925 г. Глава бюро Шефтель признавался в письме Гольденбергу, что Наркомздрав ошибался, когда в августе 1925 г. связал дефицит статей советских профессоров для «Русско-немецкого медицинского журнала» с летними каникулами⁵⁷⁴. Советские ученые-медики предпочитали печатать свои оригинальные статьи в советских профильных медицинских журналах или направлять их за границу. Например, осенью 1925 г. Плетнев не давал никаких своих материалов для нового совместного журнала, но в это же время он направил три свои статьи для публикации через бюро и представительство Наркомздрава РСФСР в Берлине в журналы немецкого издательства Шпрингер⁵⁷⁵. Шефтель понимал, что такой выбор советской профессуры связан не с гонорами зарубежных журналов⁵⁷⁶. Скорее всего, такое поведение советских ученых было связано с отсутствием репутации

⁵⁷² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.125, л.61. Письмо Deutsch-Russische Ärztezeitschrift G.m.b.H. в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 02.11.1924.

⁵⁷³ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.411. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 17.11.1925 № 65/с (секретно).

⁵⁷⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.408–409. Копия письма врид завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 28.11.1925 № 1219/с (секретно).

⁵⁷⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.115, л.66. Письмо представительства Наркомздрава РСФСР в Германии в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 09.12.1925 № 10435.

⁵⁷⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.408–409. Копия письма врид завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 28.11.1925 № 1219/с (секретно).

серьезного научного издания у «Русско-немецкого медицинского журнала», а также с его связью с Наркомздравом РСФСР, политику которого старое поколение профессуры саботировало.

§ 4.6. «Русско-немецкий медицинский журнал» на рынке медицинских периодических изданий: проблемы с эмигрантскими журналами

В январе 1926 г. на съезде терапевтов в Харькове в качестве рекламы бесплатно раздавались номера «Русско-немецкого медицинского журнала» (№ 1–3 за 1925 г.), и была организована подписка на это издание. В отчете об этой акции сотрудник издательского отдела Наркомздрава РСФСР Г.Ю. Гальперин уведомил Москву о провале мероприятия. Во-первых, по мнению участников съезда, «тощий Русско-немецкий журнал с коммерческо-объявленческим уклоном, конечно, не мог заменить клинической литературы», а советские врачи испытывали недостаток в новейшей литературе именно в этой сфере⁵⁷⁷. Это разочарование от содержания журнала отразилось на подписной кампании – было собрано всего 16 подписок. Во-вторых, как писал Г.Ю. Гальперин, бесплатная раздача выпусков журнала прошла успешно, хотя и здесь ожидания советских терапевтов не оправдались. Врачи на съезде уже хорошо знали берлинское эмигрантское издание «Врачебное обозрение» и ожидали что-то подобное по содержанию, но эти надежды оказались неудовлетворенными⁵⁷⁸.

Отчет о командировке Г.Ю. Гальперина в Харьков был доведен до сведения редакции «Русско-немецкого медицинского журнала» издательским отделом Наркомздрава РСФСР. Недовольство содержанием нового журнала открыто выражал один из его формальных редакторов – профессор-терапевт Д.Л. Плетнев. В январе 1926 г. советская и германская стороны впервые стали открыто обсуждать вопрос конкуренции «Русско-немецкого медицинского журнала» с русскоязычной медицинской перио-

⁵⁷⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.6, л.23. Письмо Г.Ю. Гальперина в Издательство Наркомздрава РСФСР от 21.01.1926.

⁵⁷⁸ Там же.

дикой, издававшейся русскими врачами-эмигрантами в Берлине. При этом признавалось высокое качество материала, публикуемого во «Врачебном обозрении»⁵⁷⁹.

Проблема наличия сильного конкурента на рынке зарубежных медицинских журналов, игнорируемая Наркомздравом РСФСР на протяжении пяти лет, стала обсуждаться в секретной официальной переписке только в 1925 г. До этого времени вопрос об эмигрантских изданиях был табуирован для советской стороны (то есть эти издания читали, но предпочитали о них не говорить), да и немецкие партнеры предпочитали эти журналы не замечать.

В 1925 г. представитель Наркомздрава РСФСР в Берлине Я.Р. Гольденберг стал обращать внимание своего руководства в Москве на зарубежные русские медицинские издания, которые пользовались привилегиями по ввозу научной литературы в СССР⁵⁸⁰. Но Наркомздрав тогда никак не отреагировал на эту проблему. Скорее, у Наркомздрава РСФСР были партнерские отношения с зарубежными издательствами.

Еще 18 октября 1924 г. берлинское издательство «Врач» заключило с представителем Наркомздрава РСФСР в Германии соглашение о поставке своих журналов в Наркомздрав РСФСР в Москве⁵⁸¹. В то время, когда «Русско-немецкий медицинский журнал» испытывал дефицит статей, советские авторы направляли свои материалы для публикации в эмигрантские журналы⁵⁸². Более того, отдел подписки Центрального книжного склада издательского отдела Наркомздрава РСФСР при-

⁵⁷⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.6, л.24–25об. Копия письма члена правления Издательства Наркомздрава РСФСР Ротштейна в «Русско-немецкий журнал» (г. Берлин) от 30.01.1926 № 1371с.

⁵⁸⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.6, л.113–114об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 08.02.1926 № 142/с (секретно).

⁵⁸¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.211. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 06.11.1924 № 3968.

⁵⁸² ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.6, л.213. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 08.06.1926 № 219/с (секретно).

нимал подписки на журнал «Врачебное обозрение» уже на 1926 г.⁵⁸³.

Только в начале 1926 г., после скандала с распространением «Русско-немецкого медицинского журнала» на съезде терапевтов в Харькове, Наркомздрав РСФСР «неожиданно» для себя обнаружил, что эмигрантские журналы «Врачебное обозрение» и «Практический врач» свободно ввозятся в СССР, где на них принимается подписка, и число подписчиков постоянно растет⁵⁸⁴.

Подписка на журналы и покупка книг, издаваемых в эмигрантских берлинских издательствах, для советской стороны расценивались как непозволительная трата дефицитной в СССР валюты. Но моментально запретить ввоз литературы берлинского издательства «Врач» в Советский Союз для Наркомздрава РСФСР оказалось невозможным. Дело в том, что хотя этот запрет и был предварительно согласован с Главным управлением по делам литературы и издательств (Главлит), официальным представителем издательства «Врач» в СССР было общество «Международная книга», занимавшееся экспортно-импортными торговыми операциями с печатными изданиями⁵⁸⁵. По информации представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина, издательство «Врач» было даже одним из акционеров «Международной книги» с немецкой стороны⁵⁸⁶. Научные издания в этот период времени ввозились в Советскую Россию без цензуры.

Вопрос с эмигрантскими медицинскими журналами высветил еще одну проблему. Фактически в 1925 г., то есть во время подготовки к изданию «Русско-немецкого медицинского жур-

⁵⁸³ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.6, л.82–82об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 12.02.1926 № 147/с (секретно).

⁵⁸⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.6, л.27–27об. Копия письма врид заведующего бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава в Берлине Я.Р. Гольденбергу от 05.02.1926 № 167/с (совершенно секретно).

⁵⁸⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.6, л.70. Копия письма врид заведующего бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава в Берлине Я.Р. Гольденбергу от 06.03.1926 № 328/с (секретно).

⁵⁸⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.12, л.253–254. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина в издательство Наркомздрава РСФСР от 10.12.1926 № 1.081 (секретно).

нала» не проводились маркетинговые исследования рынка медицинских журналов. Скандал на харьковском съезде терапевтов стал поводом все же провести их. Выяснилось, что тарифы для размещения рекламных объявлений (в первую очередь немецких производителей лекарств и медицинского оборудования) в «Русско-немецком медицинском журнале» были выше среднерыночных. По оценке Гольденберга, для журнала «Врачебное обозрение» поступления от рекламных объявлений не были основной статьей дохода. Берлинское издательство «Врач» использовало свой журнал для рекламы книг (переводы немецкой научной литературы на русский язык), которые это же издательство и выпускало. В связи с этим Гольденберг просил Наркомздрав ограничить доступ эмигрантских журналов на советский рынок и снизить расценки на рекламные объявления в «Русско-немецком медицинском журнале»⁵⁸⁷.

В феврале 1926 г. Москву посетила делегация немецких врачей в составе профессора Ф. Крауса и профессора-нейрохирурга, лечащего врача В.И. Ленина в 1922–1924 гг., О. Фёрстера (*Otfried Foerster*) для работы в лечебной комиссии при ЦК ВКП(б). Этот приезд был использован для проведения заседания русской коллегии «Русско-немецкого медицинского журнала» с участием немецких профессоров⁵⁸⁸. На заседании под председательством Н.А. Семашко 20 февраля 1926 г. присутствовали Ф. Краус, Д.Л. Плетнев, Л.А. Тарасевич, Н.Н. Бурденко, О. Фёрстер, Г.И. Россолимо, Л.Я. Брусиловский, Ротштейн и М.С. Шефтель. Следует отметить, что последние пять из перечисленных формально в состав редакционной коллегии не входили. Результатом дискуссии стало заключение, что журнал должен быть научно-практическим, а не теоретическим, а также иметь широкий профиль, чтобы в нем могли публиковаться авторы разных специальностей. Кроме того, было выражено пожелание о том, чтобы по достижении отметки в 1000 подписчиков все статьи

⁵⁸⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.6, л.113–114об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 08.02.1926 № 142/с (секретно).

⁵⁸⁸ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – S. 39.

публиковались на двух языках, а не на одном (статьи советских авторов – на немецком, немецких авторов – на русском), как это было в первых номерах журнала. Участники совещания также обсудили вопросы введения резюме статей и редактирования работ с привлечением сотрудников других журналов⁵⁸⁹.

В течение всего 1926 г. Наркомздрав РСФСР вел активную пропаганду против издательства «Врач» как на территории СССР, так и в Веймарской республике, обвиняя его руководство в антисоветских настроениях и недобросовестной предпринимательской деятельности. Но за пять лет работы «Врачебное обозрение» заработало репутацию солидного научного медицинского журнала, и оно было желанным гостем на врачебных съездах. Кроме того, полномочия Наркомздрава РСФСР не всегда распространялись на территорию всего Советского Союза, поэтому бойкот издательства «Врач» действовал не везде. Например, летом 1926 г. организаторы врачебного съезда и медицинской выставки в Одессе (УССР) пригласили принять в них участие издательство «Врач». В связи с этим Наркомздраву РСФСР пришлось войти в переговоры с Наркомздравом УССР и организационным комитетом съезда, чтобы это приглашение было аннулировано⁵⁹⁰.

Только в конце сентября 1926 г. под председательством заведующего иностранным отделом Главлита Левина состоялось совещание о ввозе медицинской литературы зарубежных издательств. В этом заседании также приняли участие заведующий бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР Л.Я. Брусиловский, заведующий издательским отделом Наркомздрава РСФСР Ротштейн, помощник начальника Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями при Наркомпросе (Главнаука) Ван-

⁵⁸⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.6, л.37–37об. Копия письма врид заведующего бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава в Берлине Я.Р. Гольденбергу от 26.02.1926 № 272/с (секретно).

⁵⁹⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.7, л.541. Копия письма заведующего бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР Л.Я. Брусиловского представителю Наркомздрава в Берлине Я.Р. Гольденбергу от 15.06.1926 № 1203/с (секретно); ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.7, л.540. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 31.08.1926 № 270/с (секретно).

дельгейм и заведующий научным отделом Государственного издательства Каган. Совещание было созвано по инициативе Наркомздрава РСФСР, который хотел запретить ввоз в СССР только журнала «Врачебное обозрение», но представитель Главлита поставил вопрос более широко – запрет на ввоз всех выходящих за границей медицинских изданий на русском языке⁵⁹¹. Пояснения пришлось дать чиновнику Наркомздрава Брусиловскому, обратившему внимание на просоветские или выходящие при поддержке Наркомздрава журналы «Новости французской медицины и биологии» и «Русско-немецкий медицинский журнал», ввоз которых запрещать было нельзя. В итоге (кроме упомянутых выше совместных журналов) ввоз в СССР медицинских изданий на русском языке было решено запретить⁵⁹².

Таким образом, через год после начала выхода «Русско-немецкого медицинского журнала» на советском рынке был устранен главный его конкурент – берлинское издательство «Врач» с его популярным журналом «Врачебное обозрение»⁵⁹³. Проблемы с недостатком подписчиков «Русско-немецкого медицинского журнала» были решены, главным образом, не за счет улучшения его качества, а путем устранения конкурентов.

Запрещение ввоза литературы в СССР сильно ударило по издательству «Врач», что стало предметом заботы Германского посольства в Москве. Дело в том, что это издательство, хотя и организованное русскими эмигрантами, находилось на территории Веймарской республики и *de facto* было германским предприятием, созданным на германские деньги. В начале 1927 г. 1-й секретарь Германского посольства в Москве Шлипп обращался в Наркомздрав РСФСР с просьбой снять этот запрет, так как от него пострадал один банк из Дармштадта, давший кредит

⁵⁹¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.7, л.464. Письмо наркома Наркомздрава РСФСР Н.А. Семашко в Главлит от 15.09.1926 № 1296/с (секретно).

⁵⁹² ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.7, л.459–459об. Протокол заседания от 23.09.1926 по вопросу о ввозе заграничных изданий медицинских издательств (секретно).

⁵⁹³ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.7, л.492–492об. Копия письма заведующего бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР Л.Я. Брусиловского представителю Наркомздрава в Берлине Я.Р. Гольденбергу от 10.1926 № 1260/с (совершенно секретно).

издательству «Врач» на 2 млн марок. Тем не менее, сотрудник посольства получил в Наркомздраве твердый отказ⁵⁹⁴.

После формального запрета на ввоз продукции издательства «Врач» в СССР его книги и журналы все же продолжали поступать в Советский Союз. Одну лазейку оставил для себя сам инициатор запрета – Наркомздрав РСФСР, которому требовалась новейшая медицинская литература для собственных нужд⁵⁹⁵. Еще одним неофициальным каналом поставки книг и журналов издательства «Врач» были союзные республики, в частности Грузия и Украинская ССР, где в 1927 г. эта продукция закупалась на десятки тысяч рублей и затем попадала напрямую в РСФСР⁵⁹⁶. Со слов представителя Наркомздрава во Франции А.Н. Рубакина, «Врачебное обозрение» в 1926 г. имело 3 600 подписчиков в СССР, о чем он, будучи редактором «Новостей французской медицины и биологии», мог только мечтать⁵⁹⁷.

«Русско-немецкий медицинский журнал» вышел на рынок русскоязычных медицинских журналов, печатавшихся за границей, достаточно поздно – в конце 1925 г. К этому времени широкую известность и популярность получили печатавшиеся в Берлине эмигрантские журналы «Врачебное обозрение» (1921–

⁵⁹⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.8, л.81–82. Копия письма заведующего бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава в Берлине Я.Р. Гольденбергу от 09.04.1927 № 335/с (секретно) ГАРФ; Ф.А482, оп.55, д.8, л.105–105об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 04.04.1927 № 83/с (секретно).

⁵⁹⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.8, л.81–82. Копия письма заведующего бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава в Берлине Я.Р. Гольденбергу от 09.04.1927 № 335/с (секретно).

⁵⁹⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.8, л.15а–17. Копия письма заведующего бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава в Берлине Я.Р. Гольденбергу от 03.1927 № 221/с (секретно); ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.9, л.69. Копия письма заведующего бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР В.В. Асаткиной представителю Наркомздрава в Берлине Я.Р. Гольденбергу от 17.03.1928 № 238/с (секретно).

⁵⁹⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.11, л.409–410. Копия письма представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина в отдел заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 10.12.1926 № 211/с (секретно).

1928) и «Практический врач» (1923–1929), а «Журнал русского врача» даже успел закрыться⁵⁹⁸.

Журнал «Врачебное обозрение» считался главным изданием Русского медицинского зарубежья. В его аудиторию входили как врачи, жившие на территории бывшей Российской империи, так и рассеявшиеся по всему миру. Там публиковались обзоры литературы и оригинальные статьи, рефераты и отчеты о съездах⁵⁹⁹. Авторами статей были зарубежные и даже советские врачи, но основной их частью были русские врачи и ученые, оказавшиеся после Гражданской войны за границей, причем не только в Веймарской республике. Поэтому берлинские эмигрантские медицинские журналы советский и российский историк медицины М.Б. Мирский считал органами всего Российского медицинского зарубежья⁶⁰⁰.

Если чтение зарубежных медицинских журналов для советских врачей представляло определенные трудности (как языковой, так и культурный барьер), то журналы наподобие «Врачебного обозрения» этих недостатков не имели. В них печатались бывшие коллеги советских врачей, многих из которых те знали лично по дореволюционной деятельности в СССР. Они писали в русской научной медицинской традиции (то есть как это было принято в России), на русском языке, но из европейских университетов и научных институтов. Поэтому популярность «Врачебного обозрения» легко объяснить – для советских врачей это был своеобразный мост к европейской медицине и дореволюционному прошлому.

Кроме того, как отметила С. Соломон, при дефиците статей «Русско-немецкий медицинский журнал» совершенно ненамеренно стал конкурировать с другими издательскими проектами, выходящими в Веймарской республике при поддержке СССР, то есть с журналами «Новая Россия» («*Das neue Russland*»), орган

⁵⁹⁸ Васильев К.К. Забытый журнал медицинского российского зарубежья // Актуальные проблемы истории медицины: материалы Международной научной конференции / ред. К.К. Васильев. – Сумы: СумГУ, 2005. – С. 148–150.

⁵⁹⁹ Васильев К.К. Эмиграция российских врачей в Германию в 20-е годы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2005. – № 6. – С. 55.

⁶⁰⁰ Мирский М.Б. Медицина России X – XX веков: Очерки истории. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 482.

Общества друзей Новой России) и «Социалистический врач» («*Der sozialistische Arzt*», печатный орган Общества врачей-социалистов)⁶⁰¹. Немецкие авторы-медики левых политических взглядов публиковали свои впечатления о поездках в СССР именно там. С другой стороны, немецкий главный редактор «Русско-немецкого медицинского журнала» Ф. Краус изначально выступал за аполитичность своего журнала, поэтому явно просоветские статьи, далекие от медицины, имели мало шансов появиться на страницах этого издания.

§ 4.7. Французские журналы как неудачный проект для Наркомздрава РСФСР

Во время визита А.Н. Рубакина в СССР летом 1925 г., когда его кандидатура рассматривалась на должность представителя Наркомздрава РСФСР во Франции, с наркомом Н.А. Семашко велись переговоры по поводу будущего журналов, и Рубакин получил заверения о поддержке журналов со стороны Наркомздрава РСФСР⁶⁰².

Через год после выхода первого номера журнала «Новости французской медицины и биологии» свое отношение к нему выразил недавно назначенный заведующий бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтель (до этого пять лет проработавший представителем РОКК и Наркомздрава РСФСР в Италии). В письме Рубакину он достаточно резко заявил, что этот журнал «производит в медицинских кругах впечатление отрицательное»⁶⁰³. Шефтель указал на якобы слабый научный уровень статей (например, статьи о «морфологии стрептококков»), поставил в пример немецкую традицию научных

⁶⁰¹ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 201.

⁶⁰² ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.15, л.21–24. Черновик письма представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко [октябрь 1925 г.].

⁶⁰³ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.163–165об. Копия письма завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакину от 03.10.1925 № 967/с (сов. секретно, лично).

журналов и потребовал публиковать статьи исключительно крупных ученых⁶⁰⁴. В сущности говоря, Шефтель настаивал на коренных изменениях в редакторской политике журнала. Также он советовал Рубакину оставить работу секретаря газеты «Парижский вестник» (фр. «*Messenger russe de Paris*»), издававшейся при советском полпредстве во Франции.

Журналы издательства «*Société d'Éditions Scientifiques "France-Russie"*» с самого начала носили просоветский характер, в них печатались материалы наркома здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко, но формально журналы не были никак связаны с Наркомздравом РСФСР (советские ученые входили только в состав редколлегии франкоязычного журнала). Как было указано выше, договор о распространении журналов был заключен между частным французским издательством и харьковским издательством «Научная мысль». Вопрос о переходе журналов под формальный патронаж Наркомздрава РСФСР был поставлен во время визита наркома Н.А. Семашко во Францию осенью 1925 г. В Наркомздраве РСФСР совместные издания курировал доктор Л.Я. Брусиловский, сопровождавший наркома в этой поездке. Представитель Наркомздрава в Париже А.Н. Рубакин разработал проект договора издательства «*France-Russie*» с издательским отделом Наркомздрава РСФСР и просил Брусиловского решить этот вопрос максимально быстро, так как заключение данного договора требовало разрыв отношений с харьковской «Научной мыслью»⁶⁰⁵. Для Рубакина это решение вряд ли было вынужденным, так как за год выпуска журналов украинское издательство накопило большие долги и недоимки, так что Рубакин и его коллеги по «*Société d'Éditions Scientifiques "France-Russie"*» были не против нового надежного советского партнера.

Проект Рубакина предполагал сохранение *status quo* организационной формы журнала «Новости французской медицины и биологии», но с заменой партнера в СССР с харьковской

⁶⁰⁴ Там же.

⁶⁰⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.11, л.50–50об. Проект договора между издательством «France-Russie» и Издательским отделом Наркомздрава РСФСР [1925]; ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.11, л.51–52. Копия письма представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина в отдел заграничной информации Наркомздрава РСФСР Л.Я. Брусиловскому от 14.11.1925.

«Научной мысли» на издательский отдел Наркомздрава РСФСР. Москва же диктовала совсем другие условия. Во-первых, Наркомздрав РСФСР требовал, чтобы французский журнал стал его официальным органом, издаваемым его представительством в Париже. Во-вторых, старый журнал следовало ликвидировать, а с 1926 г. нужно было издавать новый – полностью «советский», возможно, с новым названием. В-третьих, Наркомздрав РСФСР следовал общесоветскому принципу «старых долгов мы не платим», поэтому предлагал Рубакину самостоятельно решать проблему долгов с «Научной мыслью»⁶⁰⁶.

В целом, Рубакин согласился с этим планом Наркомздрава РСФСР, но подчеркнул, что тогда издательскому отделу Наркомздрава придется взять на себя вопросы по доставке и распространению журнала в СССР, а также напомнил про обязательства журнала перед его главным редактором – сотрудником Пастеровского института А.М. Безредкой (распространение его книг и оплата гонорара за них)⁶⁰⁷.

Но несмотря на согласование редакцией журналов наркомздравовского проекта реформирования «Новостей французской медицины и биологии» и «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*», никаких реальных шагов в этом направлении Наркомздравом РСФСР так и не было сделано. Рубакин в переписке с Москвой ставил вопрос максимально остро и спрашивал, будут ли журналы совместным проектом французской медицины с Наркомздравом РСФСР или Наркомздравом УССР⁶⁰⁸.

⁶⁰⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.11, л.79–79об. Письмо сотрудников бюро заграничной информации Л.Я. Брусиловского, М.С. Шефтеля и заведующего издательским отделом Наркомздрава РСФСР Ротштейна представителю Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакину от 04.12.1925 № 1247 (секретно).

⁶⁰⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.11, л.83. Копия письма представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина в отдел заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 14.12.1925 № 29/с (секретно); ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.11, л.80. Копия приложения к письму представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина в отдел заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 14.12.1925 № 29/с (секретно).

⁶⁰⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.12, л.38–38об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина в отдел заграничной информации и издательство Наркомздрава РСФСР от 08.01.1926 № 42/с (секретно).

В итоге Рубакин в январе 1926 г. был вынужден констатировать в письме в Москву, что договор с харьковской «Научной мыслью» был продлен еще на год. Финансовые проблемы журналов были решены путем заключения годичного договора с консорциумом французских предпринимателей, работавших на советском рынке (*Comptoir Général Médico-Sanitaire*)⁶⁰⁹. Вместе с тем представитель Наркомздрава РСФСР в Париже и один из редакторов журналов, А.Н. Рубакин, не скрывал своей досады и обиды: он упрекал издательский отдел Наркомздрава РСФСР в неисполнении своих обещаний, а также указывал на то, что Наркомздрав напрямую помогает «Русско-немецкому медицинскому журналу», а его журналам в такой помощи отказывает⁶¹⁰.

Традиция Наркомздрава РСФСР не отвечать на письма зарубежных корреспондентов вызывала недоумение в Европе. После паузы в несколько месяцев Наркомздрав РСФСР как ни в чем не бывало продолжал обсуждать будущее журнала «Новости французской медицины и биологии», хотя решение уже было принято без его участия. Более того, Наркомздрав РСФСР, будучи никак формально и финансово не связанным с журналом, указывал Рубакину на то, что «физиономия журнала должна быть другой», но какой именно – не говорил. А в качестве примера Рубакину приводился опыт издания медицинских журналов в Веймарской республике. Однако Рубакин отвергал этот пример. Во-первых, он был франкофилом (в отличие от германофилов в Наркомздраве РСФСР), а, во-вторых, он обращал внимание на ограниченность распространения немецкого языка в мире после Первой Мировой войны⁶¹¹.

Таким образом, в 1926 г. журнал «Новости французской медицины и биологии» сохранился в качестве совместного проекта французской редакции (в составе советского гражданина

⁶⁰⁹ Там же; ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.12, л.92–92об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина в отдел заграничной информации и издательства Наркомздрава РСФСР от 18.02.1926 № 76/с (секретно).

⁶¹⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.11, л.124–124об. Копия письма представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина в отдел заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 25.01.1926 № 53/с (секретно).

⁶¹¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.12, л.97–97об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина в отдел заграничной информации и издательство Наркомздрава РСФСР от 15.03.1926 № 93/с (секретно).

А.Н. Рубакина и русских врачей-эмигрантов) и Наркомздрава УССР. Но Харьков не нес затрат на издание этого журнала, ведь он был полностью самоокупаемым для французского издательства. Тираж журнала составлял 2000 экземпляров. Создатели журнала получали средства на его издание от продажи мест для рекламы фармацевтическим фирмам и от подписки (в СССР у журнала было около 1000 платных подписчиков). Однако буржуазные круги Франции, в том числе и фармацевтические, все же относились к советскому государству настороженно. Кроме того, не решалась проблема с ввозом французских лекарств в СССР. Да и подписчики в СССР несвоевременно оплачивали подписку, из-за чего накопилась большая задолженность⁶¹².

В переписке с Наркомздравом РСФСР Рубакин пытался добиться льготных условий для фармацевтической продукции из Франции (в первую очередь, чтобы обеспечить доходы от рекламы в журнале), но в ответ его обвинили в том, что из-за всей этой коммерческой деятельности он забыл об основных целях представительства⁶¹³. В конце 1926 г. журналы «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*» и «Новости французской медицины и биологии» прекратили свое существование из-за отсутствия средств, а Наркомздрав РСФСР отказался выделять на них субсидии⁶¹⁴. Возможно, еще одним фактором, оказавшим негативное влияние на судьбу журналов, стала смерть руководителя издательства «*Société d'Éditions Scientifiques "France-Russie"*» доктора З.И. Рехнера в декабре 1926 г.⁶¹⁵.

С 1927 г. «Новости французской медицины и биологии» стали именоваться «Новости иностранной литературы» и выходили под руководством прежнего главного редактора А.М. Безе-

⁶¹² ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.15, л.50–51. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина наркому здравоохранения Н.А. Семашко РСФСР от 09.03.1928 (секретно, лично).

⁶¹³ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960 / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 205.

⁶¹⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.162, л.3. Краткий отчет о деятельности представительства Наркомздрава во Франции [декабрь 1926].

⁶¹⁵ Чуваков В.Н. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 6. Кн.1. Пос-Скр. / ред. Е.В. Макаревич. – М.: Пашков Дом, 2005. – С. 199.

редки и ответственного секретаря И.В. Левича. Для издания журнала было учреждено новое общество «*Société d'Éditions et Librairie "Science"*». Как и его предшественник, этот журнал стал приложением к харьковскому изданию «Врачебное дело». Рефераты французских книг для раздела «Библиография» журнала «Новости иностранной литературы» писал доктор Рубакин.

Если в переписке с отделом заграничной информации Наркомздрава РСФСР Рубакин старался соблюдать дипломатический стиль, то в отношениях с издательским отделом Наркомздрава он не сдерживался в выражениях. Представитель Наркомздрава в Париже утверждал, что за два года переговоров (с конца 1924 по конец 1926 гг.) о поддержке журналов со стороны Наркомздрава помощи не только не было, наоборот, наблюдалось враждебное отношение, так как в изданиях Наркомздрава не было информации о журналах «*Société d'Éditions Scientifiques "France-Russie"*». Все переговоры затягивались издательским отделом Наркомздрава до самого конца года, но именно в этот период необходимо было заключать договоры с рекламодателями, типографиями и подписчиками. В итоге Наркомздрав РСФСР слишком поздно принимал решения, и французская сторона, не дождавшись их, самостоятельно принимала решения – без участия Наркомздрава РСФСР⁶¹⁶.

Более того, со слов Рубакина, издательский отдел Наркомздрава РСФСР хотел взвалить все обязательства на французскую редакцию, фактически эксплуатируя ее и не принимая никаких обязательств на себя. Наркомздрав РСФСР ревностно смотрел на договор акционерного общества «*Société d'Éditions Scientifiques "France-Russie"*» с издательством Наркомздрава УССР. Однако коммерческие условия харьковского издательства «Научная мысль» были гораздо выгоднее для самого Рубакина и его коллег по редакции⁶¹⁷.

Рубакин считал, что Наркомздрав РСФСР должен был стать единственным хозяином журналов, поскольку в ином случае

⁶¹⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.11, л.409–410. Копия письма представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина в издательство Наркомздрава РСФСР от 10.12.1926 № 1.081 (секретно).

⁶¹⁷ Там же.

спонсоры (коммерческие фирмы) смотрели на журналы как на дополнительное средство развития своего бизнеса. В частности, Рубакин оценивал «Русско-немецкий медицинский журнал» как рекламное издание фармацевтической компании «Шеринг» (*Schering*), а не как средство связи немецких медиков с советскими коллегами⁶¹⁸.

Раздражение Рубакина, видимо, было связано с тем, что он был одним из акционеров общества «*Société d'Éditions Scientifiques "France-Russie"*», и на него самого были оформлены вексели на несколько десятков тысяч франков. После прекращения издания журналов это акционерное общество было вынуждено объявить себя банкротом и закрыться, что негативно сказалось на репутации Рубакина в Париже⁶¹⁹.

§ 4.8. «Русско-немецкий медицинский журнал» как научное издание и финал этого проекта

По подсчетам немецкого исследователя Т. Рихтера, в первых трех номерах «Русско-немецкого медицинского журнала» за 1925 г. были напечатаны 22 статьи немецких и 6 статей советских авторов. За 1926 г. было напечатано 70 статей немецких и 28 статей советских авторов. За 1927 г. – 46 статей немецких и 45 статей советских авторов, а за 1928 г. – 26 статей немецких и 33 статьи советских авторов. В первые годы издания журнала наблюдался дисбаланс между немецкими и советскими публикациями, который, однако, выравнивали к 1927 г. При этом количество советских статей за 1928 г. даже превысило количество публикаций немецких авторов, однако общее число работ, которые публиковались в журнале, тоже сокращалось из года в год⁶²⁰. Анализ тематики статей в «Русско-немецком медицинском жур-

⁶¹⁸ Там же.

⁶¹⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.15, л.50–51. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина наркому здравоохранения Н.А. Семашко РСФСР от 09.03.1928 (секретно, лично).

⁶²⁰ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – S. 59–60.

нале» также был выполнен исследователем из ГДР Т. Рихтером (таблицы 1 и 2).

Из таблиц становится наглядно видно, что тематика публикаций была очень широкой. Советские работы касались в основном вопросов социальной гигиены и организации здравоохранения, которые, как и борьба с инфекционными заболеваниями, на тот момент являлись самыми важными темами для врачей в СССР.

Таблица 1

**Работы немецких авторов
в «Русско-немецком медицинском журнале» по тематике⁶²¹**

	1925	1926	1927	1928
Педиатрия	3	5	1	3
Неврология / психиатрия	—	6	5	3
Физиотерапия / курортное дело	—	1	—	—
Физиология / биохимия	—	5	2	1
Патология	1	—	2	2
Гинекология / урология / анестезиология	1	3	7	2
Дерматология	2	3	2	2
Офтальмология	—	1	3	1

Таблица 2

**Работы советских авторов в «Русско-немецком
медицинском журнале» по тематике⁶²²**

	1925	1926	1927	1928
Социальная гигиена / организация здравоохранения	3	6	16	6
Инфекционные заболевания / серология	1	4	4	5
Внутренние болезни (кроме инфекций)	1	5	2	4
Хирургия	—	—	—	—
Педиатрия	1	—	—	—
Неврология / психиатрия	—	5	4	5
Физиотерапия / курортное дело	—	3	4	10
Физиология / биохимия	—	1	5	1
Патология	—	4	4	1
Гинекология / урология / анестезиология	—	—	3	1
Дерматология	—	—	3	—
Офтальмология	—	—	—	—

⁶²¹ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. — Berlin: Humboldt-Univ., 1987. — S. 60.

⁶²² Там же.

В статьях советских ученых также были представлены отчеты об успехах, достигнутых в СССР в данных областях. Кроме того, множество советских публикаций касались внутренних болезней. Эта тема занимала второе по популярности место. Далее в равных пропорциях следовали советские работы по инфекционным заболеваниям и серологии, а также по неврологии и психиатрии. Работы представителей немецких институтов и клиник, напротив, освещали в первую очередь именно внутренние болезни.

Кроме того, в «Русско-немецком медицинском журнале» были широко представлены немецкие работы по инфекционным заболеваниям и серологии, социальной гигиене, а также по неврологии и психиатрии. При этом темы из других областей рассматривались только в исключительных случаях. Можно сказать, что немецкие авторы следовали заветам Крауса и ограничивались лишь освещением «практических начинаний»⁶²³. Авторами данных статей были сотрудники клиник Берлинского университета, крупных берлинских больниц и крупных медицинских учреждений в других частях Германии.

Пять номеров «Русско-немецкого медицинского журнала» были тематическими и рассматривали проблемы туберкулеза (№ 4 за 1926 г.) и здравоохранения (№ 4 за 1927 г.), двадцатипятилетний юбилей со дня основания Немецкого общества по борьбе с венерическими заболеваниями и проблемы борьбы с ними (№ 10 за 1927 г.), физиотерапию (№ 5 за 1928 г.), а также деятельность Наркомздрава РСФСР в честь десятилетия со дня его основания (№ 10 за 1928 г.). Помимо тематических выпусков, в ноябре 1926 г. вышел большой номер, посвященный прошедшим в Берлине конгрессам, (№ 11 за 1926 г.) с информацией о шестом съезде Общества по болезням пищеварения и обмена веществ, а также о первом международном Конгрессе по сексологии. Июньский выпуск журнала за 1927 г. был полностью посвящен Неделе естествоиспытателей в Берлине (№ 6 за 1927 г.).

Как и планировалось с самого начала, статьи немецких авторов печатались в «Русско-немецком медицинском журнале» на

⁶²³ Там же. – S. 61.

русском языке, а работы советских авторов – на немецком. Если до декабря 1927 г. в «Русско-немецком медицинском журнале» сохранялось правило «печатать оригинальные статьи советских авторов на немецком языке, а статьи немецких авторов – на русском языке», то в январском номере 1928 г. редакторы заявили об изменении принципов работы: «На фоне постоянно растущего числа материалов, поступающих в редакционный комитет нашего журнала, мы сочли целесообразным впредь издавать журнал в виде двух отдельных выпусков – на русском и на немецком языке. Каждый выпуск будет содержать множество материалов о здравоохранении в обеих странах, чтобы предоставить достаточно информации читателям, интересующимся организацией здравоохранения в соседней стране. Мы убеждены, что это решение будет значительно способствовать развитию сотрудничества между нашими странами в области медицинской науки»⁶²⁴. Однако в майском выпуске 1928 г. было написано, что, идя навстречу пожеланиям многих подписчиков журнала, начиная с мая 1928 г. журнал будет выпускаться в одном увеличенном издании с русскими и немецкими статьями вместо двух отдельных изданий⁶²⁵. Соответственно, попытка выпустить отдельное немецкое издание не увенчалась успехом. Однако редакция журнала не вернулась к первоначальным принципам печати статей немецких авторов на русском языке, а статей советских авторов на немецком языке. В «Русско-немецком медицинском журнале» начали выпускать одни и те же статьи на двух языках. Это была третья попытка помочь читателям преодолеть языковой барьер⁶²⁶.

Через год после выхода первого номера журнала представитель Наркомздрава в Германии Я.Р. Гольденберг отмечал, что он «нами не был использован в достаточной степени в смысле осуществления намеченной цели»⁶²⁷. В 1927 г. произошла реор-

⁶²⁴ От редакции // Русско-немецкий медицинский журнал. – 1928. – № 1. – С. 1.

⁶²⁵ Вниманию подписчиков! // Русско-немецкий медицинский журнал. – 1928. – № 5. – С. 1.

⁶²⁶ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – S. 64.

⁶²⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.162, л.46. Отчет Представительства Наркомздрава за 1925–1926 г. [в Германии].

ганизация «Русско-немецкого медицинского журнала»: было заключено соглашение с издательским отделом Наркомздрава РСФСР и Обществом помощи немецкой науке, изменился состав редакционной коллегии, общий характер журнала также претерпел изменения⁶²⁸. Но это не позволило решить трудности, сопровождавшие издание журнала.

В конце 1927 г. Гольденберг в очередной раз сигнализировал из Берлина наркому Н.А. Семашко о проблемах с «Русско-немецким медицинским журналом»: по-прежнему не хватало статей, а с бюрократическими преградами не мог справиться даже куратор журнала от Наркомздрава и самый близкий к наркому сотрудник – врач для поручений Л.Я. Брусиловский⁶²⁹. Дефицит статей Гольденберг охарактеризовал следующей фразой: «недостаток наших статей парализует все наши начинания»⁶³⁰. Журнал не стал «магнитом» для советских авторов медицинских статей: те, кто хотел публиковаться на немецком, по-прежнему предпочитали размещать свои статьи в немецких журналах⁶³¹.

В конце 1927 г. директор Института исследования мозга Кайзера Вильгельма (*Kaiser-Wilhelm-Institut für Hirnforschung*) О. Фогт (*Oskar Vogt*) совершил свой очередной визит в СССР, где встретился с наркомом здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко. Речь во время этого разговора, помимо прочего, шла и о «Русско-немецком медицинском журнале» и его поддержке со стороны Общества помощи немецкой науке⁶³².

⁶²⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.702, л.93. Материалы к отчету Представительства Наркомздрава в Германии с 1 января 1927 г. по 1 января 1928 года.

⁶²⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.9, л.29. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 05.12.1927 № 181/с (лично, секретно).

⁶³⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.9, л.31–31об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 23.01.1928 № 210/с (лично, секретно).

⁶³¹ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960 / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 193–216.

⁶³² ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.9, л.39. Копия письма представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга Л.Я. Брусиловскому от 16.01.1928.

Но вопрос с финансовой помощью журналу быстро решить не удавалось. По сведениям исследовательницы из ФРГ К. Бётхер, Шмидт-Отт, Фогт, Ашофф и Краус уже давно рассматривали возможность выпуска журнала на новой основе⁶³³. В марте 1928 г. О. Фогт по поручению Ф. Шмидт-Отта сообщил наркому Н.А. Семашко, что работа по обновлению «Русско-немецкого медицинского журнала» идет полным ходом. Профессору Л. Ашоффу предлагалось подписать контракт с профессором Ф. Краусом в качестве немецкого издателя журнала⁶³⁴.

В июле 1928 г. представитель Наркомздрава РСФСР в Берлине попросил о встрече с главой Общества помощи немецкой науке Ф. Шмидт-Оттом, где передал последнему мысли наркома Н.А. Семашко о закрытии «Русско-немецкого медицинского журнала». Гольденберг попросил у Общества взнос размером 30 тыс. марок для спасения журнала. При этом Гольденберг гарантировал, что советская сторона, в свою очередь, выделит такую же сумму. В ответ Гольденберг получил от Шмидт-Отта решительный отказ. Вместо этого глава Общества помощи немецкой науке предложил Наркомздраву РСФСР создать новый журнал более высокого научного уровня⁶³⁵.

На основе изучения переписки Ф. Шмидт-Отта Соломон выдвинула версию, что виновником неудачи на переговорах Наркомздрава РСФСР с Обществом помощи немецкой науке был именно представитель Наркомздрава в Берлине Я.Р. Гольденберг. В конце 1920-х гг. в Веймарской республике усиливались антисемитские настроения, и активный участник совместных советско-германских медицинских проектов О. Фогт считал главным недостатком «Русско-немецкого медицинского журнала» то обстоятельство, что издание находится под влиянием евреев. С. Соломон оценила эту фразу Фогта как намек на Гольденберга,

⁶³³ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 84.

⁶³⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.9, л.34. Письмо О. Фогта наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 22.03.1928 (на нем. языке).

⁶³⁵ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960 / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 206–207.

но последний не был сотрудником журнала⁶³⁶. Вместе с тем ответственные редакторы «Русско-немецкого медицинского журнала» Я. Каминский и А.И. Аснес, на которых лежала львиная доля редакторской работы, тоже были евреями.

Последний номер «Русско-немецкого медицинского журнала» вышел в декабре 1928 г. Попытки найти деньги и спасти журнал предпринимались не только в Веймарской республике. В мае 1929 г., когда журнал не издавался уже четыре месяца, Н.А. Семашко обратился к народному комиссару финансов СССР Н.П. Брюханову с просьбой выдать разрешение на перевод валюты на издание «Русско-немецкого медицинского журнала» – от 7 до 8 тыс. долларов в год. Семашко подчеркивал, что журнал имеет большое политическое и культурное значение для научных связей с Германией. Он также отмечал, что к участию в издании журнала удалось привлечь Общество помощи немецкой науке. Это общество было согласно финансировать издание на паритетных с Государственным медицинским издательством началах⁶³⁷.

И хотя Народный комиссариат финансов СССР не возражал против перевоза за границу 600 долларов в месяц (3 тыс. долларов до конца 1929 г.) для издания журнала⁶³⁸, валютная комиссия при Совнаркоме СССР это ходатайство Н.А. Семашко отклонила⁶³⁹. Тем не менее, в сентябре 1929 г. представитель Наркомздрава СССР в Германии С.И. Черномордик сообщил наркому Семашко о переводе проф. Краусу в счет «Русско-немецкого медицинского журнала» 8 тыс. руб., что было эквивалентно 17280 немецких марок⁶⁴⁰. Вопрос о цели перечисления этих средств требует дальнейшего изучения.

⁶³⁶ Там же. – Р. 207.

⁶³⁷ ГАРФ. Ф.Р5446, оп.10а, д.188, л.3. Письмо наркома здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко наркому финансов СССР Н.П. Брюханову от 10.05.1929.

⁶³⁸ ГАРФ. Ф.Р5446, оп.10а, д.188, л.2. Служебная записка зам. наркома финансов СССР М.И. Фрумкина зам. председателя Совета труда и обороны Я.Э. Рудзутак от 07.06.1929.

⁶³⁹ ГАРФ. Ф.Р5446, оп.10а, д.188, л.1. Выписка из протокола № 15 заседания валютной комиссии от 11.06.1929 (совершенно секретно).

⁶⁴⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.255, л.7. Письмо представителя Наркомздравов СССР в Германии С.И. Черномордика наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 17.09.1929 № 118.

По сведениям исследователя из ГДР Т. Рихтера, 4 марта 1929 г. Х. Цейсс писал из Москвы о «Русско-немецком медицинском журнале» следующее: «Как я слышал в Москве и Берлине осенью 1928 года, структуру этого журнала нужно полностью изменить и поднять на более достойный уровень. Тем не менее, на мой взгляд, необходимость в издании такого журнала в принципе отсутствует, так как довольно много людей знает немецкий язык. Получается, что нет необходимости в журнале, половина которого печаталась бы на русском, а другая – на немецком языке. С другой стороны, бюджет на закупки книг и медицинской литературы в российских институтах, больницах и других подобных учреждениях настолько ограничен, что лучше было бы вложить эти скромные средства в хорошие немецкие журналы, а не в посредственные. Российские ученые справедливо оценивают «Русско-немецкий медицинский журнал» весьма отрицательно. Можно только сказать, что это удача, что планы по созданию русско-немецкого ветеринарного журнала провалились еще на этапе подготовки первого номера... Ценность подобной культурной пропаганды весьма сомнительна. Кроме того, такого рода предприятие с самого начала зависит от щедрых субсидий»⁶⁴¹.

Это мнение о бесполезности «Русско-немецкого медицинского журнала» разделял и профессор Ашофф, который писал Цейссу, что вместо того, чтобы вкладывать деньги в совместный журнал, нужно поддерживать молодых немецких ученых в России или даже русских ученых, которые хотят работать в Германии. Российские ученые разделяли мнение Ашоффа в его оценке журнала. Например, профессор Абрикосов написал ему, что недостаток финансирования и скучный характер журнала были причиной его плохого распространения⁶⁴².

⁶⁴¹ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – S. 68.

⁶⁴² Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998.

§ 4.9. Феномен международных медицинских журналов в 1920-е гг. и место Наркомздрава РСФСР в них

В межвоенный период международные медицинские проекты стали распространенным явлением в мире, и советская наука активно участвовала в них. Органическим воплощением самого непосредственного сотрудничества в области научной журналистики было издание совместных журналов. В случае Советского Союза такие журналы можно условно разделить на ориентированные на экспорт (содержащие статьи советских авторов на иностранных языках), ориентированные на советского читателя (содержащие статьи преимущественно иностранных авторов на русском языке) и на смешанные проекты.

Говоря об «экспортных» советских медицинских журналах, нельзя обойти вниманием «Вестник рентгенологии и радиологии», издававшийся директором Государственного рентгенологического и радиологического института, профессором М.И. Неменовым. Этот институт был создан в 1919 г. в Петрограде научным отделом Наркомпроса при поддержке А.В. Луначарского и не был подчинен Наркомздраву РСФСР⁶⁴³. Журнал начал издаваться в 1920 г. и получил известность за рубежом. Он выходил на русском, французском, английском и немецком языках⁶⁴⁴.

Издание иностранной версии журнала «Вестник рентгенологии и радиологии» («*Annales de roentgenologie et radiologie*») началось еще в 1922 г. в Петрограде, а затем его выпуск был приостановлен. Продолжение его выпуска во Франции вызывало живой интерес в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР. Осенью 1925 г., когда велись переговоры об издании в Париже французской версии «Вестника», Наркомздрав РСФСР запросил у профессора М.И. Неменова копию договора⁶⁴⁵. Во Франции издание «Вестника рентгенологии и радиологии» взяло

⁶⁴³ Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): Сборник документов. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. – С. 234–235.

⁶⁴⁴ Там же. – С. 243.

⁶⁴⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.115, л.49. Копия письма врид заведующего бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля директору рентгенологического института профессору М.И. Неменовым от 10.10.1925 № 39658.

на себя парижское университетское издательство «*Les Presses Universitaire de France*». Планировалось издание 4 номеров (один том) в год по 8–10 печатных листов. Договор был заключен на издание одного тома⁶⁴⁶. Но фактически иностранная версия «Вестника» стала издаваться только с 1927 г. К ее редактированию также привлекался представитель Наркомздрава РСФСР А.Н. Рубакин⁶⁴⁷.

По мнению авторов коллективной монографии о советско-германских научных связях в 1920-е гг., не менее успешным было другое совместное предприятие – издававшийся в Берлине с 1902 г. «Журнал физиологии и неврологии» (нем. «*Journal für Physiologie und Neurologie*»). С 1928 г. он стал совместным органом двух учреждений: Института исследования мозга Общества кайзера Вильгельма в Берлине (директор О. Фогт) и московского Института исследования мозга⁶⁴⁸.

Что касается «импортных» русскоязычных медицинских журналов, то они стали выходить в Германии в начале 1920-х гг. (например, журналы «Врачебное обозрение», «Практический врач»), и значительная часть их тиража распространялась в СССР. Советский рынок медицинской литературы в Европе оценивался как весьма перспективный не только для просоветских журналов. Берлинское издательство «Врач» работало на нем более 8 лет. Парижский журнал «Медицинское обозрение во Франции» (под редакцией профессора В.Н. Сиротинина) печатался в типографии монархической «Русской газеты», но ради получения разрешения Главлита на ввоз в СССР сразу перешел на новую орфографию⁶⁴⁹.

Гораздо менее известен берлинский журнал «Новости зуборачевания», издававшийся доктором Л.В. Адельгеймом в сотруд-

⁶⁴⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.115, л.98–98об. Письмо директора Государственного рентгенологического и радиологического института профессора М.И. Неменова в комиссию заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 20.10.1925 № 194.

⁶⁴⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.14, л.101–101об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 29.07.1927 № 294/с (секретно).

⁶⁴⁸ Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – С. 303–304.

⁶⁴⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.87, л.267. Выписка из письма А.Н. Рубакина Я.Р. Гольденбергу [ноябрь 1924 г.].

ничестве с редактором журнала «*Zahnärztliche Rundschau*» (нем. «Стоматологическое обозрение») Х. Беяха (Hans Bejach) в 1925–1927 гг. Подписка на «Новости зубоврачевания» принималась в Харькове. Русскоязычные медицинские журналы поступали в СССР в 1920-е гг. не только из Веймарской республики и Франции – в российских библиотеках можно найти издававшийся Обществом врачей Центральной больницы КВЖД журнал «Медицинский вестник». Эти журналы мало исследованы и даже не входят в Сводный каталог периодики русского зарубежья⁶⁵⁰.

О востребованности всех этих заграничных русскоязычных медицинских журналов в Советском Союзе времен нэпа говорит случай, описанный в журнале «Новости зубоврачевания» и достойный сравнения с похождениями Остапа Бендера. В 1926 г. некий аферист, именовавший себя доктором Д. А. Левитовым, представляясь уполномоченным известных журналов, собирал деньги на подписку с доверчивых советских врачей. Пострадавшими оказались издательства «Практический врач» (Берлин), «Медбюро» (Берлин) и «Практическая медицина» (Ленинград). «Работал» Левитов в крупных городах на Кавказе, в Астрахани, Самаре, Сталинграде, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде, Воронеже и других городах⁶⁵¹.

С точки зрения движения информации «из» или «в» СССР изучаемые в данной главе журналы можно отнести ко всем трем группам. «Новости французской медицины и биологии» можно прямо отнести к группе «импортных», журнал «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*» к группе «экспортных», а «Русско-немецкий медицинский журнал» – к смешанным.

Инициативные группы по изданию журналов в Париже и Берлине выбрали разные тактики взаимодействия с Наркомздравом РСФСР. Немецкая сторона (проф. Ф. Краус) до выхода первого номера журнала требовала гарантий со стороны наркома Н. А. Семашко (и никого другого) и только после получения обязательств по поддержке журнала начала подготовительные работы

⁶⁵⁰ Каталог журналов русского зарубежья [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.emigrantica.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).

⁶⁵¹ Адельгейм Л.В. От редакции / Л.В. Адельгейм // Новости зубоврачевания. – Т. 2. – № 6. – С. 155–156.

к изданию. Парижская редакция (А.Н. Рубакин и И.В. Левич) сначала выпустила первые номера своих журналов, а потом уже начала «продавать» партнерам в Советском Союзе готовый «продукт». Наше исследование показало, что ни та, ни другая тактика не позволила журналам просуществовать более 3,5 лет, но немецкий журнал оказался немного успешнее своего французского конкурента.

При анализе совместных изданий С. Соломон расценивает журналы «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*» и «Новости французской медицины и биологии» как проект Наркомздрава РСФСР. Но фактически это были проекты французской редакции (Левича и Рубакина), и содержание русскоязычного журнала редакция целиком формировала сама. Франкоязычный журнал носил реферативно-информационный характер о советской медицине и здравоохранении. Но материалы для «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*» в парижскую редакцию поступали от издательства «Научная мысль», учредителем которого был Наркомздрав УССР⁶⁵². Таким образом, редакционная политика франкоязычного журнала о советской медицине формировалась как в Харькове, так и в Москве. Этот факт может свидетельствовать о том, что Наркомздрав РСФСР во главе с Н.А. Семашко не обладал монополией на пропаганду советского здравоохранения за рубежом. Однако исследование международной деятельности Наркомздрава УССР требует изучения соответствующих исторических источников, что не входило в цели нашей работы.

Как показано в предыдущих главах, попытки создать советско-немецкий медицинский журнал предпринимались с 1920 г., но для Наркомздрава РСФСР самым успешным оказался проект профессора Ф. Крауса, появившийся только в начале 1925 г. Но почему именно Ф. Краусу удалось то, что не получилось у Х. Цейсса, который был глубоко интегрирован в медицинскую жизнь Советской России и тесно связан с наркомом Н.А. Семашко? Более того, до 1925 г. у Крауса не было заметных

⁶⁵² ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.12, л.163–163об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина в отдел заграничной информации и издательство Наркомздрава РСФСР от 20.07.1926 № 156/с (секретно).

контактов с Наркомздравом РСФСР. Возможно, фактором, связавшим Крауса с Семашко, стал профессор Д.Д. Плетнев, который еще до Первой Мировой войны стажировался в Берлинских клиниках и был учеником как Бернхарда Наунина (*Bernhard Naunyn*), так и самого Фридриха Крауса⁶⁵³. Еще одна нить, которая связывала профессора Крауса с Россией, – это его ассистенты российского происхождения в клинике, осевшие в Германии. Но эти гипотезы нуждаются в проверке.

Еще один вопрос, который не нашел однозначного ответа у исследователей, – это причины закрытия «Русско-немецкого медицинского журнала». Немецкий исследователь Т. Рихтер предположил, что сама концепция журнала не была надежной в долгосрочной перспективе. По его мнению, широкий спектр интересов журнала был безнадежной затеей и в конечном итоге не отвечал потребностям читателей, так как представители отдельных медицинских дисциплин не нашли в нем достаточно интересной для себя информации. По мнению автора из ГДР, едва ли врач-специалист подпишется на журнал, если в нем за целый год можно найти лишь одну или две статьи по его дисциплине⁶⁵⁴. Таким образом, Рихтер считал, что эта не очень удачная концепция «Русско-немецкого медицинского журнала» просто не отвечала интересам читателей, и в итоге именно из-за нее он прекратил существование⁶⁵⁵.

Кроме многопрофильности журнала исследователи обращают внимание и на не всегда высокий научный уровень статей. Например, читатели в Веймарской республике были недовольны, когда в журнале начали печатать весьма сомнительные с научной точки зрения, но довольно объемные статьи Ф. Шнеерсона и А.Л. Чижевского. В этой связи другой немецкий историк медицины Й. Рихтер говорил о «явном вырождении «Русско-немецкого медицинского журнала» и обвинял в этом «порочное

⁶⁵³ Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. / T. Richter. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – S. 43.

⁶⁵⁴ Там же. – S. 70–71.

⁶⁵⁵ Там же. – S. 68.

влияние субъективно-идеалистических медицинских взглядов школы Крауса»⁶⁵⁶.

С. Соломон считает основной целью любого журнала разработку нового перспективного направления исследования⁶⁵⁷. Такого научного направления в «Русско-немецком медицинском журнале» не было. Эта точка зрения в некоторой степени соответствует мнению Т. Рихтера. С. Соломон также считает, что факторами, определяющими успех двуязычного журнала, были финансовая сторона и способность зарубежных представителей создать местную сеть исследователей, симпатизирующих СССР, однако главным все-таки была обширная связь советской медицины и здравоохранения с государством-партнером по журналу⁶⁵⁸.

Как показывает наше исследование, многопрофильность или однопрофильность журнала не имела большого значения для успеха проекта (примеры этому – упоминавшийся выше «Гамбургский медицинский журнал» для стран Латинской Америки). В межвоенный период существовала распространенная практика издания переводных журналов западными странами для пропаганды своей медицины в мире, и среди них были как узкоспециализированные, так и политематические издания. В случае «Русско-немецкого медицинского журнала» и для германской, и для советской сторон издание выполняло, скорее, пропагандистские задачи. Но повестки у сторон были совершенно разные, можно даже сказать встречные⁶⁵⁹. И если немецкая сторона про-

⁶⁵⁶ Там же. – С. 69; Richter J. Russische ÄrzteJournale aus Berlin // *Spectrum*. – 1983. – Vol. 14. – № 4. – С. 30–32.

⁶⁵⁷ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 193–216; Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 231–268.

⁶⁵⁸ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 193–216.

⁶⁵⁹ Sorokina M. Partners of Choice/Faute de Mieux? Russians and Germans at the 200th Anniversary of the Academy of Sciences // *Doing Medicine Together: Germany and Rus-*

двигала в мире свою традицию медицинских журналов с оригинальными исследованиями (хотя в экспортной версии они были многопрофильными, а не специализированными, как это было для внутреннего рынка), то советская сторона настаивала на создании совместного журнала обзорного (реферативного) характера⁶⁶⁰.

По нашему мнению, жизнеспособность журнала складывалась из его концепции (выбор тематики и содержания, которые интересны для целевой аудитории), финансовой стабильности (наличие спонсоров и подписчиков), редакционной политики (работа с авторами и наполнение журнала качественными оригинальными статьями) и хорошего администрирования (обеспечение координации действий редакции, издательства и распространителей журнала, продвижение журнала на рынке, поиск спонсоров и умение справиться с новыми вызовами).

Одним из неожиданных открытий, сделанных нами при изучении истории международных журнальных проектов Наркомздрава РСФСР, было выявление одного небольшого коллектива людей, который стоял за созданием просоветских медицинских журналов в Веймарской республике и Франции. Эта группа включала в себя представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга и врачей-эмигрантов А.И. Аснеса и И.В. Левича. Хотя и не с первого раза, им удалось создать журналы в таком виде, как задумывалось изначально. Благодаря таким «научным предпринимателям» (англ. *scientific entrepreneurs*), которые обладали нужными знаниями и навыками, могли коммерциализировать научные знания и соблюдать баланс различных интересов (в том числе политических) разных стран, эти журнальные проекты и смогли воплотиться в жизнь. Как показало наше исследование, в «пограничной зоне» между советской и западноевропейской медициной таких людей было очень мало, и все они хорошо знали друг друга.

sia Between the Wars / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 61–102.

⁶⁶⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.218–218об. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в отдел заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 01.03.1924 № 785 (секретно).

Основной проблемой Наркомздрава РСФСР при участии в международных журнальных проектах было практически полное отсутствие у него на это финансовых ресурсов. Поэтому Семашко не мог реализовывать такие проекты в одиночку и всегда искал партнеров за границей, которые решали бы вопросы окупаемости издания.

Во-вторых, Наркомздрав РСФСР был сильно ограничен идеологическими рамками. Не имея возможности самостоятельно финансировать журналы за границей, Наркомздрав не мог явно участвовать в откровенно коммерческих иностранных «буржуазных» проектах. Кроме того, в таких изданиях не должны были работать белоэмигранты, среди авторов они тоже не могли присутствовать, да и в самом издании исключалось высказывание антисоветских взглядов. При этом наличие советской пропаганды было обязательным условием для этих журналов. При таких жестких ограничениях вообще удивительно, что Наркомздрав РСФСР смог реализовать такой проект, как «Русско-немецкий медицинский журнал».

Третьей проблемой Наркомздрава РСФСР в реализации планов по изданию международных журналов стал саботаж со стороны советских авторов – профессоров советских университетов и сотрудников НИИ. То, что советская власть вступила в острую конфронтацию с дореволюционной интеллигенцией, в том числе врачебной, описано ранее многими исследователями⁶⁶¹. Однако, как показало наше исследование, саботаж со стороны ученых-медиков в СССР стал важным фактором неудачи международных журнальных проектов Наркомздрава РСФСР. Если в начале 1920-х гг. эти ученые откликнулись на призыв восстанавливать дореволюционные международные научные связи, направляя свои статьи в заграничные, преимущественно немецкие журналы, то в середине десятилетия они не

⁶⁶¹ Мирский М.Б. Медицина России X – XX веков: Очерки истории. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 349–354; Шишкин В.А. К вопросу о «спецеестве» и общественном положении медицинских работников советской России во второй половине 1920-х гг. // Медицина России в годы войны и мира: новые документы и исследования / ред. Т.Ю. Воронина. – СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 417–432; Polianski I.J. Das Schweigen der Ärzte: Eine Kulturgeschichte der sowjetischen Medizin und ihrer Ethik. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015.

стали размещать свои работы в «Русско-немецком медицинском журнале» и в издании «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*», которые ассоциировались у них с наркомздравовским официозом. Проблемы с наполнением статьями этих международных журналов имели вполне понятные советские внутриполитические корни.

Отдельно мы хотели бы выделить проблему участия сотрудников Наркомздрава РСФСР в редакциях международных журналов. Редакционную политику в этих совместных журнальных проектах с советской стороны формировали нарком Н.А. Семашко, главы отдела (бюро) заграничной санитарной информации Наркомздрава И.П. Калина и М.С. Шефтель, врач для поручений этого ведомства Л.Я. Брусиловский и представитель Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберг⁶⁶². Конечно, все они были врачами, но ни один из вышеперечисленных к началу 1920-х гг. не имел опыта научной работы в медицине и не опубликовал ни одной научной работы в медицинских журналах. Семашко, Калина (Эйзенбух), Шефтель и Гольденберг были профессиональными революционерами и жили до 1917 г. в эмиграции. Брусиловский только в 1919 г. окончил медицинский факультет Московского университета и с 1921 г. работал ординатором клиники нервных болезней в 1-м Московском университете. Опыт редакторской работы был у Гольденберга (в общеполитической газете «Новый мир») и у Семашко (в «Бюллетене Наркомздрава»). Таким образом, эти сотрудники имели слабое представление о научной работе и научных журналах, что имело негативное влияние на журнальные проекты Наркомздрава РСФСР.

Изменение внешнеполитического курса советского государства в конце 1920-х гг. также имело значение для международных проектов Наркомздрава РСФСР. По мнению исследовательницы из Санкт-Петербурга Е.Ф. Синельниковой, в конце 1920-х гг. в Советской России началась масштабная реорганизация науки, что повлияло и на развитие международной деятельности Нар-

⁶⁶² ГАРФ. Ф.А482, оп.41, д.3773, л.1–4. Личное дело Марка Соломоновича Шефтеля8 ГАРФ. Ф.А482, оп.41, д.1355, л.1–11. Личное дело Калины Игнатия Петровича8 ГАРФ. Ф.А482, оп.41, д.769. Личное дело Гольденберга Якова Рафаиловича8 ГАРФ. Ф.А482, оп.41, д.429, л.1–16. Личное дело Брусиловского Льва Яковлевича.

комздрава РСФСР. Во внешней политике страны главным приоритетом стало обеспечение безопасности в быстроменяющейся враждебной международной обстановке. В этих условиях любые связи с иностранцами и учреждениями за границей могли быть опасными. Все это привело к уменьшению научных контактов советских ученых с иностранными коллегами⁶⁶³.

Наконец, угасание русскоязычных международных журнальных проектов (причем не только наркомздравовских) в конце 1920-х гг. имело еще одну важную причину, которая часто ускользает от внимания исследователей. Однако, как еще в 1996 г. в своем исследовании показал Д.А. Александров, главной причиной самоизоляции отечественной науки на рубеже 1920-х и 1930-х гг. было не прямое воздействие на научное сообщество со стороны государства, а в процессы внутри самого сообщества⁶⁶⁴.

Количественный анализ показывает, что доля зарубежных публикаций начала быстро уменьшаться уже в конце 1920-х гг., что Д.А. Александров объяснил не запретами, а изменениями структуры научного сообщества в СССР. В первую очередь наблюдалось быстрое увеличение числа ученых и одновременное снижение доли желавших и имевших потенциал публиковаться в престижных зарубежных журналах. Приходившие в науку в конце 1920-х гг. советские ученые, как правило, не имели длительного опыта зарубежных стажировок и, как следствие, не владели свободно иностранными языками и не имели личные контакты с ведущими специалистами и редакторами престижных журналов. Также Д.А. Александров обращает внимание на развитие в СССР прикладных областей науки, в которых специалисты были ориентированы на аудиторию в собственной стране. Наконец, увеличивалось число советских научных журналов, публиковаться в которых было намного проще, чем в зарубежных. Причем это была долгосрочная тенденция развития российского научного сообщества, где еще до 1917 г. раздавались

⁶⁶³ Синельникова Е.Ф. Международная деятельность научных обществ в 1920-е гг. // Социология науки и технологий. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 160–176.

⁶⁶⁴ Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. – 1996. – № 3. – С. 3–24.

настойчивые призывы печататься в отечественных журналах для укрепления их престижа. И именно в конце 1920-х гг. в России сложились условия, позволявшие превратить эти пожелания в научную политику, ставшую причиной кампании против «работоропства» перед зарубежными публикациями⁶⁶⁵.

Все аргументы Д.А. Александрова можно вполне правомерно отнести и к советской медицине 1920-х гг. До 1917 г. наиболее популярными периодическими медицинскими изданиями были многопрофильные «Русский врач» и «Врачебная газета», хотя было и много специализированных. После окончания Гражданской войны в Советской России стали создаваться новые медицинские журналы (взамен прекратившим свое существование) – как многопрофильные, так и специализированные по отдельным отраслям медицины. Лидерами этого движения были в том числе и сотрудники Наркомздрава РСФСР. Например, В.М. Броннер был основателем журнала «Венерология и дерматология», а П.Г. Дауге – «Журнала одонтологии и стоматологии». Эти узкотематические журналы также активно поддерживали международные связи и публиковали статьи зарубежных, в первую очередь немецких авторов. Таким образом, «Русско-немецкий медицинский журнал» становился для них нежелательным конкурентом. В данном контексте весьма показателен пример со стоматологическим журналом.

Осенью 1925 г. к заведующему зубо-врачебной частью Наркомздрава РСФСР (и ответственному редактору «Журнала одонтологии и стоматологии») П.Г. Дауге обратился представитель Наркомздрава РСФСР во Франции (и редактор журнала «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*») А.Н. Рубакин с предложением создания франко-русского журнала по стоматологии. Спонсором этого издания могла выступить французская «очень крупная зубо-врачебная фирма»⁶⁶⁶. В это же время аналогичное предложение поступило в Наркомздрав РСФСР из Веймарской республики из редакции журнала «*Zahnärztliche Rundschau*» (нем.

⁶⁶⁵ Там же.

⁶⁶⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.21, л.45. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина заведующему зубной частью Наркомздрава РСФСР П.Г. Дауге от 03.10.1925 № 54.

«Стоматологическое обозрение»). Ответом на оба предложения был категорический отказ из Москвы, и главным аргументом Дауге для уклонения от такого международного сотрудничества было стремление укреплять свой «Журнал одонтологии и стоматологии»⁶⁶⁷. При этом Дауге принимал в свой журнал статьи немецких стоматологов, а он и его советские коллеги печатались в немецких стоматологических журналах, но в «Русско-немецком медицинском журнале» Дауге не разместил ни одной своей статьи.

⁶⁶⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.461–462. Копия письма врид завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 23.12.1925 № 1317/с (секретно); ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.464. Копия письма врид завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакину от 23.12.1925 № 1319/с (секретно); ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.465. Копия письма ответственного редактора «Журнала одонтологии и стоматологии» П.Г. Дауге представителю Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакину от 10.12.1925. – С. 46.

Глава 5. Международная деятельность Наркомздрава РСФСР во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг.

К середине 1920-х гг. пропагандистская работа Наркомздрава РСФСР за рубежом складывалась из следующих составляющих: размещение в иностранной прессе статей советских авторов о советском здравоохранении, участие в совместных медицинских международных журналах, устные доклады перед иностранной аудиторией о строительстве советской медицины, организация визитов ученых в СССР из-за границы. Все это позволяло создать интерес к Советскому Союзу в научных и общественных кругах Запада (как правило, левых политических взглядов) и сконцентрировать вокруг себя симпатизирующих СССР иностранцев⁶⁶⁸.

На вторую половину 1920-х гг. пришелся апогей сотрудничества СССР и Веймарской Германии в области медицины и здравоохранения. Этот процесс начался после заключения в апреле 1922 г. Рапалльского соглашения и завершился в начале 1930-х гг. с изменением внутривнутриполитической обстановки в обеих странах⁶⁶⁹.

Геополитическая подоплека сближения СССР и Веймарской Германии заключалась в том, что, вступая во взаимовыгодные отношения в областях, ограниченных статьями Версальского договора, страны демонстрировали мировому сообществу свое стремление к независимой внешней политике⁶⁷⁰. Несмотря на

⁶⁶⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.253, л.33–34об. Характер работы Представительств Наркомздрава [1928].

⁶⁶⁹ Башкуев В.Ю. Геополитические аспекты советско-германского сотрудничества в области медицины в 1920-х гг. // Власть. – 2012. – № 2. – С. 145–149; Solomon S.G. Introduction: Germany, Russia and Medical Cooperation between the Wars // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 3–31; Weindling P. German overtures to Russia, 1919–1925: Between racial expansion and national coexistence // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 65–60.

⁶⁷⁰ Башкуев В.Ю. Геополитические аспекты советско-германского сотрудничества в области медицины в 1920-х гг. // Власть. – 2012. – № 2. – С. 145–149; Solomon S.G. Introduction: Germany, Russia and Medical Cooperation between the Wars // *Doing*

широту и глубину связей двух стран в 1920-е гг., не вся германская элита считала сотрудничество с СССР (восточное направление) приоритетным, полагая, что более важным является восстановление связей со странами Европы и США (западное направление). Тем не менее, имевшие многовековую историю связи России и Германии поддерживались за счет прослоек германофилов в России и русофилов в Германии. При этом немецкая сторона всячески дистанцировалась от коммунистической идеологии СССР.

§ 5.1. Пропагандистская деятельность представительства Наркомздрава РСФСР во Франции (1925–1928 гг.)

На европейском горизонте для наркома Н.А. Семашко на протяжении всех 1920-х гг. Германия, несомненно, оставалась главным направлением, но Франция имела особое значение для «старой гвардии» большевиков. Поэтому сразу же после установления дипломатических отношений между СССР и Францией в Наркомздраве РСФСР стал обсуждаться вопрос о создании нового зарубежного представительства. Уже в феврале 1925 г. Семашко получил разрешение Оргбюро и Политбюро ЦК РКП(б) на поездку во Францию, но тогда такой визит не состоялся⁶⁷¹.

Представительство Наркомздрава во Франции было создано последним среди зарубежных миссий Наркомздрава (в Германии, в Великобритании, в США, в Италии и в Швейцарии), организованных еще в 1921–1923 гг. Столь позднее начало работы было связано с политической обстановкой во Франции, концентрацией эмигрантов из России и негативным отношением к СССР.

В конце 1924 г. – начале 1925 г. основной кандидатурой на должность представителя Наркомздрава РСФСР во Франции был Я.Р. Гольденберг (представитель Наркомздрава РСФСР в Германии). В этой связи Гольденберг представил Семашко свое видение работы миссии во Франции. В пропагандистской

Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 3–31.

⁶⁷¹ РГАСПИ. Ф.17, оп.3, д.489, л.8. Протокол № 49 Заседания Политбюро ЦК РКП от 19.II.25 г.

деятельности Я.Р. Гольденберг предлагал сделать акцент на вопросах социальной гигиены, охраны труда и профилактики социальных болезней – на тех направлениях, которые он считал слабо развитыми во Франции⁶⁷². Также он считал, что французская медицина более развита, чем немецкая. Доктор Я.Р. Гольденберг считал необходимым увеличить количество научных командировок советских врачей во Францию, а на фоне низкого курса французского франка в эти годы такие командировки оказывались дешевле, чем в Веймарскую республику. Я.Р. Гольденберг рассматривал курорты и лечебные учреждения Франции как потенциальные места отдыха и лечения партийной и советской номенклатуры. Разместить представительство Наркомздрава во Франции он предлагал в советском полпредстве в Париже⁶⁷³.

Представителем Наркомздрава РСФСР во Франции в итоге стал не Гольденберг, а его знакомый, живший в Париже доктор А.Н. Рубакин, находившийся в начале 1920-х гг. в переписке с Гольденбергом и неофициально выполнявший отдельные поручения Наркомздрава РСФСР.

Общие направления работы французского представительства Наркомздрава были схожи с его аналогами в других странах: политическая пропаганда советского здравоохранения и содействие культурно-медицинскому сближению между СССР и Францией⁶⁷⁴. Через 40 лет после описываемых событий в своих воспоминаниях А.Н. Рубакин писал о первой поставленной перед ним задаче: «пробивать враждебность к нам не только в официальных политических отношениях, но и среди широкой французской общественности, которую буржуазная реакционная французская печать настраивала все эти годы против Советского

⁶⁷² ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.375–376. Докладная записка наркому Н.А. Семашко по поводу представительства Наркомздрава РСФСР во Франции [представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга] от 18.12.1924.

⁶⁷³ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.4, л.377–378. Докладная записка наркому Н.А. Семашко по поводу представительства Наркомздрава РСФСР во Франции [представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга] от 18.12.1924.

⁶⁷⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.162, л.2. Краткий отчет о деятельности представительства Наркомздрава во Франции [декабрь 1926].

Союза»⁶⁷⁵. А суть своей работы он определил как «атташе по культурным связям»⁶⁷⁶.

Своей заслугой А.Н. Рубакин считал установление первых контактов с французской стороной. В отчете в Наркомздрав РСФСР он подчеркивал политически нейтральный статус и научный характер своего представительства, что «не возбуждало» среди французов «подозрительности» и «враждебности»⁶⁷⁷.

Особенно А.Н. Рубакин гордился своим французским учебным дипломом и связями с французской профессурой (как правило, с его бывшими учителями). В своей корреспонденции в Наркомздрав А.Н. Рубакин писал, что только он один из советских медиков имел выход на элиту медицинского мира Парижа. В советском полпредстве в Париже он заявлял, что ему не надо устанавливать связи с французскими медицинскими кругами, потому что они и так у него есть⁶⁷⁸. Именно благодаря этим связям он смог организовать выступление наркома Н.А. Семашко на медицинском факультете Парижского университета 26 октября 1925 г.⁶⁷⁹.

Это было первое крупное мероприятие для недавно назначенного представителя Наркомздрава. Но и для Н.А. Семашко эта поездка имела большое личное значение, так как он много лет прожил в эмиграции во Франции и работал в школе для русских политэмигрантов под Парижем. Со слов А.Н. Рубакина, нарком Н.А. Семашко любил французскую науку и литературу, а налаживание связей с французскими врачами было его заветной мечтой⁶⁸⁰. Но сам А.Н. Рубакин еще за 2 месяца до поездки

⁶⁷⁵ Рубакин А.Н. Над рекою времени: Воспоминания. – М.: Междунар. отношения, 1966. – С. 134.

⁶⁷⁶ Там же.

⁶⁷⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.162, л.2. Краткий отчет о деятельности представительства Наркомздрава во Франции [декабрь 1926].

⁶⁷⁸ Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s // Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960 / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 202.

⁶⁷⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.162, л.3–4. Краткий отчет о деятельности представительства Наркомздрава во Франции [декабрь 1926].

⁶⁸⁰ Рубакин А.Н. Над рекою времени: Воспоминания. – М.: Междунар. отношения, 1966. – С. 135.

наркома выступал против нее, считая ее неподготовленной и преждевременной⁶⁸¹.

Разрешение на поездку во Францию осенью 1925 г. Семашко пришлось снова получать в Политбюро ЦК РКП(б)⁶⁸². Формальной причиной визита было вступление СССР в Международное бюро общественной гигиены (*L'Office international d'Hygiène publique*), но также планировалась встречи с учеными-медиками Франции. Посещение Пастеровского института наркомом Н.А. Семашко оказалось невозможным, поскольку директор института Эмиль Ру (*Pierre Paul Émile Roux*) не допускал никакой политической деятельности в своем учреждении⁶⁸³.

Приглашение выступить перед французскими профессорами Н.А. Семашко получил от Ассоциации развития медицинских связей между Францией и дружественными странами (*Association pour le Développement des Relations Médicales entre la France et les Pays Alliés ou Amis (A.D.R.M.)*) через президента бюро этой ассоциации, профессора-хирурга Анри Артманна (*Henry Hartmann*, 1860–1952⁶⁸⁴), который был научным руководителем диссертационной работы А.Н. Рубакина⁶⁸⁵. Эта Ассоциация имела цель распространения французского влияния в медицине в латиноамериканских странах и тех регионах, куда направлялась продукция французской фармацевтической промышленности. Бюро ассоциации находилось в здании медицинского факультета.

В письмах в Наркомздрав и в более поздних своих воспоминаниях А.Н. Рубакин подчеркивал, что организация выступления

⁶⁸¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.11, л.18–18об. Копия письма представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 28.09.1925 № 37 (секретно).

⁶⁸² РГАСПИ. Ф.17, оп.3, д.523, л.13. Протокол № 83 Заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 15 октября 1925 г.

⁶⁸³ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.11, л.5. Письмо врид заведующего бюро заграничной информации Наркомздрава М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава во Франции А.Н. Рубакина от 08.10.1925 № 967/с (совершенно секретно).

⁶⁸⁴ Hartman H. Henri Hartmann 1860–1952 // *Diseases of the Colon & Rectum*. – 1984. – Vol. 27. – № 4. – P. 273–273.

⁶⁸⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.162, л.4. Краткий отчет о деятельности представительства Наркомздрава во Франции [декабрь 1926]; Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 254.

Н.А. Семашко на медицинском факультете в Париже – это лично его, Рубакина, заслуга. Дело в том, что профессора медицинского факультета в Париже относились к советскому здравоохранению весьма враждебно. Создание советской государственной системы здравоохранения рассматривалось частнопрактикующими врачами (в том числе и профессорами) как прямой вызов буржуазной медицине с ее коммерческим подходом к отношениям врача с больными. Со слов А.Н. Рубакина, ему с большим трудом удалось договориться с А. Артманном об этом докладе⁶⁸⁶.

Особое значение выступлению Семашко на заседании Ассоциации развития медицинских связей между Францией и дружественными странами придает тот факт, что за несколько месяцев до него на той же трибуне состоялся доклад представителей эмигрантского «Союза русских врачей имени И.И. Мечникова». В своем выступлении врачи Алексинский, Сиротинин и Брайнос обрушились с критикой на советское государство, а также обратили внимание французов на тесные научные связи СССР и Веймарской республики⁶⁸⁷.

На выступлении наркома присутствовало большинство профессоров медицинского факультета Парижа⁶⁸⁸. В своем докладе Н.А. Семашко осветил основные принципы советского здравоохранения, включая основополагающий – централизацию всей отрасли на уровне Наркомздрава. Нарком коснулся социальных аспектов здравоохранения СССР: борьбы с социальными болезнями, охраны труда рабочих и общедоступности медицинской помощи. В конце своего выступления Н.А. Семашко заметил, что ведущие советские ученые-медики являются последователями великих французских ученых, чем явно утешил тщеславие

⁶⁸⁶ Рубакин А.Н. Над рекою времени: Воспоминания. – М.: Междунар. отношения, 1966. – С. 135.

⁶⁸⁷ Ратманов П.Э. Новые материалы о профессоре В.Н. Сиротинине (1955–1934) / П.Э. Ратманов, М.В. Поддубный, В.И. Бородулин // Военно-медицинский журнал. – 2021. – Т. 342. – № 10. – С. 80–85.

⁶⁸⁸ Рубакин А.Н. Международные связи советской медицины // История медицины СССР / ред. Б.Д. Петров. – М.: Медицина, 1964. – С. 31.

французов⁶⁸⁹. По свидетельству А.Н. Рубакина, после доклада ему не аплодировали, но задавали много вопросов⁶⁹⁰.

Это выступление не осталось незамеченным в медицинском мире Парижа, вызвав у кого-то интерес, а у кого-то враждебность к советскому здравоохранению. Появление негативных откликов о речи Н.А. Семашко не пугало представительство Наркомздрава РСФСР, для него было бы хуже, если бы это событие осталось незамеченным. Полный текст выступления наркома был опубликован на страницах просоветского журнала «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*», одним из редакторов которого был А.Н. Рубакин⁶⁹¹.

С 1926 г. в работе представительства Наркомздрава во Франции произошло смещение акцента от развития советско-французских контактов в медицинской науке к информационно-пропагандистской деятельности. Представительство собирало данные о санитарном просвещении во Франции, школьной гигиене, охране труда, социальном страховании, профилактике туберкулеза и вакцине БЦЖ, а также распространяло сведения о советской медицине и здравоохранении⁶⁹². По материалам, предоставленным представительством Наркомздрава РСФСР во Франции, на медицинском факультете Лилльского университета выходцем из России была защищена одна диссертация⁶⁹³.

Еще одним направлением работы представительства Наркомздрава РСФСР в Париже была помощь командированным во Францию из СССР врачам. В середине 1920-х годов во Фран-

⁶⁸⁹ Solomon S.G. A Matter of "Reach": Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 254.

⁶⁹⁰ Рубакин А.Н. Я знал его 40 лет (Воспоминания о Н.А. Семашко) // *Советское здравоохранение*. – 1974. – № 11. – С. 84.

⁶⁹¹ Sémaschko N. Quelques aperçus de l'Hygiène soviétique // *Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*. – 1926. – № 1. – P. 1–13.

⁶⁹² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.162, л.9–10. Краткий отчет о деятельности представительства Наркомздрава во Франции [декабрь 1926]; Solomon S.G. A Matter of "Reach": Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 255.

⁶⁹³ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.162, л.5. Краткий отчет о деятельности представительства Наркомздрава во Франции [декабрь 1926].

цию буквально хлынул поток советских врачей и ученых, приехавших в командировку⁶⁹⁴. За 1926 г. через представительство прошло более 120 врачей⁶⁹⁵. Врачи приезжали во Францию как за свой счет, так и по командировкам от различных учреждений. А.Н. Рубакин жаловался в Наркомздрав РСФСР, что большинство из них плохо знали французский, поэтому он вынужден был тратить на них много времени. Во Франции советские врачи как пропагандировали советскую медицину, так и отзывались о ней негативно⁶⁹⁶.

И хотя А.Н. Рубакин считал свое представительство Наркомздрава РСФСР в Париже центром советской медицины во Франции, он признавал, что все командированные «неизменно первым делом заходили в Пастеровский институт, где их сердечно встречали А.М. Безредка и М.В. Вайнберг»⁶⁹⁷. И основной фигурой во франко-советских медицинских связях в 1920-е гг. был не А.Н. Рубакин, а часто приезжавший во Францию Председатель Ученого медицинского совета при Наркомздраве РСФСР профессор Л.А. Тарасевич, однокурсник А.М. Безредки по медицинскому факультету Парижского университета. Их связывали личная дружба, совместная работа в Пастеровском институте и общие научные интересы. О тесноте связей между учеными двух стран говорят жалобы доктора А.Н. Рубакина в Наркомздрав РСФСР. В апреле 1926 г. он писал в бюро заграничной информации о том, что благодаря переписке с профессором Л.А. Тарасевичем профессор А.М. Безредка прекрасно осведомлен обо всем, что делается в Наркомздраве, а информация для него самого не отличается точностью и всегда запаздывает⁶⁹⁸.

⁶⁹⁴ Рубакин А.Н. Международные связи советской медицины // История медицины СССР / ред. Б.Д. Петров. – М.: Медицина, 1964. – С. 32.

⁶⁹⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.162, л.5. Краткий отчет о деятельности представительства Наркомздрава во Франции [декабрь 1926].

⁶⁹⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.162, л.6–7. Краткий отчет о деятельности представительства Наркомздрава во Франции [декабрь 1926].

⁶⁹⁷ Рубакин А.Н. Над рекою времени: Воспоминания. – М.: Междунар. отношения, 1966. – С. 139.

⁶⁹⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.12, л.120. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР во Франции А.Н. Рубакина в отдел заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 26.04.1926 № 130/с (секретно).

На посту представителя Наркомздрава во Франции А.Н. Рубакин разработал проект организации в Париже советской амбулатории, обслуживающей советскую колонию в столице Франции. Вопрос этот стал обсуждаться с 1926 г. по инициативе полпреда СССР во Франции Х.Г. Раковского. Медицинскую помощь советским гражданам в Париже оказывал врач, нанимаемый месткомом (профсоюзной организацией) без контракта. На эту работу шли, как правило, молодые врачи без опыта и авторитета, в том числе один врач-эмигрант без права врачебной практики во Франции. Эти врачи быстро менялись, из-за чего пациенты часто прибегали к дорогостоящим консультациям профессоров, что, в свою очередь, приводило к росту расходов на медицинскую помощь. По утверждению А.Н. Рубакина, в работе врачей, приглашенных месткомом, наблюдались многочисленные злоупотребления⁶⁹⁹.

В 1927 г., после реорганизации бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР в Общесоюзное бюро заграничной санитарной информации (ОБЗСИ) Наркомздрава РСФСР, изменились и названия зарубежных представительств. Так, представительство Наркомздрава во Франции сменило название на «представительство ОБЗСИ во Франции».

В конце апреля 1928 г. полпред СССР во Франции В.С. Довгалецкий получил распоряжение из Москвы об отстранении А.Н. Рубакина от работы в представительстве ОБЗСИ и передаче его работы в полпредство «в канцелярском порядке»⁷⁰⁰. Но полпредство фактически саботировало это распоряжение, поскольку летом 1928 г. в Париже предстоял ряд международных медицинских конгрессов, а увольнение А.Н. Рубакина могло привести к проблемам с участием советских делегаций. Например, в это время в Париже состоялись Международные дни социальной медицины, на которых заведующая отделом охраны материнства и младенчества Наркомздрава РСФСР В.П. Лебе-

⁶⁹⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.162, л.17. Краткий отчет о деятельности представительства Наркомздрава во Франции [декабрь 1926].

⁷⁰⁰ Архив Национального НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко. Фонд Н.А. Семашко. Копия письма полномочного представителя СССР во Франции В.С. Довгалецкого секретарю ЦК ВКП(б) С.В. Косиору от 13.07.1928 № 0678/с (секретно).

дева, нарком здравоохранения Белорусской ССР М.И. Барсуков и А.Н. Рубакин представили доклады о здравоохранении в СССР. Советская сторона также организовала выставку достижений СССР в области охраны материнства и детства⁷⁰¹.

Полпред СССР во Франции В.С. Довгалецкий писал в ЦК ВКП(б) о социально-политическом и культурном значении советского здравоохранения и социального обеспечения, а также о важности освещения за рубежом успехов в этой сфере. Но возлагать эту работу на полпредство он считал излишним. При этом В.С. Довгалецкий дал положительную характеристику А.Н. Рубакину, отметив его широкие связи во французских медицинских кругах, и даже предлагал отменить решение об его отстранении⁷⁰². Тем не менее, летом 1928 г. Совнарком СССР принял решение о ликвидации зарубежных представительств Наркомздрава РСФСР в Берлине и Париже и слиянии их с представительствами СОКК и КП СССР. В итоге в августе 1928 г. А.Н. Рубакин был уволен с должности представителя ОБЗСИ во Франции.

§ 5.2. Участие СССР в международных гигиенических выставках и Неделя естествоиспытателей в Берлине в 1927 г.

В середине 1920-х гг. в Европе стали возрождаться большие международные гигиенические выставки, проведение которых было прервано Первой мировой войной и последующими экономическими кризисами. Например, в апреле-июне 1925 г. в Венском торгово-выставочном дворце проходила «Всеобщая гигиеническая выставка» («*Allgemeine Hygienische Ausstellung*»), традиция проведения которой началась в 1906 г. Данное мероприятие было организовано при участии Музея гигиены в Дрездене, а основными темами выставки были: «новое домашнее хозяйство», «общественное благосостояние и гигиена»

⁷⁰¹ Рубакин А.Н. Над рекою времени: Воспоминания. – М.: Междунар. отношения, 1966. – С. 138.

⁷⁰² Архив Национального НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко. Фонд Н.А. Семашко. Копия письма полномочного представителя СССР во Франции В.С. Довгалецкого секретарю ЦК ВКП(б) С.В. Косиору от 13.07.1928 № 0678/с (секретно).

и «репродукция, наследственность и расовая гигиена». Организаторы выставки приглашали для участия в ней и Наркомздрав РСФСР⁷⁰³. Однако подготовка хорошей экспозиции требовала значительных финансовых средств в валюте, которыми Наркомздрав РСФСР не располагал⁷⁰⁴.

В итоге в апреле 1925 г. для организации отдела СССР на выставку в Вене были направлены сотрудник организационно-административного отдела Наркомздрава РСФСР Абрам Ильич Бейзель и художник Абрам Александрович Иофф, но не по линии Наркомздрава РСФСР, а по линии РОКК⁷⁰⁵. С собой в Вену Бейзель вез некоторое количество экспонатов, а Иофф должен был оформить советскую экспозицию⁷⁰⁶.

В послевоенные годы первой крупной выставкой по здравоохранению в Веймарской республике стала выставка *GeSoLei* (аббревиатура от нем. *Gesundheit, soziale Fürsorge und Leibesübungen* – здоровье, социальное обеспечение и физические упражнения) в Дюссельдорфе в 1926 г. Она также была организована при участии Музея гигиены в Дрездене⁷⁰⁷. Организационный комитет Дюссельдорфской выставки многократно обращался с приглашениями принять в ней участие в Наркомздрав РСФСР. В этих приглашениях подчеркивалось, что новации Советской России в области социальной гигиены и социальной медицины представляли интерес для всего мира.

Но Наркомздрав РСФСР на эти обращения отвечал уклончиво. Дело в том, что участие в выставке было связано со стро-

⁷⁰³ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.143, л.25–25об. Письмо организационного комитета гигиенической выставки в Вене в полпредство СССР в Австрии от 23.03.1925.

⁷⁰⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.143. Переписка с Посольством СССР в Австрии об участии НКЗ РСФСР в Венской гигиенической выставке и об обмене медицинскими сведениями.

⁷⁰⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.103, л.93. Копия удостоверения А.И. Бейзеля, выданное РОКК от 07.04.1925 № 2464 ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.103, л.101. Копия удостоверения И.А. Иоффа, выданное РОКК от 07.04.1925 № 2480.

⁷⁰⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.103, л.100. Копия письма Наркома здравоохранения Н.А. Семашко в административный отдел Московского совета от 15.04.1925 № 14.942.

⁷⁰⁷ Лившиц С.Л. Гигиеническая выставка «Gesolei» 1926 г. в Дюссельдорфе // Московский медицинский журнал. – 1927. – № 1. – С. 64–73; Лившиц С.Л. Гигиеническая выставка «Gesolei» 1926 г. в Дюссельдорфе (окончание) // Московский медицинский журнал. – 1927. – № 2. – С. 58–69.

ительством специального павильона и крупными финансовыми вложениями, причем гораздо большими, нежели в случае с венской выставкой. Однако отдел заграничной информации до конца надеялся на выделение средств Совнаркомом, поэтому «из тактических соображений» Наркомздрав РСФСР выражал принципиальное согласие принять участие в выставке, но окончательное решение не принимал⁷⁰⁸.

На участии СССР в Дюссельдорфской выставке настаивал представитель Наркомздрава РСФСР в Берлине Я.Р. Гольденберг. Это мероприятие должно было быть самым крупным событием Европы в области общественного здоровья середины 1920-х гг. А учитывая международные амбиции Наркомздрава РСФСР и пристальное внимание к его работе западных научных кругов, отсутствие на нем экспозиции о советском здравоохранении было бы «весьма досадным»⁷⁰⁹. Однако Семашко принял решение, что Наркомздраву РСФСР «не следует принимать участие» в этой выставке⁷¹⁰.

В конечном счете на этой выставке от Советской России были представлены только отдельные санитарно-просветительские материалы по борьбе с болезнями, передающимися половым путем, и по охране материнства и детства. На обратном пути из Парижа в мае 1926 г. нарком Н.А. Семашко посетил Дюссельдорфскую выставку⁷¹¹.

Представительство Наркомздрава РСФСР в Германии провело предварительную работу по участию наркома в выставке: были проведены переговоры с германским Министерством иностранных дел, выставочным комитетом и представителями города. После осмотра выставочных павильонов 28 мая 1926 г.

⁷⁰⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.337. Копия письма завед. информационным отделом Наркомздрава РСФСР Калины представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 06.04.1925 № 16.699.

⁷⁰⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.336. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР Я.Р. Гольденберга наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 24.07.1925 № 5793 (лично, секретно).

⁷¹⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.20, л.457. Копия письма врид завед. бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР М.С. Шефтеля представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергу от 19.12.1925 № 1300/с (секретно).

⁷¹¹ ГАРФ. Ф.А482, оп. 35, д.702, л.237. Отчет Представительства Наркомздрава за 1925–1926 год.

Н.А. Семашко принял участие в банкете, устроенном в его честь правительством города во главе с бургомистром. После этого нарком встретился с коммунистической делегацией рабочих Дюссельдорфа⁷¹².

Советские врачи, посетившие выставку *GeSoLei* в Дюссельдорфе, отмечали ее колоссальный размер, разнообразный и интересный подбор экспонатов, тщательную проработку общей программы выставки и привлечение лучших специалистов. Вместе с тем они признавали, что СССР не был готов к организации такой грандиозной выставки, и призывали позаимствовать немецкий опыт для организации санитарно-гигиенической работы в Советском Союзе⁷¹³.

Санитарные плакаты оказались самым популярным экспонатом в контексте участия Наркомздрава РСФСР в зарубежных выставках. В сентябре 1926 г. во Франкфурте-на-Майне проходила выставка плакатов, на которую представительство Наркомздрава РСФСР в Германии направило имевшиеся у него плакаты, посвященные борьбе с туберкулезом и венерическими болезнями, а также охране материнства и детства. Интерес немцев к советскому санитарному просвещению был столь велик, что глава берлинского представительства Наркомздрава РСФСР Я.Р. Гольденберг даже предлагал устроить постоянную выставку плакатов по санпросветработе при своей миссии⁷¹⁴.

Осенью 1926 г. по линии НКВД в Наркомздрав РСФСР пришло приглашение участвовать в XVI Лондонской медицинской выставке (*The London Medical Exhibition*)⁷¹⁵. Семашко считал участие в этом мероприятии «весьма желательным», но учетом отсутствия средств у Наркомздрава он предложил поручить представлять советское здравоохранение на лондонской

⁷¹² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.702, л.251–258. Проект отчета Представительства Наркомздрава за апрель по сентябрь 1926 года.

⁷¹³ Виленкин Б.В. Санитарно-гигиеническая выставка в Дюссельдорфе // Гигиена и эпидемиология. – 1927. – № 3. – С. 63–67.

⁷¹⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп. 35, д.702, л.239. Отчет Представительства Наркомздрава за 1925–1926 год; там же л.259–260. Протокол заседания 31 мая 1926 года [в Представительстве Наркомздрава РСФСР в Берлине под председательством Н.А. Семашко].

⁷¹⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.146, л.40. Письмо управляющего делами управления уполномоченного НКВД при Правительстве РСФСР Колчановского в Наркомздрав РСФСР от 09.1926 № 2457/8471/м.

выставке главу миссии РОКК в Великобритании В.Н. Половцеву⁷¹⁶. Как и в Веймарской республике, участие в лондонской выставке свелось к демонстрации советских санитарных плакатов. И хотя сама Половцева оценивала свою работу как успех, но британская пресса воспринимала советские плакаты о необходимости соблюдать чистоту как свидетельство антисанитарного состояния в СССР⁷¹⁷.

Особенно следует выделить пропагандистскую работу в Веймарской республике доктора И.Д. Страшуна, заведующего санпросветом Наркомздрава РСФСР и ассистента кафедры социальной гигиены 2-го Московского государственного университета. В марте-апреле 1927 г. он прочитал на немецком языке цикл докладов в берлинской клинике Шарите (*Charité*) и в Музее гигиены в Дрездене. Темами докладов стали санитарное просвещение в СССР и современные задачи советской медицины. На выступлениях Страшуна присутствовали выдающиеся общественные деятели и крупнейшие медики Германии⁷¹⁸. Представительство Наркомздрава РСФСР в Германии подчеркивало вклад выступлений Страшуна «в деле серьезного обоснованного информирования местных кругов о проблемах советского здравоохранения»⁷¹⁹.

Благодаря участию немецких ученых в мероприятиях, посвященных празднованию 200-летия Российской академии наук в сентябре 1925 г., научные связи между двумя странами активизировались⁷²⁰. В Ленинграде советская и германская стороны

⁷¹⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.146, л.39. Копия письма наркома здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко уполномоченному НКВД при Правительстве РСФСР Аралову от 13.09.1926 № 8235.

⁷¹⁷ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – С. 340.

⁷¹⁸ Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – С. 280–281.

⁷¹⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.8, л.123–126. Копия письма представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга в бюро заграничной информации Наркомздрава РСФСР от 28.04.1927 № 3008.

⁷²⁰ Sorokina M. Partners of Choice/Faute de Mieux? Russians and Germans at the 200th Anniversary of the Academy of Sciences, 192 // *Doing Medicine Together: Germany and*

обсуждали планы совместного сотрудничества. Первым результатом этих переговоров стало издание совместного немецко-русского медицинского журнала, истории которого посвящена отдельная глава данного исследования.

В отчетах представительства Наркомздрава РСФСР в Германии одним из самых больших его достижений представлялась организация Недели русских естествоиспытателей (*Naturforscherwoche*) в Германии под председательством наркома Н.А. Семашко в июне 1927 г.⁷²¹. Этому мероприятию удалось привлечь общественное внимание Германии, а его академическое значение было обеспечено выступлениями представителей советской науки⁷²².

В определенной мере Неделя русских естествоиспытателей должна была стать немецким ответом на празднование 200-летия Российской академии наук в Ленинграде⁷²³. Предварительное обсуждение проекта Недели русских естествоиспытателей состоялось 26 сентября 1926 г. в Берлине. Помимо Шмидт-Отта, Фогта, Планка и Ашоффа, в нем приняли участие представители МИД Веймарской республики и Общества помощи немецкой науке (*Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft*). Шмидт-Отт сначала дал общий обзор германо-советских отношений, а Фогт рассказал о своих беседах с наркомом Н.А. Семашко. Шмидт-Отт вынес на обсуждение идею проведения недели в Берлинском университете примерно в июне следующего года. В ходе дискуссии была подчеркнута важность такого мероприятия для продвижения экономических отношений через научные. Также предполагалось, что приглашение на эту неделю будет воспринято как веский повод для русских ученых выучить немецкий язык⁷²⁴. Таким образом, в действительности Неделя русских

Russia Between the Wars / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 61–102.

⁷²¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.702, л.37–62. Отчет Представительства Наркомздрава в Германии с января 1927 г. по январь 1928 года.

⁷²² Винтер К. Роль Н.А. Семашко в развитии германо-советских отношений в области медицины // Советское здравоохранение. – 1975. – № 7. – С. 77–81.

⁷²³ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 77.

⁷²⁴ Там же.

естествоиспытателей в Берлине 1927 г. была проектом немецкой стороны, а советские ученые были просто приглашены на нее. Представительство Наркомздрава РСФСР в Германии в организации данного мероприятия играло вспомогательную техническую роль.

Переговорщиком с немецкой стороны по вопросам организации этой Недели был директор Института исследования мозга Кайзера Вильгельма (*Kaiser-Wilhelm-Institut für Hirnforschung*) О. Фогт (*Oskar Vogt*). Как показало изучение архивов Наркомздрава РСФСР, 24 ноября 1926 г. Фогт встретился с представителем Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденбергом. На этой встрече была обсуждена идея проведения такого мероприятия. Цель этого события Фогт определил следующим образом: «усиление сближения русских и германских ученых» и «опровержение слухов о том, что русское правительство подавляет научную жизнь в России, которые распространяются эмигрантами»⁷²⁵. Фогт обозначил даты мероприятия (конец июня) и даже предварительный список участников с советской стороны (20 чел.). Письмо Фогта носило конфиденциальный характер, поскольку немецкий ученый не был уверен в поддержке этой инициативы со стороны официальных инстанций Веймарской республики⁷²⁶. Для Фогта было важно сначала получить принципиальное согласие наркома Н.А. Семашко лично возглавить делегацию советских ученых и врачей, а также согласовать этот вопрос с председателем Совнаркома СССР А.И. Рыковым. Только после получения таких гарантий он собирался оформлять официальное приглашение от правительства Веймарской республики⁷²⁷.

В итоге советская сторона приняла официальное приглашение поучаствовать в Неделе естествоиспытателей, организо-

⁷²⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.7, л.415–417. Копия письма О. Фогта представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга от 25.11.1926 (на нем. языке) ГАРФ; Ф.А482, оп.55, д.7, л.418–420. Перевод письма О. Фогта представителю Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга от 25.11.1926.

⁷²⁶ Там же.

⁷²⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.55, д.7, л.421. Письмо представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 27.11.1926 № 29/с (сов. секретно, лично).

ванной Германским обществом по изучению Восточной Европы (*Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas*). Как и планировалось, советскую делегацию возглавил нарком здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко.

В июне 1927 г. в Берлине Н. А. Семашко рассказал о работе его кафедры социальной гигиены 1-го Московского государственного университета в течение последних пяти лет и всесторонне ознакомил слушателей с учебно-научной программой в области социальной гигиены и гигиены труда, а также с методами работы Клиники социальных и профессиональных заболеваний, созданной в 1923 году⁷²⁸. Об этом докладе немецкий журнал «Медицинский мир» (*«Die Medizinische Welt»*) написал следующее:

*«В рамках недели российских ученых министр Семашко в среду, 22 июня, зачитал свой доклад избранной аудитории, в которой собрались представители медицинской науки, практики, системы здравоохранения, а также социальной гигиены. Не вдаваясь в детали и значение представленных им цифр и данных, следует признать, что Семашко за короткое время смог эффективно внедрить и реализовать государственную систему здравоохранения. Особенно отметить в Семашко можно то, что он сам, будучи человеком строгой самокритики и высокой науки, в полной мере осознает печальные условия, которые до сих пор царят в России (...) В достижении целей в области здравоохранения, которые он поставил перед собой, Семашко рассчитывает на помощь и сотрудничество всех культурных народов, но прежде всего Германии. Продолжительные аплодисменты после его выступления доказали, что профессор не ошибся в этом отношении»*⁷²⁹.

Тем не менее, помимо радужного восприятия докладов советских ученых левой немецкой прессой, наблюдались и другие мнения. Например, первый представитель Наркомздрава РСФСР (1921) доктор С. Ф. Вербов о лекции проф. Н. Н. Бурденко написал, что она «оставила слушателей в неведении».

⁷²⁸ Karbe C.-H. Veröffentlichungen N.A. Semaškos in Deutschland über das sowjetische Gesundheitswesen // NTM Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin. – 1968. – Vol. 5. – № 11. – S. 79–92.

⁷²⁹ Там же.

Немецкая аудитория не понимала произношения Бурденко, когда он докладывал на немецком: «Бурденко читал по-немецки написанный текст, но никто не сказал бы, что он читает по-немецки. Для слушателей осталось неизвестным, что именно хотел сказать докладчик»⁷³⁰. В то же время тема лекции проф. А. А. Богомольца о роли соединительной ткани была настолько новаторской, что немецкие врачи не поняли ее значения и отнеслись «сугубо отрицательно»⁷³¹.

Зато лекция проф. Д. Д. Плетнева «Об удалении *ganglion stellatum* при грудной жабе» произвела на Вербова исключительное впечатление: «На безупречном немецком языке, ни разу не заглянув в бумажку, он приковал к себе в течение двух часов внимание врачей, заполнивших большой зал до отказа. Председательствующий на заседании проф. Бергман, одновременно с Плетневым бывший когда-то стажером проф. Сенатора в Берлине, назвал «фокусом» подобную лекцию на память с такой исключительно богатой литературой»⁷³².

По мнению немецкой исследовательницы К. Бётхер, из дискуссий на этой Неделе естествоиспытателей вырос «любимый проект» (*Lieblingsprojekt*) советско-германского сотрудничества — лаборатория расовой патологии в Москве⁷³³. В настоящей книге история этой лаборатории не обсуждается, поскольку не имеет

⁷³⁰ Вербов С. Ф. Люди, пути и тропы: (Клуб заштат. интеллигентов). — Париж: Б.И., 1970. — С. 431; Васильев К. К. Судьба питомца медицинского факультета Императорского Харьковского университета доктора С. Ф. Вербова (1883–1976) // Вестник Харьковского Национального университета имени В. Н. Каразина. Серия Медицина. — 2004. — № 9 (639). — С. 96–100.

⁷³¹ Васильев К. К. Судьба питомца медицинского факультета Императорского Харьковского университета доктора С. Ф. Вербова (1883–1976) // Вестник Харьковского Национального университета имени В. Н. Каразина. Серия Медицина. — 2004. — № 9 (639). — С. 96–100.

⁷³² Вербов С. Ф. Люди, пути и тропы: (Клуб заштат. интеллигентов). — Париж: Б.И., 1970; Васильев К. К. Судьба питомца медицинского факультета Императорского Харьковского университета доктора С. Ф. Вербова (1883–1976) // Вестник Харьковского Национального университета имени В. Н. Каразина. Серия Медицина. — 2004. — № 9 (639). — С. 96–100.

⁷³³ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. — Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. — S. 11.

прямого отношения к основной теме исследования. Данной лаборатории посвящено несколько публикаций других авторов⁷³⁴.

К. Бётхер также обращает внимание на полярные точки зрения по отношению к Советскому Союзу в Веймарской республике, так как среди части немцев существовал определенный страх перед большевистской пропагандой. Поэтому немецким ученым – русофилам Фогту и Ашоффу – не удалось договориться с остальной частью ученого мира Веймарской республики о вручении наркому здравоохранения Н.А. Семашко почетной докторской степени как на Неделе естествоиспытателей, так и год спустя на конгрессе по скарлатине в Кенигсберге⁷³⁵. Это еще раз ясно показывает, что успех этих мероприятий был весьма ограниченным – как и принятие советской науки в целом.

Еще более скромной эта Неделя русских естествоиспытателей в Берлине кажется в сравнении с подобными мероприятиями во Франции. Если в Берлин представлять честь советской медицины приехало два десятка ученых-медиков из Советского Союза, то на «Медицинские дни» в Париже в июле 1926 г., где были представлены достижения французской медицинской науки, приехало более 2 тыс. гостей, в том числе треть из них – из Великобритании и США⁷³⁶. Поэтому заграничные «успехи» советской медицины были значимыми только на фоне предыдущего периода международной изоляции Советской России.

⁷³⁴ Weindling P. German-Soviet Medical Co-operation and the Institute for Racial Research, 1927 – c. 1935 // German History. – 1992. – Vol. 10. – № 2. – P. 177–206; Weindling P.J. German-Soviet Medical Collaboration // Epidemics and Genocide in Eastern Europe, 1890–1945. – Oxford University Press, 2000. – P. 183–208; Richter J. Castor and Pollux in Brain Research: The Berlin and the Moscow Brain Research Institutes // Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 325–368.

⁷³⁵ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 77, 86.

⁷³⁶ Тривус М. Парижские «Медицинские дни» (15–18 июля 1926 г.) // Новости французской медицины и биологии. – 1926. – № 8. – С. 32–33.

§ 5.3. Курсы для иностранных врачей в Москве осенью 1929 г. и поездки на лечение в СССР

В начале 1929 г. Наркомздрав РСФСР решил организовать курсы для иностранных врачей наподобие тех, которые проводились в разных странах Европы и Америки как с целью повышения квалификации, так и с целью пропаганды достижений конкретного государства. Для этого нарком здравоохранения Н.А. Семашко объединил усилия с председателем ВОКС О.Д. Каменевой. Но фактическое руководство курсами было возложено на только вернувшегося из Берлина бывшего представителя Наркомздрава РСФСР в Германии доктора Я.Р. Гольденберга. Официальным местом работы Гольденберга в Москве стало Государственное медицинское издательство. Изначально предполагалось провести курсы с 20 мая по 1 июля 1929 г.

Проект курсов включал в себя научно-теоретический цикл (экспериментальная биология и медицина), цикл социально-гигиенический и организации здравоохранения, санитарно-эпидемиологический цикл, циклы по курортологии и венерологии, цикл профессиональной патологии и гигиены. К чтению лекций на курсах планировалось привлечь ведущих ученых вузов и научных институтов Москвы и Ленинграда. Основной целью курсов было заявлено ознакомление иностранных врачей с организацией здравоохранения в СССР⁷³⁷.

Соответствующее письмо с проспектом курсов было разослано в дипломатические представительства СССР за границей⁷³⁸. Информация была доведена до советских полпредств Германии, Австрии, Франции, Англии, Италии, Швейцарии, Чехословакии, Польши, Латвии, Эстонии, Литвы, Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Турции, Персии и США. Но времени для подготовки курсов оставалось очень мало, да и необходимое количество слушателей курсов не набиралось. Поэтому нарком

⁷³⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.329, л.38–45. Курсы для иностранных врачей в Москве 20-го мая – 1-го июля 1929 г. [проспект].

⁷³⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.329, л.46. Письмо наркома здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко и председателя ВОКС О.Д. Каменевой в полпредства СССР за границей (циркулярно) [начало 1929 г.].

здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко принял решение перенести начало курсов на 15 сентября 1929 г.⁷³⁹.

Благодаря отсрочке организационный комитет курсов получил возможность лучше проработать содержание образовательных циклов. Количество основных циклов сократилось до трех (научно-теоретический цикл, социально-гигиенический и организации здравоохранения, санитарно-эпидемиологический – по 100 часов), остальные три были переведены в разряд дополнительных (по 125 часов). Также рекламная информация о курсах была размещена в зарубежной медицинской периодической печати. Помимо этого, соответствующая информация распространялась среди иностранных врачебных кругов, симпатизирующих СССР. После получения обратной информации от иностранных врачей сроки курсов были сокращены с 6 до 3,5 недель. Для не очень состоятельных врачей были введены скидки на оплату курсов и проживания в СССР⁷⁴⁰.

Главной проблемой для Гольденберга как организатора курсов были скудные финансовые ресурсы Наркомздрава РСФСР. Предварительная смета на проведение курсов составила 16 394 руб., но в 1928/1929 финансовом году из сметы Наркомздрава РСФСР на курсы удалось выделить только 5 тыс. руб., а остальную сумму пришлось перенести на смету 1929/1930 финансового года. Кроме того, для организации курсов потребовалось временно ввести штаты заведующего курсами, секретаря и машинистки, но этот вопрос необходимо было согласовать с Народным комиссариатом Рабоче-крестьянской инспекции (НКРКИ). Однако НКРКИ отказывался согласовывать введение временных штатов без предварительного согласования этого вопроса с Народным комиссариатом финансов. Наркомфин не возражал против введения временных штатов, но смету Наркомздрава РСФСР на 1928/1929 финансовый год не увеличил. После

⁷³⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.328, л.288. Копия письма Я.Р. Гольденберга представителю ОБЗСИ в Германии С.И. Черномордику от 29.03.1929; ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.328, л.293. Копия письма ОБЗСИ в полпредства СССР за границей от 29.03.1929 (циркулярно).

⁷⁴⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.329, л.1–2. Краткий отчет за время с 1-го апреля по 30-е июня 1929 г. о подготовительной работе по организации курсов для врачей иностранцев по вопросам советского здравоохранения директора курсов Я.Р. Гольденберга.

этого официального ответа Наркомфина сотрудник НКРКИ тов. Миролюбов в телефонном разговоре с Гольденбергом заявил, что «он считает недопустимым производство Наркомздравом расходов, не предусмотренных сметой». При этом Миролюбов оговорился, что он не будет возражать против отпуска этих средств⁷⁴¹. В такой переписке без особого продвижения дел организационный комитет курсов провел несколько месяцев.

Курсы для врачей-иностранцев были проведены с 15 сентября по 4 октября в Москве и с 5 по 12 октября 1929 г. в Ленинграде. Всего в СССР на курсы приехало 30 специалистов. Крупных фигур зарубежного здравоохранения среди них не было (хотя, например, приглашение было отправлено проф. А. Гротьяну⁷⁴²). В основном слушателями были симпатизирующие Советскому Союзу врачи из Веймарской республики (больше половины группы). Также были врачи из Франции, Испании, Голландии, Дании, Америки, Польши и других стран.

Накануне открытия курсов в Доме ученых в Москве состоялась товарищеская встреча слушателей и преподавателей, на которой с речью-приветствием выступил нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко. Он подчеркнул, что русская наука всегда находилась в тесной связи с заграничным ученым миром, но в последние годы благодаря большому количеству командировок эта связь только усилилась. На встрече также выступили академик П.П. Лазарев, профессора В.М. Броннер, В.А. Воробьев, С.И. Каплун, Н.К. Кольцов и директор курсов Я.Р. Гольденберг. С ответным словом выступили неформальные лидеры группы курсантов – немецкий профессор В. Эттингер (*W. Oettinger*) и член рейхстага доктор Рихард Шминке (*Richard Schminke*)⁷⁴³.

Проживавший в то время в Москве немецкий врач Х. Цейсс также написал небольшой, но очень субъективный отчет о ходе мероприятий. Он сообщил сотрудникам Посольства Германии

⁷⁴¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.329, л.5–5об. Копия докладной записки завед. курсами для врачей-иностранцев Я.Р. Гольденберга наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко от 25.05.1929.

⁷⁴² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.328, л.59. Копия письма Я.Р. Гольденберга в представительство ОБЗСИ в Германии от 9.09.1929.

⁷⁴³ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.330, л.70. Вырезка из газеты «Вечерняя Москва» от 18.09.1929 № 215.

в Москве следующее: «...врачам предложили посетить слишком много докладов и слишком много экскурсий, поэтому уже на второй неделе пребывания в Москве члены делегации начали протестовать, так как они не могли нормально воспринимать столь огромный объем информации и просто устали от чересчур изобильной программы. В результате некоторые доклады были полностью отменены. Кроме того, члены делегации жаловались на постоянное незаметное и в то же время ощутимое давление. Дело в том, что они не могли свободно передвигаться, то есть они зависели от сопровождающего их повсюду автобуса. Они не имели возможности самостоятельно гулять и осматривать город. Я слышал, как коммунисты, в частности, жаловались на это. Они сравнивали себя с «заключенными» (доктор Шминке). Особенно предприимчивые врачи вскоре начали ходить по Москве пешком и перестали пользоваться автобусом для поездок домой или в театр»⁷⁴⁴.

Однако в отчетах членов делегации немецких врачей ничего не говорилось ни об одном из критических замечаний Цейсса, особенно про отсутствие свободы передвижения. Врачи рассказывали о путешествии в СССР заинтересованно и непредвзято по отношению к увиденному, но об односторонней «советской пропаганде» не шло и речи. В целом, эта поездка была весьма успешной – как для участников, так и для организаторов⁷⁴⁵.

Международный резонанс этих курсов был весьма ограниченным, поскольку в них участвовали не ведущие специалисты в области общественного здоровья, а просто врачи левых политических взглядов. Вместе с тем информация о них просочилась и на страницы медицинской печати, например в журнал «Немецкий медицинский еженедельник»⁷⁴⁶. Но эти материалы вышли

⁷⁴⁴ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 107.

⁷⁴⁵ Там же. – S. 108.

⁷⁴⁶ Schmincke R. Organisation der Gesundheitsfürsorge in der Sowjetunion // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1930. – Vol. 56. – № 41. – S. 1743–1745; Kollwitz H. Schulkinderfürsorge in Rußland // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1930. – Vol. 56. – № 43. – S. 1834–1835; Rosenhaupt N. Sozialhygienische Belehrung und Seuchenbekämpfung in Sowjetrußland // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1930. – Vol. 56. – № 42. – S. 1788–1790.

уже во второй половине 1930 г. – после окончания Дрезденской гигиенической выставки. Отчеты немецких врачей об этой поездке были также опубликованы в журнале «Новая Россия»⁷⁴⁷.

Самым крупным мероприятием за границей, проведенным по итогам курсов для иностранных врачей в Москве и Ленинграде, стало создание Общества содействия связей в области медицины между СССР и зарубежными странами (*Gesellschaft zur Pflege der ärztlichen Beziehungen zwischen der UdSSR und dem Auslande*). Первое заседание этого общества было проведено в Берлине 30 января 1930 г. в здании Второй клиники Берлинского университета⁷⁴⁸.

На этом собрании основными докладчиками были немецкие врачи, участвовавшие в курсах в качестве слушателей, в частности член городского совета проф. Эттингер. Они ознакомили аудиторию с основными принципами организации здравоохранения в СССР, охраны материнства и детства, санитарного просвещения и профессиональной гигиены⁷⁴⁹.

По сведениям представительства Наркомздрава РСФСР в Берлине, в заседании приняли участие более 500 человек, в том числе начальник отдела здравоохранения Берлина доктор О. Швейерс (*Otto Schwéers*), профессор социальной гигиены А. Гротьян и профессор сексологии Магнус Хиршфельд (*Magnus Hirschfeld*). Организатором этого собрания, по всей видимости, был секретарь представительства Наркомздрава РСФСР в Германии доктор А.В. Бингер⁷⁵⁰. Больше Наркомздраву об «успешных итогах» курсов для иностранных врачей отчитаться было нечем. Тем не менее, коллективные поездки немецких врачей в СССР продолжились в 1931–1932 гг., и отчеты о них также размещались в журнале «Новая Россия».

⁷⁴⁷ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 107.

⁷⁴⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.389, л.14. Копия заметки из газеты «Berliner Lokalnachrichten» от 31 января 1930 г. (на нем. языке).

⁷⁴⁹ Там же.

⁷⁵⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.389, л.16. Письмо секретаря представительства Наркомздрава РСФСР в Германии А.В. Бингера директору ОБЗСИ М.М. Эттингеру от 31.01.1930 № 195.

В конце 1920-х гг. одной из форм пропаганды преимуществ советского здравоохранения в Германии стало направление германских рабочих на лечение и отдых на курорты Крыма и Кавказа⁷⁵¹.

В 1927 г. в журнале «Классовая борьба» (*«Klassenkampf»*) представительства Коммунистической партии Германии в Галле вышла статья под заголовком «Курорты СССР открыты для немецких пролетариев». В ней сообщалось, что СССР согласился принять жителей Германии. Застрахованные в одной из больничных касс немецкие рабочие могли отправиться на четырехнедельное лечение в Крым или на Кавказ. Согласно статье, расходы на лечение должны были составить 175 марок, однако могли быть покрыты за счет медицинской страховки⁷⁵².

Вскоре были быстро сформированы первые туристические группы. В июле 1927 г. посольство Германии в Москве прислало письмо, в котором сообщалось, что 18 июля в СССР прибыла группа немецких рабочих. Однако с финансированием поездок на лечение в СССР возникли трудности. Дело в том, что больничные кассы отказывались покрывать расходы на поездки. С конца 1927 г. за поездки на лечение в СССР люди платили либо самостоятельно, либо из средств партии или других приближенных организаций. В 1927 г. на курорты в СССР из Веймарской республики было отправлено 100 человек, в 1928 г. – 132, в 1929 г. – 129 человек⁷⁵³.

Однако целью этих поездок в СССР было не только сохранение здоровья немецких рабочих, но распространение советской пропаганды. По возвращению на родину члены делегации должны были рассказывать о своих впечатлениях от поездок на

⁷⁵¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.702, л.92–111. Материалы к отчету Представительства Наркомздрава в Германии с 1 января 1927 г. по 1 января 1928 года. – С. 92.

⁷⁵² Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 275.

⁷⁵³ ГАРФ. Ф.А482, оп.41, д.769, л.32–33. Анализ состояния расчетов Полномочного представителя Наркомздрава РСФСР в Берлине по суммам, получаемым в иностранной валюте от Берлинской страховой кассы на лечение германских рабочих.

встречах и конгрессах. В дополнение к их выступлениям должны были проводиться выставки и кинопоказы.

Организация поездок немецких рабочих на советские курорты сопровождалась многочисленными трудностями. Крайне проблематичным оказался вопрос финансирования поездок, поскольку их стоимость была достаточно высока. Поэтому в делегациях оставались свободные места, а «состав» членов поездок был не совсем правильным (в них было больше партийных и профсоюзных функционеров, нежели самих рабочих). Наконец, немецкие больные иногда использовали поездки на лечение в корыстных целях, чтобы найти работу в СССР⁷⁵⁴.

Немецкие власти были крайне обеспокоены популярностью поездок немецких рабочих на лечение в СССР, считая, что единственная их цель заключалась в коммунистической пропаганде. Дипломатические представительства Веймарской республики в СССР тоже предупреждали, что данная форма советской пропаганды оказалась чрезвычайно эффективной и, следовательно, опасной. На самом деле поездки на лечение в СССР оказались не такими успешными, как того опасались немецкие власти. В конечном итоге на лечение в СССР отправилось гораздо меньшее количество людей, чем предполагалось. Хотя отдых в санатории в Крыму и на Кавказе, конечно, представлялся весьма заманчивым для многих немецких рабочих, большинство из них не могли позволить себе подобные поездки, даже несмотря на снижение стоимости⁷⁵⁵.

§ 5.4. Участие СССР в Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1930 г.

Традиция участия России в международных санитарных выставках сформировалась во второй половине XIX в. и, как многое в российской истории, имела внешнеполитическую подоплеку. Взнявшейся за серьезные социально-политические

⁷⁵⁴ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 275–284.

⁷⁵⁵ Там же. – S. 275–284.

реформы стране было совершенно необходимо позиционировать себя на равных в мировом сообществе в области санитарии, гигиены и борьбы с инфекционными болезнями, чтобы снять с себя стигму отсталости и догоняющего развития. Международное признание было нужно и русской медицине, переживавшей важнейший для себя этап реформ. Можно сказать, что стремление русских врачей рассматривать российскую медицину как часть мирового медицинского прогресса кульминировало во время Международной гигиенической выставки в Дрездене в 1911 г.⁷⁵⁶.

Девятнадцать лет спустя, в 1930 г., в Дрездене состоялась Вторая Международная гигиеническая выставка⁷⁵⁷. За короткий по историческим меркам период между двумя выставками в мире успела смениться целая эпоха. С политической арены ушли Германская и Российская империи; хозяйкой международной выставки теперь выступала Веймарская республика, известная не только политическими пертурбациями, но и большой степенью свободы в международном научном сотрудничестве, творчестве, развитии науки и техники. Россия же, снова принявшая участие в дрезденской выставке, успела полностью сменить политическую систему, став Советским Союзом, где были открыто продекларированы полное социальное равенство, всеобщая доступность и бесплатность здравоохранения. В этот раз Россия везла в Дрезден не результаты почти полувека развития земской медицины, а достижения совершенно нового для того мира явления – социалистического здравоохранения⁷⁵⁸. Однако получилось, что участие в Выставке в Дрездене в 1930 г.

⁷⁵⁶ Страшун И.Д. Россия и русские на Дрезденской выставке 1911 года (К 50-летию Международной гигиенической выставки) // Советское здравоохранение. – 1961. – № 12. – С. 84–87; Яровинский М.Я. Международная гигиеническая выставка 1911 г. в Дрездене и ее роль в развитии медицинского музейно-выставочного дела // Советское здравоохранение. – 1986. – № 9. – С. 75–77; Stein C. Organising the History of Hygiene at the Internationale Hygiene-Ausstellung in Dresden in 1911 // NTM Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin. – 2013. – Vol. 21. – № 4. – P. 355–387.

⁷⁵⁷ В литературе это мероприятие известно под названиями *Internationale Hygiene-Ausstellung Dresden 1930* и *II. Internationale Hygiene-Ausstellung Dresden*.

⁷⁵⁸ Шерстнева Е.В. Участие СССР в Международной гигиенической выставке 1930 г. в Дрездене (к 75-летию проведения) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2005. – № 5. – С. 57–59.

не имело столь большого значения для развития российского здравоохранения, как экспозиция на гигиенической выставке начала века.

Внимание историков медицины к вопросу участия СССР во Второй Международной гигиенической выставке в Дрездене пропорционально ее влиянию на развитие советского здравоохранения, то есть очень незначительно. Эта тема оказалась достаточно глубоко проработана в статье Е.В. Шерстневой, где проанализированы не только отчеты о выставке в советской печати, но и единичные документы из фонда Наркомздрава РСФСР в ГАР ⁷⁵⁹.

Участие СССР в гигиенической выставке 1930 г. является важным этапом информационного продвижения советского здравоохранения в мире. Выстраивая партнерские отношения с Веймарской Германией, СССР стремился не только к двустороннему сотрудничеству, но и к последовательной пропаганде достижений социалистической медицины на капиталистическом Западе. Медицина, игравшая роль индикатора цивилизованности и легитимизировавшая своими достижениями «бремя белого человека» в колониальном XIX в., в первой трети века двадцатого оставалась мощным орудием политического влияния. Частью этого влияния, несомненно, была советская экспозиция на Выставке в Дрездене в 1930 г.

Воссоздавая историю формирования и функционирования советской экспозиции, мы задаемся рядом важных вопросов. Во-первых, почему она была политической акцией? Какие открытые и имплицитные цели ставились перед советской экспозицией Наркомздравом РСФСР и советским руководством? Как эти цели переплетались с внешней политикой СССР того периода в Германии, других странах Европы и в США? Как реагировали на выставку немцы? Как реакция немецкой стороны отражала социально-политические процессы в Германии того периода? Как оценивала эффективность работы выставки советская сторона?

Время проведения Выставки во многом было переломным. Если в СССР был принят курс на коллективизацию и индуст-

⁷⁵⁹ Там же. – С. 59.

стриализацию, то в Германии усиливались националистические настроения и набирали силу национал-социалисты. Кроме того, в 1930 г. глобальный экономический кризис, уже оставивший глубокие экономические, социальные и культурные следы в обществе в целом, стал важным фактором при принятии стратегических решений в Германии, так как повлиял на нее гораздо сильнее, чем на другие страны Европы.

Решение о проведении международной гигиенической выставки в Дрездене было принято в конце 1927 г., когда началось строительство нового здания Музея гигиены в Дрездене. Сама выставка была приурочена к открытию музея. Общее руководство выставкой осуществлял директор гигиенического института Дрезденского технического университета Карл Зюпфле (*Karl Süpfle*, 1880–1942), но непосредственное научное руководство было поручено доктору Марте Френкель (*Marta Fraenkel*, 1896–1976). Она уже имела опыт создания научной концепции выставки по здравоохранению *GeSoLei* (аббревиатура от нем. *Gesundheit, soziale Fürsorge und Leibesübungen* – здоровье, социальное обеспечение и физические упражнения) в Дюссельдорфе в 1926 г.⁷⁶⁰ Дюссельдорфская выставка была организована при участии Музея гигиены в Дрездене⁷⁶¹.

Марта Френкель не отрицала связь с выставкой 1911 г., но объясняла новую научную концепцию Выставки 1930 г. тем, что за 20 лет политические условия сильно изменились, и развитие здравоохранения и науки тоже не стояло на месте. Социальная гигиена все еще оставалась актуальной темой, но, по ее словам, определить границы выставляемых тем было еще сложнее, чем раньше. Девизом Выставки 1930 г. стала именно личная гигиена, так как после Первой мировой войны люди стали уделять больше внимания физическим упражнениям и уходу за собственным телом⁷⁶².

⁷⁶⁰ Weinert S. Der Körper im Blick: Gesundheitsausstellungen vom späten Kaiserreich bis zum Nationalsozialismus. Der Körper im Blick. – Leipzig: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2017. – S. 101.

⁷⁶¹ Weindling P. Health, race, and German politics between national unification and Nazism, 1870–1945. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1993. – P. 413–414.

⁷⁶² Münch R. Von der Hygiene-Ausstellung zum Hygiene-Museum // Acta Medico-Historica Rigensia. – 1992. – № 1(20). – S. 74–97.

Значительная часть постоянной экспозиции дрезденского Музея гигиены была прямо или косвенно связана с евгеникой⁷⁶³. Главным экспонатом выставки был павильон «Человек» (*Der Mensch*) об анатомии и физиологии, созданный Музеем гигиены в Дрездене, и основной его задачей было образование широких слоев населения в сфере личной гигиены⁷⁶⁴.

Предварительная информация о проведении выставки стала доводиться до представительства Наркомздрава РСФСР в Германии с весны 1928 г.⁷⁶⁵. Актуальная информация по выставке оперативно переправлялась в Москву в Наркомздрав РСФСР заведующему отделом санитарного просвещения И. Д. Страшуну.

В начале 1929 г. Я. Р. Гольденберга на должности представителя Наркомздрава РСФСР в Германии сменил доктор С. И. Черномордик⁷⁶⁶. Поскольку официального решения СССР об участии в выставке принято не было, а организаторам выставки в Дрездене требовался определённый ответ, Черномордику оставалось только периодически повторять запросы директору ОБЗСИ В. В. Асаткиной⁷⁶⁷.

Решение о принципиальном согласии было принято после обращения германского посольства в Москве в Наркоминдел в феврале 1929 г.⁷⁶⁸. Уже весной 1929 г. под председательством директора Государственного института социальной гигиены

⁷⁶³ Weindling P. Health, race, and German politics between national unification and Nazism, 1870–1945. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1993. – P. 415.

⁷⁶⁴ Nau M. The holistic gaze in German medicine, 1890–1930 // Bulletin of the History of Medicine. – 2000. – Vol. 74. – № 3. – P. 510.

⁷⁶⁵ ГАРФ. Ф. А482, оп. 35, д. 325, л. 128. Письмо Представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я. Р. Гольденберга доктору И. Д. Страшуну от 11.01.1929; ГАРФ. Ф. А482, оп. 35, д. 325, л. 129. Копия письма Исполнительного директора Немецкого музея гигиены доктора Сейринга доктору Гольденбергу от 08.01.1929 (на нем.яз.).

⁷⁶⁶ Идельчик Х. И. Врачи-большевики С. И. Мицкевич и С. И. Черномордик у истоков Центрального музея Революции СССР (К 60-летию музея) // Советское здравоохранение. – 1984. – № 9. – С. 56–59.

⁷⁶⁷ ГАРФ. Ф. А482, оп. 35, д. 325, л. 127. Письмо Представителя Наркомздрава РСФСР в Германии С. И. Черномордика В. В. Асаткиной от 10.04.1929.

⁷⁶⁸ ГАРФ. Ф. А482, оп. 35, д. 325, л. 126. Копия письма В. В. Асаткиной представителю ОБЗСИ в Германии С. И. Черномордику от 19.04.1929; ГАРФ. Ф. А482, оп. 35, д. 326, л. 133. Копия письма Наркоминдел в Германское посольство в Москве от 06.02.1929; ГАРФ. Ф. А482, оп. 35, д. 326, л. 136. Копия письма Германского посольства в Москве в Наркоминдел от 09.01.1929 (на нем.яз.).

(далее – ГИСГ) А.В. Молькова была создана специальная комиссия, которая занялась подготовкой проекта для участия СССР в Выставке⁷⁶⁹. Секретарем комиссии был назначен врач-психиатр и заведующий отделом в Главном санитарном управлении РККА доктор А.О. Эдельштейн⁷⁷⁰.

Несмотря на предварительное согласие Советского Союза, правительственного решения об участии в Дрезденской выставке к лету 1929 г. еще не было. В мае 1929 г. участие СССР в выставке было признано необходимым на заседании Коллегии Наркомздрава РСФСР⁷⁷¹. К заседанию коллегии был представлен следующий План советского павильона на Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1930 г.:

1. Введение: быт и труд народов СССР.

1. Крайний Север (малые вымирающие народности).

2. Закавказье, Крым, Средняя Азия, Украина, Волжско-Каспийский район.

3. Индустриальные районы: Урал, Донбасс.

Примечание: Экспозиция должна на фоне декоративно-этнографическом показать общие предпосылки здравоохранения по районам.

Экспонаты: Натуральные предметы, характер, район (меха, ковры), кустарные изделия и тому подобное. В центре статуя Ленина на пьедестале с барельефом, показывающим этапы развития СССР. Статуя – диаграмма возрастного, полового и национального состава народов СССР.

II. Содержание санитарного просвещения.

1. Организация здравоохранения:

- а) система советской медицины,*
- б) санитарное состояние СССР,*
- в) борьба с эпидемиями,*
- г) борьба с социальными болезнями,*
- д) лечебная сеть.*

⁷⁶⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.325, л.119. Копия письма А.О. Эдельштейна в Дирекцию Международной гигиенической выставки от 07.06.1929 (на нем.яз.).

⁷⁷⁰ Там же.

⁷⁷¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.131. Выписка из протокола № 31 заседания Коллегии Наркомздрава 24.05.1929.

2. Проблемы коллективной жизни:

- а) жилищная санитария,
- б) народное питание.

3. Труд:

- а) охрана труда,
- б) социальное страхование.

4. Забота о смене:

- а) охрана материнства и младенчества,
- б) охрана здоровья детей,
- в) физкультура.

III. Организация санитарного просвещения, места приложения и движущие силы:

1. история санитарного просвещения в СССР.

2. организация санитарного просвещения, сеть учреждений, итоги работы.

3. Типы учреждений:

- а) дома санитарного просвещения,
- б) музеи-выставки,
- в) вагоны-выставки, фургоны,
- г) передвижки, витрины, доски здоровья.

4. Места приложения:

- а) рабочие клубы и красные уголки,
- б) избы-читальни,
- в) лечебные заведения, аптеки.

6. Аудитория:

- а) пионеры,
- б) молодежь,
- в) женщины,

7. Кадры работников.

8. Методы и формы работы:

- а) наглядные пособия (макеты, муляжи, плакаты, диапозитивы и прочее),
- б) печатное слово (брошюры, листовки, лозунги, журналы, стенгазеты, рецепты),
- в) разные формы (игры, посуда)⁷⁷².

⁷⁷² ГАРФ. Ф.А482, оп.1, д.641, л.85–85об. План советского павильона Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1930 г.

Судя по содержанию этого плана, его автором был руководитель отдела санитарного просвещения Наркомздрава РСФСР И.Д. Страшун. Хотя в этом плане экспозиция и имела политический посыл, в основном она задумывалась как демонстрация советского санитарного просвещения.

В июне того же года коллегии Наркомтруда СССР и Наркомздрава РСФСР обратились с соответствующим ходатайством в Совнарком СССР⁷⁷³. До решения Совнаркома о создании Всесоюзного выставочного комитета и выделения соответствующих средств при Наркомздраве РСФСР было создано рабочее бюро в составе А.В. Молькова, И.Д. Страшуна, Я.Р. Гольденберга (после возвращения из Германии ставшего руководителем медицинского издательства), А.О. Эдельштейна и директора музея охраны труда и социального страхования О.Л. Кузнецова⁷⁷⁴.

Приглашая СССР на Выставку, германское посольство в Москве «от имени Правительства Германии» в январе 1929 г. подчеркнуло, что выставка будет носить культурно-научный характер, не имея целью охват всей отрасли здравоохранения, и что особый акцент будет сделан на вопросах гигиены, особенно на личной гигиене и физкультуре⁷⁷⁵. Организаторы Выставки обращали особое внимание на личную ответственность каждого за свое здоровье в то время, когда вся страна испытывает финансовые трудности и когда государство всеобщего благосостояния перегружено⁷⁷⁶.

Большинство иностранных участников Выставки создавали свои экспозиции, исходя, в первую очередь, из необходимости продвижения своих товаров и услуг (курорты, продукты питания, товары, имеющие отношение к гигиене) на зарубеж-

⁷⁷³ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.325, л.110. Копия письма В.В. Асаткиной представителям союзных республик в Москве от 21.06.1929.

⁷⁷⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.325, л.126. Копия письма В.В. Асаткиной представителю ОБЗСИ в Германии С.И. Черномордику от 19.04.1929.

⁷⁷⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.136. Копия письма Германского посольства в Москве в Наркоминдел от 09.01.1929 (на нем.яз.); ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.134. Копия вербальной ноты Германского посольства в Москве в Наркоминдел от 24.01.1929.

⁷⁷⁶ Weinert S. Der Körper im Blick: Gesundheitsausstellungen vom späten Kaiserreich bis zum Nationalsozialismus. Der Körper im Blick. – Leipzig: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2017.

ных рынках⁷⁷⁷. Но уже в июне 1929 г. в совместном обращении Наркомтруда СССР и Наркомздрава РСФСР участие в Выставке рассматривалось как «демонстрация успехов социалистического строительства за годы после октября и грандиозный размах пятилетнего плана», которое должно было «сыграть огромную политическую роль и оказать серьезное влияние не только на пролетарские массы, но и на радикальные круги интеллигенции на Западе»⁷⁷⁸.

Основными лозунгами советского павильона были выбраны следующие:

«СССР – страна Советов. СССР – страна строящегося социализма. Здоровье трудящихся – один из важнейших ресурсов страны».

«Пятилетний план великих работ несет с собой невиданные успехи по оздоровлению социального коллектива».

«Подлинное оздоровление трудящихся возможно только на базе широких и коренных социальных мероприятий, обеспечивающих высокий жизненный уровень трудящихся, и культурной революции, влекущих реконструкцию быта».

«Широкое развертывание самостоятельности трудящихся, обеспечиваемое системой советского государства, – это залог успеха начинаний по оздоровлению социального коллектива»⁷⁷⁹.

Таким образом, выставка строилась по принципу от общего к частному, то есть от коммунистической идеологии и советского строя к здоровью и здравоохранению. В подобной трактовке успехи советского здравоохранения преподносились как следствие общего государственного устройства СССР. Такой подход предполагал демонстрацию исключительно положительных сторон советской действительности и совершенно исключал показ объективной картины со всеми недостатками. В конце 1920-х гг. идеологическое давление на советское здравоохранение усилилось, и на международной арене решено было показывать

⁷⁷⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.325, л.93. Письмо отдела выставок и ярмарок Торгового представительства в Германии в ОБЗСИ Я.Р. Гольденбергу от 11.10.1929.

⁷⁷⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.125. Копия письма Наркомтруда СССР и Наркомздрава РСФСР в Совнарком СССР от 19.04.1929.

⁷⁷⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.96. Проспект Советского павильона на Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1930 г.

его «витрину». Эта модель была к тому времени уже отработана на примере другой «витринной» организации – Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (далее – ВОКС)⁷⁸⁰.

Практическая подготовка СССР к Выставке началась в ноябре 1929 г. после решения советского правительства (Постановление СНК СССР от 11 октября 1929 г.), когда был организован Комитет по организации Советского павильона на международной гигиенической выставке в Дрездене в 1930 г. (далее – Комитет) под председательством наркома Н. А. Семашко, и было арендовано помещение в международном павильоне⁷⁸¹. В качестве участников выставки в Постановлении СНК СССР были указаны Наркомздравы союзных республик, Наркомтруд СССР, Наркомвоенмор, Наркомпрос, ВСНХ, ВСФК, Исполкомы Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца⁷⁸².

Общее собрание всех участников выставки состоялось 3 ноября 1929 г. под председательством Н. А. Семашко. Были представлены доклады А. О. Эдельштейна о подготовительной работе временной комиссии по организации выставки и И. Д. Страшуна о примерной программе отдела СССР на Выставке. Программа была принята с небольшими замечаниями⁷⁸³.

13 ноября 1929 г. в помещении ГИСГ прошло заседание, на котором были представлены доклады Л. М. Лисицкого о художественном оформлении павильона и заведующих отделами Наркомздрава РСФСР о планах работ их отделов⁷⁸⁴. Через десять дней Н. А. Семашко провел заседание комитета выставки в своем кабинете на ул. Ильинка, где были утверждены художественный

⁷⁸⁰ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015.

⁷⁸¹ ГАРФ. Ф. А482, оп.35, д.325, л.87. Копия письма врио директора ОБЗСИ М. М. Эттингера в отдел Центральной Европы НКВД от 14.11.1929.

⁷⁸² ГАРФ. Ф. А482, оп.35, д.326, л.96–98. Проспект Советского павильона на Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1930 г.

⁷⁸³ ГАРФ. Ф. А482, оп.35, д.326, л.93–94. Протокол № 1 заседания Комитета по участию СССР в Международной гигиенической выставке от 03.11.1929.

⁷⁸⁴ ГАРФ. Ф. А482, оп.35, д.325, л.88–89. Телефонграмма секретаря Комитета международной гигиенической выставки в Дрездене А. О. Эдельштейна зав.отделами Наркомздрава РСФСР от 12.11.1929.

план павильона и план по отделам⁷⁸⁵. ГИСГ фактически стал штабом по подготовке к Выставке, так как И.Д. Страшун в это время был заместителем директора этого института.

Каждая группа разрабатывала экспонаты для своего раздела выставки. Например, ученый-гигиенист З.Г. Френкель готовил электрифицированную карту СССР с обозначением разноцветными лампочками городов с канализацией и очистными сооружениями сточных вод и центральных водопроводов⁷⁸⁶. Руководитель санитарно-эпидемиологического отдела Наркомздрава РСФСР А.Н. Сысин координировал участие в Выставке московских бактериологических и санитарно-гигиенических институтов Наркомздрава и Мосздрава⁷⁸⁷. Институт санитарной культуры готовил экспонаты по разделу санитарного просвещения⁷⁸⁸. После ухода Н.А. Семашко из Наркомздрава РСФСР работа по подготовке к выставке продолжилась уже под председательством нового наркома – М.Ф. Владимирского.

Работа выдающегося советского художника и архитектора Лазаря Марковича Лисицкого (Эль Лисицкий) на Выставке не была случайной. Он считал себя пионером по «оформлению политически ответственных выставок»⁷⁸⁹. Двумя годами ранее приоритетным проектом ВОКС был советский павильон выставки «Пресса» в Кельне, и его руководитель О.Д. Каменева лично помогала составить детальный план работ для команды из 60 художников во главе с Л.М. Лисицким. «Просветительская»

⁷⁸⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.325, л.86. Письмо председателя бюро выставкома Комитета международной гигиенической выставки в Дрездене И.Д. Страшуна В.В. Асаткиной от 20.11.1929.

⁷⁸⁶ Поддубный М.В. Международное сотрудничество Наркомата здравоохранения РСФСР в период 1920–1930 годов / М.В. Поддубный, И.В. Егорышева, А.В. Морозов // Вестник современной клинической медицины. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 76–77; Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 379–380.

⁷⁸⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.1, д.652, л.1–3. Протокол совещания Московских бактериологических и санитарно-гигиенических институтов Наркомздрава и Мосздрава от 09.12.1929 г. «Об участии институтов в Международной гигиенической выставке в гор. Дрездене».

⁷⁸⁸ РГАНТД. Ф. 178, оп. 1, д.16, л. 18, 19.

⁷⁸⁹ Канцедикас А.С. Эль Лисицкий. Фильм жизни. 1890–1941. Ч. 4. Литература об архитектуре. 1925–1931 / А.С. Канцедикас, З.Н. Яргина. – М.: Новый Эрмитаж – Один, 2004. – С. 24.

функция советской журналистики, активно проводящей политику партии, и ее способность участвовать в социалистическом строительстве в качестве идеологического «оружия» стали одной из главных тем кельнской выставки в 1928 г.⁷⁹⁰

Весной 1930 г. подготовка советской экспозиции к дрезденской выставке завершалась в следующем составе Комитета: председатель – нарком здравоохранения РСФСР М.Ф. Владимирский, зам. председателя – И.Д. Страшун, отв. секретарь – А.О. Эдельштейн, члены комитета – А.В. Мольков, О.Л. Кузнецов, Е.Н. Волконская (директор Института санитарной культуры), Я.Р. Гольденберг (член правления Госмедиздата), Я.И. Лифшиц (завбюро санпросветработы Наркомздрава Украины), З.Г. Френкель (профессор социальной гигиены, г. Ленинград), М.М. Эттингер (директор ОБЗСИ). Руководство группами по подготовке разделов выставки осуществлялось начальниками отделов Наркомздрава РСФСР, Наркомтруда СССР, директорами профильных институтов, сотрудниками Государственного института социальной гигиены и профессором З.Г. Френкелем (принимавшим участие в подготовке выставки в Дрездене еще в 1911 г.). Художественным руководителем советского павильона на выставке был назначен выдающийся советский художник и архитектор Лазарь Маркович Лисицкий (Эль Лисицкий), его помощником – врач К.В. Лапин⁷⁹¹.

В середине апреля 1930 г. Л.М. Лисицкий выехал в Германию для монтажа советских экспозиций на выставках в Лейпциге (Международная выставка пушнины) и Дрездене⁷⁹². Прибытие вагонов с экспонатами из Москвы задерживалось, но, по словам организаторов выставки, все иностранные участники не были пунктуальны, и подготовка советского павильона опережала

⁷⁹⁰ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – С. 450, 610.

⁷⁹¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.325, л.53–54. Комитет по организации Советского павильона на международной гигиенической выставке в Дрездене в 1930 г.

⁷⁹² Канцедикас А.С. Эль Лисицкий. Фильм жизни. 1890–1941. Ч. 4. Литература об архитектуре. 1925–1931 / А.С. Канцедикас, З.Н. Яргина. – М.: Новый Эрмитаж – Один, 2004. – С. 25.

другие страны⁷⁹³. Последние вагоны с экспонатами прибыли только 25 мая 1930 г., и к официальному открытию выставки 1 июня был готов только первый этаж павильона, т.е. отделы, рассчитанные на массового посетителя. Что касается экспонатов для научного отдела (второй этаж павильона), то они стали поступать только в июне, а литература прибыла лишь в конце августа⁷⁹⁴.

В апреле 1930 г. М.Ф. Владимирскому поступило приглашение в почетный комитет иностранных государств при Дрезденской выставке, которое он принял⁷⁹⁵. Лично присутствовать на открытии выставки 17 мая М.Ф. Владимирский не смог из-за «срочных государственных дел»⁷⁹⁶. В это время нарком находился в отпуске в Крыму⁷⁹⁷. Заведующим советским павильоном на Выставке был назначен И.Д. Страшун⁷⁹⁸. Вместе с А.О. Эдельштейном он выехал в Дрезден в начале мая 1930 г.⁷⁹⁹.

Мы не располагаем сведениями о том, почему нарком М.Ф. Владимирский не поехал в Дрезден, но, судя по сохранившимся документам, в июне 1930 г. он проявлял большой интерес к реакции немецкого общества на советский павильон. Германию он все-таки посетил, но только два года спустя – во время недели советской медицины в Берлине в 1932 г.⁸⁰⁰.

⁷⁹³ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.325, л.7–8. Письмо Л.М. Лисицкого из Дрездена в Наркомздрав РСФСР от 01.05.1930.

⁷⁹⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.387, л.3. Советский павильон на Международной гигиенической выставке 1930 года в Дрездене. Отчет И.Д. Страшуна от 05.12.1930.

⁷⁹⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.325, л.24. Копия письма сотрудника Объединенного представительства СОККиКП СССР в Германии и ОБЗСИ А.В. Бингера в ОБЗСИ от 07.05.1930; ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.325, л.38–39. Письмо Президиума Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1930 г. наркому М.Ф. Владимирскому от 17.04.1930 (на нем. языке).

⁷⁹⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.325, л.14. Текст телеграммы М.Ф. Владимирского в Президиум Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1930 г. от 16.05.1930.

⁷⁹⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.325, л.13. Телеграмма М.Ф. Владимирского из Мухалатки в Наркомздрав РСФСР от 16.05.1930.

⁷⁹⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.88. Копия приказа Наркомздрава РСФСР № 380 от 08.04.1930.

⁷⁹⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.327, л.2–3. Список командированных лиц за границу в 1929/30 г. на Дрезденскую выставку.

⁸⁰⁰ Космач В.А. Неделя советской медицины в Берлине // Советское здравоохранение. – 1987. – № 1. – С. 64–65.

Деятельность Наркомздрава РСФСР в конце 1920-х гг. проходила в постоянном «режиме экономии». Задача форсированной индустриализации требовала мобилизации всех источников ассигнований, увеличения производительности труда, режима жесточайшей экономии «непроизводственных секторов экономики» (в том числе здравоохранения). Тема экономии средств в здравоохранении в эти годы звучит во многих официальных документах и докладах. Еще в октябре 1929 г. Наркомфин СССР согласовал смету выставочного комитета в сумме 250 тыс. руб. (в том числе 100 тыс. руб. в иностранной валюте) из запрошенных Наркомздравом 393,8 тыс. руб.⁸⁰¹, но уже через месяц на заседании выставочного комитета нарком Н.А. Семашко жаловался на то, что «денег мало и положение нужно считать тревожным»⁸⁰².

В середине апреля на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) даже ставился вопрос об отказе участия СССР в дрезденской гигиенической выставке. Поскольку основная часть средств уже была израсходована, Политбюро разрешило принять участие в выставке, но велело уменьшить расходы в валюте⁸⁰³. Во исполнение этого решения Политбюро в конце апреля 1930 г., за месяц до открытия выставки, Совнарком СССР вновь потребовал принять меры по сокращению расходов в иностранной валюте, связанных с участием СССР в дрезденской гигиенической выставке⁸⁰⁴.

Официально Выставка была открыта 17 мая 1930 г., хотя большинство павильонов к этому времени не были готовы. Со стороны Советского Союза на открытии выступил Полномочный

⁸⁰¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.121. Копия письма Наркомфина СССР в Совнарком СССР от 07.10.1929.

⁸⁰² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.94. Протокол № 1 заседания Комитета по участию СССР в Международной гигиенической выставке от 03.11.1929.

⁸⁰³ РГАСПИ. Ф.17, оп.3, д.782, л.6. Протокол № 123 Заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 апреля 1930 г.

⁸⁰⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.325, л.29. Копия письма зам. наркома здравоохранения РСФСР Гончарова в Совнарком СССР от 05.05.1930.

представитель СССР в Германии Н.Н. Крестинский⁸⁰⁵. Советский павильон был открыт 1 июня 1930 г., так как в этот день на выставке состоялся «День социальной гигиены», и проводилось несколько конференций, благодаря чему появилась возможность пригласить на открытие видных деятелей социальной гигиены, здравоохранения и охраны труда⁸⁰⁶. На открытии павильона выступили директор советского павильона И.Д. Страшун, правительственный комиссар германского выставочного комитета и бывший министр внутренних дел Вильгельм Кюльц (*Wilhelm Külz*), первый секретарь советского посольства в Берлине И.Л. Лоренц, от имени Общества врачей-социалистов – Арнольд Голитчер (*Arnold Hollitscher*) из Чехословакии, а также доктор Родевальд (*Rodewald*) из Вальденбурга, посетивший СССР в 1929 г.⁸⁰⁷.

Советский павильон на Выставке занимал внушительную площадь более чем в 1 000 кв. м (не считая площади научного отдела для специалистов и справочного бюро). Приоритет идеологии и пропаганды над собственно гигиеническим содержанием экспозиции прослеживается в самом расположении отделов советского павильона⁸⁰⁸. Исходя из логики плановой экономики, экспозиция открывалась отделом пятилетки, четко намечавшим цели развития, создававшим установку на неумолимое достижение запланированного. Затем шел отдел труда, иерархически закреплявший главный догмат советского социализма во главе всей экспозиции. Затем, как иллюстрация социальной направленности советского государства, следовали отделы социального страхования и социального обеспечения. Собственно отдел здравоохранения помещался ближе к середине экспозиции, что, по-видимому, символизировало осевую идею всей выставки. С другой стороны, размещение здравоохранения в «сердцевинной» части павильона подчеркивало внутренний смысл иерархии – все целевые установки, то есть «рацио» всей экспозиции,

⁸⁰⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.62. Конспект речи т. Крестинского на открытии гигиенической выставки в Дрездене.

⁸⁰⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.387, л.1. Советский павильон на Международной гигиенической выставке 1930 года в Дрездене. Отчет И.Д. Страшуна от 05.12.1930.

⁸⁰⁷ Там же, л.2.

⁸⁰⁸ Там же, л. 3–8.

задавались описанной выше «головной» частью, а здравоохранение тематически скрепляло ее элементы, выступая в качестве «души», пронизывающей весь организм выставки. Без этого посетителям, незнакомым с советскими реалиями, части экспозиции могли показаться разнородными. Завершался советский павильон отделом Интуриста, своеобразным приглашением посетить СССР, чтобы увидеть все своими глазами. Научный отдел располагался отдельно на галерее, что, с одной стороны, подчеркивало важность научного компонента через его вынесение за пределы павильона. С другой стороны, большевики всегда отдавали приоритет именно практике, а науку считали вспомогательным звеном управления.

В отчете о работе советского павильона его директор И.Д. Страшун писал, что «вестибюль с его экспонатами являлся подтверждением основного лозунга, что подлинное оздоровление трудящихся возможно только на базе коренных социально-экономических мероприятий и культурной революции быта»⁸⁰⁹. Таким образом, в оформлении павильона доминировала политическая пропаганда, а не специальные вопросы гигиены и здравоохранения. Визуальное представление интерьеров павильона дает официальный иллюстрированный путеводитель, изданный во время проведения Выставки⁸¹⁰.

Если рассматривать советскую экспозицию на Выставке с точки зрения когнитивно-институционального подхода, то мы увидим, что выступавший в качестве основного актора описываемого взаимодействия Наркомздрав РСФСР выбрал в качестве основной стратегии пропаганду достижений плановой экономики, в которой здравоохранение играло хоть и важную, но все же сугубо инструментальную роль, обеспечивая растущий «организм» советской индустрии здоровыми рабочими ресурсами. Иерархически выстроенная смысловая концепция выставки, в которой собственно тема гигиены шла если не подголоском, то уж точно вторым голосом, символизировала стре-

⁸⁰⁹ Там же, л.4.

⁸¹⁰ UdSSR: Sowjetpavillon auf der internationalen Hygiene-Ausstellung Dresden 1930: Führer durch den Pavillon der Union der Sozialistischen Sowjet-Republiken. – Dresden, 1930.

мительный рывок СССР из статуса вечно догоняющей Европу аграрной страны в ряды мировых индустриальных держав. Это, по-видимому, и было центральным посылом всей экспозиции, показывающим, что двигателем прогресса в области гигиены в СССР было государство с его четким планом трансформации всей социально-экономической системы. Таким образом, на выставке Наркомздрав РСФСР отчасти терял свою субъектность в качестве социального института, работая скорее на пропаганду советской государственной политики, чем на информирование зарубежной общественности о собственных гигиенических достижениях. Оставаясь в нарративе экспозиции важным, но сугубо инструментальным объектом, Наркомздрав РСФСР создавал на выставке когнитивно-институциональную квазиструктуру, полностью подчиненную социальной реальности сталинского «большого скачка». В ней достижения государственной политики и собственно социалистического здравоохранения находились в вынужденно компромиссных отношениях – при безусловном превалировании политической пропаганды совсем потерять гигиеническое содержание было нельзя во избежание обвинений в агитации, но медицинскую составляющую буквально «размазывали» по обширному советскому павильону.

С точки зрения дизайна советскую экспозицию на Выставке отличала свободная планировка выставочного зала с живописной пространственной структурой центрального стенда, открытой сценой и местами для зрителей, расположенными непосредственно в выставочном пространстве. Для показа экспонатов использовалось пространство потолка. В качестве малой формы-символа Л.М. Лисицкий взял аптечный киоск. Также он применил находку, разработанную в фотограммах, – прочерченный ритм контрастных световых пятен в вечернем освещении павильона. Оформление вечернего фасада павильона было построено по принципу противопоставления позитивных и негативных фотографических изображений, создавая иллюзорное пространство и как бы удваивая размеры павильона⁸¹¹. Работ-

⁸¹¹ Канцедикас А.С. Эль Лисицкий. Фильм жизни. 1890–1941. Ч. 5. Большая бесчувственность. 1932–1941 / А.С. Канцедикас, З.Н. Яргина. – М.: Новый Эрмитаж – Один, 2005. – С. 45.

ники павильона подчеркивали его «динамический принцип»: бумажные материалы были заменены стеклом, деревом и металлом; а постоянный и перебегающий электрический свет, шум моторов экспонатов должны были создавать «особенное настроение бодрости, непрерывного движения»⁸¹².

Одним из новаторских дизайнерских проектов Л.М. Лисицкого по эргономическому построению жилой площади, комплексной организации жилища, разработки встроенной и трансформируемой мебели был интерьер «образцовой комнаты» со встроенной мебелью, рассчитанной на сочетание в одном помещении ряда жизненных функций⁸¹³.

Эмблемой советской экспозиции на Выставке стал один из наиболее удачных, по мнению А. Канцедикаса и З. Яргиной (исследователей творчества художника), фотомонтажей Л.М. Лисицкого – молодой рабочий, в фигуру которого вписан земной шар. В ее основу была положена фотография А. Шайхета, на которой запечатлен момент сварки каркаса земного шара на фасаде Московского телеграфа. В трактовке Л.М. Лисицкого этот образ стал символом энергии и созидания⁸¹⁴.

Советский павильон работал 135 дней – с 1 июня по середину октября и, по оценкам его директора, принял более 500 тысяч человек. Для проведения экскурсий по павильону был нанят опытный работник агитпропа, член Германской коммунистической партии, рекомендованный советским торгпредством, а также 24 командированных для работы на Выставке советских специалиста и 24 работника санпросвета, прибывшие на экскурсию по выставке⁸¹⁵. Были организованы доклады советс-

⁸¹² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.387, л.9. Советский павильон на Международной гигиенической выставке 1930 года в Дрездене. Отчет И.Д. Страшуна от 05.12.1930.

⁸¹³ Канцедикас А.С. Эль Лисицкий. Фильм жизни. 1890–1941. Ч. 4. Литература об архитектуре. 1925–1931 / А.С. Канцедикас, З.Н. Яргина. – М.: Новый Эрмитаж – Один, 2004. – С. 54; Канцедикас А.С. Эль Лисицкий. Фильм жизни. 1890–1941. Ч. 5. Большая бесчувственность. 1932–1941 / А.С. Канцедикас, З.Н. Яргина. – М.: Новый Эрмитаж – Один, 2005. – С. 46.

⁸¹⁴ Канцедикас А.С. Эль Лисицкий. Фильм жизни. 1890–1941. Ч. 5. Большая бесчувственность. 1932–1941 / А.С. Канцедикас, З.Н. Яргина. – М.: Новый Эрмитаж – Один, 2005. – С. 46.

⁸¹⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.327, л.2–3. Список командированных лиц за границу в 1929/30 г. на Дрезденскую выставку; ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.387, л.9–10. Совет-

ких специалистов: директор музея охраны труда и социального страхования О.Л. Кузнецов прочитал лекцию об охране труда в СССР, руководитель санитарно-эпидемиологической секции Наркомздрава РСФСР А.Н. Сысин – о санитарном состоянии Советского Союза, Р.Е. Яхнина – об охране материнства и младенчества в СССР⁸¹⁶.

Так как прикомандированные к советскому павильону сотрудики прибывали поздно и большими группами, основные пояснения посетителям лично давал его директор И.Д. Страшун⁸¹⁷. С ним побеседовали более 250 немцев и других европейцев, а кроме того, единичные гости из Северной и Южной Америки, Азии и Австралии⁸¹⁸. Большинство специалистов приходили за разъяснениями после ознакомления с научной литературой, задавая совершенно конкретные вопросы. В отчете о работе советского павильона И.Д. Страшун отмечал, что в основном отмечался искренний интерес к СССР, но попадались и враждебно настроенные посетители, считавшие, что экспозиция является «потемкинской деревней» и ни в коей мере не соответствует действительности⁸¹⁹.

Пропагандистская работа сотрудииков советской экспозиции на Выставке не ограничивалась стенами советского павильона. И.Д. Страшун писал наркому М.Ф. Владимирскому, что публичные выступления также «имеют большое политическое значение», особенно для опровержения критики советского здравоохранения⁸²⁰. 3 июля 1930 г. в помещении Гигиенического института Берлинского университета на заседании Общества связи между заграничными врачами и врачами СССР И.Д. Страшун выступил с докладом «Медицинское образование в Советс-

ский павильон на Международной гигиенической выставке 1930 года в Дрездене. Отчет И.Д. Страшуна от 05.12.1930.

⁸¹⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.387, л.12. Советский павильон на Международной гигиенической выставке 1930 года в Дрездене. Отчет И.Д. Страшуна от 05.12.1930.

⁸¹⁷ Там же, л. 23–24.

⁸¹⁸ Там же, л. 13–14.

⁸¹⁹ Там же, л. 15.

⁸²⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.23–24об. Письмо И.Д. Страшуна из Дрездена наркому М.Ф. Владимирскому от 10.07.1930. – С. 24об.

ком Союзе»⁸²¹. И в этом же месяце он выезжал в Лейпциг для доклада «Организация и развитие советской медицины» в Институте истории медицины⁸²². В письме в Наркомздрав РСФСР И.Д. Страшун писал, что значительная часть аудитории была настроена к СССР негативно, но директор института проф. А. Сигерист (которого автор письма назвал «белой вороной среди черной профессуры») положительно оценил успехи советского здравоохранения⁸²³. Во время проведения Выставки И.Д. Страшун также выезжал в Чехословакию по приглашению местного общества «Международная рабочая помощь» (Межрабпом, *Arbeiterhilfe*), где в г. Теплице прочитал двухчасовой доклад «Социальная гигиена и охрана здоровья трудящихся в СССР»⁸²⁴.

Из-за отсутствия подготовленных экскурсоводов, чехарды с помощниками и постоянных командировок И.Д. Страшун выбился из сил и жаловался в Наркомздрав в июле 1930 г., что «на этой проклятой выставке <...> потерял здоровье» и мечтает только об одном, «когда придет кто-нибудь меня замещать»⁸²⁵. В качестве помощника он просил оставить «знающего выставку <...> работягу», врача и художника К.В. Лапина, и не присылать «командиров и старых брюзг»⁸²⁶, а также требовал разрешить приезд жены в Дрезден. В итоге все его требования Наркомздравом были выполнены.

По всей видимости, И.Д. Страшун сгущал краски, чтобы показать руководству Наркомздрава свою перегруженность и важность своей работы. В Дрездене в это время находилась

⁸²¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.47. Письмо сотрудника Объединенного представительства Красного Креста и ОБЗСИ в Германии А.В. Бингера директору ОБЗСИ М.М. Эттингеру от 04.07.1930.

⁸²² Hutchinson J.F. Dances with Commissars: Sigerist and Soviet Medicine // Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 230.

⁸²³ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.12. Письмо И.Д. Страшуна из Дрездена от 17.07.1930; ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.17. Письмо И.Д. Страшуна из Дрездена наркому М.Ф. Владимирскому от 17.07.1930.

⁸²⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.387, л.13. Советский павильон на Международной гигиенической выставке 1930 года в Дрездене. Отчет И.Д. Страшуна от 05.12.1930.

⁸²⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.13. Письмо И.Д. Страшуна из Дрездена от 17.07.1930.

⁸²⁶ Там же.

группа аспирантов ГИСГ. Один из аспирантов, М.Я. Мирский, позднее вспоминал, что в течение двух-трех недель их пребывания на Выставке он почти ежедневно с ними занимался, знакомил с достопримечательностями города, включая и знаменитую Дрезденскую картинную галерею, и читал «фактически лекции по истории мирового искусства»⁸²⁷.

Вопрос о будущем советского павильона стал обсуждаться еще за три месяца до закрытия Дрезденской выставки – летом 1930 г. представитель ВОКС в Великобритании В.Н. Половцева предлагала перевезти советскую экспозицию с Выставки в Лондон⁸²⁸. В середине октября 1930 г. ВОКС официально обратился в Наркомздрав РСФСР с вопросом об использовании части экспонатов советского павильона на выставке ВОКС в Нью-Йорке⁸²⁹. Но нарком М.Ф. Владимирский ответил председателю ВОКС Ф.Н. Петрову категорическим отказом⁸³⁰. В дальнейшем Ф.Н. Петров отказался от планов отправки экспонатов советского павильона Выставки в Америку якобы в связи с продлением работы дрезденской выставки еще на год⁸³¹.

Немецкая пресса уделила достаточно большое внимание советскому павильону на Выставке. По данным И.Д. Страшуна, в немецких газетах было размещено около 60 статей о советской экспозиции. Из них 26 (вырезки и выписки из газет на немецком языке, их переводы на русский) представлены в фондах ОБЗСИ Наркомздрава РСФСР (Ф. А482, оп. 35).

Работа выставки совпала по времени с двумя предвыборными политическими кампаниями – выборами в саксонский

⁸²⁷ Лотова Е.И. И.Д. Страшун. – М.: Медицина, 1979. – С. 25.

⁸²⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.48об. Письмо И.Д. Страшуна из Берлина наркому М.Ф. Владимирскому от 04.07.1930.

⁸²⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.4. Письмо Председателя ВОКС Ф.Н. Петрова наркому М.Ф. Владимирскому от 13.10.1930; ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.5 Письмо члена правления ВОКС В.Н. Сахарова и зав.отделом выставок ВОКС А. Ешукова И.Д. Страшуну от 13.10.1930.

⁸³⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.3. Копия письма наркома М.Ф. Владимирского председателю ВОКС Ф.Н. Петрову от 18.10.1930.

⁸³¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.2. Письмо Председателя ВОКС Ф.Н. Петрова наркому М.Ф. Владимирскому от 24.10.1930.

ландтаг и парламентскими выборами в рейхстаг. Это политическое напряжение передалось реакции немецкой прессы на советскую экспозицию, а также на содержание записей в книге отзывов посетителей советского павильона. По хронологии эти публикации можно разделить на три периода.

В первый период (начало июня 1930 г., сразу после открытия советского павильона) дрезденские и некоторые берлинские газеты отметили исключительно художественные достоинства павильона. Но рекламно-агитационные цели создателей советского павильона показались слишком очевидными немецким обозревателям и привели к подозрению, что в нем «нет ничего действительного, а только желательное и предполагаемое»⁸³². С другой стороны, коммунистическая пресса Германии отнеслась к павильону очень благосклонно.

Основная часть вырезок и выписок из газет в фондах ОБЗСИ Наркомздрава РСФСР относится именно к этому периоду. Директор советского павильона И.Д. Страшун оперативно информировал наркома М.Ф. Владимирского, что же именно пишут местные газеты об экспозиции.

В первую очередь немецкая пресса отметила оригинальный дизайн советского павильона: «Первое впечатление – просто невероятное. Технологии, использованные при создании павильона, его отделы и расположение были превосходными. Воображение поразила и современная структура павильона, в которой чередовались яркие цветные плакаты и листовки, а также современные черно-белые изображения. Несмотря на видимый акцент на современность павильона, вестибюль выглядит единообразно и очень привлекательно с художественной точки зрения»⁸³³. Немецкий обозреватель газеты «*Dresdner Nachrichten*» быстро определил авторский стиль Л.М. Лисицкого: «Сразу же напрашивается сравнение этого советского павильона с павильоном СССР на Международной выставке печати в Кельне». Вместе

⁸³² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.387, л.19. Советский павильон на Международной гигиенической выставке 1930 года в Дрездене. Отчет И.Д. Страшуна от 05.12.1930.

⁸³³ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.388, л.11. Перевод заметки из газеты «Дрезднер нахрихтен» («*Dresdner Nachrichten*», Дрезден) от 2 июня 1930 г.; ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.388, л.14. Вырезка из газеты «Дрезднер нахрихтен» («*Dresdner Nachrichten*», Дрезден) от 2 июня 1930 г. (на нем. языке).

с тем у автора заметки появились сомнения в достоверности представленных материалов: «Однако за блестящим внешним оформлением павильона, к сожалению, кроется мало правдивой информации». Но и главный посыл павильона тоже был на поверхности: «Пропаганда и еще раз пропаганда – вот главная идея советско-российских выставок в Кельне и Дрездене»⁸³⁴.

Другая дрезденская газета – «*Dresdner Neueste Nachrichten*», цитируя слова из речи доктора В. Кюльца на открытии павильона, подчеркивала вторичный характер советского здравоохранения, тем самым превознося немецкую культуру: «СССР очень многому научился у Западной Европы, и <...> при этом СССР многим обязан прежде всего немецкой науке». Ее корреспондент также не поверил информации советского павильона: «Советская Россия показывает то, что она хочет показывать, но не то, как обстоит ситуация на самом деле, и вовсе не то, как она должна обстоять»⁸³⁵.

Второй период (вторая половина июня 1930 г.) совпадает с открытием иностранных экспозиций, и это привело немецких наблюдателей к сравнению советского павильона с иностранными. С одной стороны, берлинская газета «*Welt am Abend*» отмечала идейную целостность советской экспозиции, ее концептуальность⁸³⁶, но с другой, большинство газет обращало внимание на упор павильона на политико-пропагандистские задачи, а не на вопросы гигиены и здравоохранения⁸³⁷.

После открытия иностранных павильонов берлинская газета «*Neue Berliner Zeitung*» сравнила советский павильон с американским: «В советском павильоне посетителей выставки ждал настоящий сюрприз. Издалека можно было подумать, что это,

⁸³⁴ Там же.

⁸³⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.387, л.63. Выписка из газеты «Дрезднер нойсте нахрихтен» («*Dresdner Neueste Nachrichten*», Дрезден) от 3 июня 1930 г. (на нем. языке); ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.388, л.26. Вырезка из газеты «Дрезднер нойсте нахрихтен» («*Dresdner Neueste Nachrichten*», Дрезден) от 3 июня 1930 г. (на нем. языке); ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.388, л.30. Перевод заметки из газеты «Дрезднер нойсте нахрихтен» («*Dresdner Neueste Nachrichten*», Дрезден) от 3 июня 1930 г.

⁸³⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.26. Выписка из газеты «Вельт ам Абенд» («*Welt am Abend*» г. Берлин) от 5 июня 1930 года (на нем. языке).

⁸³⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.387, л.20. Советский павильон на Международной гигиенической выставке 1930 года в Дрездене. Отчет И.Д. Страшуна от 05.12.1930.

наверное, американский павильон, ведь только Америка может позволить себе такую рекламу. На создание этого павильона наверняка было выделено много средств. Тем более удивительным кажется тот факт, что Россия позволила себе построить здесь эту «потемкинскую деревню»⁸³⁸. В условиях мирового экономического кризиса, массовой безработицы и снижения жизненного уровня населения стран Европы «витрина со всеми блюдами русской кухни, огромные банки икры, фрукты и сладости из СССР» вызывали недоумение, особенно на фоне неофициальной информации, что «Советская Россия голодает»⁸³⁹.

Третий период интереса немецкой прессы к советскому павильону на Выставке приходится на голосование по выборам в рейхстаг (14 сентября 1930 г.), когда ряд газет использовал критику советской экспозиции в предвыборной кампании. Издания антикоммунистической направленности указывали, что советский павильон сорвал с себя маску и откровенно перешел к политической пропаганде, причем показывает вещи, не имеющие никакого отношения к гигиене, а только к мировой революции и пропаганде коммунизма. Некоторые фашистские газеты даже предлагали удалить советский павильон с выставки⁸⁴⁰.

Дирекция советского павильона это внимание расценивала как рекламу и привлечение дополнительного внимания к экспозиции. Учитывая его явно провокационный характер, игнорирование павильона и замалчивание в прессе было бы гораздо тяжелее воспринято его организаторами.

В этом контексте общедоступная гостевая книга (*öffentlich ausliegendes Gästebuch*) советского павильона на Выставке стала продолжением арены политической борьбы поляризованного общества Германии: в ней присутствовали как профашистские, так и прокоммунистические лозунги⁸⁴¹.

Например, начальник управления здравоохранения округа Нойкельн (Берлин) Рихард Шминке (*Richard Schminke*), посетив-

⁸³⁸ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.387, л.72. Выписка из газеты «Нойе берлинер цайтунг» («Neue Berliner Zeitung», г. Берлин) от 14 июня 1930 г. (на нем. языке).

⁸³⁹ Там же.

⁸⁴⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.387, л.20. Советский павильон на Международной гигиенической выставке 1930 года в Дрездене. Отчет И.Д. Страшуна от 05.12.1930.

⁸⁴¹ Там же, л. 18.

ший СССР в 1929 г., оставил следующий отзыв: «То, что можно увидеть в советском павильоне, — это лишь малая часть всех советских достижений в области здравоохранения. Только фанатичный враг рабочих может это отрицать»⁸⁴². Другой прокоммунистически настроенный посетитель павильона оставил такой анонимный комментарий: «Для каждого немецкого рабочего это должно означать: “Вперед, в духе Ленина! За советскую Германию!”»⁸⁴³.

Наряду с восторженными отзывами книга содержит и осторожные критические отклики: «То, что мы видим в этом павильоне, резко отличается от того, что рассказывают нам путешественники и что пишут в газетах журналисты»⁸⁴⁴, или: «На гигиенической выставке больше нет таких сумбурных и запутанных павильонов, как этот. Необходимо повесить таблички с разъяснениями»⁸⁴⁵.

Еще одна часть посетителей павильона оставили на страницах гостевой книги беспощадную критику всего советского государства, хотя и признавали художественные достоинства в оформлении павильона: «Почему так много крестьян сбежало из страны, которая представляет на всеобщее обозрение такой “великолепный” павильон? То, о чем Вы здесь рассказываете, не имеет никакого отношения к социальному росту»⁸⁴⁶, «Россия только и делает, что показывает свои социалистические достижения, однако при этом не стоит забывать о том, что рабочие часами стоят в очередях перед магазинами, держа в руках продуктовые карточки на мясо и хлеб»⁸⁴⁷, «Это все ложь и обман. Всем посетителям морочат голову. Современная Россия — это страна крайней нужды и упадка»⁸⁴⁸.

Изучение архивов Наркомздрава РСФСР приводит к выводу, что деятельность советского павильона была направлена на

⁸⁴² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.387, л.52. Выписки из общедоступной гостевой книги (на нем. языке).

⁸⁴³ Там же, л. 54.

⁸⁴⁴ Там же.

⁸⁴⁵ Там же, л. 57.

⁸⁴⁶ Там же, л. 54.

⁸⁴⁷ Там же, л. 57.

⁸⁴⁸ Там же, л. 56.

самое себя. При международном характере Выставки советский павильон был «полупроницаем» для окружающих: он был источником исключительно советской пропаганды, а внутрь его поступала информация о реакции немцев на эту пропаганду. Сведения о немецкой и иностранной частях Выставки (новых теориях, методах, технологиях и практиках) в документах по проведению Выставки практически отсутствуют, что, вероятно, было следствием узости задач, поставленных перед дирекцией советского павильона.

Сведения о передовых разработках в области здравоохранения и гигиены собирались другими советскими врачами, командированными на Выставку и в другие города Германии. После ознакомления с немецкой системой здравоохранения эти врачи в служебных отчетах выходили с рядом предложений по использованию немецких новаций в советской практике. Например, старший санитарный врач из Московской области С.Л. Лившиц отмечал, что «в первую очередь должен быть поставлен вопрос об организации санитарной милиции»⁸⁴⁹. Другой санитарный врач из Москвы, С.Н. Залманзон, не надеялся на резкое увеличение инвестиций в санитарную деятельность и обращал на Выставке внимание не на дорогостоящую приточную вентиляцию, а на устройство простой системы фрамуг с обогревом от батарей отопления⁸⁵⁰. Как и С.Л. Лившиц С.Н. Залманзон предлагал заимствовать немецкий опыт санитарной милиции для более эффективной работы санитарных врачей⁸⁵¹.

Обнаруженные в фондах ОБЗСИ Наркомздрава РСФСР аналитические документы позволяют предположить, что руководство ведомства получало полный спектр мнений о реакции немецкого общества на деятельность советского павильона на Выставке. Многие из них, например выписки из гостевой книги, не переведены на русский язык, так как нарком здравоохранения М.Ф. Владимирский, получивший медицинское образова-

⁸⁴⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.28, д.1, л.44. Отчет о заграничной командировке на 14 дней для изучения международной гигиенической выставки в Дрездене старшего санврача и зам. зав. Райздравом Замсовета доктора Лившица С.Л. (10.11.1930).

⁸⁵⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.28, д.1, л.53. Отчет командировке на Дрезденскую выставку санитарного врача Краснопресненского района доктора Залманзона.

⁸⁵¹ Там же, л. 53об.

ние в Германии, свободно им владел⁸⁵². Он регулярно получал от ОБЗСИ свежую немецкую литературу, а некоторые письма И.Д. Страшуна М.Ф. Владимирскому на русском языке изобилуют вставками немецких слов и выражений⁸⁵³.

Особенностью материалов ОБЗСИ Наркомздрава РСФСР по анализу освещения немецкой прессой работы советского павильона также является «деперсонафикация» при переводе на русский язык газетных заметок. Например, в статье берлинской газеты *«Berlin am Morgen»* о советском павильоне была помещена фотография Л.М. Лисицкого и процитирована часть разговора с И.Д. Страшуном⁸⁵⁴. Но в официальном отчете о работе советского павильона на Выставке Страшун ни свою фамилию, ни фамилию Лисицкого не упоминает.

Выставки здоровья пережили настоящий бум в Германской империи и Веймарской республике в первой половине XX в. Они были немецкой версией Всемирной выставки и до начала Второй мировой войны привлекали миллионы посетителей. Цель их организаторов состояла в том, чтобы повлиять на поведение населения, связанное со здоровьем, путем распространения знаний и эмоционального отношения к ним. Для этого они собрали большое количество разнородных акторов на выставках, ориентиром которых было здоровье немецкого населения⁸⁵⁵.

Вместе с тем Выставка 1930 г. по сравнению с ее предшественниками была не столь финансово успешной, а ее повтор

⁸⁵² Баткис Г.А. Выдающийся деятель советского здравоохранения Михаил Федорович Владимирский // Вопросы советского здравоохранения: (Статьи и речи М.Ф. Владимирского). – Москва: Медгиз, 1960. – С. 7.

⁸⁵³ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.326, л.48. Письмо И.Д. Страшуна из Берлина наркому М.Ф. Владимирскому от 04.07.1930.

⁸⁵⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.388, л.28. Вырезка из газеты "Берлин ам Морген" («Berlin am Morgen», г. Берлин) от 3 июня 1930 г. (на нем. языке); ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.388, л.7–10. Перевод заметки из газеты "Берлин ам Морген" («Berlin am Morgen», г. Берлин) от 3 июня 1930 г.

⁸⁵⁵ Weinert S. Der Körper im Blick: Gesundheitsausstellungen vom späten Kaiserreich bis zum Nationalsozialismus. Der Körper im Blick. – Leipzig: Walter de Gruyter, 2017; Osten P. Hygieneausstellungen: Zwischen Volksbelehrung und Vergnügungspark // Deutsches Ärzteblatt. – 2005. – Vol. 102. – № 45. – S. 3085–3088.

в 1931 г. обернулся полным провалом. На фоне финансовых трудностей и выплаты репараций после конца Первой мировой войны, которые привели к кризису государства всеобщего благосостояния в Веймарской республике, организаторы сделали акцент на «личной ответственности каждого за свое здоровье»⁸⁵⁶.

Подготовка советского павильона проходила на фоне смены руководства и политики Наркомздрава РСФСР, но уход Н.А. Семашко и назначение М.Ф. Владимирского на пост наркома не оказали заметного влияния на идеологическое содержание советской экспозиции. Экспозиция СССР на Выставке с самого начала планировалась как политическая акция на международной арене и стала в итоге политическим событием, а не специализированным мероприятием в области гигиены⁸⁵⁷.

Смысловая концепция павильона была построена на противопоставлении «прогрессивного» советского здравоохранения охране здоровья в «отсталой» царской России. Поэтому дореволюционное наследие русской гигиенической мысли сознательно отсекалось, а вместе с ним и имена добившихся мировой известности основоположников русской научной гигиены. Еще в большей степени это касалось ученых, эмигрировавших из Советской России. Строя новые символы величия, страна победившего пролетариата не нуждалась в авторитетах царского периода. На повестке дня стояла иная задача – зафиксировать прогресс государственной политики централизации и контроля, привлечь сочувствующих и поразить воображение критиков. Добиться этого удалось лишь отчасти.

Как указывает М. Дэвид-Фокс, учитывая серьезное давление со стороны партийного руководства, советские аппаратчики и интеллектуалы все зарубежные акции оценивали как успешные, и Выставка в Дрездене в 1930 г. не стала исключением⁸⁵⁸. Как отечественные, так и зарубежные обозреватели отмечали доми-

⁸⁵⁶ Weinert S. Der Körper im Blick: Gesundheitsausstellungen vom späten Kaiserreich bis zum Nationalsozialismus. Der Körper im Blick. – Leipzig: Walter de Gruyter, 2017.

⁸⁵⁷ Яровинский М.Я. Русско-немецкое сотрудничество в создании гигиенических музеев и выставок // Гигиена и санитария. – 1977. – № 9. – С. 55.

⁸⁵⁸ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – С. 122.

нирование художественного оформления советского павильона над специализированным содержанием (материалы по здравоохранению и гигиене). Определяющим в успехе советского павильона на Выставке стало участие Л.М. Лисицкого в качестве его главного художника.

В этот период Л.М. Лисицкий был крайне востребован. В 1930 г. советский проект на Выставке не был единственным для него – параллельно он работал над советской экспозицией на Международной выставке пушнины в Лейпциге. Для Л.М. Лисицкого Выставка в Дрездене была не первым успехом и не последним. Но в международной деятельности Наркомздрава РСФСР 1920–1930-х гг. участие в Выставке было самым масштабным проектом и предметом гордости.

Наиболее хорошо изученным каналом международных культурных связей СССР является ВОКС⁸⁵⁹, но в случае участия в Выставке в Дрездене правительственным комиссаром советского павильона был назначен нарком здравоохранения РСФСР, а в подготовке экспозиции ВОКС не принимал никакого участия. Однако к концу выставки ВОКС открыто заявил о своих правах на будущее использование советской экспозиции, пытаясь восстановить монополию культурной дипломатии СССР.

Внешняя культурная политика СССР наиболее серьезно проработана в исследовании М. Дэвида-Фокса о деятельности ВОКС⁸⁶⁰. Как показал автор, ВОКС занимал в этом процессе центральное место. Наше исследование позволяет прийти к заключению, что ВОКС был не единственным актором внешней культурной политики СССР. Наркомздрав РСФСР сохранял за собой монополию на внешние связи в области медицины и здравоохранения.

⁸⁵⁹ David-Fox M. Leftists versus nationalists in Soviet-Weimar cultural diplomacy: showcases, fronts and boomerangs // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 103–156.

⁸⁶⁰ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015; David-Fox M. Leftists versus nationalists in Soviet-Weimar cultural diplomacy: showcases, fronts and boomerangs // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 103–156.

Участие СССР в Выставке в 1930 г. приходится на закат тесного сотрудничества Советского Союза и Германии в области медицины и здравоохранения⁸⁶¹. Немецкая медицинская наука, игравшая ведущую роль в мире в XIX – начале XX в., стала уступать англо- и франкоязычной. Международная изоляция Германии после Первой мировой войны также подорвала лидерство немецкой медицины⁸⁶². И после 10-летней ориентации международного сотрудничества Наркомздрава РСФСР на Германию И.Д. Страшун по итогам Выставки в 1930 г. был вынужден признать, что отсутствие советской специализированной литературы на французском и английском языках «является крупнейшим препятствием в деле освещения советской медицины в Западной Европе»⁸⁶³.

Долгосрочным эффектом от участия в выставке для СССР стало знакомство выдающегося историка медицины А. Сигериста с советской системой здравоохранения. Пять лет спустя он посетил Советский Союз и написал книгу о советском здравоохранении, став одним из самых авторитетных защитников и пропагандистов советской медицины⁸⁶⁴.

Выставка показала различие в политических и научных повестках разных стран. Если Германия организовывала выставку с целью демонстрации своего научно-технического превосходства в области гигиены, то СССР использовал гигиену всего лишь как инструмент политической пропаганды на международной арене. Но повестки других стран – участниц Выставки

⁸⁶¹ Solomon S.G. Introduction: Germany, Russia and Medical Cooperation between the Wars // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 3–31.

⁸⁶² Eckart W.U. Medizin und auswärtige Kulturpolitik der Republik von Weimar – Deutschland und die Sowjetunion 1920–1932 // *Medizin in Geschichte und Gesellschaft*. – 1993. – № 11. – S. 133.

⁸⁶³ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.387, л.24. Советский павильон на Международной гигиенической выставке 1930 года в Дрездене. Отчет И.Д. Страшуна от 05.12.1930.

⁸⁶⁴ Hutchinson J.F. Dances with Commissars: Sigerist and Soviet Medicine // *Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist* / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 229–258; Fee E. Using Medical History to Shape a Profession: The Ideals of William Osler and Henry E. Sigerist / E. Fee, T.M. Brown // *Locating Medical History: The Stories and Their Meanings* / eds. F. Huisman, J.H. Warner. – Baltimore: The John Hopkins University Press, 2004. – P. 139–164.

отличались от изначальной ее цели так же далеко, как и советская: США демонстрировали молочную ферму, Франция – институт Пастера, Италия – национальную оперу в Риме⁸⁶⁵.

Подготовка специализированной части экспозиции заняла у Наркомздрава РСФСР целый год (с мая 1929 г. по май 1930 г.), над ней работали не только сотрудники Наркомздрава и его подведомственных институтов, но и представители организаций других ведомств (Наркомтруда, Наркомвнешторга, Интуриста). И даже несмотря на более чем 10-летний опыт санитарно-просветительской работы (в 1927 г. только в РСФСР было 80 выставок при домах санитарного просвещения, 500 постоянных выставок при диспансерах и 1 500 передвижных⁸⁶⁶), директор советского павильона И.Д. Страшун отмечал плохое качество выставленных материалов (перегруженность деталями, излишние тексты и надписи, отсутствие простых пояснительных указаний), причем отдел павильона для массового посетителя оказался подготовлен лучше, чем отдел для специалистов. В отчете о работе павильона И.Д. Страшун указывал на недостаточность углубленных и детальных материалов по здравоохранению в целом и по отдельным направлениям работы Наркомздрава⁸⁶⁷. В итоге оказалось, что подключившийся к подготовке экспозиции гений художника и архитектора Лисицкого затмил огромную, но малоповоротливую бюрократическую махину советского здравоохранения. На международной выставке советское санитарное просвещение не выдержало конкуренции с немецким.

Возможно, плохая подготовка специальной части по гигиене и здравоохранению советского павильона сыграла роль в том, что немецкие обозреватели скептически отнеслись к декларируемым успехам и достижениям Наркомздрава. Недавно эти подозрения в несоответствии представляемой статистики заболеваемости

⁸⁶⁵ Гран М.М. Дрезденская гигиеническая выставка 1930 г. // Казанский медицинский журнал. – 1931. – Т. XXVII. – № 3. – С. 306.

⁸⁶⁶ Тенебойм Н. Выставки // Большая медицинская энциклопедия / ред. Н.А. Семашко. – М.: АО «Советская энциклопедия», 1929. – Т. 6: Выхихи-Гимза. – С. 103–111.

⁸⁶⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.387, л.23. Советский павильон на Международной гигиенической выставке 1930 года в Дрездене. Отчет И.Д. Страшуна от 05.12.1930.

реальным данным в СССР в 1920–1930-е гг. были подтверждены историками⁸⁶⁸.

§ 5.5. Неделя советской медицины в Берлине и Мюнхене в 1932 г.

Последней крупной акцией советской медицины в Веймарской республике стала Неделя советской медицины (*Medizinerwoche*) в 1932 г. Она проходила в Берлине и Мюнхене с 28 ноября по 7 декабря. С советской стороны решение об участии в этом мероприятии было принято на уровне Политбюро ЦК ВКП(б) в декабре 1931 г.⁸⁶⁹ Советскую делегацию возглавил нарком здравоохранения СССР М.Ф. Владимирский, а в ее состав вошли более десяти советских ученых, в том числе профессора А.Н. Абрикосов, Н.Н. Бурденко и М.П. Кончаловский.

Организаторами германо-советской недели встреч выступили Германское общество по изучению Восточной Европы и МИД Веймарской республики, представители которого вели переговоры через посольство в Москве⁸⁷⁰. Стоит отметить, что германский МИД в значительной степени финансировал Германское общество по изучению Восточной Европы, председателем которой был Ф. Шмидт-Отт. «Лицом» немецкой медицины на этом мероприятии стал проф. Ф. Краус. По мнению немецкого историка В. Эккарта, в связи с тем, что в состав вышеупомянутого общества в основном входили сотрудники отдела Восточной Европы МИД Веймарской республики, именно его в конечном итоге можно считать единственной движущей силой встречи⁸⁷¹.

⁸⁶⁸ Заболеваемость инфекционными болезнями в СССР. Сообщение 1. 1919–1949 годы / С.Н. Затравкин [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и история медицины. – 2018. – Т. 26. – № 5. – С. 350–356; Vishlenkova E. Early Soviet medicine: statistical and narrative utopias / E. Vishlenkova, S. Zatravkin // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. – 2019. – Vol. 2019. – № Issue 4. – P. 83–106.

⁸⁶⁹ РГАСПИ. Ф.17, оп.3, д.865, л.15. Протокол № 80 Заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 декабря 1931 г.

⁸⁷⁰ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 100.

⁸⁷¹ Eckart W.U. Medizin und auswärtige Kulturpolitik der Republik von Weimar – Deutschland und die Sowjetunion 1920–1932 // Medizin in Geschichte und Gesellschaft. – 1993. –

Цели проведения этой недели встреч ученых-медиков в Берлине и Мюнхене у советской и немецкой сторон были различными. Германский МИД, очевидно, намеревался продемонстрировать достижения немецкой медицины в научной, практической и промышленной областях. Советская сторона хотела противопоставить все это достижениям революционной власти в области социальной гигиены, чтобы в первую очередь достучаться до представителей левого крыла немецкой общественности, которая активно интересовалась политикой в области здравоохранения⁸⁷². Подготовка к мероприятию шла достаточно долго, а оно само было приурочено к 15-летней годовщине Октябрьской революции⁸⁷³.

В ходе недели медики обеих стран провели обмен мнениями по целому ряду проблем, важных для обеих стран (система медицинского образования в Веймарской республике и Советском Союзе, профилактика болезней, внедрение технических средств в медицину, сердечные и простудные заболевания), обсудили много научных докладов, встретились с общественностью, посетили ряд медицинских учреждений Германии. В целом неделя советской медицины оставила хорошее впечатление у обеих сторон.

Освещалась она в основном в советской печати (газеты «Правда» и «Вечерняя Москва») и левой прессе Германии (печатный орган Коммунистической партии Германии «*Die Rote Fahne*», газета Немецкой демократической партии «*Vossische Zeitung*»). Газета «*Berliner Tageblatt*» («Берлинский ежедневник») также широко освещала это мероприятие и даже выпустила специальное приложение о советской медицине⁸⁷⁴. Тем не менее, как отмечает исследователь из ГДР К.-Х. Карбе, большинство немецких медицинских периодических изданий «хранили гробовое

№ 11. – С. 105–142.

⁸⁷² Там же.

⁸⁷³ Карбе К.-Х. Неделя советской медицины в Берлине (27/XI – 3/XII 1932 г.) // Советское здравоохранение. – 1978. – № 10. – С. 59–63.

⁸⁷⁴ Космач В.А. Неделя советской медицины в Берлине // Советское здравоохранение. – 1987. – № 1. – С. 64–65.

молчание относительно Недели советской медицины»⁸⁷⁵. Вместе с тем В. Эккарт, изучавший немецкую прессу за ноябрь и декабрь 1932 г., пришел к выводу, что советской стороне действительно удалось добиться большого общественного резонанса⁸⁷⁶.

Это был заключительный акт внешней культурной политики Веймарской республики в области медицины в рамках ориентации на Восток⁸⁷⁷. В начале 1933 г., после прихода к власти в Германии национал-социалистов, контакты советских и немецких медиков постепенно были свернуты.

В международной деятельности Наркомздрава РСФСР во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. продолжало доминировать германское направление, хотя оно и не было единственным. Для такого перекоса имелись вполне объективные предпосылки: мировое господство немецкой медицины до Первой мировой войны, многовековая традиция русско-немецких связей в области медицины и, наконец, заключение Рапалльского соглашения в 1922 г.

Причем Наркомздрав РСФСР был ориентирован не на немецкую медицину, а скорее на немецких политиков левого толка (среди которых были и врачи). Вероятно, это было связано с работой на Коминтерн представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга. Неформальные сети знакомств («*informal networks*»⁸⁷⁸), которые создал Гольденберг за 7,5 лет работы в Берлине, хорошо описаны им самим в марте 1929 г. в письме своему сменщику на должности представителя Наркомздрава РСФСР в Германии С.И. Черномордику. В этом письме Гольденберг советовал Черномордику наладить связь с Сообще-

⁸⁷⁵ Карбе К.-Х. Неделя советской медицины в Берлине (27/XI – 3/XII 1932 г.) // Советское здравоохранение. – 1978. – № 10. – С. 61.

⁸⁷⁶ Eckart W.U. Medizin und auswärtige Kulturpolitik der Republik von Weimar – Deutschland und die Sowjetunion 1920–1932 // Medizin in Geschichte und Gesellschaft. – 1993. – № 11. – S. 105–142.

⁸⁷⁷ Там же.

⁸⁷⁸ Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I // *Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century* / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 233.

ством рабочих социально-политических организаций (*Arbeitsgemeinschaft sozialpolitischer Organisationen, ARSO*), с врачами из коммунистической фракции рейхстага, с Обществом врачей-социалистов (*Verein sozialistischer Ärzte*), с одним из сотрудников отдела здравоохранения Берлина (*Gesundheitsamt*), придерживавшимся левых взглядов, а также с немецкими профессорами-русософилами, симпатизировавшими СССР: Адамом, Ресле, Краусом, Леви и Хайесом⁸⁷⁹. В этом перечне видно гораздо больше опыта работы по линии Коминтерна, нежели чем по линии Наркомздрава.

Однако к началу 1920-х гг. другие страны Западной Европы и Северной Америки успели догнать Германию, а немецкой медицине стало не хватать выдающихся исследователей. В результате медицина осталась одной из самых развитых научных дисциплин в Веймарской республике, и советской стороне был выгоден немецкий вектор международного сотрудничества на протяжении всех 1920-х гг. Вместе с тем в области продвижения принципов советского здравоохранения такая однобокая ориентация Наркомздрава РСФСР вызвала все больше и больше вопросов – за бортом советской пропаганды оставались многие страны, в первую очередь – наиболее динамично развивающиеся Соединенные Штаты Америки.

На этот перекося в сторону Германии наркому здравоохранения РСФСР М.Ф. Владимирскому указывал представитель СОКК и КП СССР в Швейцарии С.Ю. Багоцкий. Летом 1932 г. он писал в Москву: «Вообще Наркомздраву следовало бы расширять связи с медиц. сферами ряда стран, а не ограничивать их двумя-тремя, исходя из интересов момента. Сейчас межд. положение настолько сложно, что нельзя предсказывать дальнейшего развития отношений с отдельными странами»⁸⁸⁰. Об этом же Владимирскому писал Страшун после Дрезденской гигиенической выставки в 1930 г.

⁸⁷⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.328, л.288. Копия письма Я.Р. Гольденберга представителю ОБЗСИ в Германии С.И. Черномордику от 29.03.1929.

⁸⁸⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.485, л.300. Письмо представителя СОКК и КП СССР в Швейцарии С.Ю. Багоцкого наркому здравоохранения РСФСР М.Ф. Владимирскому от 10.06.1932.

Но учившийся медицине в Берлине М.Ф. Владимирский был ориентирован на Германию так же сильно, как и его предшественник Н.А. Семашко, и Неделя советской медицины в 1932 г. является ярким примером этого заграничного вектора Наркомздрава. Однако, как замечает немецкая исследовательница К. Бётхер, к Германии они все же относились по-разному: Владимирский делал акцент на немецкой «клинической медицине», а Семашко, наоборот, всегда называл Германию «родиной социальной гигиены»⁸⁸¹.

Тем не менее, внешняя политика СССР на рубеже 1920-х – 1930-х гг. претерпела изменения. Как отмечает американский исследователь М. Дэвид-Фокс, в конце 1920-х г. интеллектуалы-космополиты из числа старых большевиков вроде Луначарского и Каменевой были постепенно «сброшены с корабля современности»⁸⁸². Советская внешняя политика стала более прагматичной и продуманной, и постепенно одним из главных стало ее англо-американское направление.

⁸⁸¹ Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – S. 100.

⁸⁸² Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – С. 365.

Глава 6. Международная деятельность Наркомздрава РСФСР/СССР в 1930-х – первой половине 1940-х гг.

§ 6.1. Пропаганда принципов советского здравоохранения в США, Великобритании и Франции (1930-е гг.)

Во времена Великой депрессии в конце 1920-х – 1930-х гг. по всему миру отмечался рост интереса ко всему советскому, и советское здравоохранение не было исключением из этого правила. Если в 1920-е гг. традиционным партнером СССР была Веймарская республика, то в 1930-е гг. медики из США стали так же пристально изучать организацию здравоохранения в Советском Союзе.

В течение 1920-х гг. интерес американских специалистов к советскому здравоохранению был не очень велик. Тем не менее, в этот период времени СССР посетили физиолог Уильям Хосли Гент (*W. Horsley Gantt*), медсестра и активист движения квакеров по помощи голодающим в России Анна Хейнс (*Anna J. Haines*), эксперт в области промышленной гигиены из Гарварда Элис Хэмилтон (*Alice Hamilton*), криминалист и сексолог Элис Филд (*Alice Withrow Field*), а также психиатр Фрэнквуд Уильямс (*Frankwood Williams*). Практически все они по собственной инициативе начали изучать Советский Союз и советское здравоохранение⁸⁸³.

Вместе с тем на протяжении всех 1920-х гг. в Нью-Йорке находились одновременно представительства Наркомздрава РСФСР (М.И. Михайловский) и РОКК (Д.Е. Дубровский). Доктор Д.Е. Дубровский был эмигрантом из России. Он переехал в Америку в 1905 г., был активным членом коммунистической партии и хорошо знал Л.Д. Троцкого, а в 1920 г. был секретарем представительства Советской России в США под

⁸⁸³ Solomon S.G. The Perils of Unconstrained Enthusiasm: John Kingsbury, Soviet Public Health, and 1930s America // *Comrades in Health U.S. Health Internationalists, Abroad and at Home* / eds. A.-E. Birn, T.M. Brown. – New Brunswick, New Jersey; London: Rutgers University Press, 2013. – P. 46.

руководством Л. Мартенса⁸⁸⁴. Деятельность Дубровского в РОКК часто была весьма далека от гуманитарной. В сентябре 1939 г. на слушаниях Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности (*House Un-American Activities Committee*) палаты представителей конгресса США доктор Дубровский утверждал, что в начале 1920-х гг. он почти каждый год ездил в Москву, где встречался с В.И. Лениным, Л.Б. Каменевым, И.В. Сталиным, Л.Д. Троцким, Н.И. Бухариным, Л.Б. Красиным и другими советскими руководителями. Важной негласной частью работы американского представительства РОКК была перепродажа в США конфискованных в СССР бриллиантов по заниженным ценам⁸⁸⁵.

В конце 1920-х гг. миссии Наркомздрава РСФСР и РОКК в США были объединены. А в 1930-е гг. представительство в США стало самой значительной миссией Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (далее – СОКК и КП СССР) за рубежом. Но его деятельность была далека от медицины и пропаганды советского здравоохранения. В его функции входил обмен медицинской информацией между советскими организациями и американскими врачами по вопросам медицинской науки и открытий в области медицинской практики, а также по восстановлению родственных связей граждан СССР и США. Однако центральной функцией иностранного отдела Исполкома СОКК и КП СССР (а также его американского представительства) в конце 1930-х гг. была работа по розыску бывших солдат американской армии и членов их семейств, имевших родственников в СССР, для получения ими соответствующих пенсий⁸⁸⁶.

Сотрудники миссий Наркомздрава РСФСР и РОКК в США работали сразу на несколько советских организаций. Например,

⁸⁸⁴ Ратманов П. Э., Башкуев В. Ю. Зарубежные представительства Советского Красного Креста в 1920–1930-е гг. в международной политике СССР в области здравоохранения // История медицины. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 41–50.

⁸⁸⁵ Investigation of Un-American Propaganda Activities in the United States: Hearings Before a Special Committee on Un-American Activities, House of Representatives, Seventy-fifth Congress, Third Session-Seventy-eighth Congress, Second Session, on H. Res. 282. Vol. 7. – Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1939. – P. 5137–5154.

⁸⁸⁶ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.5, д.63, л.124–125. Копия Положения об иностранном отделе ИК СОКК и КП СССР от 29.06.1939; ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.5, л.49. [Справка о деятельности Представительства СОКК и КП СССР в США (на англ. языке)].

с Объединенным государственным политическим управлением при СНК СССР (ОГПУ) был связан представитель Наркомздрава РСФСР в США в 1928–1930 гг. М.С. Шефтель⁸⁸⁷. Также известно, что направленный в Америку в качестве представителя СОКК и КП СССР в 1934–1938 гг. Г.Л. Рабинович был оперативным сотрудником иностранного отдела ОГПУ⁸⁸⁸. Еще одним сотрудником миссии СОКК и КП СССР в США в 1934 г. был доктор Я.А. Штернгуз, также сотрудничавший с ОГПУ, а до этого работавший главным врачом больницы в Персии⁸⁸⁹.

Интерес к советскому здравоохранению в США шел скорее от американских специалистов в области общественного здоровья, нежели от представительств Наркомздрава РСФСР и Советского Красного Креста. Благодаря проводимым масштабным реформам всех сфер жизни в 1920-х гг. Советский Союз привлекал всеобщее внимание исследователей, поэтому они просто не могли игнорировать советский эксперимент.

В начале 1930-х гг. частный американский Фонд Милбэнк Мемориал (*Milbank Memorial Fund*) профинансировал поездку в СССР экспертов в области общественного здоровья Джона Кингсбери (*John Kingsbury*) и сэра Артура Ньюсхолма (*Arthur Newsholme*) для изучения советского здравоохранения. Целью этого исследования было изучение системы здравоохранения СССР как одной из многих зарубежных моделей, которые могут быть полезны для решения проблем системы здравоохранения США⁸⁹⁰. Для Ньюсхолма это был не первый подобный опыт: в конце 1920-х гг. по заданию Фонда Милбэнк Мемориал он посетил 18 европейских стран для выяснения баланса частной

⁸⁸⁷ Абрамов В. Евреи в КГБ: Палачи и жертвы: Лубянка. Открытые архивы. – М.: Яуза Эксмо, 2005. – С. 131; Диденко А.В. Разведка и контрразведка в лицах: Энцикл. слов. рос. спецслужб. – М.: Русский мир, 2002. – С. 121, 242.

⁸⁸⁸ Киперман С. «Король советской разведки» в Америке // Еврейский Обозреватель. – 2012. – № 11/239.

⁸⁸⁹ ГАРФ Ф.Р9226, оп.1, д.44, л.84–84об. Краткое жизнеописание. Штернгуз Яков Аркадьевич. Копия.

⁸⁹⁰ Solomon S.G. The Perils of Unconstrained Enthusiasm: John Kingsbury, Soviet Public Health, and 1930s America // *Comrades in Health U.S. Health Internationalists, Abroad and at Home* / eds. A.-E. Birn, T.M. Brown. – New Brunswick, New Jersey; London: Rutgers University Press, 2013. – P. 47.

и государственной медицины. Результатом этой работы стал его трехтомный труд⁸⁹¹.

Представительство СОКК и КП СССР в США играло исключительно посреднические функции в организации этого визита. Глава миссии доктор Дубровский сообщил в Москву о целях поездки Кингсбери в СССР и попросил Наркомздрав РСФСР оказать ему помощь⁸⁹². Дубровский также направил в Наркомздрав краткие сведения о Фонде Милбэнк Мемориал и о личности Дж. Кингсбери⁸⁹³.

Ньюсхолм и Кингсбери провели в СССР около месяца (август и начало сентября 1932 г.), их поездка включала посещение крупных советских городов от Ленинграда до Кавказа. Прием осуществлялся на самом высшем уровне, была организована встреча с наркомом здравоохранения РСФСР М.Ф. Владимирским и заведующим отделом печати и информации НКВД СССР К.И. Уманским⁸⁹⁴.

Наркомздрав РСФСР использовал все возможности уже сложившегося механизма по приему иностранных гостей в СССР, прекрасно описанного в книге М. Дэвида-Фокса⁸⁹⁵. За полмесяца до приезда делегации А. Ньюсхолма и Дж. Кингсбери отделы здравоохранения Казани, Саратова, Сталинграда и Самары были предупреждены об этом визите наркомом здравоохранения

⁸⁹¹ Eyler J.M. Sir Arthur Newsholme and State Medicine, 1885–1935. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1997.

⁸⁹² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.523, л.70–71. Письмо представителя СОКК и КП СССР в США Д. Дубровского замдиректору ОБЗСИ Наркомздрава РСФСР И.В. Залужскому от 23.07.1932 № Б-15.

⁸⁹³ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.523, л.66–67. Фонд Милбанк Мемориал. Обзор [деятельности 19]26 года; ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.523, л.69. Биография Дж. Кингсбери (на англ. языке).

⁸⁹⁴ Ратманов П.Э. Здравоохранение СССР в освещении иностранных авторов (1920–1940-е гг.) // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. Тематический выпуск: материалы международного симпозиума «Актуальные вопросы в истории медицины и здравоохранения». – М., 2013. – С. 174–176.

⁸⁹⁵ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015.

РСФСР М. Ф. Владимирским⁸⁹⁶. В итоге американские гости увидели «витрину» советского здравоохранения.

После возвращения в США и во время написания книги о советском здравоохранении Дж. Кингсбери еще несколько раз обращался в Наркомздрав РСФСР с просьбой прислать дополнительные материалы и стенограммы его встреч с руководством наркомздравов Украины и Грузии⁸⁹⁷.

В 1933 г. сэр А. Ньюсхолм и Дж. Кингсбери опубликовали книгу *«Red Medicine: Socialized Health in Soviet Russia»* («Красная медицина: Социальное здоровье в Советской России»), являющуюся осторожным, но в целом симпатизирующим советской медицине обзором. При написании книги Кингсбери консультировался с британским социалистом Сиднеем Веббом (*Sydney Webb*) и бывшим представителем Наркомздрава РСФСР во Франции, доктором А. Н. Рубакиным, находившимся в те годы в США на стажировке Рокфеллеровского фонда. В своей книге Ньюсхолм и Кингсбери описали советское здравоохранение как «завораживающий эксперимент в области социализированного здравоохранения», который характеризовался государственным обеспечением, финансированием и управлением системой здравоохранения⁸⁹⁸.

Реакция советской стороны на эту книгу также была положительная. Автор рецензии на труд Ньюсхолма и Кингсбери в журнале «На фронте здравоохранения» похвалил желание авторов использовать советские подходы в дискуссии о реформе здравоохранения США, хотя и упрекал авторов в том, что в главе о социализации медицины они не решились прямо говорить о применении советской системы в США⁸⁹⁹.

⁸⁹⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.523, л.82. Сообщение наркома здравоохранения РСФСР М. Ф. Владимирского в отделе здравоохранения Казани, Саратова, Сталинграда и Самары от 15.08.1932.

⁸⁹⁷ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.570, л.67. Письмо замдиректора ОБЗСИ Наркомздрава РСФСР И. В. Залужского наркому здравоохранения УССР Канторовичу от 29.03.1933 № Б-22; ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.570, л.70. Письмо Северо-кавказского отделения ВОКС в ОБЗСИ Наркомздрава РСФСР от 21.01.1933.

⁸⁹⁸ Newsholme A. *Red Medicine: Socialized Health in Soviet Russia*. Red Medicine / A. Newsholme, J. A. Kingsbury. – New York: Doubleday, Doran, 1933. – P. vii.

⁸⁹⁹ Solomon S.G. *The Perils of Unconstrained Enthusiasm: John Kingsbury, Soviet Public Health, and 1930s America* // *Comrades in Health U.S. Health Internationalists, Abroad*

В Соединенных Штатах книга «Красная медицина» была воспринята исключительно во внутриамериканском контексте, и главным ее критиком стала Американская медицинская ассоциация во главе с редактором журнала *JAMA*, доктором Моррисом Фишбейном (*Morris Fishbein*). В межвоенный период Советский Союз в США воспринимался исключительно в негативном контексте, поэтому любые попытки перенести советский опыт на американскую землю были опасны для авторов таких экспериментов. В 1934 г. Кингсбери участвовал в законодательной инициативе по введению обязательного медицинского страхования в США и из-за этого подвергся травле со стороны оппонентов. В конечном итоге в 1935 г. Дж. Кингсбери был вынужден уйти с поста ответственного секретаря Фонда Милбэнк Мемориал.

Материалы о советском здравоохранении, изданные за рубежом без предварительного согласования с советской стороной, воспринимались в СССР негативно. Именно такое отношение вызвала книга на французском языке бывшего представителя Наркомздрава РСФСР во Франции, доктора А.Н. Рубакина. После возвращения во Францию со стажировки в Америке летом 1933 г. он выпустил свою небольшую брошюру «*La protection de la santé publique dans l'U.R.S.S: principes et résultats*» («Здравоохранение в СССР: Принципы и достижения») в издательстве Коммунистической партии Франции в Париже⁹⁰⁰. Эта книга была подготовлена Рубакиным по его собственной инициативе на основе доступной за рубежом советской литературы с целью ознакомления французской аудитории с основами советского здравоохранения.

Но первые же отзывы из Советского Союза об этой книге оказались для Рубакина обескураживающими. В октябре 1933 г. во Францию из поездки в СССР вернулись три французских врача, с которыми в Москве в качестве гида-переводчика работала студентка-медик. И реакция гида на упоминание книги

and at Home / eds. A.-E. Birn, T.M. Brown. – New Brunswick, New Jersey; London: Rutgers University Press, 2013. – P. 53.

⁹⁰⁰ Roubakine A.N. *La protection de la santé publique dans l'U.R.S.S: principes et résultats*. – Paris: Bureau d'éditions, 1933.

Рубакина была презрительной: «Это совсем не то»⁹⁰¹. Для Рубакина, который хотел замкнуть все советско-французские связи на себя, как это было в 1920-е гг., такое отношение к его сочинению было неприемлемым. Во Франции он хотел быть непререкаемым авторитетом в области советского здравоохранения.

Негативная реакция на книгу Рубакина в Советском Союзе объясняется кардинальными изменениями в стране, произошедшими на рубеже 1920–1930 гг., то есть как раз в тот период времени, когда Рубакин работал в Лиге Наций в Швейцарии и был на стажировке в Америке. За это время не только сменился нарком здравоохранения РСФСР, но и курс советского здравоохранения. Семашко был смещен не только с административного поста в Наркомздраве РСФСР, возглавляемая им кафедра социальной гигиены в 1-м Московском медицинском институте тоже утратила свои лидирующие позиции, уступив их аналогичной кафедре 2-го Московского медицинского института во главе с профессором Г.А. Баткисом. Именно Баткис стал в эти годы наиболее приближенным к Наркомздраву РСФСР интерпретатором официальной политики, формулирующим теоретическое обоснование его курса⁹⁰². Той же осенью 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) назначило Баткиса представителем СССР в Международном бюро общественной гигиены вместо многолетнего соратника Семашко, профессора А.Н. Сысина⁹⁰³.

Именно Баткис стал соавтором рецензии на книгу Рубакина. По мнению авторов рецензии, Рубакин «не справился со своей задачей» по раскрытию принципов советского здравоохранения⁹⁰⁴. И главная претензия к книге заключалась в том, что ее автор якобы не понимает «коренного различия между двумя мировыми системами»⁹⁰⁵. Рубакин относился к Советскому

⁹⁰¹ ГАРФ. Ф.Р5283, оп.9, д.135, л.2–2 об. Письмо А.Н. Рубакина в ВОКС от 05.10.1933.

⁹⁰² Лаврова И.Г. Социальная гигиена и организация здравоохранения, ее место и значение в системе высшего медицинского образования : (Ист.-эксперим. исследование). Дисс. на соискание учен. степени д-ра мед. наук. – М.: 1-й Моск. мед. ин-т им. И.М. Сеченова, 1971. – С. 162.

⁹⁰³ РГАСПИ. Ф.17, оп.3, д.931, л.14. Протокол № 146 Заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 01 октября 1933 г.

⁹⁰⁴ ГАРФ. Ф.Р5283, оп.9, д.135, л.3–10. Рецензия на книгу д-ра Рубакина «Здравоохранение в СССР (принципы и достижения)» Е.М. Якубовой и проф. Г.А. Баткиса.

⁹⁰⁵ Там же.

Союзу критически, не идеализировал его, допускал наличие недостатков в отдельных сферах, поддерживал точку зрения украинских социал-гигиенистов (в частности, С.А. Томилина), чем и навлек на себя гнев профессора Баткиса.

В эти же годы в англоязычной прессе публиковались и менее объемные по сравнению с книгой А. Ньюсхолма и Дж. Кингсбери впечатления врачей-путешественников о здравоохранении в Советской России⁹⁰⁶. Но Наркомздрав РСФСР пропагандировал советское здравоохранение не только среди иностранных врачей. В 1932 г. в Советский Союз с целью написания книги об СССР приезжали британские социалисты и «апологеты сталинизма» супруги Вебб (*Sidney Webb, Beatrice Webb*)⁹⁰⁷. В 1934 г. С. Вебб вновь посетил Советский Союз и представил советской стороне готовые части книги «Советский коммунизм» для внесения в них поправок и замечаний. Черновики глав этой книги были разосланы по всем заинтересованным советским ведомствам, в том числе и в Наркомздрав РСФСР, представители которого смогли ознакомиться с десятой главой про учреждения социального обслуживания («*The Social Services*»)⁹⁰⁸. Наркомздрав, в свою очередь, перенаправил этот материал на рецензирование в НИИ организации здравоохранения и социальной гигиены⁹⁰⁹. Заключение по главе книги супругов Вебб в части советского здравоохранения сделала старший научный сотрудник института К.С. Борисова.

Рецензент пришла к выводу, что материал главы представляет собой обзор впечатлений самих супругов Вебб и других

⁹⁰⁶ Soviet Medicine and Hygiene: Impressions of Medical Tourists in Russia // British medical journal. – 1931. – Vol. 2. – № 3700. – P. 1043–1044; Поддубный М.В. Иностранные врачи о советской медицине 30-х гг. // Советское здравоохранение. – 1991. – № 2. – С. 72–75.

⁹⁰⁷ Webb S. Soviet communism: a new civilisation? Vol. I / S. Webb, B. Webb. – London: Longmans, Green, 1935; Webb S. Soviet communism: a new civilisation? Vol. II. Social trends in soviet communism. Soviet communism / S. Webb, B. Webb. – London; New York: Longmans, Green, 1935.

⁹⁰⁸ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – С. 363–365.

⁹⁰⁹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.613, л.232. Копия письма директора ОБЗСИ В.М. Броннера директору Института социалистического здравоохранения Пашинцеву от 05.07.1934 № Б32 (срочно).

иностранцев, посетивших СССР. Борисова обратила внимание на то, что глава была основана почти исключительно на иностранном материале. Из оригинальных советских работ авторы цитировали только брошюру Н.А. Семашко «Основы советской медицины» (1926), а все реформы советского здравоохранения после 1930 г. не получили должного освещения. Борисова была категорически не согласна с мнением авторов, которые считали советскую социальную политику всего лишь принятием и изменением того, что уже было «эмпирически открыто и частично пущено в действие Англией, Германией, Скандинавией, Швецией и даже Францией с Соединенными Штатами»⁹¹⁰. Она настаивала на совершенно иных принципах и основаниях советской социальной политики. Как и в случае с книгой А. Ньюсхолма и Дж. Кингсбери, ОБЗСИ досылал супругам Вебб дополнительную информацию о советском здравоохранении уже после их отъезда из СССР⁹¹¹.

Авторы книги «Советский коммунизм» учли многие замечания рецензентов из СССР и добавили новые данные о советском здравоохранении, однако в итоге в основе десятой главы, которая получила новое название («Переделка человека», «*Remaking of Man*»), по-прежнему лежала иностранная литература на немецком, французском и английском языках, опубликованная в 1920-х – начале 1930-х гг. (в том числе книга А. Ньюсхолма и Дж. Кингсбери «Красная медицина»). Более того, супруги Вебб добавили многочисленные ссылки на книгу бывшего наркома здравоохранения Н.А. Семашко «Охрана здоровья в СССР» («*Health protection in the U.S.S.R.*», 1934)⁹¹². Таким образом, даже после отстранения от работы в Наркомздраве Семашко существенно влиял на международный образ советского здравоохранения.

В начале 1930-х гг. британское издательство Голланс (*V. Gollancz, Ltd.*) подготовило к публикации серию из 12 брошюр

⁹¹⁰ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.613, л.235–243. Замечания к главам о здравоохранении из книги Веббов о Советском Союзе К.С. Борисовой [август 1934].

⁹¹¹ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.653, л.105–105. Копия письма директора ОБЗСИ В.М. Броннера С. Веббу [февраль 1935 г.].

⁹¹² Semashko N.A. Health protection in the U.S.S.R. – New York: G.P. Putnam's Sons, 1935; Semashko N.A. Health Protection in the U.S.S.R. – London: V. Gollancz, Ltd., 1934.

об СССР на английском языке. Этот проект получил поддержку отдела печати НКВД. Издательство предоставило выбор авторов советской стороне. Организация подготовки брошюр в Москве была поручена «Фельетон Бюро» при советском издательстве «Журнально-газетное объединение» (*The Feuilleton Bureau. An Inter-nation Literary Service. United Magazines and Newspapers Subsidiary*)⁹¹³. В июле 1933 г. представители «Фельетон Бюро» связались по поводу написания брошюры о советском здравоохранении с бывшим наркомом Н.А. Семашко, занимавшим в те годы должность председателя Детской комиссии при ВЦИК и главного редактора Большой медицинской энциклопедии⁹¹⁴.

Сроки издания брошюры были очень сжатыми: материал надо было подготовить к началу октября, после чего его планировали передать на перевод на английский язык и редактуру. С помощью публикации этих брошюр советская сторона решала не только политические задачи (советская пропаганда за рубежом), но и «финансово-валютные» (получение дохода в иностранной валюте от продажи книг за рубежом). За работу над брошюрой Семашко должен был получить бонусы Торгсина на сумму около 120 зол. руб. За каждое последующее издание книги (в других странах или на других языках) автор должен был получать дополнительный гонорар⁹¹⁵.

В июне 1934 г., когда первые 4 брошюры серии уже были почти готовы к изданию, британское издательство Голланс обратилось к авторам книг за отдельными дополнениями и уточнениями. В частности, Н.А. Семашко просили более подробно «осветить вопросы материально-бытовых условий медработников»⁹¹⁶. Книга бывшего наркома здравоохранения Н.А. Семашко

⁹¹³ Архив Национального НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко. Фонд Н.А. Семашко. Письмо зам. зав.отд. печати НКВД А. Неймана председателю Деткомиссии при ВЦИК Н.А. Семашко от 28.07.1933.

⁹¹⁴ Архив Национального НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко. Фонд Н.А. Семашко. Письмо заведующего Фельетон Бюро С. Гуревича Н.А. Семашко от 26.07.1933 (в. срочно).

⁹¹⁵ Архив Национального НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко. Фонд Н.А. Семашко. Письмо заведующего Фельетон Бюро С. Гуревича Н.А. Семашко от 10.09.1933.

⁹¹⁶ Архив Национального НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко. Фонд Н.А. Семашко. Письмо зам.заведующего АО Литературное агенство Уманского

«Охрана здоровья в СССР» (*«Health protection in the U.S.S.R.»*) вышла в Великобритании в 1934 г., а в США – в 1935 г.

Любопытно, что в 1933 г. НКВД обратился за написанием книги о советском здравоохранении не в Наркомздрав РСФСР к действующему наркому М.Ф. Владимирскому, а к его предшественнику Н.А. Семашко, ушедшему с этой должности в начале 1930 г. Необходимо отметить, что в начале 1930-х гг. советское здравоохранение, как вся жизнь в СССР, подверглось коренному реформированию, а политика самого Семашко на посту наркома оказалась под градом критики⁹¹⁷. Тем не менее, после ухода Владимирского из Наркомздрава РСФСР в 1934 г. некоторые его начинания были свернуты. Поэтому умеренный взгляд Семашко на крутые зигзаги в советской медицине в момент выхода книги в 1934 г. оказался как нельзя кстати.

В конце 1933 г., когда книга «Красная медицина» уже вышла, а супруги Вебб еще только собирали материал для своего труда о Советском Союзе, швейцарский историк медицины А. Сигерист (*Henry Ernest Sigerist*), директор Института истории медицины Университета Джона Хопкинса (*Johns Hopkins University*) (1932–1947), в частной переписке выразил желание написать свою оригинальную книгу о советской медицине.

Сам Сигерист в своей книге пишет, что задумал исследование советского здравоохранения в 1932 г., когда работал над монографией об американской медицине⁹¹⁸. Американский исследователь Дж. Хатчинсон относит начало интереса Сигериста к Советскому Союзу к 1930 г., когда И.Д. Страшун читал публичные лекции о советском здравоохранении во время проведения Дрезденской гигиенической выставки⁹¹⁹.

Н.А. Семашко от 17.06.1934.

⁹¹⁷ Затравкин С.Н. «Коренной перелом»: довоенная реформа советского здравоохранения / С.Н. Затравкин, Е.А. Вишленкова, Е.В. Шерстнева // *Quaestio Rossica*. – 2020. – Т. 8. – № 2. – С. 652–666.

⁹¹⁸ Sigerist H.E. *American medicine*. – New York: W.W. Norton, 1934; Sigerist H.E. *Socialized medicine in the Soviet Union*. – New York: Norton, 1937. – P. 15.

⁹¹⁹ Hutchinson J.F. *Dances with Commissars: Sigerist and Soviet Medicine* // *Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist* / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 230.

Но Сигерист и Страшун встретились в первый раз не в 1930 г., а во время командировки Страшуна в Веймарскую республику в 1927 г.⁹²⁰. Изучение архивов Национального НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко позволило нам выдвинуть еще одну гипотезу о появлении интереса Сигериста к российской медицине.

В 1946 г. Семашко направил в журнал *«Bulletin of the History of Medicine»* («Бюллетень истории медицины»), редактором которого был Сигерист, статью о Ф. Эрисмане. В ответном письме Сигерист сообщил своему советскому коллеге, что он хорошо помнит Эрисмана. Когда Сигерист был школьником, Эрисман был школьным инспектором в Цюрихе, и Сигерист ходил с детьми Эрисмана в одну школу⁹²¹. Вряд ли этот факт оказал какое-то влияние на взгляды Сигериста, но здесь показателен сам факт того, что один из основоположников российской общественной медицины (Эрисман) и главный «рупор» советской медицины в мире в середине XX в. (Сигерист) были знакомы.

В СССР о желании Сигериста написать книгу о советском здравоохранении узнали в начале 1934 г., когда в ВОКС попала копия письма Сигериста профессору С. Дуггану (*Stephen P. Duggan*) от 15 декабря 1933 г. В этом письме Сигерист делился планами по написанию книги о русской медицине, рассказывал о своем интересе к России и жизни в СССР, о начале изучения марксистской философии и русского языка, а также о намерении провести четыре месяца в Советском Союзе летом 1935 г. для изучения советского здравоохранения на месте⁹²². ВОКС, в свою очередь, направил копию этого письма Сигериста в ОБЗСИ, назвав предположения Сигериста «весьма интересными», и попросил связать американского профессора с некоторыми советскими медицинскими институтами и послать литературу⁹²³.

⁹²⁰ Рябов Г.З. Московское научно-историческое общество в 1957 г. // Советское здравоохранение. – 1958. – № 4. – С. 62.

⁹²¹ Архив Национального НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко. Фонд Н.А. Семашко. Письмо А. Сигериста Н.А. Семашко от 24.06.1946 (на англ.яз.).

⁹²² ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.626, л.103–103об. Копия письма профессора А. Сигериста профессору Дуггану от 15.12.1933 (перевод на русс.).

⁹²³ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.626, л.102. Письмо зам. зав. отделом науки, техники, искусства ВОКС В. Канатчиковой директору ОБЗСИ В.М. Броннеру от 09.06.1934.

Сигерист провел в СССР два лета – в 1935 и 1936 гг. Он работал в Москве, посетил Украину, Крым и Кавказ, а также проехал по России до Иркутска с целью изучения практической деятельности советских учреждений здравоохранения. Основную часть информации он все-таки получал от официальных лиц Наркомздрава РСФСР, в том числе от наркома здравоохранения РСФСР Г.Ф. Каминского, ОБЗСИ и ВОКС. На многочисленные вопросы Сигериста всегда находил время ответить директор ОБЗСИ В.М. Броннер, а также его давний знакомый И.Д. Страшун⁹²⁴.

В 1937 г. Сигерист издал книгу «*Socialized Medicine in the Soviet Union*» («Социальная медицина в Советском Союзе»), в 1947 г. это труд был переиздан в несколько измененном виде под названием «*Medicine and Health in the Soviet Union*» («Медицина и здоровье в Советском Союзе»)⁹²⁵. Реакция на книгу в американских научных журналах по социологии и политологии была скорее положительной, ее восприняли даже с энтузиазмом. Консервативные врачебные круги США, конечно, отнеслись в этой работе Сигериста отрицательно. С критикой книги неожиданно выступил сэр А. Ньюсхолм⁹²⁶.

Сигерист публично критиковал систему здравоохранения в США за то, что высококвалифицированная медицинская помощь была доступна лишь небольшой части населения, а также пропагандировал достижения советской медицины и здравоохранения⁹²⁷. Сигерист стал знаковой и во многом противоречивой фигурой для американской истории медицины. С одной стороны, он был одним из самых выдающихся мировых историков медицины первой половины XX в., однако, с другой стороны, он был

⁹²⁴ Sigerist H.E. *Socialized medicine in the Soviet Union*. – New York: Norton, 1937. – P. 309.

⁹²⁵ Sigerist H.E., Older J. *Medicine and health in the Soviet Union*. – New York: The Citadel Press, 1947.

⁹²⁶ Hutchinson J.F. *Dances with Commissars: Sigerist and Soviet Medicine* // *Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist* / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 248–249.

⁹²⁷ Лисицын Ю.П. Памяти Г.Э. Сигериста / Ю.П. Лисицын, И.В. Венгрова // *Советская медицина*. – 1957. – № 12. – С. 114–119; Венгрова И.В. К 100-летию со дня рождения Генри Эрнста Сигериста (1891–1957) // *Здравоохранение Российской Федерации*. – 1991. – № 12. – С. 25–27.

ярый критиком американского здравоохранения, открыто симпатизировал марксизму и пропагандировал социалистические принципы в здравоохранении.

Книги Сигериста о советском здравоохранении, как и другие его публикации по этой теме, – это восторженный (и некритичный) взгляд на организацию советской медицины и общественное здоровье в СССР. Он представлял советскую систему здравоохранения как конечный пункт долгого эволюционного процесса, начавшегося в Древней Греции и достигшего своей кульминации в Советской России. Сигерист старался подчеркнуть историческую значимость появления первой в мировой истории полномасштабной социалистической системы здравоохранения: «Все, что было достигнуто за пять тысяч лет истории медицины, представляет только первую эпоху: период лечебной медицины. Новая эра, период профилактической медицины, началась сейчас в Советском Союзе»⁹²⁸. Эта книга, задуманная как пособие для начинающих изучать советскую систему здравоохранения и введение в социализм для молодых медицинских работников, в итоге представляла собой слишком оптимистичное одобрение медицины в СССР. Сам же Сигерист объяснял, что он «не тратил время» на описание дефектов и неэффективности советских учреждений здравоохранения, а решил сконцентрироваться только на «положительных достижениях», будучи убежденным, что именно они «обогащают мир»⁹²⁹.

Без сомнения, на эти взгляды Сигериста повлияли принципы социальной медицины, которые он, будучи историком медицины, считал основой медицины будущего, а также его наивное восприятие политической концепции советского общества, даже в наиболее тяжелые годы сталинского террора. Сигерист разделял эти взгляды с другими либеральными авторами, которые в те годы видели или делали вид, что видели в Советском Союзе образ будущего, в котором воплощено решение проблем, преследующих западное индустриальное общество: экономические

⁹²⁸ Sigerist H.E. *Socialized medicine in the Soviet Union*. – New York: Norton, 1937.

⁹²⁹ Fee E. *Using Medical History to Shape a Profession: The Ideals of William Osler and Henry E. Sigerist* / E. Fee, T.M. Brown // *Locating Medical History: The Stories and Their Meanings* / eds. F. Huisman, J.H. Warner. – Baltimore: The John Hopkins University Press, 2004. – P. 139–164.

кризисы, безработица, неравенство, дискриминация по расовому и национальному признаку, и, конечно, отсутствие адекватной сети социальных услуг, включая медицинскую помощь для малоимущих слоев общества⁹³⁰.

Не замечая разницу между советскими планами, программами, пропагандой, декларациями и реальной практикой советского здравоохранения, эти авторы часто видели только то, что они хотели видеть. Ради своих идеалов и убеждений они очень часто (и иногда из лучших побуждений) делали акцент на положительных аспектах и игнорировали или упускали из виду то, что не соответствовало их предвзятому мнению, то есть то, что могло поколебать их веру или веру тех, кого они убеждали, или же то, что, по их мнению, могло обидеть советские власти, гостеприимно принимавшие иностранные делегации. По мнению послевоенного поколения западных исследователей, вред от работ этих авторов для западной историографии заключался в искаженном, неполном и неточном отображении реальной жизни в СССР⁹³¹.

Как и в случае с книгой «Красная медицина», монография Сигериста о советском здравоохранении была написана в большей степени исходя из внутриамериканской повестки, для американской аудитории и с целью оказать влияние на систему здравоохранения США. В 1940 г. Сигерист издал отдельную брошюру под названием «Программа здравоохранения для американского народа», которая предлагала внедрение модели государственного здравоохранения («социализированной медицины»). За эти взгляды Сигерист подвергся настоящей травле со стороны Американской медицинской ассоциации⁹³².

Позднее Сигерист был приглашен в Канаду для разработки системы здравоохранения в провинции Саскачеван, где к власти пришла социалистическая администрация. Он обследовал про-

⁹³⁰ Ратманов П.Э. Советское здравоохранение в освещении западных авторов (1920–1960-е гг.) // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России. – 2013. – № 3 (12). – С. 7.

⁹³¹ Field M.G. Soviet socialized medicine: an introduction. Soviet socialized medicine. – Free Press, 1967.

⁹³² Венгрова И.В. К 100-летию со дня рождения Генри Эрнста Сигериста (1891–1957) // Здравоохранение Российской Федерации. – 1991. – № 12. – С. 25–27.

винцию и с учетом того, что около 70% ее населения составляли крестьяне, заложил в основу своей системы участковый принцип обслуживания, создание центров здоровья в сельской местности и передвижных поликлиник для борьбы с туберкулезом и венерическими болезнями, а также для оказания зубоврачебной помощи. Особое внимание он обратил на тяжелое положение индейцев и подчеркнул, что власти провинции должны обеспечивать охрану их здоровья за государственный счет. Предложенная Сигеристом программа здравоохранения провинции была реализована в течение 10 лет. Также Сигерист в качестве консультанта участвовал в работе по обследованию состояния здравоохранения в Индии в 1944 г.⁹³³

Летом 1938 г. Сигерист в третий раз посетил Советский Союз, но в этот раз уже не для сбора информации, а как руководитель туристической группы для показа иностранцам достижений советского здравоохранения⁹³⁴.

Из европейских стран наибольший интерес к СССР в 1930-е гг. отмечался во Франции, где в этот период наблюдалось заметное «полевение» политики. Особенно много для установления советско-французских отношений сыграл французский политик-социалист, бывший премьер-министр Франции и друг СССР Э. Эррио (*Édouard Marie Herriot*). Он несколько раз посетил Советский Союз, а в 1933 г. основной целью его визита стало обеспечение дальнейшего сближения, которое затем привело к заключению франко-советского договора 1935 г.⁹³⁵. В русле этого сотрудничества в середине 1930-х гг. в Париже была проведена франко-советская медицинская неделя. Инициатива проведения этого мероприятия исходила от созданного во Фран-

⁹³³ Там же; Duffin J. Sigerist in Saskatchewan: The Quest for Balance in Social and Technical Medicine / J. Duffin, L.A. Falk // *Bulletin of the History of Medicine*. – 1996. – Vol. 70. – № 4. – P. 658–683.

⁹³⁴ Hutchinson J.F. Dances with Commissars: Sigerist and Soviet Medicine // *Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist* / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 250; ГАРФ. Ф.Р8009, оп.10, д.46. Переписка с областными медицинскими учреждениями о приеме и обслуживании американской делегации врачей.

⁹³⁵ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – С. 198.

ции Общества франко-советской дружбы. Из СССР приехало несколько крупнейших ученых, в частности Н.Н. Бурденко, А.Д. Сперанский, П.Ф. Здродовский, К.М. Быков и другие. По мнению Рубакина, в целом эта неделя прошла очень успешно⁹³⁶.

После 1936 г. во Франции недолго проработало правительство Народного фронта, некоторые министры которого придерживались вполне просоветских взглядов. В ноябре 1936 г. Советский Союз посетил министр здравоохранения Франции Анри Селье (*Henri Sellier*), для которого были организованы экскурсии по лечебным и профилактическим учреждениям, а также встреча с его коллегой – наркомом здравоохранения СССР Г.Н. Каминским. Через год, в ноябре 1937 г., преемник Селье на должности министра здравоохранения Франции Марк Рюкар (*Marc Émile Rucart*) также совершил поездку в Советский Союз и высоко оценил советское здравоохранение. Рюкар провел встречу с новым наркомом здравоохранения СССР М.Ф. Болдыревым. Каминский в это время уже был репрессирован. Болдырев же будет арестован в июле 1938 г.⁹³⁷

По мнению исследователя советской культурной дипломатии М. Дэвида-Фокса, межвоенный период был порой наивысшего энтузиазма западных интеллектуалов в отношении «новой России». Со своей стороны Советский Союз выстроил хорошо отлаженную систему презентации страны иностранцам, в основе которой лежала демонстрация образцовых объектов⁹³⁸. Но в эпоху Большого террора в конце 1930-х гг. внешняя политика советского государства стала сворачивать в сторону изоляционизма, а начавшаяся новая мировая война практически свела на нет пропаганду советского здравоохранения за рубежом.

⁹³⁶ Рубакин А.Н. Из воспоминаний о франко-советских медицинских связях // Клиническая медицина. – 1960. – Т. XXXVIII. – № 8. – С. 153–156; Рубакин А.Н. Международные связи советской медицины // История медицины СССР / ред. Б.Д. Петров. – М.: Медицина, 1964. – С. 33.

⁹³⁷ ГАРФ. Ф.Р8009, оп.10, д.46. Вырезки из советских и иностранных газет о международных конгрессах по здравоохранению и о посещении Советского Союза представителями иностранных государств.

⁹³⁸ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – С. 240–241, 379.

§ 6.2. Работа представительства Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в США в 1943–1947 гг.

С началом Второй мировой войны научно-медицинские контакты СССР с Германией, а также с оккупированными гитлеровскими войсками Францией и другими странами Западной Европы прекратились. В то же время укрепились медицинские связи России с ее союзниками по антигитлеровской коалиции – США и Великобританией.

В сентябре 1941 г. в СССР начала работать Миссия Американского Красного Креста. Ее основной задачей было поддержание связи между краснокрестными организациями двух стран по направлению в СССР медикаментов и медицинского оборудования⁹³⁹. Делегатом Американского Красного Креста в СССР был Дж. Николсон (*James Nicholson*).

Американский Красный Крест организовал направление помощи в СССР в виде поставок медикаментов, перевязочного материала и медицинского оборудования. Первая посылка с инсулином, вакциной против газовой гангрены, перевязочным материалом и больничной одеждой на сумму 43,5 тыс. дол. была отправлена из американского порта 20 сентября 1941 г.⁹⁴⁰. К лету 1942 г. эта помощь приобрела огромные масштабы: стоимость отправленного на 20.07.1942 снабжения составила 3,9 млн дол., а находящегося в состоянии закупки и ожидания отправки – 4,1 млн дол.⁹⁴¹.

С целью развития сотрудничества СОКК и КП СССР с национальными обществами Красного Креста США и Великобритании в последующем в этих странах были учреждены и активно работали представительства Советского Красного Креста⁹⁴².

⁹³⁹ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.5, д.63, л.67–72. Копия письма Председателю Исполкома СОКК и КП СССР С.А. Колесникова от делегата Американского Красного Креста в СССР Д.Т. Николсона от 15.11.1941 (г. Куйбышев).

⁹⁴⁰ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.15, л.4. Перевод письма Послу СССР в США М. Литвинову от председателя Американского Красного Креста Н. Дэвиса от 30.07.1942.

⁹⁴¹ Там же. Л. 6.

⁹⁴² Рубакин А.Н. Международные связи советской медицины // История медицины СССР / ред. Б.Д. Петров. – М.: Медицина, 1964. – С. 35; Поддубный М.В. Международное сотрудничество Наркомата здравоохранения РСФСР в период 1920–1930 го-

Положение о Миссии СОКК и КП СССР в США (*Mission of Alliance of Red Cross and Red Crescent Societies of the USSR in the USA*) было утверждено постановлением Совнаркома СССР № 93 от 25.01.1943. В задачи Миссии входило следующее:

а) представительство интересов СОКК и КП СССР в Обществе Красного Креста США и других общественных организациях США;

б) поддержание постоянного контакта с организациями Красного Креста, научными медицинскими обществами, институтами, другими организациями и учреждениями США, занимающимися вопросамиказания помощи больным, раненым и другим лицам, пострадавшим от военных действий;

в) обмен опытом работы в области медицинской помощи больным и раненым и помощи гражданскому населению, пострадавшему от военных действий;

г) информация краснокрестных организаций и общественности США о работе СОКК и КП СССР, о его достижениях и нуждах в деле оказания помощи больным и раненым бойцам Красной Армии и гражданскому населению, пострадавшему от военных действий, с выступлениями с этой целью в печати, на заседаниях обществ, на собраниях и массовых митингах;

д) информация Исполкома СОКК и КП СССР о формах и методах работы краснокрестных организаций США, о новейших достижениях медицинской научной практики, об организации дела обслуживания больных и раненых военнослужащих и гражданского населения, пострадавшего от военных действий, а также о всех посылаемых в адрес Исполкома СОКК и КП СССР медикаментах, медимуществе и других видах помощи, организуемой краснокрестными и общественными организациями;

е) содействие быстрейшей реализации средств, выделенных организациями Красного Креста США, а также средств, собранных различными организациями и лицами в фонд медицинской помощи Красной Армии и гражданскому населению СССР⁹⁴³.

дов / М.В. Поддубный, И.В. Егорышева, А.В. Морозов // Вестник современной клинической медицины. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 74–78.

⁹⁴³ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.5, д.63, л.4–7. Копия постановления Совнаркома СССР № 93 от 25.01.1943 «Об утверждении Положения о Миссии Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца в США».

Согласно смете, утвержденной распоряжением Совнаркома СССР № 269р от 06.01.1943, на содержание Миссии СОКК и КП СССР в США (г. Вашингтон) на 1943 г. в ее штат выделили двух человек: представителя и секретаря-машинистку⁹⁴⁴. На членов Миссии СОКК и КП СССР в США, как и на членов Миссии Американского Красного Креста в СССР, имеющих дипломатические паспорта, распространялись дипломатические права и привилегии. Официальный статус обязывал согласовывать с посольством содержание всех публичных выступлений главы Миссии.

С января 1941 г. председателем Исполкома СОКК и КП СССР был доктор С.А. Колесников, совмещавший эту должность с работой в Наркомздраве СССР в качестве первого заместителя наркома⁹⁴⁵. До работы в Наркомздраве С.А. Колесников был ассистентом кафедры госпитальной хирургии 1-го Московского государственного медицинского института (МГМИ). Назначение представителем СОКК и КП СССР в США доктора медицинских наук и профессора кафедры факультетской хирургии 1-го МГМИ Владимира Владимировича Лебеденко (1894–1946), вероятно, было связано с его личным знакомством с С.А. Колесниковым и патронажем со стороны Н.Н. Бурденко⁹⁴⁶.

В.В. Лебеденко родился в Москве в семье служащего, учился на медицинском факультете Московского университета. В годы Первой мировой войны он в течение 1,5 лет работал в отрядах и лазаретах РОКК. После окончания учебы в 1919 г. он стал ординатором хирургической клиники Воронежского университета, где тогда работал Н.Н. Бурденко. С тех пор вся научная и преподавательская деятельность В.В. Лебеденко протекала совместно с будущим академиком и под его руководством. Много лет он был ближайшим помощником Н.Н. Бурденко – его «правой рукой»⁹⁴⁷.

⁹⁴⁴ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.21, л.2. Смета на содержание Миссии Исполкома СОКК и КП СССР в США (г. Вашингтон) на 1943 год.

⁹⁴⁵ Глянец С.П. Сергей Колесников. Судьба хирурга: История сердечно-сосудистой хирургии России. – М.: НЦССХ РАМН, 2008. – С. 52.

⁹⁴⁶ Ратманов П.Э. Врач по призванию, дипломат поневоле // Медицинская газета. – 2020. – 23 дек. – № 51. – С. 15.

⁹⁴⁷ Профессор В.В. Лебеденко (некролог) / Н.Н. Бурденко [и др.] // Хирургия. – 1946. – № 12. – С. 67.

После возвращения в Москву В.В. Лебеденко последовательно занимал должности ординатора, ассистента кафедры оперативной хирургии, приват-доцента, доцента, а с 1937 г. – профессора кафедры факультетской хирургической клиники медицинского факультета Московского университета (с 1930 г. – 1-го Московского медицинского института).

Профессор В.В. Лебеденко был автором более 40 работ по хирургической нейропатологии и нейрофизиологии, в частности по различным вопросам клинической и экспериментальной хирургии, вопросам лечения последствий военных травм, травм центральной и периферической нервной системы, хирургической эндокринологии. Его самая заметная монография была посвящена лечению опухолей спинного мозга⁹⁴⁸.

После смерти В.В. Лебеденко коллеги охарактеризовали его как «клинициста, блестящего хирурга, прекрасного физиолога-экспериментатора, широко и всесторонне образованного врача, опытного преподавателя», отмечая его разностороннюю эрудицию⁹⁴⁹. За свою научную работу в 1942 г. он был удостоен звания «Заслуженный деятель науки РСФСР». В 1945 г. он был награжден орденом «Трудового Красного Знамени» уже за научные и общественные заслуги.

В 1941 г. В.В. Лебеденко был избран заведующим кафедрой факультетской и госпитальной клиник санитарно-гигиенического факультета 1-го Московского медицинского института. В годы Великой Отечественной войны он работал не только в институтских клиниках, но и в 7-м Центральном военном клиническом авиационном госпитале (с 1943 г. – Центральный авиационный госпиталь Наркомата обороны СССР, сейчас – Филиал № 1 ГВКГ им. Н.Н. Бурденко). В 1941–1942 гг. научные публикации В.В. Лебеденко были посвящены хирургической помощи при черепно-мозговых ранениях и ранениях периферических нервов⁹⁵⁰.

⁹⁴⁸ Лебеденко В.В. Клиника и оперативное лечение опухолей спинного мозга: по материалам факультетской хирургич. клиники 1 ММИ. – М.: 1-й Моск. мед. ин-т, 1937.

⁹⁴⁹ Профессор В.В. Лебеденко (некролог) / Н.Н. Бурденко [и др.] // Хирургия. – 1946. – № 12. – С. 67.

⁹⁵⁰ Лебеденко В.В. О сроках восстановительной хирургии при ранениях периферических нервов // Хирургия. – 1942. – № 10. – С. 48–52; Лебеденко В.В. О хирургии

До назначения на фактически дипломатическую должность представителя СОКК и КП СССР в США В.В. Лебеденко был в первую очередь хирургом и преподавателем, хотя занимался и общественной деятельностью. Он был членом ВКП(б), избирался депутатом Моссовета и Фрунзенского райсовета Москвы, а также был членом бюро секции научных работников и членом правления Всесоюзного хирургического общества⁹⁵¹.

Необходимо отметить, что должность представителя СОКК и КП СССР в США в годы Великой отечественной войны не была уникальной. Аналогичная миссия была создана и в Великобритании. Представителем СОКК и КП СССР в Великобритании был назначен другой известный ученый – директор Института мозга профессор С.А. Саркисов.

Перечень задач, который был поставлен перед новым представителем СОКК и КП СССР в США, выходил далеко за пределы компетенции краснокрестных организаций. Перед отъездом В.В. Лебеденко в США управления Наркомздрава СССР поставили перед ним такой обширный перечень вопросов, что для подготовки ответов потребовалась бы работа большого научно-исследовательского института⁹⁵². Но все-таки первоочередной задачей, стоявшей перед В.В. Лебеденко в Америке, и основой причиной восстановления представительства СОКК и КП СССР в США была координация на месте сбора и отправления помощи в СССР по линиям Американского Красного Креста, Ленд-Лиза (*Lend-Lease*) и благотворительного «Общества помощи России в войне» (*Russian War Relief*, далее – *RWR*)⁹⁵³.

ческом лечении инфицированных черепно-мозговых ранениях и о глухом шве при них // Хирургия. – 1942. – № 11–12. – С. 49–60; Лебеденко В.В. Хирургическое лечение рассеянной склеродермии // Сборник работ по военно-полевой и общей хирургии, посвященный XXX-летию научной, врачебно-педагогической и общественной деятельности заслуженного деятеля науки, профессора, доктора медицинских наук А.В. Смирнова. – Л.: Медгиз, 1944. – С. 173–179.

⁹⁵¹ Профессор В.В. Лебеденко (некролог) / Н.Н. Бурденко [и др.] // Хирургия. – 1946. – № 12. – С. 67; ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.142–135. Отчет о поездке в Нью-Йорк [В.В. Лебеденко в сентябре 1943 г.].

⁹⁵² ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.15, л.1–3. [Вопросы представителю СОКК и КП в США от управлений Наркомздрава СССР].

⁹⁵³ Carter E.C. Russian War Relief // Slavonic and East European Review. American Series. – 1944. – Vol. 3. – № 2. – P. 61–74.

В.В. Лебеденко прибыл в США 25 марта 1943 г. Первоначально предполагалось, что Миссия СОКК и КП СССР в США будет располагаться в здании Посольства ССР, но из-за нехватки помещений она была развернута в здании Правительственной закупочной комиссии (*Government Purchasing Commission of the Soviet Union*, далее – ПЗК) СССР в США. Много лет Миссия находилась по адресу: *1610 Park Road N.W., Washington, D.C.*

ПЗК СССР в США была крупной организацией и имела в своей структуре более 25 отделов. Число сотрудников ПЗК и «Амторга» только в Вашингтоне и Нью-Йорке составляло около пяти тысяч человек⁹⁵⁴. Начальником отдела химических товаров ПЗК был капитан И.С. Степанов, а в состав отдела входил сектор медицинского обеспечения. Миссия СОКК и КП СССР в США взаимодействовала именно с отделом химических товаров ПЗК⁹⁵⁵.

Еще до приезда В.В. Лебеденко в ПЗК были заведены карточки по наименованиям медикаментов, инструментарию и аппаратуре. В карточки заносились объем заказа, время его поступления, сроки выполнения, вес и цена. Затем сотрудники Миссии СОКК и КП СССР в США и ПЗК заносили в эти карточки данные о пароходах, времени погрузки, отправки и прихода в советские порты⁹⁵⁶.

Первый наемный сотрудник Миссии был принят только 29 апреля 1943 г. Им стала машинистка, американка без знания русского Л. Верин (*Layna Verin*)⁹⁵⁷. Поскольку в это время В.В. Лебеденко английский язык знал плохо, а в принятии на работу переводчика ему было отказано, данное обстоятельство сильно осложняло работу Миссии в первые месяцы ее существования.

⁹⁵⁴ Север А. Маршал с Лубянки. Берия и НКВД в годы войны. – М.: Алгоритм, 2008. – С. 109.

⁹⁵⁵ Organization Chart of Soviet Purchasing Commission in 1944 | CIA FOIA (Freedom of Information Act Electronic Reading Room) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-00926a001200030002-5> (дата обращения: 21.04.2020).

⁹⁵⁶ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.21, л.30. Докладная записка и информация Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 26.06.1943.

⁹⁵⁷ Там же, л. 23.

Если в 1920–1930-е гг. деятельность Миссии СОКК и КП СССР в США концентрировалась на финансовых (оформление пенсий ветеранов армии США на родственников в СССР) и информационных вопросах, то сам В.В. Лебеденко видел смысл своей миссии в поддержании «престижа Советского Ученого, представителя громадной общественной организации, (...) престижа Родины»⁹⁵⁸.

Поэтому с начала своей работы в США В.В. Лебеденко включился в общественную жизнь медицинского мира США: за первый месяц работы за океаном он сделал 4 доклада – два на заседаниях врачебных обществ и по одному на съезде невропатологов и на заседании Академии наук. Именно эта активность, по его собственному мнению, позволила достичь результата – «допуска в учреждения с закрытыми или полузакрытыми дверями»⁹⁵⁹.

В июле 1943 г. глава Миссии СОКК и КП СССР в США познакомился с главным хирургом США (*Surgeon General of the United States* – руководитель службы общественного здоровья США) Томасом Пэрреном (*Thomas Parran Jr.*). Пэррен был близок к президенту США Ф. Рузвельту (*Franklin D. Roosevelt*) и в разговорах с В.В. Лебеденко высказывался о широком обмене информацией в области здравоохранения на государственном уровне. Главный хирург США озвучивал непопулярную в медицинских кругах Америки идею об открытии дверей Советскому Союзу и показывал готовность оказать содействие с посещением лабораторий, доступ к которым для иностранцев был ограничен. Также Т. Пэррен считал желательным приезд в США полномочного представителя Наркомздрава СССР для урегулирования ряда важных вопросов по аналогии с опытом Продовольственной миссии СССР⁹⁶⁰.

В связи с содержанием этого разговора В.В. Лебеденко обратился к советнику Посольства СССР в США А.А. Громыко для получения дальнейших указаний, но последний посовето-

⁹⁵⁸ Там же, л.24.

⁹⁵⁹ Там же.

⁹⁶⁰ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.90. Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 27.10.1943.

вал решать эти вопросы по линии Наркомздрава СССР и Красного Креста⁹⁶¹. В этих условиях В.В. Лебеденко вынужден был решать поставленную перед ним задачу ознакомления с медицинскими и научными организациями США путем личных знакомств, особенно через врачей, симпатизирующих СССР. Для усиления контакта с научным миром США В.В. Лебеденко предлагал направить за океан еще 1–2 ученых-медиков из СССР. Глава Миссии СОКК и КП СССР в США писал в Москву: «Нужны глаза и уши. Нельзя обнять необъятного одному человеку»⁹⁶².

Публичная деятельность В.В. Лебеденко не ограничивалась выступлениями перед медицинским сообществом. В июне 1943 г. на страницах одного из ведущих медицинских журналов США – «Журнала Американской медицинской ассоциации» (*«Journal of the American Medical Association»*, *JAMA*) – вышла его короткая заметка о подготовке медицинского персонала в СССР до и во время Великой Отечественной войны⁹⁶³. Также в этом номере *JAMA* в обзор иностранной медицинской прессы был включен журнал «Вопросы нейрохирургии»⁹⁶⁴.

Особое значение этим публикациям придает то обстоятельство, что редактор журнала *JAMA*, доктор М. Фишбеин (*Morris Fishbein, MD*), до Второй мировой войны был настроен исключительно плохо по отношению к СССР⁹⁶⁵. В.В. Лебеденко охарактеризовал его как «одну из мрачных реакционных фигур среди врачей Америки»⁹⁶⁶. Он занимался травлей врачей, которые были неосторожны в своих чувствах и поступках в отношении Советского Союза. Например, он написал статью, направленную против проф. А. Сигериста, который выпустил книгу о советском здравоохранении. На страницах *JAMA* М. Фишбеин

⁹⁶¹ Там же. Л. 89.

⁹⁶² Там же Л. 80.

⁹⁶³ Lebedenko V.V. Training of Medical Personnel in USSR before and during the Present War // *Journal of the American Medical Association*. – 1943. – Vol. 122. – № 7. – P. 449–450.

⁹⁶⁴ Current Medical Literature // *Journal of the American Medical Association*. – 1943. – Vol. 122. – № 7. – P. 465–472.

⁹⁶⁵ Barclay W.R. Morris Fishbein, MD-1889–1976 Editor of JAMA-1924–1950 // *JAMA*. – 1976. – Vol. 236. – № 19. – P. 2212–2212.

⁹⁶⁶ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.58. Отчет о поездке в Чикаго-Детройт 12–23 августа 1943 г. [Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко].

требовал удаления из Университета Джона Хопкинса «красного профессора» А. Сигериста⁹⁶⁷. Только после вступления Америки в войну и публикации Совинформбюро об успехах советской медицины он стал проявлять к ней интерес.

В августе 1943 г. в вашингтонском медицинском журнале «*Medical Annals of the District of Columbia*» («Медицинские анналы округа Колумбия») была опубликована статья В.В. Лебеденко «*Progress of Medicine During War*» («Прогресс медицины во время войны»)⁹⁶⁸. Это был текст доклада, прочитанного в медицинском обществе округа Колумбия 12 мая 1943 г. и посвященного организации помощи раненым Красной Армии во время Великой Отечественной войны.

В период Второй мировой войны в США наблюдался «взрыв интереса к Советскому Союзу и его народу»⁹⁶⁹. Поэтому о работе представителя СОКК и КП СССР в США В.В. Лебеденко писала не только специализированная медицинская пресса. Репортаж о нем с фотографией В.В. Лебеденко был опубликован летом 1943 г. в газете «*New York Times*»⁹⁷⁰. В феврале 1944 г. на страницах журнала *TIC*, издаваемого фирмой-производителем стоматологического оборудования *Ticonium*, вышла статья В.В. Лебеденко о советском здравоохранении, ставшая частью тематического номера о системах здравоохранения в мире⁹⁷¹.

В апреле 1943 г. В.В. Лебеденко также посетил большое количество различных лечебных и научных учреждений в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Вашингтоне, Филадельфии и Балтиморе. В своем отчете представитель СОКК и КП СССР в США приводит массу деталей и особенностей больничного дела в Америке, а также постоянно проводит параллели с советскими реалиями

⁹⁶⁷ Там же.

⁹⁶⁸ Lebedenko V. V. Progress of Medicine During War. Part II // *Medical Annals of the District of Columbia*. – 1943. – Vol. XII. – № 8. – P. 293–294.

⁹⁶⁹ Громыко А. А. Памятное. Новые горизонты. Кн. 1. – М.: Центр полиграф, 2015. – С. 172.

⁹⁷⁰ Russian Army Surgeon Inspects Blood Center // *New York Times*. – 1943. – 18 Jun. – P. 6.

⁹⁷¹ Lebedenko V. V. Health Care in the Soviet Union // *TIC*. – 1944. – P. 10–13.

благодаря большому личному опыту⁹⁷². В первых впечатлениях об американских больницах В.В. Лебеденко обращает внимание на высокий уровень организации работы больниц, их отличное материально-техническое обеспечение и изобилие расходного материала.

Посещение американских военных госпиталей имело не только ознакомительную функцию. Представителю СОКК и КП СССР и сотрудникам ПЗК необходимо было проверить то, что именно США предлагают приобрести Советскому Союзу по программе Ленд-Лиза. В итоге было обнаружено, что предлагаемые СССР госпитали включали много ненужного медицинского имущества, а с другой стороны, не имели того, что было в советских списках. Советские представители проверяли не только количество и наименование медицинского имущества, но и его качество.

Уже летом 1943 г. В.В. Лебеденко пришел к выводу, что списки, по которым предлагалось приобретение госпитального имущества, оказались устаревшими. В США эти списки были коренным образом изменены в течение войны. Глава Миссии СОКК и КП СССР в США рекомендовал ПЗК отказаться от приобретения медицинского имущества по старому списку, т.к. в нем было устаревшее и снятое с производства имущество⁹⁷³.

Будучи хирургом, В.В. Лебеденко особенно пристально осматривал хирургический инструментарий американского производства. Он оценил его качество как невысокое: «далеко, и очень, от совершенства»⁹⁷⁴. Это обстоятельство объяснялось тем, что США только в 1940-х гг. начали осваивать производство хирургического инструментария. До войны американские врачи пользовались исключительно импортным (в частности, немецким и шведским) оборудованием⁹⁷⁵.

⁹⁷² ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.21, л.25–29. Докладная записка и информация Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 26.06.1943.

⁹⁷³ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.94–91. Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 27.10.1943.

⁹⁷⁴ Там же. Л. 93.

⁹⁷⁵ Там же. Л. 92.

Положительной оценки В.В. Лебеденко было удостоено американское оборудование операционной. В него входили автоклав, дистиллятор, стерилизаторы и т.п. Этот комплекс был небольшим по объему, простым и удобным для транспортировки, а нагрев был приспособлен к разному виду топлива. Также в комплект входили «великолепная» осветительная аппаратура как для палат, так и для операционной, хорошо оборудованная кухня, но слишком громоздкое аптечное и лабораторное оборудование⁹⁷⁶.

Назначение на должности представителей СОКК и КП СССР в США и Великобритании известных советских профессоров, а не советских или партийных функционеров было оценено по достоинству. Председатель Американского Красного Креста, дипломат Норман Дэвис (*Norman Davis*), обратил особое внимание на то, что СССР «направил в США и Англию квалифицированных специалистов – врачей-профессоров»⁹⁷⁷.

В мае 1943 г. В.В. Лебеденко включился в работу создаваемого «Американо-советского медицинского общества по обмену медицинской информацией» (*American-Soviet Medical Society for the Exchange of Medical Information*, далее – АСМО). Согласно уставу, целью общества было развитие сотрудничества между медиками США и СССР, сбор и обмен информацией о развитии медицины и научных достижениях двух стран⁹⁷⁸.

Весной 1943 г. АСМО вело подготовительную работу по изданию журнала о советской медицине, и В.В. Лебеденко установил связь с отцом-основателем этого издания – профессором Анри Сигеристом⁹⁷⁹. Поскольку все финансовые и организационные вопросы по изданию журнала взяла на себя американская сторона, то от СССР требовались только медицинская литература и материалы хроники.

⁹⁷⁶ Там же. Л. 92–91.

⁹⁷⁷ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.21, л.31. Докладная записка и информация Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 26.06.1943.

⁹⁷⁸ *Medical News // Journal of the American Medical Association*. – 1943. – Vol. 122. – № 7. – P. 454–457; *Society news and notes // American Review of Soviet Medicine*. – 1943. – Vol. 1. – № 1. – P. 457.

⁹⁷⁹ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.21, л. 32, 37–38. Докладная записка и информация Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 26.06.1943; *Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist. Making medical history / eds. E. Fee, T.M. Brown*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.

Издание журнала о советской медицине соответствовало одной из задач, поставленных перед В.В. Лебеденко: пропаганда принципов советского здравоохранения и советской медицины в Америке. Успеху этого начинания способствовал громадный интерес к СССР в США в 1942–1943 гг. Американское медицинское сообщество было заинтриговано цифрами возврата бойцов в строй после ранения в СССР, и это заставляло задуматься и искать причину такого успеха⁹⁸⁰. Истории журнала о советской медицине посвящен следующий параграф нашего исследования.

13 июня 1943 г. в Нью-Йорке состоялось торжественное открытие организованного общества (АСМО). Выступление профессора В.В. Лебеденко было посвящено профессору Н.Н. Бурденко, которого наградили званием «Героя Социалистического Труда»⁹⁸¹. 18 июня 1943 г. АСМО организовало в Нью-Йорке в гостинице Пенсильвания (*Hotel Pennsylvania*) на Манхэттене торжественный обед в честь профессора и «медицинского посла» СССР В.В. Лебеденко, где американская медицинская общечественность выразила поддержку советскому народу в борьбе с фашистскими захватчиками⁹⁸². На обеде присутствовало более 600 чел. Открыл мероприятие выдающийся американский физиолог – профессор Уолтер Кеннон (*Walter B. Cannon*). Он, как и многие другие выступавшие, отмечал недооценку американскими врачами советской медицины⁹⁸³. В дальнейшем В.В. Лебеденко участвовал во всех собраниях АСМО вплоть до своего отъезда из США летом 1946 г., представляя медицинские интересы СССР и заведя большое число американских друзей.

В августе 1943 г. В.В. Лебеденко посетил Чикаго и Детройт по согласованию с советским Посольством в США. Программа поездки была организована АСМО, Советско-американским

⁹⁸⁰ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.21, л.33. Докладная записка и информация Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 26.06.1943.

⁹⁸¹ Там же. Л. 58.

⁹⁸² Society news and notes // American Review of Soviet Medicine. – 1943. – Vol. 1. – № 1. – P. 87–93; Lear W.J. Hot War Creation, Cold War Casualty: The American-Soviet Medical Society, 1943–1948 // Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 266.

⁹⁸³ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.21, л.59. Докладная записка и информация Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 26.06.1943.

обществом дружбы и *RWR*. Основной целью поездки были встречи с представителями общественных организаций, оказывающих помощь Советскому Союзу⁹⁸⁴. Глава Миссии СОКК и КП СССР в США также выступил на Всеславянском митинге в Чикаго, на котором собрались русские, украинские, польские, чешские и югославские эмигранты. Со слов В.В. Лебеденко, его появление в зале и на трибуне вызывали исключительную реакцию со стороны аудитории. В конце митинга аудитория буквально в течение 10 минут собрала около 2000 долларов на подарки Красной Армии⁹⁸⁵.

Особенно большое впечатление на В.В. Лебеденко произвела деятельность *RWR* в Чикаго. В работе организации он почувствовал искренность, желание действительно помочь СССР и увеличить объем помощи. Отделение Американского Красного Креста, напротив, показалось представителю СОКК и КП СССР в США чисто чиновничьим и бюрократическим учреждением. Если в *RWR* сумели организовать работу для помощи СССР в воскресные дни и ежедневно в любое время, а также без оплаты труда и добровольно, то аппарат Американского Красного Креста, со слов В.В. Лебеденко, имел «тот же запах, который был свойствен Кр[асному] Кресту в России в 1914–1917 гг.»⁹⁸⁶.

В Чикаго и Детройте В.В. Лебеденко проводил официальные встречи не только со «сливками общества» – богатыми американцами и руководителями крупных благотворительных организаций, но и с рабочими, как правило, русскими эмигрантами. По мнению В.В. Лебеденко, на этих встречах и собраниях он достигал своей главной цели – добивался перелома настроений по отношению к СССР: от ненависти к симпатии⁹⁸⁷.

В начале сентября 1943 г. В.В. Лебеденко совершил поездку в Нью-Йорк, основной целью которой была необходимость уточнения списка заказа различного оборудования и инструментария

⁹⁸⁴ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.65–55. Отчет о поездке в Чикаго-Детройт 12–23 августа 1943 г. [Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко].

⁹⁸⁵ Там же. Л. 65.

⁹⁸⁶ Там же. Л. 64.

⁹⁸⁷ Там же. Л. 63.

по линии *RWR*⁹⁸⁸. При составлении списка В.В. Лебеденко исходил главным образом из основной задачи – послать новое оборудование: как разумное в военное время, так и годное в мирное. Поэтому он посчитал нужным включить в этот список такие установки, как аппаратуру для электрошока и аппаратуру для лечения высокой температурой гонореи и сифилиса⁹⁸⁹.

В середине сентября 1943 г. по приглашению главного хирурга Американской армии (*Surgeon General of the United States Army*) генерала Н. Керка (*Norman T. Kirk*) советская делегация в составе трех сотрудников ПЗК и В.В. Лебеденко выехала в г. Буффало на выставку медицинского оборудования с целью уточнения списка поставок помощи в СССР по линии *RWR*⁹⁹⁰.

30 сентября 1943 г. В.В. Лебеденко принял участие в заседании Американского общества истории медицины в Нью-Йорке. Заседание проходило под председательством профессора А. Кастиглиони (*Arturo Castiglioni*), а аудитория насчитывала более 600 чел. Первым докладом было выступление проф. А. Сигериста о медицине России до и после революции 1917 г. С точки зрения советской пропаганды, этот доклад был идеологически правильным, так как основывался на докладе наркома здравоохранения Г.А. Митерева, а главным его акцентом был тезис о том, что своими успехами советская медицина обязана советской политической системе. В заключение заседания слово было предоставлено В.В. Лебеденко, который поблагодарил американскую общественность за помощь СССР в войне с нацистской Германией⁹⁹¹.

Осенью 1943 г. Президиум Нью-Йоркской Медицинской Академии предложил ввести членами-корреспондентами академии ряд представителей советской медицины. Президиум прислал В.В. Лебеденко список кандидатов с просьбой дать краткие биографические сведения. Советская сторона согласилась на это предложение, потому что это ни к чему не обязывало, но зато

⁹⁸⁸ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.142–135. Отчет о поездке в Нью-Йорк [В.В. Лебеденко в сентябре 1943 г.].

⁹⁸⁹ Там же. Л. 142–141.

⁹⁹⁰ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.134–133. [Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко за сентябрь-октябрь 1943 г.].

⁹⁹¹ Там же. Л. 122–120.

положительно отражалось на признании авторитета советских медиков⁹⁹².

7 ноября 1943 г. В.В. Лебеденко выступил с докладом о советской медицине на сессии «Общественное здоровье и медицина военного времени в СССР» («*Public Health and War Time Medicine in the USSR*») Конгресса американо-советской дружбы (*Congress of American-Soviet friendship*), организованного Национальным советом Американо-советской дружбы (*National Council of American-Soviet friendship*) и Американо-советским медицинским обществом⁹⁹³. Кроме него на сессии выступал академик У. Кеннон и проф. У. Пэнфилд (*Wilder Penfield*) из Канады. Большая аудитория была набита битком, присутствовало больше 1 000 человек, и реакция людей на выступления была исключительно теплой. Побывавший в СССР проф. Пэнфилд дал в целом очень высокую оценку советской медицине. Он особенно останавливался на ее организации на фронте и в специальных эвакуогоспиталях, отмечая, что в этом отношении американцам следует поучиться многому у советских врачей. Профессор также останавливался на оценке хирургической техники врачей СССР. Указывая на некоторые различия, он все же отметил, что она так же высока, как и техника американских хирургов⁹⁹⁴.

В ночь на 8 ноября 1943 г. В.В. Лебеденко был срочно вызван в Советское посольство в Вашингтоне, где посол сообщил о включении главы Миссии СОКК и КП СССР в США в состав советской делегации ЮНРРА⁹⁹⁵. Уже 9 ноября в Белом доме в Вашингтоне представителями 44 наций было подписано

⁹⁹² ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.83. Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 27.10.1943.

⁹⁹³ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.23. Речь профессора Лебеденко на сессии «Народное здравоохранение и медицина в СССР», приглашения, присланные Лебеденко на сессии и конгрессы.

⁹⁹⁴ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.163. [Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко за ноябрь-декабрь 1943 г.]; Avery D. Wartime Medical Cooperation across the Pacific: Wilder Penfield and the Anglo-American Medical Missions to the Soviet Union and China, 1943–1944 // *Pacific Science*. – 2000. – Vol. 54. – № 3. – P. 289–298; Penfield W. The Recent Surgical Mission to the USSR // *American Review of Soviet Medicine*. – 1943. – Vol. 1. – № 2. – P. 169–172.

⁹⁹⁵ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.162. [Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко за ноябрь-декабрь 1943 г.].

соглашение о создании Администрации помощи и восстановления Объединённых Наций (*United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UNRRA, ЮНРРА*). Эта организация была создана для оказания помощи в районах, освобожденных от держав гитлеровской коалиции⁹⁹⁶.

Сразу же после церемонии подписания соглашения представители 44 наций уехали на три недели в Атлантик-Сити. По итогам напряженной работы на этой трехнедельной конференции были созданы основные подходы к политике ЮНРРА. Делегаты активно и открыто обсуждали проблемы восстановления пострадавших от войны регионов и совместной помощи им⁹⁹⁷.

В итоге неожиданно для себя В.В. Лебеденко оказался невольным участником процесса разработки положений ЮНРРА. В Атлантик-Сити он приехал к открытию конференции вместе с послом и еще двумя товарищами, а остальная советская делегация прибыла туда к завершению работы подкомитетов. В первый период В.В. Лебеденко пришлось работать в трех подкомитетах — здравоохранения, благотворительных обществ и репатриации. Заседания подкомитетов происходили от 1 до 8 раз в день. Кроме того, в Атлантик-Сити проводились еще и заседания редакционных комиссий, значимость которых для работы этой конференции гораздо выше в сравнении с заседаниями подкомитетов, комитетов и совета в целом. Это объяснялось тем, что материал готовился редакционными комиссиями, и обычно он там же и получал окончательную форму. Подкомитеты же знакомились с материалом либо на самом заседании, либо за несколько часов до него с помощью журнала конференции. Из-за частого совпадения часов заседаний различных подкомитетов возможности присутствовать везде не было. В.В. Лебеденко приходилось каждый раз выбирать то или иное заседание исходя из повестки дня и значения вопросов, которые должны были обсуждаться.

Аналогичная ситуация наблюдалась в работе редакционных комиссий, то есть «фактической кухни всех комитетов». До

⁹⁹⁶ Reinisch J. Internationalism in Relief: The Birth (and Death) of UNRRA // Past & Present. — 2011. — Vol. 210. — Internationalism in Relief. — № suppl 6. — P. 260.

⁹⁹⁷ Greenstein H. The Atlantic City Conference and the UNRRA Program // The Compass. — 1944. — Vol. 25. — № 4. — P. 20–24.

приезда основной советской делегации положение было крайне трудным, и оно еще больше затруднялось тем, что Лебеденко не хватало знаний английского языка. Не спасало положения и то, что с первого же дня В.В. Лебеденко и его коллеги были обеспечены переводчиками ПЗК и Амторга. С одной стороны, это объяснялось тем, что переводчиков на всех не хватало. С другой стороны, хотя переводчики относительно точно могли прочесть (перевести) те или иные документы, то они совсем не справлялись с другой особенно важной на заседаниях задачей – анализировать все смысловые отклонения вносимых предложений, поправок и коррективов. Это ставило В.В. Лебеденко в крайне затруднительное положение, так как в деле принятия крайне серьезных межгосударственных положений эта своевременность была совершенно необходима⁹⁹⁸.

В начале 1944 г. В.В. Лебеденко писал в Москву, что работа в ЮНРРА является для него крайне трудной, и он «едва ли сможет справиться с ней хорошо»⁹⁹⁹. Решение главы советской делегации в ЮНРРА о том, чтобы В.В. Лебеденко в ней все же остался, повергло его в «крайнее уныние»¹⁰⁰⁰. Работа в ЮНРРА пугала его не только своей расплывчатостью, но и дипломатической насыщенностью и перспективой дальнейшего пребывания в США, а В.В. Лебеденко постоянно стремился вернуться в Советский Союз. Тем не менее, В.В. Лебеденко продолжил работать с этой международной организацией. С 13 по 27 сентября 1944 г. профессор В.В. Лебеденко выезжал в Монреаль (Канада) для участия в конференции ЮНРРА¹⁰⁰¹, а летом 1945 г. по делам этой же организации он ездил в Лондон¹⁰⁰².

Работа по линии поставок помощи в СССР также требовала от Лебеденко постоянного внимания. В 1943 г. Ленд-Лиз придерживался положения о том, что США обязаны поставить

⁹⁹⁸ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л. 160–159. [Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко за ноябрь-декабрь 1943 г.].

⁹⁹⁹ Там же. Л. 152.

¹⁰⁰⁰ Там же.

¹⁰⁰¹ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.177. Краткий отчет Миссии Исполкома СОКК и КП в США за период с 1-го августа по 1-е декабря 1944 г.

¹⁰⁰² ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.30, л.54–56. Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 23.07.1945.

в Советский Союз медицинское имущество на 12 млн долл. Причем все закупки медицинского имущества, которые проводили Американский Красный Крест (и его филиалы) и RWR, шли на погашение государственных обязательств. Это значит, что Ленд-Лиз учитывал все закупки неправительственных организаций для направления помощи в СССР, что приводило к уменьшению его обязательств. Например, RWR предполагал потратить около 3 млн долл. на приобретение медицинского имущества, а Американский Красный Крест до 1 марта 1943 г. отправил в СССР медицинское имущество на 4,5 млн руб. Но все это изначально учитывалось Ленд-Лизом в счет выполнения протоколов¹⁰⁰³. Только в середине мая 1943 г. Государственный департамент США разрешил использовать средства RWR сверх 12 млн долл.¹⁰⁰⁴. Американская сторона пыталась связать поставки медицинского оборудования в СССР с вопросом обмена опытом в области медицины, но советские представители в США ответили категорическим отказом¹⁰⁰⁵.

В октябре 1943 г. в секторе медицинского обеспечения ПЗК уже работали трое женщин-врачей: Е.А. Еремина, Гусева и Острейко. Одна из них была с небольшим хирургическим стажем, другая – терапевт, а третья – фармаколог, работавшая ранее у профессора-фармаколога А.А. Лихачева в Ленинграде¹⁰⁰⁶. В конце 1943 г. сектор пополнила врач О.Н. Петрова¹⁰⁰⁷. Появление новых сотрудниц значительно разгрузило В.В. Лебеденко в вопросах поставок медицинского оборудования и медикаментов в рамках помощи от США. С другой стороны, В.В. Лебеденко оценивал их кругозор и научный авторитет не очень высоко. Осенью 1943 г. он писал в Исполком СОКК и КП СССР: «Опереться на имеющуюся группу врачей, к сожалению, я не могу, т. к.

¹⁰⁰³ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.21, л. 34–35. Докладная записка и информация Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 26.06.1943.

¹⁰⁰⁴ Там же. Л. 37.

¹⁰⁰⁵ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.157. [Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко за декабрь 1943 г. – январь 1944 г.].

¹⁰⁰⁶ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.25, л.13. [Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко от 27.10.1943].

¹⁰⁰⁷ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.152. [Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко за декабрь 1943 г. – январь 1944 г.].

за исключением одной недавно прибывшей они не располагают мерилom сравнения из-за недостаточной для этого подготовленности»¹⁰⁰⁸. Поэтому все представительские и аналитические функции в медицинском и научном мире США ложились исключительно на одного В.В. Лебеденко.

В январе 1944 г. Миссию СОКК и КП СССР в США пополнил второй технический работник – О.М. Иванова, выехавшая из Москвы 9 декабря 1943 г. До Вашингтона она добиралась через Владивосток и Сиэтл, и в столицу США прибыла только 28 января 1944 г.¹⁰⁰⁹ В Миссии она проработала до лета 1944 г., а затем ее сменила Т.С. Хорцева¹⁰¹⁰.

По мере освобождения территории СССР от нацистских захватчиков в 1944 г. перед Миссией СОКК и КП СССР в США встали задачи по координации помощи США в восстановлении советских больниц (5000 коек). Если сначала Американский Красный Крест настаивал на том, чтобы восстанавливаемые при его участии советские больницы управлялись Советским Красным Крестом, то после переговоров он снял это условие¹⁰¹¹.

Во второй половине 1944 г. Миссия СОКК и КП СССР в США работала с группой советских врачей, прибывших в США для изучения протезно-ортопедической помощи («группа профессора Н.Н. Приорова» – доктор В.Н. Блохин и инженер М.М. Соколов). Профессор В.В. Лебеденко организовал для них встречу в Вашингтоне с главным хирургом Американской армии генералом Н. Керком и получил разрешение на посещение ими военных госпиталей¹⁰¹². В.В. Лебеденко лично сопровождал советских врачей с 14 августа по 1 сентября 1944 г., но последующие поездки этой группы врачей проходили без его участия.

¹⁰⁰⁸ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.80. Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 27.10.1943.

¹⁰⁰⁹ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.30, л.52. Отчет о расходах в пути на работу КК СССР в Вашингтон Ивановой О.М.

¹⁰¹⁰ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.30, л.3. Финансовый отчет Миссии Исполкома СОККи КП в США за октябрь 1944 г.

¹⁰¹¹ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.51, л.49–51. Письмо от председателя ИК СОКК и КП СССР С.А. Колесникова проф. В.В. Лебеденко от 29.06.1944 № ИН-32.

¹⁰¹² ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.177. Краткий отчет Миссии Исполкома СОКК и КП в США за период с 1-го августа по 1-е декабря 1944 г.

Согласно указаниям первого заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского, 3 октября 1944 г. профессор В.В. Лебеденко срочно вылетел в Монтевидео (Уругвай) для консультации по поводу болезни советского посла в Уругвае С.А. Орлова. Эта внеплановая командировка заняла почти целый месяц, так как много времени ушло на дорогу и нахождение у постели больного. По свидетельству В.В. Лебеденко, он застал С.А. Орлова «в агонирующем состоянии»: у посла был рак поджелудочной железы, что в последующем было подтверждено аутопсией¹⁰¹³. Во время пребывания в Уругвае В.В. Лебеденко посетил несколько больниц, встретился с общественными организациями помощи Советскому Союзу и представил в различных врачебных аудиториях три посвящённых советской медицине доклада, которые вызвали большой интерес.

По возвращении из Уругвая в ноябре 1944 г. В.В. Лебеденко два раза выезжал в Нью Йорк для участия в съезде Общества военных хирургов США (2–4 ноября) и для участия в конференции Советско-Американского медицинского общества (11–12 ноября), а затем был командирован в Канаду (14–20 ноября) для участия в конференции Советско-канадского общества.

На 52-м ежегодном Съезде военных хирургов США помимо В.В. Лебеденко также присутствовали проф. Н.Н. Приоров, доктор В.Н. Блохин, доктор Котов и инженер М.М. Соколов. Последний интересовался выставкой медицинского оборудования, организованной на съезде¹⁰¹⁴. Наибольший интерес советской делегации вызвала аппаратура для обезболивания охлаждением.

На конференции Советско-Американского медицинского общества со 2 по 4 ноября 1944 г. присутствовало более 400 человек, в ней также принимали участие проф. Н.Н. Приоров, доктор В.Н. Блохин, доктор Котов и проф. В.Д. Чаклин. Кроме того, в работе конференции участвовал Генеральный консул СССР в Нью-Йорке Е.Д. Киселев, а также врачи ПЗК в США (А.Е. Чернышева, Орлова, Самсонова и Безуглая).

¹⁰¹³ Там же. Л. 176.

¹⁰¹⁴ Там же. Л. 175.

Советские врачи представили три небольших доклада: В.В. Лебеденко зачитал официальное приветствие, проф. Н.Н. Приоров дал краткий очерк организации травматологической помощи в промышленности Советского Союза, а В.Н. Блохин поделился опытом кожно-пластической хирургии на основании личной врачебной практики¹⁰¹⁵.

Во второй день конференции была продемонстрирована советская кинокартина о хирургической работе на западном фронте, созданная еще в 1941 г. Фильм был специально переведен на английский язык. Несмотря на то, что картина была снята за три года до показа и обладала рядом технических недостатков, она все же имела очень большой успех. Ряд эпизодов, например, появление на экране проф. Н.Н. Бурденко и возвращение группы раненых из госпиталя в число бойцов Красной Армии вызвали дружные аплодисменты в зале¹⁰¹⁶.

Работа Миссии СОКК и КП СССР в США не ограничивалась только непрерывными командировками ее руководителя. Безостановочно шла работа по отправке в Советский Союз медицинского оборудования и медикаментов, медицинской литературы. Миссия СОКК и КП СССР также организовывала пребывание командированных в США советских врачей, устанавливала и поддерживала научные связи между советскими и американскими врачами. В 1944 г. в Миссии СОКК и КП СССР в США работало два технических работника без медицинского образования, и объем работы был настолько огромным, что В.В. Лебеденко ставил перед Москвой вопрос о введении еще одной штатной единицы для третьего сотрудника¹⁰¹⁷.

Участие в работе ЮНРРА В.В. Лебеденко считал самой тяжелой частью его функциональных обязанностей. По его мнению, там требовался работник «с большими организационными способностями, с большой и специальной подготовкой в вопросах санитарии, гигиены, эпидемиологии и бактериологии и, несомненно, с некоторой дипломатической чертой в характере»¹⁰¹⁸.

¹⁰¹⁵ Там же. Л. 176.

¹⁰¹⁶ Там же. Л. 175.

¹⁰¹⁷ Там же. Л. 170.

¹⁰¹⁸ Там же. Л. 171.

Для хирурга В.В. Лебеденко эта работа была исключительно трудна. В ряде вопросов он чувствовал себя неподготовленным профаном, но, тем не менее, по своим обязанностям должен был принимать участие в решении специфических вопросов по эпидемиологии.

В.В. Лебеденко приходилось принимать участие не только в работе Технического комитета по здравоохранению (*Standing Technical Committee on Health*), но и Технического комитета по общественному благосостоянию (*Standing Technical Committee on Welfare*). Последний комитет был исключительно плодотворителем в творчестве различных документов в виде разнообразных инструкций, меморандумов и писем, положительное или отрицательное значение которых не всегда было возможно быстро осознать из-за обилия печатного материала. Иногда В.В. Лебеденко было необходимо не только в грубых чертах ознакомиться с материалами меньше чем за сутки, но и найти в них неприемлемое для советской стороны, а затем отреагировать на это соответствующим образом по согласованию с заместителем председателя Советской Делегации ЮНРРА тов. Клинецовым¹⁰¹⁹.

К началу 1945 г. Миссия СОКК и КП СССР в США работала уже почти 2 года, и задачи, которые она решала, уже отличались от поставленных перед ней в 1943 г.¹⁰²⁰. В январе 1945 г. В.В. Лебеденко выделил три основных направления работы Миссии:

- налаживание культурных связей между СССР и США;
- оказание материальной помощи Советскому Союзу со стороны общественных организаций;
- получение научной и технической информации¹⁰²¹.

Любопытно, что именно межгосударственные культурные связи В.В. Лебеденко поставил на первое место. Эти связи не ограничивались только Американским Красным Крестом, *RWR* и другими общественными благотворительными организациями.

¹⁰¹⁹ Там же.

¹⁰²⁰ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.5, д.63, л.4–7. Копия постановления Совнаркома СССР № 93 от 25.01.1943 «Об утверждении Положения о Миссии Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца в США».

¹⁰²¹ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.96–95. Памятка для Серова М.В. [Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко] от 18 января 1945 г.

Огромную роль играли установленные при участии В.В. Лебеденко научные связи с американскими университетами, Национальным исследовательским советом (*National Research Council*), научными медицинскими обществами и больницами. И именно благодаря этим связям Миссия СОКК и КП СССР в США проводила пропагандистскую работу путем знакомства медицинских работников США с организацией советской медицины и ее достижениями. Большую роль в этом играли доклады на заседаниях научных обществ США. В.В. Лебеденко также проводил огромную работу по сбору и систематизации американской литературы по различным вопросам медицины и здравоохранения для дальнейшего ее отправления в СССР.

К лету 1945 г. сотрудничество между советскими и американскими учеными-медиками перешло от стадии знакомства к этапу интенсивного обмена информацией и образцами материалов, а также апробирования новых методик. В связи с этим данное направление деятельности стало занимать значительное место в работе Миссии СОКК и КП СССР в США. Поскольку прямые двусторонние контакты между врачами и организациями двух стран были невозможны, вся международная корреспонденция и оформление запросов как от организаций, так и от врачей шли через Миссию¹⁰²².

К концу войны объемы помощи США Советскому Союзу в рамках Ленд-Лиза и по линиям Американского Красного Креста и *RWR* стали уменьшаться, однако в то же время возросло значение доступа к передовым разработкам американской медицинской науки. Здесь также использовался канал связи с научными организациями, и были установлены прямые отношения с фирмами-производителями медицинского оборудования.

Работу по линии ЮНРРА В.В. Лебеденко выделял отдельно, считая ее в большей степени дипломатической и требующей назначения отдельного сотрудника с соответствующей подготовкой¹⁰²³.

¹⁰²² ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.113–111. [Вопросы Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко от 27.07.1945 г.].

¹⁰²³ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.96–95. Памятка для Серова М.В. [Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко] от 18 января 1945 г.

Получение секретных данных о научных медицинских исследованиях в США было еще одной негласной задачей представителя СОКК и КП СССР в США. В одном из своих первых отчетов летом 1943 г. В.В. Лебеденко сообщал в Москву, что ему удалось получить секретные материалы по вирусным заболеваниям глаз¹⁰²⁴. В этот период американские врачебные круги разделились на два лагеря. Часть врачей хотела установить интенсивный обмен секретными материалами, особенно в части материалов по профилактической медицине. Другие же, наоборот, этому противились, что широко поддерживали в государственных инстанциях США. Государственный департамент США запрещал ознакомление иностранцев с лабораториями, занимающимися военными вопросами¹⁰²⁵. При этом представители США ссылались на то, что СССР так и не передал Соединенным Штатам информацию по борьбе с сыпным тифом¹⁰²⁶.

Одними из основных направлений по получению секретных данных стали изготовление пенициллина и закупка сопутствующего оборудования¹⁰²⁷. Вопросы закупки пенициллина, изучения способов его производства и приобретения оборудования для этого процесса затронуты во всех отчетах главы Миссии СОКК и КП СССР в США¹⁰²⁸. В августе 1943 г. В.В. Лебеденко довольствовался только скудной информацией о пенициллине лишь из открытых источников¹⁰²⁹. Одна из первых попыток приобрести партию пенициллина через *RWR* была предпринята осенью 1943 г., но Ленд-Лиз ответил отказом¹⁰³⁰.

¹⁰²⁴ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.21, л.60. Докладная записка и информация Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 26.06.1943.

¹⁰²⁵ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.90. Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 27.10.1943.

¹⁰²⁶ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.21, л.60. Докладная записка и информация Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 26.06.1943.

¹⁰²⁷ Шерстнева Е.В. История создания советского пенициллина: вымысел и факты // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2019. – Т. 27. – № 4. – С. 507–512.

¹⁰²⁸ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.158. [Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко за ноябрь-декабрь 1943 г.].

¹⁰²⁹ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.60. Отчет о поездке в Чикаго-Детройт 12–23 августа 1943 г. [Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко].

¹⁰³⁰ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.84. Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 27.10.1943.

В конце 1944 г. Лебеденко получил из Москвы телеграмму о приобретении пенициллинового завода в США. В связи с этим он провел обзор рынка заводов по производству пенициллина и информировал об их технических характеристиках Исполком СОКК и КП СССР, а также Наркомздрав СССР¹⁰³¹. Лебеденко постоянно наводил справки о производстве пенициллина в научных, медицинских и фармацевтических кругах США, а затем оперативно доводил эту информацию до Исполкома СОКК и КП СССР. Как написал сам Лебеденко в одном из отчетов о работе по пенициллину: «свою задачу в этом отношении я осознаю хорошо»¹⁰³².

Другими стратегическими направлениями в работе представителя СОКК и КП СССР в США были приобретение оборудования и изучение методик получения сухой плазмы крови, жизненно необходимой для оказания помощи раненым на войне. Для посещения лаборатории по получению сухой плазмы в окрестностях Филадельфии в октябре 1943 г. советской делегации пришлось получить пропуски в Государственном департаменте США. После этого визита В.В. Лебеденко информировал Москву о всех нюансах изготовления сухой плазмы при разных способах ее получения¹⁰³³. В начале 1944 г. В.В. Лебеденко и сотрудник ПЗК И.С. Степанов вели в Бостоне переговоры о приобретении оборудования для получения сухой плазмы. Помимо прямого назначения, это оборудование также было необходимо для одного из этапов изготовления пенициллина¹⁰³⁴.

В конце 1944 г. был решен вопрос о приобретении США оборудования по получению сухой плазмы в рамках помощи СССР. Для приема и осмотра комплектов оборудования 16 декабря 1944 г. в Вашингтон прибыл профессор Института физичес-

¹⁰³¹ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.108–107. Отчет [Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко] за период с 1 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г.

¹⁰³² ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.156. [Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко за декабрь 1943 г. – январь 1944 г.].

¹⁰³³ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.119–115. [Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко за сентябрь–октябрь 1943 г.].

¹⁰³⁴ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.157. [Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко за декабрь 1943 г. – январь 1944 г.].

ких проблем Пётр Георгиевич Стрелков¹⁰³⁵. Делегация в составе В.В. Лебеденко, П.Г. Стрелкова и представителей Американского Красного Креста осмотрела оборудование на заводе в Бостоне. Оборудование планировали отправить в конце января 1945 г. с доставкой в порт Мурманска, а в дальнейшем – в Москву. Для монтажа и запуска установок американская фирма-производитель планировала направить в Советский Союз инженера¹⁰³⁶.

В США В.В. Лебеденко познакомился с профессором Владимиром Козьмичом Зворыкиным – выдающимся американским инженером российского происхождения и изобретателем телевидения¹⁰³⁷. Первая их встреча произошла на приеме в Советском Посольстве в Вашингтоне 7 ноября 1943 г. Профессор В.К. Зворыкин специально ожидал опоздавшего на прием представителя СОКК и КП СССР в США с целью познакомиться¹⁰³⁸. Вместе с профессором П.Г. Стрелковым он посетил лабораторию В.К. Зворыкина в январе 1945 г., где последний продемонстрировал новую модель электронного микроскопа. Если П.Г. Стрелкова интересовали физические аспекты нового прибора, то В.В. Лебеденко заинтересовался перспективами использования электронного микроскопа в медицинской науке, в частности – в микробиологии. Поэтому В.В. Лебеденко предложил направить несколько электронных микроскопов в научные учреждения Наркомздрава СССР¹⁰³⁹.

Летом 1946 г. В.В. Лебеденко завершил свою работу в США и в июне передал дела доктору Е.А. Ереминой, до этого проработавшей в представительстве несколько лет под его руководст-

¹⁰³⁵ Петр Георгиевич Стрелков / П.Л. Капица [и др.] // Успехи физических наук. – 1969. – Т. 98. – № 5. – С. 183–185.

¹⁰³⁶ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.109–108. Отчет [Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко] за период с 1 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г.

¹⁰³⁷ Борисов В.П. Владимир Козьмич Зворыкин, 1889–1982: Серия «Научно-биографическая литература» Редкол.: акад. Н.П. Лаверов (пред.) и др. – М.: Наука, 2004; Abramson A. Zworykin, pioneer of television. – Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1995.

¹⁰³⁸ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.163. [Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко за ноябрь-декабрь 1943 г.].

¹⁰³⁹ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.107–106. Отчет [Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко] за период с 1 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г.

вом¹⁰⁴⁰. Елизавета Александровна Еремина (1903–1997) была супругой председателя Правительственной закупочной комиссии СССР в США в 1946–1948 гг. Ивана Андреевича Еремина (1902–1963)¹⁰⁴¹. После отъезда В.В. Лебеденко из США работа Миссии СОКК и КП СССР в Вашингтоне в основном заключалась в следующем:

- ускорение получения и отгрузки оборудования, медицинского снабжения и материалов по линии Американского Красного Креста, согласно ассигнованных средств для Советского Союза;

- по линии RWR – контроль за размещением заказов и их отгрузки в Советский Союз, согласно получаемых указаний от руководства Министерства внешней торговли и указаний Исполкома СОКК и КП СССР;

- консультации различным общественным организациям в части того, что им закупить для Советского Союза на собранные деньги¹⁰⁴².

Е.А. Еремина получила указания из Москвы не принимать активное участие в выступлениях среди общественных американских организаций и сборе средств. Ее работа сводилась к выполнению отдельных поручений по организации закупок для Советского Союза¹⁰⁴³.

Профессор В.В. Лебеденко проработал представителем СОКК и КП СССР в США чуть более трех лет (с марта 1943 г. по июнь 1945 г.). Судя по его отчетам в Исполком СОКК и КП СССР, он тяготился своей работой в Америке. Еще в августе 1943 г. он просил председателя Исполкома перевести его обратно в Москву¹⁰⁴⁴. Эту просьбу он повторял регулярно¹⁰⁴⁵. В переписке

¹⁰⁴⁰ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.88, л.12–16. Акт о сдаче дел по Представительству СОКК и КП в США от 19.06.1946.

¹⁰⁴¹ Новодевичье кладбище. Еремин Иван Андреевич (1902–1963) [Электронный ресурс]. – URL: <http://nd.m-nesropol.ru/eremin-ia.html> (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁰⁴² ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.88, л.20. Краткий отчет о работе и.о. Представителя КК и КП СССР в США д-ра Е.А. Ереминой за период с 01.07.1946 по 01.01.1947.

¹⁰⁴³ Там же. Л. 21.

¹⁰⁴⁴ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.59. Отчет о поездке в Чикаго-Детройт 12–23 августа 1943 г. [Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко].

¹⁰⁴⁵ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.77. Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 27.10.1943; ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.152.

с Исполкомом СОКК и КП СССР он постоянно указывал на то, что работа представителем СОКК и КП СССР за рубежом в большей мере дипломатическая, нежели медицинская. А его место – это место врача. На фоне плохого знания английского языка В.В. Лебеденко также считал, что он не подходит для этой должности. Спектр вопросов, которые он вынужден был решать, выходил далеко за рамки традиционной деятельности краснокрестных организаций. В первый год пребывания в США он даже просил С.А. Колесникова приехать в Америку: причем не в качестве председателя Исполкома СОКК и КП СССР, а как первого заместителя наркома здравоохранения СССР¹⁰⁴⁶.

Жизнь за рубежом не была удовольствием для В.В. Лебеденко. Он писал С.А. Колесникову, что пребывание в США «исключительно тягостно» для него¹⁰⁴⁷. Кроме того, в США он постоянно пытался вернуться к научной работе. В фонде СОКК и КП СССР в США в ГАРФ (Ф.Р9501, оп.7) сохранились черновики его научных работ и истории болезней, привезенных им в США из СССР¹⁰⁴⁸. В марте 1944 г. профессор А. Сигерист, услышав, что В.В. Лебеденко хочет завершить какую-то работу, и для этого ему нужна лаборатория, предложил ему воспользоваться Павловской лабораторией в Университете Джона Хопкинса (*Pavlovian Laboratory at Johns Hopkins University*) физиолога У. Хосли Гента – ученика академика И.П. Павлова¹⁰⁴⁹. Но на экспериментальную научную работу времени у главы Миссии СОКК и КП СССР просто не было.

В январе 1944 г. В.В. Лебеденко в своем очередном докладе в Исполком СОКК и КП СССР отмечал: «Покинув Родину почти год тому назад, свою работу, которой отдал почти 25 лет своей жизни и в которой, как кажется, не был бесполезным, в настоя-

[Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко за декабрь 1943 г. – январь 1944 г.]; ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.170. Краткий отчет Миссии Исполкома СОКК и КП в США за период с 1-го августа по 1-е декабря 1944 г.

¹⁰⁴⁶ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.89. Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко С.А. Колесникову от 27.10.1943.

¹⁰⁴⁷ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.59. Отчет о поездке в Чикаго-Детройт 12–23 августа 1943 г. [Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко].

¹⁰⁴⁸ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.27, л.53–60. История болезни от октября 1942 года.

¹⁰⁴⁹ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.46, л.56. Письмо от Dr. Henry E. Sigerist профессору В.В. Лебеденко от 22.03.1944.

щее время оказался совершенно выброшенным за борт»¹⁰⁵⁰. В конце 1944 г. В.В. Лебеденко с сожалением писал в Москву, что он, будучи хирургом по профессии, по условиям работы в США не имеет возможности в какой-либо мере являться в хирургические клиники – ни как посетитель, ни тем более как хирург¹⁰⁵¹.

Вместе с тем свою медицинскую практику В.В. Лебеденко в США не прекращал. О том, что в Вашингтоне работает профессор-хирург из Москвы было широко всем известно, и к его помощи часто прибегали представители советской колонии как США, так и Южной Америки, что можно видеть на примере командировки В.В. Лебеденко в Уругвай для лечения советского посла. Во время командировки в Нью-Йорк в сентябре 1943 г. он по просьбе Посольства СССР осматривал советскую больницу в психиатрической больнице, а также консультировал ряд сотрудников Амторга¹⁰⁵².

Фактически В.В. Лебеденко был представителем не СОКК и КП СССР, а Наркомздрава СССР. Об этом можно судить в первую очередь по перечню решаемых им вопросов, выходявших далеко за рамки оказания помощи пострадавшим во время военных действий. Перед Великой Отечественной войной Советский Красный Крест был «обескровлен»: он лишился всех лечебных учреждений, а его штат был сокращен до минимума. Да и председатель Исполкома СОКК и КП СССР С.А. Колесников был прежде всего первым заместителем наркома здравоохранения СССР. Отчеты о своей работе В.В. Лебеденко направлял не только в Исполком СОКК и КП СССР (фактически в Наркомздрав СССР), но и лично Б.Д. Петрову, который в те годы был заведующим отделом здравоохранения ЦК ВКП(б)¹⁰⁵³.

¹⁰⁵⁰ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.152. [Отчет Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко за декабрь 1943 г. – январь 1944 г.].

¹⁰⁵¹ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.170. Краткий отчет Миссии Исполкома СОКК и КП в США за период с 1-го августа по 1-е декабря 1944 г.

¹⁰⁵² ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.141, 135. Отчет о поездке в Нью-Йорк [В.В. Лебеденко в сентябре 1943 г.].

¹⁰⁵³ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.45, л.55–59. Письмо Представителя СОКК и КП в США В.В. Лебеденко Б.Д. Петрову от 21.06.1943; Канеп В.В. Борис Дмитриевич Петров / В.В. Канеп, А.Н. Хазанов. – 1992. – № 1 (20). – С. 324–328.

Полуофициальным представителем медицинской администрации США в АСМО и одним из редакторов журнала «Американский обзор советской медицины» был родившийся в 1913 г. в Томске и эмигрировавший с родителями в США в 1923 г. Михаил Шимкин (*Michael Shimkin*). В 1940-х гг. он занимал различные посты в Службе общественного здоровья США, а затем возглавлял лабораторию в Национальном онкологическом институте США¹⁰⁵⁴.

В его воспоминаниях можно найти очень интересные свидетельства пребывания профессора В.В. Лебеденко в США. Шимкин отмечал, что представитель СОКК и КП СССР в США жил с женой и маленькой дочкой в здании ПЗК СССР в США в деловом центре Вашингтона. Со слов М. Шимкина, он встретил «выглядеющего озабоченным солидного человека с растрепанными волосами в очках с роговой оправой, одетого в тяжелый костюм и массивные ботинки»¹⁰⁵⁵. На М. Шимкина произвел большое впечатление рассказ В.В. Лебеденко о работе нейрохирургом в Ленинграде в первые месяцы блокады. По словам М. Шимкина, при этих воспоминаниях у его коллеги начинали дрожать руки¹⁰⁵⁶. В.В. Лебеденко практически не говорил по-английски, поэтому общение с М. Шимкиным было на русском. Они много беседовали о войне, музыке и впечатлениях об Америке.

Со слов Шимкина, Лебеденко выражал недовольство бюрократией – как советской, так и американской. Несмотря на свой официальный дипломатический статус представителя СОКК и КП СССР в США, он не выставлял напоказ свои коммунистические взгляды и не занимался политической пропагандой. «Корректный, деловой и все более флегматичный» В.В. Лебеденко проявлял эмоции только во время приступов стенокардии. При

¹⁰⁵⁴ Weinhouse S. *Obituary. Michael B. Shimkin 1913–1989* // *Cancer Research*. – 1989. – Vol. 49. – № 11. – P. 3143–3143.

¹⁰⁵⁵ Shimkin M.B. *Roads to Oz. I. A Personal Account of Some U.S.-USSR Medical Exchanges and Contacts, 1942–1962* // *Perspectives in Biology and Medicine*. – 1979. – Vol. 22. – № 4. – P. 568.

¹⁰⁵⁶ Там же.

этом он был озабочен судьбой жены и дочери, а также отношения к ним со стороны государства после возвращения на Родину¹⁰⁵⁷.

Лебеденко был безусловным авторитетом как врач и ученый как в Советском Посольстве в США, так и среди американской медицинской общественности¹⁰⁵⁸. Даже корреспондент русской эмигрантской газеты «Русский голос» в номере от 25 августа 1943 г. в заметке «Встреча представителя Красного Креста СССР в Чикаго» писал: «Трудно передать прекрасную и глубокую речь проф. Лебеденко, так как она не была записана мною. Она произвела глубокое впечатление на слушателей»¹⁰⁵⁹.

После возвращения в СССР В.В. Лебеденко скоропостижно скончался 15 октября 1946 г. Его учитель и покровитель, академик Н.Н. Бурденко, пережил своего «ближайшего помощника» меньше чем на месяц. После смерти бывшего представителя СОКК и КП СССР в США редакторы журнала «Американский обзор советской медицины» отмечали, что В.В. Лебеденко «помог построить мост между медиками СССР и США»¹⁰⁶⁰. История работы профессора В.В. Лебеденко в США – это история хирурга и ученого, который оказался в другой стране и был вынужден заниматься нелюбимым делом. Однако благодаря личному обаянию, честности и профессионализму он сумел не только организовать поставки медикаментов и медицинского оборудования в рамках помощи Советскому Союзу, но и поднять авторитет советской медицины в США.

¹⁰⁵⁷ Там же. – Р. 569.

¹⁰⁵⁸ Там же. – Р. 569.

¹⁰⁵⁹ ГАРФ. Ф.Р9501, оп.7, д.19, л.37. Вырезка из газеты «Русский голос» от 25 августа 1943 г.

¹⁰⁶⁰ Vladimir V. Lebedenko [Obituary] // American Review of Soviet Medicine. – 1946. – Vol. 4. – № 2. – Р. 192.

§ 6.3. Советская медицина на страницах американской медицинской периодики: журнал «Американский обзор советской медицины» (1943–1948 гг.)¹⁰⁶¹

Одним из наиболее значительных результатов сотрудничества СССР и США в области медицины времен Второй Мировой войны и первых послевоенных лет стала публикация в США журнала «Американский обзор советской медицины» (*American Review of Soviet Medicine*), издававшегося в Нью-Йорке в 1943–1948 гг. Таким образом, в фокусе этого параграфа находится поиск ответов на вопросы, касающиеся этого издания. Какую роль (информативную или идеологическую) играл журнал в контексте советско-американских отношений периода Второй мировой войны? Насколько эффективен был формат журнала? С какими сложностями столкнулись американские издатели журнала в ходе подготовки публикаций?

История создания этого проекта началась в 1943 г., когда сведения об успехах военно-медицинской службы Красной Армии во время Великой Отечественной войны достигли США. В июле 1943 г. группа ведущих американских, канадских и британских врачей посетила Советский Союз. Было отмечено, что военно-полевая хирургия в СССР «хорошо организована, эффективна и современна»¹⁰⁶².

В годы Второй мировой войны Национальный совет Американо-советской дружбы не только информировал американцев о жизни в СССР, но и устанавливал научно-медицинские связи между двумя странами. Медицинскую секцию этого общества возглавлял выдающийся американский физиолог Уолтер Кеннон, который входил в число создателей современного учения

¹⁰⁶¹ Ратманов П. Э. Советская медицина на страницах американской медицинской периодики: журнал «Американский обзор советской медицины» (1943–1948) в контексте двусторонних отношений СССР и США / П. Э. Ратманов, В. Ю. Башкуев // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2019. – Т. 27. – № 6. – С. 930–935.

¹⁰⁶² Avery D. Wartime Medical Cooperation across the Pacific: Wilder Penfield and the Anglo-American Medical Missions to the Soviet Union and China, 1943–1944 // *Pacific Science*. – 2000. – Vol. 54. – № 3. – P. 292; Watson-Jones R. Russian surgeons and Russian surgery // *Medical Research Council Bulletin of War Medicine*. – 1943. – Vol. 4. – № 3. – P. 121–123.

о гомеостазе, был автором физиологической концепции «бей или беги» и посещал лабораторию академика И.П. Павлова. В мае 1942 г. У. Кеннон был избран почетным членом Академии наук СССР¹⁰⁶³.

В конце 1942 – начале 1943 гг. небольшая группа американских врачей-участников Национального совета Американо-советской дружбы и *RWR* организовала в Нью-Йорке «Американо-советское медицинское общество по обмену медицинской информацией» (*American-Soviet Medical Society for the Exchange of Medical Information*, далее – АСМО). Согласно уставу, целью общества было развитие сотрудничества между медиками США и СССР, сбор информации о развитии медицины и научных достижениях двух стран, а также обмен ею¹⁰⁶⁴.

Ключевую роль в организации АСМО сыграл швейцарский историк медицины Анри Сигерист, в 1932–1947 гг. работавший директором Института истории медицины в Университете Джона Хопкинса (Балтимор, США). В число основателей общества также входили: эмигрировавший из России в Америку в возрасте 15 лет нью-йоркский уролог Абрахам Стоун (*Abraham Stone*), врач, владелец издательского бизнеса и член Коммунистической партии США Роберт Лесли (*Robert Leslie*) и близкий друг Р. Лесли, стоматолог Джеральд Шапиро (*Gerald Shapiro*)¹⁰⁶⁵. Президентом АСМО стал профессор У. Кеннон.

18 июня 1943 г. АСМО организовало в Нью-Йорке торжественный обед в честь профессора кафедры факультетской хирургии 1-го Московского медицинского института В.В. Лебеденко, на котором американская медицинская общественность выразила поддержку советскому народу в борьбе с фашистс-

¹⁰⁶³ Society news and notes // *American Review of Soviet Medicine*. – 1943. – Vol. 1. – № 1. – P. 87–93; Lear W.J. *Hot War Creation, Cold War Casualty: The American-Soviet Medical Society, 1943–1948* // *Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist* / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 259–287.

¹⁰⁶⁴ Society news and notes // *American Review of Soviet Medicine*. – 1943. – Vol. 1. – № 1. – P. 87–93.

¹⁰⁶⁵ Lear W.J. *Hot War Creation, Cold War Casualty: The American-Soviet Medical Society, 1943–1948* // *Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist* / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 259–287.

кими захватчиками¹⁰⁶⁶. Менее чем через два месяца после этого события, 12 августа 1943 г., президент АСМО У. Кеннон был приглашен на прием в Посольство СССР в США, где советник Посольства А.А. Громыко вручил свидетельства почетных членов Академии наук СССР ему и еще двум американским ученым-медикам¹⁰⁶⁷.

Советская научно-медицинская информация (научные журналы и книги) поступала в США через каналы ВОКС. Именно в это время работа ВОКС резко активизировалась. Если вся переписка ВОКС с США по научным вопросам за 1936–1940 гг. уместилась всего на 130 страницах в архивных делах, то всего лишь за 1943 г. она составила несколько тысяч страниц¹⁰⁶⁸. Позднее А.А. Громыко отмечал, что в эти годы связь между СССР и США была очень тесная, и «ничего подобного не было ранее в отношениях между двумя странами»¹⁰⁶⁹.

После установления официальных связей стали возможны постоянный обмен медицинской информацией и реализация одной из главных целей АСМО – ознакомление американской медицинской общественности с достижениями советской медицины путем публикации журнала. Отцом-основателем журнала «Американский обзор советской медицины» по праву считается А. Сигерист. Идея создания советско-американского медицинского журнала появилась у него еще в 1939 г.¹⁰⁷⁰.

Первый выпуск «Американского обзора советской медицины» вышел в октябре 1943 г. Учитывая интерес американских врачей к советскому опыту военной-полевой хирургии периода Великой Отечественной войны, первый выпуск содержал мате-

¹⁰⁶⁶ Society news and notes // American Review of Soviet Medicine. – 1943. – Vol. 1. – № 1. – P. 87–93.

¹⁰⁶⁷ Society news and notes // American Review of Soviet Medicine. – 1943. – Vol. 1. – № 1. – P. 87–93.

¹⁰⁶⁸ Kremontsov N.L. In the Shadow of the Bomb: U.S.-Soviet Biomedical Relations in the Early Cold War, 1944–1948 // Journal of Cold War Studies. – 2007. – Vol. 9. – № 4. – P. 45.

¹⁰⁶⁹ Громыко А.А. Памятное. Новые горизонты. Кн. 1. – М.: Центр полиграф, 2015. – С. 116.

¹⁰⁷⁰ Lear W.J. Hot War Creation, Cold War Casualty: The American-Soviet Medical Society, 1943–1948 // Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 259–287.

риалы таких советских хирургов, как Н.Н. Бурденко, В.В. Лебеденко, А.В. Вишневого и др. На передний план первого выпуска журнала был помещен перевод статьи Е.И. Смирнова из журнала «Хирургия» № 10 за 1942 г., где начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии проводил глубокий и непредвзятый анализ состояния медицинской службы армии накануне Великой Отечественной войны, отмечая недостаточную подготовку хирургов и проблемы в организации военно-полевой медицины¹⁰⁷¹. В США, где доминировали представления об СССР как о тоталитарном государстве, эти критические материалы вызвали большой интерес.

Журнал публиковал полные переводы наиболее значимых статей из советской медицинской печати или их краткие резюме на английском языке, обзоры советской медицины и практики здравоохранения, написанные американскими медиками, обзоры советских книг по медицине, новости АСМО, а также представлял американским читателям выдающихся советских ученых-медиков. Издавался «Американский обзор советской медицины» на протяжении пяти лет (с октября 1943 по октябрь 1948 гг.). Выпуски журнала объединялись в тома, не совпадавшие с календарным годом. Первые четыре тома содержали 6 выпусков, включавших около 50 переводов оригинальных статей и около 20 кратких резюме из советских медицинских журналов. Кроме регулярных выпусков «Американского обзора советской медицины», в 1946 г. вышел один дополнительный, представлявший собой перевод специально подготовленного для этой цели обзора Л.А. Зильбера и В.Д. Соловьева о дальневосточном клещевом энцефалите¹⁰⁷². До 1948 г. выпуски журнала состояли из 96 страниц основного содержания (без страниц рекламы). В последнем томе вышло всего четыре выпуска, и сам объем номеров резко сократился.

«Американский обзор советской медицины» придерживался формата и стиля западных медицинских журналов. Изда-

¹⁰⁷¹ Smirnov E.I. The Organization of Medical Care for the Wounded // American Review of Soviet Medicine. – 1943. – Vol. 1. – № 1. – P. 9–14.

¹⁰⁷² Silber L.A. Far Eastern tick-borne spring-summer (spring) encephalitis / L.A. Silber, V.D. Soloviev // American Review of Soviet Medicine. – 1946. – № Spec Suppl. – P. 1–80.

ние хорошо оформленного журнала с высоким уровнем научных публикаций и хорошей полиграфией требовало скоординированных действий редакторов, редколлегии, бизнес-менеджера и переводчиков. Журнал избегал открытых политических заявлений и имел скорее просоветскую, но не прокоммунистическую ориентацию. С самого начала А. Сигерист и другие редакторы стремились достичь высокого научного уровня журнала и поддерживать его.

Такая высокая планка требовала привлечение большого числа квалифицированных переводчиков и научных редакторов. На первом этапе именно отсутствие переводчиков с русского на английский, знакомых с медицинской терминологией, стало самой большой проблемой журнала. Редакция наняла Дороти Халперн (*Dorothy Halpern*), знавшую русский и имевшую опыт редакторской работы. Однако решив вопрос перевода, редакция столкнулась с еще более сложной проблемой – недостаточным качеством оригинальных советских статей по медицине. Например, статью А.В. Вишневого редактор перевода назвал «напыщенной и высокопарной без фактов и случаев из практики», в которой «непонятно, где начало, где конец»¹⁰⁷³. Перевод статьи Е.Е. Юрасова (ученика С.С. Юдина) об эзофагопластике А. Сигерист попросил отредактировать двух ведущих хирургов из Университета Джона Хопкинса, которые были впечатлены огромным опытом таких операций советского хирурга, подтвердили клинические результаты, но подчеркнули «неаккуратность во многих деталях»¹⁰⁷⁴. В итоге большую часть проблем адаптации советской медицинской литературы к американским реалиям решал на месте профессор В.В. Лебеденко, который

¹⁰⁷³ Lear W.J. Hot War Creation, Cold War Casualty: The American-Soviet Medical Society, 1943–1948 // Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 259–287; Vishnevski A.B. The Secondary Treatment of Wounds // American Review of Soviet Medicine. – 1944. – Vol. 1. – № 4. – P. 355–357.

¹⁰⁷⁴ Lear W.J. Hot War Creation, Cold War Casualty: The American-Soviet Medical Society, 1943–1948 // Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 259–287; Yurasov E.E. Reconstruction of the Esophagus // American Review of Soviet Medicine. – 1944. – Vol. 1. – № 3. – P. 206–215.

работал в тесном контакте с редакцией, предоставляя недостающую информацию и необходимые пояснения.

Большинство научных статей в журнале представляли собой результаты клинических исследований, в меньшей части – результаты лабораторных и экспериментальных работ. Ведущие советские ученые медики выносили на суд американской аудитории публикации о военной медицине и травматологии, о переливании крови и кровезаменителей, о лечении и профилактики малярии, туберкулеза и других инфекционных заболеваний, об этиологии и хирургии рака, о неврологии, нейрофизиологии и нейрохирургии, а также о развитии здравоохранения и медицинского образования. Некоторые из этих работ, например, публикация А.А. Богомольца об антиретиккулярной цитотоксической сыворотке, подверглись критике¹⁰⁷⁵. Редактору журнала пришлось даже публично объясняться, что цель журнала – знакомство американцев с советской медициной, и что АСМО не рекомендует никакие лекарственные препараты к применению в лечебной практике и не занимается их распространением¹⁰⁷⁶.

В то же время в «Американском обзоре советской медицины» публиковались и работы, прошедшие испытание временем. Например, статьи Л.Н. Гурвича и Г.С. Юньева о восстановлении сердечного ритма при помощи дефибрилляции сердца познакомили американских ученых-медиков с экспериментами по применению двухфазных электрических импульсов, однако широкого признания в 1940-х гг. эти идеи еще не нашли¹⁰⁷⁷. В американской клинической практике в 1950–1970-х гг. применялась дефибрилляция однофазными импульсами. И только

¹⁰⁷⁵ Lear W.J. Hot War Creation, Cold War Casualty: The American-Soviet Medical Society, 1943–1948 // Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 259–287; Bogolomets A.A. Anti-Reticular Cytotoxic Serum as a Means of Pathogenic Therapy // American Review of Soviet Medicine. – 1943. – Vol. 1. – № 2. – P. 101–112.

¹⁰⁷⁶ Sigerist H.E. Special note // American Review of Soviet Medicine. – 1944. – Vol. 1. – № 3. – P. ii.

¹⁰⁷⁷ Gurvich N.L. Restoration of regular rhythm in the mammalian fibrillating heart / N.L. Gurvich, G.S. Yuniev // American Review of Soviet Medicine. – 1946. – Vol. 3. – № 3. – P. 236–239; Gurvich N.L. Restoration of heart rhythm during fibrillation by a condenser discharge / N.L. Gurvich, G.S. Yuniev // American Review of Soviet Medicine. – 1947. – Vol. 4. – № 3. – P. 252–256.

в 1980-х гг., спустя почти 40 лет после публикации статей на английском языке, метод Л.Н. Гурвича и Г.С. Юньева получил мировое признание¹⁰⁷⁸.

Будучи редактором журнала, А. Сигерист в первый год его существования в каждом номере публиковал материалы о советском здравоохранении, представлявшие собой переработку глав из ранее изданной монографии по этой теме¹⁰⁷⁹. В 1947 г. эти материалы вошли в его новую книгу о здравоохранении в СССР¹⁰⁸⁰. Но его роль в журнале постепенно уменьшалась. Живший в Балтиморе А. Сигерист не мог постоянно участвовать в работе редакции журнала «Американский обзор советской медицины», находившейся в Нью-Йорке. Весной 1944 г. из-за большого объема работы он предложил вместо одного главного редактора учредить редакционную коллегию. Членами нового редакционного совета стали американские врачи, которые либо знали русский язык, либо имели тесные связи с Советской Россией¹⁰⁸¹. В 1945 г. А. Сигерист занял должность редактора-консультанта журнала, а основными редакторами стали Джейкоб Хейман (*Jacob Heiman*) и Григорий Зильбург (*Gregory Zilboorg*)¹⁰⁸². Дж. Хейман был уроженцем Литвы и работал врачом-онкологом в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Доктор Г. Зильбург родился в Киеве и до эмиграции в США в 1919 г. изучал медицину в Петербурге, работал у В.М. Бехтерева и даже занимал посты в министерстве труда Временного правительства. В США Г. Зильбург получил американский диплом врача, занимался психоанализом и писал труды по истории психиатрии.

К 1946 г. редакционный совет «Американского обзора советской медицины» включал 25 человек. Среди них были

¹⁰⁷⁸ Kerber R.E. A USA-USSR Experiment in Medical Journalism: The American Review of Soviet Medicine // *American Communist History*. – 2012. – Vol. 11. – № 2. – P. 229–235; Востриков В.А. Отечественная история дефибрилляции сердца / В.А. Востриков, Б.Б. Горбунов // *Общая реаниматология*. – 2012. – Т. 8. – № 3. – С. 63–68.

¹⁰⁷⁹ Sigerist H.E. *Socialized medicine in the Soviet Union*. – New York: Norton, 1937.

¹⁰⁸⁰ Sigerist H.E., Older J. *Medicine and health in the Soviet Union*. – New York: The Citadel Press, 1947.

¹⁰⁸¹ Lear W.J. Hot War Creation, Cold War Casualty: The American-Soviet Medical Society, 1943–1948 // *Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist* / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 259–287.

¹⁰⁸² Там же.

американские врачи, интересовавшиеся Советской Россией еще в 1930-х гг., например, авторы книг о советском здравоохранении У. Хосли Гент и Дж. Кингсбери¹⁰⁸³. Постоянным автором и редактором журнала стал упоминавшийся выше Михаил Шимкин.

В первые годы «Американский обзор советской медицины» процветал с финансовой точки зрения. В нем была широко представлена реклама американских фармацевтических компаний, и деньги также поступали в редакцию от подписчиков, из членских взносов АСМО и частных пожертвований. Доходы журнала за 1944/1945 финансовый год составили более 31 тыс. дол., из которых 13,8 тыс. дол. (43,5%) пришлось на поступления от подписки и продажи журналов, а еще 13,0 тыс. дол. (41,0%) – на доходы от рекламы. В расходной части бюджета журнала почти половина расходов (15 из 32 тыс. дол.) пришлась на печать журнала и услуги переводчиков, и четверть расходов (7,8 тыс. дол.) – на зарплату сотрудников редакции¹⁰⁸⁴. На следующий финансовый год доходы журнала выросли до 37,3 тыс. дол., из которых рекламная часть составила 47%¹⁰⁸⁵.

После окончания Второй мировой войны и начала Холодной войны в советско-американских отношениях произошли кардинальные перемены. Деятельность АСМО стала демонизироваться в американской прессе, а в январе 1946 г. на основателя журнала «Американский обзор советской медицины» А. Сигериста на страницах издания «*Medical Economics*» был навешен ярлык «глашатая советской медицины в США»¹⁰⁸⁶. Созданная в 1934 г. для борьбы с «подрывной и антиамериканской пропагандой» Комиссия по расследованию антиамериканской дея-

¹⁰⁸³ Newsholme A., J. A. Kingsbury Red Medicine: Socialized Health in Soviet Russia. Red Medicine. – New York: Doubleday, Doran, 1933; Gantt W.H. Russian medicine. – New York: P.B. Hoeber, Inc., 1937.

¹⁰⁸⁴ Society news and notes // American Review of Soviet Medicine. – 1945. – Vol. 3. – № 2. – P. 192.

¹⁰⁸⁵ Kerber R.E. A USA-USSR Experiment in Medical Journalism: The American Review of Soviet Medicine // American Communist History. – 2012. – Vol. 11. – № 2. – P. 229–235; Society news and notes // American Review of Soviet Medicine. – 1946. – Vol. 4. – № 2. – P. 191.

¹⁰⁸⁶ Lear W.J. Hot War Creation, Cold War Casualty: The American-Soviet Medical Society, 1943–1948 // Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 259–287.

тельности (*House Committee on Un-American Activities*) палаты представителей конгресса США включила АСМО в список коммунистических организаций¹⁰⁸⁷. Еще один основатель журнала и член Коммунистической партии США Роберт Лесли попал под подозрение ФБР как советский шпион, но в итоге был оправдан¹⁰⁸⁸. На работу «Американского обзора советской медицины» также повлиял отъезд из США по болезни профессора В.В. Лебедеженко в начале 1946 г.

Если американский исследователь истории АСМО Уолтер Лир считал основной причиной угасания работы общества и, как следствие, закрытия журнала «Американский обзор советской медицины» антисоветский уклон в политике США и «маккартизм», то Н.Л. Кременцов высказал мнение о том, что прекращение советско-американского медицинского сотрудничества было вызвано усилением идеологического диктата в советской науке и культуре, а также борьбой с «низкопоклонством перед Западом» (т.н. «ждановщиной»)¹⁰⁸⁹. В 1947 г. ЦК ВКП(б) развернул пропагандистскую кампанию «по делу профессоров Ключевой и Роскина». В 1930–1940-х гг. советские ученые Н.Г. Ключева и Г.И. Роскин изучали влияние мертвых и живых трипаносом на развитие раковых опухолей у мышей. Результаты этих исследований появились в том числе и на страницах «Американского обзора советской медицины»¹⁰⁹⁰. Начавшееся в 1946 г. активное сотрудничество советских ученых с американской стороной по этой теме закончилось тем, что в начале 1947 г. академик и секретарь АМН В.В. Парин был арестован как «американский

¹⁰⁸⁷ Kerber R.E. A USA-USSR Experiment in Medical Journalism: The American Review of Soviet Medicine // *American Communist History*. – 2012. – Vol. 11. – № 2. – P. 229–235.

¹⁰⁸⁸ Dowbiggin I. Medical Mission to Moscow: Women's Work, Day Care, and Early Cold War Politics in Twentieth-Century America // *Journal of Policy History*. – 2011. – Vol. 23. – № 2. – P. 177–203.

¹⁰⁸⁹ Кременцов Н.Л. Советская наука на пороге холодной войны: «Дело КР» // *In memoriam: исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка*. – М., СПб.: Феникс; Athenium, 1995. – С. 272–291.

¹⁰⁹⁰ Roskin G. Toxin therapy of experimental cancer; the influence of protozoan infections upon transplanted cancer // *American Review of Soviet Medicine*. – 1946. – Vol. 4. – № 2. – P. 111–115; Klyueva N.G. Cancerolytic substance of *Schizotrypanum cruzi* / N.G. Klyueva, G. Roskin // *American Review of Soviet Medicine*. – 1946. – Vol. 4. – № 2. – P. 127–129.

шпион», министр здравоохранения СССР Г.А. Митерев был снят с должности, а международное научное сотрудничество СССР с капиталистическими странами было свернуто¹⁰⁹¹.

В июле 1947 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло решение, что «издание советских научных журналов на иностранных языках наносит ущерб интересам советского государства, предоставляет агентам иностранной разведки в готовом виде результаты достижений советской науки»¹⁰⁹². Поток медицинской информации из СССР внезапно полностью прекратился. Редакция журнала «Американский обзор советской медицины» безуспешно звонила о помощи к постоянному представителю СССР при ООН А.А. Громыко, но никакого ответа не получила¹⁰⁹³.

Из-за антикоммунистической кампании фармацевтические фирмы-рекламодатели отвернулись от журнала, количество его подписчиков сократилось, а доходы редакции резко сократились. В 1948 г. объем номеров «Американского обзора советской медицины» сократился с 96 до 32 страниц. Испытывая давление со стороны руководства Университета Джона Хопкинса, летом 1947 г. основатель журнала А. Сигерист принял решение покинуть США¹⁰⁹⁴. В 1948 г. он уже из Швейцарии написал прощальную редакционную статью для последнего выпуска журнала, где решение о его закрытии он связал с «причинами, которые столь очевидны, что их нет смысла объяснять»¹⁰⁹⁵.

¹⁰⁹¹ Kremontsov N.L. In the Shadow of the Bomb: U.S.-Soviet Biomedical Relations in the Early Cold War, 1944–1948 // *Journal of Cold War Studies*. – 2007. – Vol. 9. – № 4. – P. 41–67.

¹⁰⁹² Кременцов Н.Л. Советская наука на пороге холодной войны: «Дело КР» // *In memoriam: исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка*. – М., СПб.: Феникс; Athenium, 1995. – С. 288.

¹⁰⁹³ Lear W.J. Hot War Creation, Cold War Casualty: The American-Soviet Medical Society, 1943–1948 // *Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist* / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 259–287.

¹⁰⁹⁴ Fee E. Using Medical History to Shape a Profession: The Ideals of William Osler and Henry E. Sigerist / E. Fee, T.M. Brown // *Locating Medical History: The Stories and Their Meanings* / eds. F. Huisman, J.H. Warner. – Baltimore: The John Hopkins University Press, 2004. – P. 139–164; Heiman J. Remarks at Dr. Sigerist Farewell Reception May, 23, 1947 / *American Review of Soviet Medicine*. – 1947. – Vol. 5. – № 1. – P. 93.

¹⁰⁹⁵ Sigerist H.E. Editorial // *American Review of Soviet Medicine*. – 1948. – Vol. 5. – № 4. – P. 162.

Новая волна репрессий в СССР в конце 1940-х гг. (в том числе и против врачей) заставила многих симпатизировавших Советскому Союзу иностранцев пересмотреть свои взгляды. К началу 1950-х гг. даже самый преданный поклонник и пропагандист советского здравоохранения А. Сигерист, закрывавший глаза на многие проблемы жизни в СССР и оправдывавший все действия советского руководства, разочаровался в политике советского государства¹⁰⁹⁶.

Сам формат журнала предполагал, что американские врачи имеют право судить о важности и правильности советских биомедицинских исследований. С одной стороны, североамериканские медики с удивлением обнаружили, что медицинская наука в СССР достаточно развита. Например, канадский хирург У. Пэнфилд отмечал, что для него стало «сюрпризом открытие того факта, что солдаты Красной Армии получают удовлетворительное хирургическое лечение»¹⁰⁹⁷. С другой стороны, некоторые американские исследователи отмечали нехватку оборудования у советских ученых, а также использование неоднозначных методов лечения¹⁰⁹⁸. В целом, признавая прогресс советской медицинской науки и практики, американские врачи сходились во мнении, что американская медицина все равно превосходит советскую.

По времени история журнала совпадает с коротким периодом активного советско-американского сотрудничества и активизации культурной экспансии Советского Союза (1943–1947 гг.). Но был ли журнал «Американский обзор советской медицины» просто «рупором» советской пропаганды в США? Ответ на этот вопрос – скорее нет. Конечно, деятельность АСМО и работа над журналом требовала тесного взаимодействия американ-

¹⁰⁹⁶ Hutchinson J.F. Dances with Commissars: Sigerist and Soviet Medicine // Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 229–258.

¹⁰⁹⁷ Avery D. Wartime Medical Cooperation across the Pacific: Wilder Penfield and the Anglo-American Medical Missions to the Soviet Union and China, 1943–1944 // Pacific Science. – 2000. – Vol. 54. – № 3. – P. 289–298; Penfield W. The Recent Surgical Mission to the USSR // American Review of Soviet Medicine. – 1943. – Vol. 1. – № 2. – P. 169–172.

¹⁰⁹⁸ Hastings A.B. Medical research mission to the Soviet Union / A.B. Hastings, M.B. Shimkin // American Review of Soviet Medicine. – 1946. – Vol. 3. – № 5. – P. 453–472.

ских врачей с официальными представителями СССР в США, и некоторые руководители АСМО были членами Коммунистической партии, но было бы неверно характеризовать данное общество как «прокоммунистическое». Появление журнала и его популярность отражает интерес американских медиков к советской медицине. Вообще, в период Второй мировой войны в США наблюдался «взрыв интереса к Советскому Союзу и его народу»¹⁰⁹⁹. На пике этого интереса в 1945 г. журнал имел 1500 индивидуальных подписчиков. Кроме того, на него было подписано сто организаций¹¹⁰⁰.

Журнал стал заметным явлением в научно-медицинской жизни Северной Америки и Великобритании. Он обзавелся многочисленными подписчиками и читателями в университетских библиотеках. Информацию о содержании журнала также можно было получить из кратких резюме, размещавшихся в других медицинских периодических изданиях, например, в *JAMA*.

«Американский обзор советской медицины» не был совершенно уникальным явлением в истории советской медицины. Помимо совместных журналов, описанных в предыдущих главах, в 1938–1941 гг. на английском, немецком, французском и русском языках издавался журнал «*Acta medica USSR*»¹¹⁰¹. В середине 1940-х гг., то есть в одно и то же время с «Американским обзором советской медицины» на Кубе выходил испаноязычный «Кубинский журнал советской медицины» («*Revista Cubana de Medicina Soviética*»), а в 1950-е гг. во Франции – журнал «Записки советской медицины» («*Cahiers de Médecine Soviétique*»).

В отличие от других международных проектов Наркомздрава РСФСР/СССР в области медицинской журналистики, «Американский обзор советской медицины» возник по инициативе иностранных врачей, а официальные представители совет-

¹⁰⁹⁹ Громыко А.А. Памятное. Новые горизонты. Кн. 1. – М.: Центр полиграф, 2015. – С. 172.

¹¹⁰⁰ Lear W.J. Hot War Creation, Cold War Casualty: The American-Soviet Medical Society, 1943–1948 // Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 259–287.

¹¹⁰¹ Левит М.М. Медицинская периодическая печать России и СССР (1792–1962). – М.: Медгиз, 1963. – С. 45.

ской медицины присоединились к работе над журналом позднее. Рожденный на волне симпатии американцев к СССР (союзнику США по антигитлеровской коалиции, который вел борьбу с фашистскими захватчиками), журнал «Американский обзор советской медицины» также стал выражением интереса к России со стороны американских врачей-выходцев из Российской империи и представителей левых политических взглядов, ведь Россия на протяжении долгих лет оставалась закрытой для иностранных исследователей. Таким образом, журнал был примером ситуативного сотрудничества американских и советских медиков. Вместе с тем история журнала демонстрирует, как политический контекст довлел над всеми проявлениями сотрудничества – даже самыми успешными. После смены политического курса СССР на международную изоляцию и после начала маккартизма в США издание «Американского обзора советской медицины» стало невозможным.

Заключение

Первым опытом внешних связей Советской России в сфере медицины стало представительство Российского общества Красного Креста в Швейцарии при Международном Комитете Красного Креста под руководством С.Ю. Багоцкого, который стоял у истоков создания Наркомздрава СФСР и был лично знаком с его руководителями. Созданная в начале 1920-х гг. сеть зарубежных представительств Наркомздрава РСФСР во многом использовала опыт швейцарской миссии РОКК – как в организационном и кадровом плане, так и по спектру решаемых задач. Таким образом, С.Ю. Багоцкий заложил основы не только зарубежной деятельности РОКК, но и Наркомздрава РСФСР. Первые попытки вести пропаганду советского здравоохранения за рубежом через сеть иностранных представительств РОКК также относятся к 1919–1920 гг.

Создание отдела заграничной информации Наркомздрава РСФСР относится к началу февраля 1921 г. Организация этого отдела была частью более широкого межведомственного процесса, начавшегося в Советской России. Но Наркомздрав РСФСР был одним из немногих ведомств, создавших свою собственную относительно независимую сеть зарубежных представительств, которая просуществовала около восьми лет. Вместе с тем, как показало наше исследование, Наркомздрав РСФСР не обладал монополией в международных связях советской медицины, хотя и претендовал на нее. Независимые от Наркомздрава РСФСР международные контакты в области медицинской науки имели учреждения Наркомпроса РСФСР и Академии наук СССР. Заграничные миссии РОКК также имели свои функции, не связанные с работой Наркомздрава РСФСР, и формально никак от него не зависели. Более того, субъектами международных связей в области медицины и здравоохранения были Наркомздравы и общества Красного Креста союзных республик. Некоторые из них, например, Наркомздрав УССР в случае с журналом «*Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*», даже направляли за границу свои материалы для пропаганды советского здравоохра-

нения. Наркомздрав РСФСР формально присоединился к этому проекту позже, причем как равноправная с Наркомздравом УССР сторона.

Тем не менее, ключевая роль в продвижении советского здравоохранения на международной арене принадлежала наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко. Он еще в 1920 г. опубликовал в США свою статью о работе Наркомздрава РСФСР на английском языке, а в начале 1921 г. добился относительной независимости от НКВД в международном информационном взаимодействии. В дальнейшем он вплоть до своей отставки много времени посвящал международным контактам не только как руководитель крупного ведомства (представительские функции в СССР и за рубежом), но и как автор многочисленных публикаций в зарубежных изданиях. Семашко лично принимал участие в формировании идеологии советского здравоохранения, придав ей такой же мессианский заряд, какой был у советской коммунистической идеологии с заветной мечтой советизировать весь мир. В этом направлении Семашко постоянно колебался от стратегии, которую мы сейчас называем «мягкой силой», и аспекты которой формировались с учетом политической и культурной гетерогенности контактируемых стран, к достаточно грубой пропаганде, когда зарубежным наблюдателям за действительное выдавалось существующее только в планах идеальное советское здравоохранение.

Пребывая в геополитической изоляции в начале 1920-х гг., Советская Россия столкнулась с колоссальными проблемами голода и эпидемий. Для их решения правительству большевиков пришлось проявить значительную политическую гибкость: забыв на время об идеологических различиях, через посредников обратиться к мировому сообществу и принять международную гуманитарную помощь, невзирая на разделяющие доноров и реципиента идеологические барьеры. Именно в этот период по линии нескольких международных и национальных гуманитарных организаций завязывались международные медицинские связи Советской России, впоследствии превратившиеся в важнейший канал передачи медицинских знаний, технологий и кадров. Этот канал способствовал не только быстрому разви-

тию советского здравоохранения, но и двустороннему обмену опытом в сфере охраны здоровья, а также пропаганде созданных на основе мировых медицинских достижений организационных моделей социалистического здравоохранения за рубежом.

В силу геополитических обстоятельств, а также вследствие исторически сложившихся тесных связей в медицинской среде наиболее активное сотрудничество в области здравоохранения происходило с Веймарской республикой, где после Рапалльского соглашения 1922 г. по инициативе наркома здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко бурно развивались двусторонние контакты в области медицины и здравоохранения. Другой страной, которая была особенно близка Н.А. Семашко, и контакты с которой в области здравоохранения он особенно хотел установить, была Франция. Следует отметить, что стратегия Наркомздрава РСФСР/СССР по продвижению советского здравоохранения в странах Запада была единой (единая идеология в официальных текстах, унифицированные методы работы с иностранцами в СССР), а различия в деятельности между разными странами заключались только в установлении контактов с конкретными политиками левого толка и медиками-русофилами.

Международная активность Наркомздрава РСФСР в Европе и Америке имела практическую основу как в получении доступа к новейшей научно-технической информации и результатам научных медицинских исследований, так и идеологическую – в виде пропаганды принципов советского здравоохранения.

В межвоенный период СССР был не единственной страной, занимавшейся активной пропагандой в области медицины и здравоохранения на международной арене. Например, Франция проводила агрессивную пропаганду своей культуры и языка, Германия сделала ставку на восстановление своей репутации за рубежом с помощью продвижения выдающихся достижений немецких ученых, США осуществляла свою культурную дипломатию через благотворительные организации, а обновленная Турция пыталась при помощи европейской медицины восстановить и расширить свое влияние в мусульманских странах. Да и в контексте истории общественного здоровья стран Европы и Северной Америки повестка советского здравоохранения в

1920-х гг. в целом соответствовала общеевропейской. Таким образом, Наркомздраву РСФСР/СССР при проведении пропаганды за рубежом приходилось конкурировать с другими странами, и даже бороться с зарубежным влиянием на медицину внутри СССР.

Принимая во внимание высокий уровень развития медицины и здравоохранения в Западной Европе, одним из основных информационных каналов Наркомздрава РСФСР для пропаганды советского здравоохранения в этих странах стали научные публикации. К середине 1920-х гг. статьи советских авторов по медицине и здравоохранению были широко представлены в периодических изданиях Веймарской республики: как в специализированных медицинских журналах, так и на страницах левой политической прессы. В этих газетах и журналах размещались интервью с наркомом Н.А. Семашко и его статьи об организации советского здравоохранения, а также статьи других советских авторов.

Постепенно Наркомздрав РСФСР подошел к идее проекта собственного журнала за рубежом, различные варианты которого обсуждались с 1921 г. Международные журналы Наркомздрава РСФСР в Веймарской республике и во Франции были важным каналом его информационной политики.

Следует отметить, что в начале 1920-х гг. в Наркомздраве РСФСР не было стройной, логичной и хорошо структурированной идеологии советского здравоохранения, которую можно было бы вынести на суд искушенных европейских экспертов в области общественного здоровья, и которая получила бы большое число приверженцев. Эта «экспортная» версия риторики советского здравоохранения формировалась постепенно в многочисленных публичных выступлениях Н.А. Семашко и публикациях за рубежом. Первым комплексным описанием советского здравоохранения за рубежом можно считать серию статей Н.А. Семашко в «Немецком медицинском еженедельнике» 1924 г. В последующем эти публикации сформировали своеобразный «канон» представления советского здравоохранения за рубежом, причем иностранные авторы широко ссылались на них даже после ухода Семашко из Наркомздрава РСФСР.

Подобно информационной компании ВОКС в странах Запада, сотрудники Наркомздрава РСФСР не распыляли свои силы на работу среди всего врачебного сообщества этих государств, а концентрировались на пропаганде среди политиков левых взглядов, русофилов и медиков, сочувствующих СССР. Особенно ярко это проявилось в деятельности представителя Наркомздрава РСФСР в Германии Я.Р. Гольденберга, который также работал на Коминтерн.

Самой масштабной внешнеполитической акцией Наркомздрава РСФСР стало создание советского павильона на Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1930 г. Однако, как показало наше исследование, политическая информационно-пропагандистская задача в итоге не была достигнута. После ликвидации своих зарубежных представительств (под давлением НКВД и Рабкрина) в 1928–1929 гг. и отставки Н.А. Семашко в январе 1930 г. Наркомздрав РСФСР перестал быть активным игроком на международной арене Запада (Европы и Северной Америки). К этому времени вектор его активности переместился на Восток.

При работе с фондом Наркомздрава РСФСР в ГАРФ (в первую очередь, оп. 35 и оп. 55) мы не обнаружили переписку Семашко или отдела (бюро) заграничной информации по вопросам пропаганды советского здравоохранения за рубежом с вышестоящими советскими или партийными инстанциями, а также с НКВД. На заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) эта тема не поднималась (хотя обсуждались поездки Семашко за рубеж и лечение высокопоставленных партийных функционеров за границей). Более того, из-за наличия отдельной от советских полпредств сети собственных представительств за рубежом Наркомздрав РСФСР постоянно находился под градом критики со стороны НКВД и Рабкрина. Наркому Семашко каждый год приходилось буквально «выбивать» в Совнарком финансирование этих представительств, доказывая их необходимость. На издание своих международных журналов Наркомздрав РСФСР старался и вовсе не направлять валютные средства. В сфере культурной дипломатии в Веймарской республике и Франции представительством Наркомздрава приходилось конкурировать

с ВОКС. В этом свете пропаганда советского здравоохранения в 1920-е гг. выглядит скорее личной инициативой Семашко, нежели простым выполнением разнарядок «сверху» со стороны Наркомздрава РСФСР. Для участия СССР в Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1930 г. Наркомздрав РСФСР фактически пожертвовал медицинским содержанием советского павильона ради пропаганды советского строя. Однако Политбюро ЦК ВКП(б) готово было в последний момент отказаться от участия СССР в этой выставке. Таким образом, вопросы пропаганды советского здравоохранения за рубежом явно не входили в число приоритетных для руководства страны.

Тем не менее, начиная с 1920-х гг. область медицины и охраны здоровья стала той сферой, где, невзирая на идеологические границы, международное сотрудничество со странами Запада осуществлялось достаточно успешно. Сумев быстро и эффективно скрестить достижения западной медицинской науки с организационной структурой земской медицины в контексте большевистской социальной политики, советские организаторы здравоохранения создали гибридную форму – социалистическое здравоохранение, в практическом смысле максимально соответствовавшее ситуации политической и социальной мобилизации.

Важным фактором международной деятельности Наркомздрава РСФСР в 1920-е гг. стал внутренний конфликт советской власти и интеллигенции. Советская профессура, начавшая свою карьеру еще до Первой мировой войны, с воодушевлением восприняло восстановление отношений со странами Запада, но встраиваться в проекты по пропаганде советского здравоохранения за рубежом категорически отказалась. Для подготовки нового поколения медицинской элиты, лояльной советской власти, необходимо было время. Но пример с профессором В.В. Лебедевым в США в 1940-е гг. показывает, что наличие именно таких специалистов, не противопоставляющих себя советской власти, было решающим для создания положительного образа советской медицины за рубежом.

Прагматизм и гибкость большевиков в вопросах получения и практической адаптации западных медицинских знаний, опыта и технологий, а также рациональное использование собственных кадровых ресурсов во главе с врачами-большевиками, профессионально подготовленными в западных университетах и создавшими обширные научные связи в эмиграции, привели к тому, что к середине 1920-х гг. именно в области медицины и здравоохранения сформировались эффективные организационные формы и модели, вызвавшие большой интерес западного медицинского сообщества. Сформировавшаяся к началу 1930-х гг. функциональная модель социалистического здравоохранения с ее популистскими принципами всеобщности и доступности медпомощи и успехами в ликвидации опасных эпидемий на национальной периферии СССР стала «наживкой», привлекавшей левонастроенных медиков, а также общественных и политических деятелей из Франции, Великобритании, Швейцарии и США, становившихся впоследствии лояльными СССР проводниками советских интересов. Возвращаясь в таком «реэспортном» варианте, западные медицинские концепции представляли собой инструменты советской «мягкой силы», создававшие в капиталистическом мире положительный образ СССР и общественные симпатии в адрес политического курса большевиков.

Наркомздрав РСФСР широко использовал возможности хорошо отработанного в ВОКС механизма по приему иностранных гостей в СССР с показом «витрины» советского здравоохранения. В этом случае пропаганда с явной манипуляцией фактами практически полностью вытесняла «мягкую силу», исключая из ее инструментов эффективно действующие институты и оставляя только культуру и идеологию. Апробированные при решении реальных проблем здравоохранения организационные модели советского здравоохранения начали привлекать внимание западных экспертов в области здравоохранения и чиновников, что подтверждается визитами в СССР в 1930-х гг. Джона Кингсбери, Артура Ньюсхолма, Анри Сигериста, а также министров здравоохранения Франции Анри Селье и Марка Рюкара. Необходимо подчеркнуть, что

в 1930-е гг. на международный образ советского здравоохранения существенно влиял Н.А. Семашко, отстранённый к этому времени от работы в Наркомздраве. Коренным образом изменив практику советского здравоохранения в 1930-е гг., руководители Наркомздрава РСФСР/СССР вынуждены были сохранить его идеологию, выработанную при участии Семашко, особенно в ее «экспортном» варианте.

После начала Великой Отечественной войны стремительно начали развиваться научно-медицинские контакты с союзниками СССР по антигитлеровской коалиции. Важно отметить, что в 1943 г. на официальные должности представителей советской медицины за рубежом были назначены не профессиональные революционеры с медицинским образованием (как, например, С.Ю. Багоцкий и Я.Р. Гольденберг в начале 1920-х гг.), не функционеры Наркомздрава, не врачи, связанные с ОГПУ (как это было в представительстве Советского Красного Креста в США в 1930-е гг.), а ученые-медики. Представителем СОКК и КП СССР в США стал профессор-хирург 1-го Московского медицинского института В.В. Лебеденко. Такие кадровые решения позволили не только улучшить имидж советской медицины, но и достичь практических результатов в виде трансфера передовых научно-медицинских разработок из США и Великобритании в СССР. Демонстрируя успехи советской медицины и признавая ее недостатки, а также обладая высокой квалификацией хирурга и личным обаянием, В.В. Лебеденко «оказывал позитивное привлекающее воздействие» на своих коллег в США. Но если в 1943 г. работа миссии Советского Красного Креста в Америке больше соответствовала концепции «мягкой силы», то к концу войны на первый план вновь вышла пропаганда.

Международная деятельность Наркомздрава РСФСР/СССР в межвоенный период осуществлялась в условиях многополярного мира и несколько раз меняла свой вектор в силу внутриполитических изменений и смены внешнеполитического курса советского государства. Одной из целей идеологической кампании было продвижение на Запад практики советского здравоохранения через пропаганду его теоретических принципов. Если, по словам М. Дэвида-Фокса, «Святым Граалем» советской куль-

турной дипломатии было получение от иностранцев признания превосходства советских достижений¹¹⁰², то идеологи советского здравоохранения пошли еще дальше – они стремились к перестройке здравоохранения в странах Запада по советскому образцу (например, в Веймарской республике в 1920-е гг. и в США в 1930-е гг.). Однако на этом идеологическом фронте советское здравоохранение потерпело неудачу как из-за слишком высоко поставленной планки, так и вследствие неадекватно восторженного восприятия реального положения дел в СССР и отрицания прогресса в области общественного здоровья за рубежом. Тем не менее, у этой идеологической кампании были и успехи, например, в странах Азии, но там работа велась по обратному принципу: через медицинскую практику в традиционные общества транслировалась советская идеология, и прививались советские санитарные практики. В Азии советская медицина показала свою эффективность, завоевала доверие местного населения и служила проводником советской идеологии¹¹⁰³.

¹¹⁰² Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – С. 58.

¹¹⁰³ Башкуев В. Ю. «Мягкая сила» советской медицины на зарубежном Востоке. 1920-е – 1940-е гг. – Хабаровск: Изд. ДВГМУ, 2021.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные источники

Архив Национального НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко

Фонд Н.А. Семашко.

Государственный архив Российской Федерации

ГАРФ. Ф.Р9226. Главная государственная санитарная инспекция при Министерстве здравоохранения СССР.

ГАРФ. Ф.А482. Министерство здравоохранения РСФСР (Минздрав РСФСР).

ГАРФ. Ф.Р3341. Центральный комитет Российского общества Красного Креста (ЦЕНТРОКРЕСТ, ЦК РОКК).

ГАРФ. Ф.Р5283. Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС).

ГАРФ. Ф.Р5446. Совет Министров СССР

ГАРФ. Ф.Р8009. Министерство здравоохранения СССР.

ГАРФ. Ф.Р9501. Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (СОКК И КП СССР)

Российский государственный архив социально-политической истории

РГАСПИ. Ф.17. Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991).

РГАСПИ. Ф.495. Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) (1919–1943).

Российский государственный архив научно-технической документации

РГАНТД.Ф. 178. ЦНИИ санпросвещения

Опубликованные источники и литература

1. 100 лет Красного Креста в нашей стране / ред. Г.А. Митерев. – Москва: Медицина, 1967. – 298 с.
2. Абрамов В. Евреи в КГБ: Палачи и жертвы: Лубянка. Открытые архивы / В. Абрамов. – М.: Яуза Эксмо, 2005. – 506 с.
3. Адельгейм Л.В. От редакции / Л.В. Адельгейм // Новости зубоврачевания. – Т. 2. – № 6. – С. 155–156.
4. Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 / Д.А. Александров // Вопросы истории естествознания и техники. – 1996. – № 3. – С. 3–24.
5. Александров О.А. Вклад Н.А. Семашко в развитие международного сотрудничества в области здравоохранения / О.А. Александров // Советское здравоохранение. – 1974. – № 9. – С. 18–24.
6. Александровский Б.Н. К истории русско-немецких научных связей в области эпидемиологии и гигиены / Б.Н. Александровский, Г.А. Щепетова // Советское здравоохранение. – 1982. – № 1. – С. 61–65.
7. Аруин М. Советско-немецкая экспедиция по борьбе с венерическими болезнями в Бурят-Монголии в 1928 г. / М. Аруин // Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – Москва, 1977. – С. 95–101.
8. Арунин М.И. С.Ю. Багоцкий – врач, революционер и общественный деятель / М.И. Арунин // Советское здравоохранение. – 1970. – № 5. – С. 65–70.
9. Арунин М.И. Сергей Юстинович Багоцкий, 1879–1953 / М.И. Арунин // Врачи-большевики – строители советского здравоохранения: Сборник статей / ред. Е.И. Лотова, Б.Д. Петров. – М.: Медицина, 1970. – С. 313–327.

10. Афанасьев А.Л. Одиссея генерала Яхонтова: Докум. повесть / А.Л. Афанасьев, Ю.К. Баранов. – М.: Сов. Россия, 1988. – 270 с.

11. Ашурков Е.Д. В.И. Ленин и охрана здоровья народа / Е.Д. Ашурков; ред. П.И. Калью. – М.: Медицина, 1965. – 171 с.

12. Багоцкий С.Ю. О встречах в Лениным в Польше и Швейцарии / С.Ю. Багоцкий. – [2-е изд.]. – М.: Политиздат, 1971. – 72 с.

13. Багоцкий С.Ю. Представительство РОКК в Швейцарии / С.Ю. Багоцкий // Бюллетень Российского общества Красного Креста. – 1923. – № 1. – С. 8–11.

14. Багоцкий Сергей Юстинович // Большая медицинская энциклопедия. – М.: Гос. изд-во мед. лит., 1957. – Т. 3: Боголепова. – С. 12–13.

15. Базанов В.А. Журнал «Врач» как источник изучения русско-немецких медицинских связей / В.А. Базанов // Советское здравоохранение. – 1983. – № 4. – С. 60–63.

16. Базанов В.А. Научные связи Роберта Коха и его школы с русскими исследователями / В.А. Базанов, П. Шнек // Советское здравоохранение. – 1982. – № 3. – С. 64–67.

17. Баргхорн Ф. Советская пропаганда за рубежом: пер. с англ. / Ф. Баргхорн. – М.: Прогресс, 1964. – 277 с.

18. Барсуков М.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения (Октябрь 1917 г. – июль 1918 г.) / М.И. Барсуков. – М.: Медгиз, 1951. – 316 с.

19. Барынкин А.В. Судьба советской миссии Красного Креста в Варшаве в контексте советско-польских отношений на рубеже 1918–1920 г. / А.В. Барынкин // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – № 2–2. – С. 17–21.

20. Баткис Г.А. Выдающийся деятель советского здравоохранения Михаил Федорович Владимирский / Г.А. Баткис // Вопросы советского здравоохранения: (Статьи и речи М.Ф. Владимирского). – Москва: Медгиз, 1960. – С. 5–37.

21. Башкуев В.Ю. Геополитические аспекты советско-германского сотрудничества в области медицины в 1920-х гг. / В.Ю. Башкуев // Власть. – 2012. – № 2. – С. 145–149.

22. Башкуев В.Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.). Российская медицина и монгольский мир / В.Ю. Башкуев; ред. Л.В. Курас. – Иркутск: Оттиск, 2016. – 436 с.

23. Башкуев В.Ю. Экспорт советской медицины в 1920-х гг.: медико-санитарные экспедиции Наркомздрава РСФСР в Монгольской Народной Республике / В.Ю. Башкуев // Власть. – 2016. – № 6. – С. 196–202.

24. Борисов В.П. Владимир Козьмич Зворыкин, 1889–1982 / В.П. Борисов. – М.: Наука, 2004. – 146 [1] с.

25. Бюньон Ф. Международный Комитет Красного Креста и Советский Союз (1917–1991): Пер. с фр. / Ф. Бюньон. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Междунар. Ком. Красн. Креста, 2000.

26. Васильев К.Г. Трагедия русской микробиологии / К.Г. Васильев // Acta Medico-Historica Rigensia. – 1992. – № 1(20). – С. 272–282.

27. Васильев К.К. Забытый журнал медицинского российского зарубежья / К.К. Васильев // Актуальные проблемы истории медицины: материалы Международной научной конференции / ред. К.К. Васильев. – Сумы: СумГУ, 2005. – С. 148–150.

28. Васильев К.К. Судьба питомца медицинского факультета Императорского Харьковского университета доктора С.Ф. Вербова (1883–1976) / К.К. Васильев // Вестник Харьковского Национального университета имени В.Н. Каразина. Серия Медицина. – 2004. – № 9 (639). – С. 96–100.

29. Васильев К.К. Эмиграция российских врачей в Германию в 20-е годы / К.К. Васильев // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2005. – № 6. – С. 54–57.

30. Венгрова И.В. Из истории социальной гигиены в Англии XIX века / И.В. Венгрова. – М.: Медицина, 1970. – 222 с.

31. Венгрова И.В. К 100-летию со дня рождения Генри Эрнста Сигериста (1891–1957) / И.В. Венгрова // *Здравоохранение Российской Федерации*. – 1991. – № 12. – С. 25–27.

32. Венгрова И.В. Наркомздрав РСФСР и русско-немецкое сотрудничество в 20–30-е годы / И.В. Венгрова // *Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси*. – Москва, 1977. – С. 82–89.

33. Венгрова И.В. Социальная гигиена в СССР (очерки истории) / И.В. Венгрова, Ю.А. Шилинис; ред. Б.Д. Петров. – М.: Медицина, 1976. – 214 с.

34. Вербов С.Ф. Люди, пути и тропы: (Клуб заштат. интеллигентов) / С.Ф. Вербов. – Париж: Б.И., 1970. – 501 с.

35. Виленкин Б.В. Санитарно-гигиеническая выставка в Дюссельдорфе / Б.В. Виленкин // *Гигиена и эпидемиология*. – 1927. – № 3. – С. 63–67.

36. Винтер К. Альфред Гротьян и его значение для нашего времени / К. Винтер // *Здравоохранение Российской Федерации*. – 1971. – № 6. – С. 30–32.

37. Винтер К. Роль Н.А. Семашко в развитии германо-советских отношений в области медицины / К. Винтер // *Советское здравоохранение*. – 1975. – № 7. – С. 77–81.

38. Владимиров А.А. Воспоминания микробиолога / А.А. Владимиров. – М.: Медицина, 1991. – 110 с.

39. Власов Д.В. Журналистика российского эсперанто-движения в XX в.: тенденции развития и типологические особенности: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.01.10 Журналистика / Д.В. Власов. – СПб., 2014. – 322 с.

40. Вниманию подписчиков! // *Русско-немецкий медицинский журнал*. – 1928. – № 5. – С. 1.

41. Востриков В.А. Отечественная история дефибрилляции сердца / В.А. Востриков, Б.Б. Горбунов // *Общая реаниматология*. – 2012. – Т. 8. – № 3. – С. 63–68.

42. Гладышева В.А. Предыстория создания общества германо-советской дружбы как отражение развития взаимоотношений между странами / В.А. Гладышева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 2 (44) Часть 1. – С. 93–96.

43. Глянцев С.П. Сергей Колесников. Судьба хирурга: История сердечно-сосудистой хирургии России / С.П. Глянцев. – М.: НЦССХ РАМН, 2008. – 400 с.

44. Голубев А.В. «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии, 1920–1930-х гг. / А.В. Голубев. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 2004. – 272 с.

45. Гран М.М. Дрезденская гигиеническая выставка 1930 г. / М.М. Гран // Казанский медицинский журнал. – 1931. – Т. XXVII. – № 3. – С. 304–311.

46. Грановский Л.Б. О содержании и методах социальной гигиены (по данным западно-европейской литературы) / Л.Б. Грановский // Журнал общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. – 1908. – № 3. – С. 267–282.

47. Грибанов Э.Д. Всероссийские съезды здраводелов и их значение для практики советского здравоохранения / Э.Д. Грибанов. – М.: Медицина, 1966. – 192 с.

48. Гришин А.В. Внешняя политика советского государства первой половины 1920-х годов: монография / А.В. Гришин. – Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2009. – 178 с.

49. Громыко А.А. Памятное. Новые горизонты. Кн. 1 / А.А. Громыко. – М.: Центр полиграф, 2015. – 560 с.

50. Декреты Советской власти. Т. 13: 1 февраля–31 марта 1921 г. – М.: Политиздат, 1989. – 572 с.

51. Деменок Е.Л. Новые миры / Е.Л. Деменок // Новый мир. – 2016. – № 3. – С. 165–177.

52. Диатропов П.Н. Луи Пастер. 1822–1922 г. / П.Н. Диатропов // Известия Народного комиссариата здравоохранения. – 1923. – № 1. – С. 1–3.

53. Диденко А.В. Разведка и контрразведка в лицах: Энцикл. слов. рос. спецслужб / А.В. Диденко. – М.: Русский мир, 2002. – 607 с.

54. Дьячкова М. Первые зарубежные миссии / М. Дьячкова // Советский Красный Крест. – 1977. – № 1. – С. 20–21.

55. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / М. Дэвид-Фокс; пер. В. Макаров. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – 561 с.

56. Егорышева И.В. Борьба с голодом в России и СССР и участие в ней Красного Креста / И.В. Егорышева // Советское здравоохранение. – 1973. – № 12. – С. 65–69.

57. Ефременко А.А. Из прошлого русско-немецких медицинских связей (русские врачи на бактериологических курсах при Институте Р. Коха, Кох и русские врачи) / А.А. Ефременко // Журнал гигиены, эпидемиологии, микробиологии и иммунологии. – 1968. – Т. 12. – № 4. – С. 440–447.

58. Ефременко А.А. Из прошлого русско-немецких медицинских связей (Эрлих и русские врачи) / А.А. Ефременко // Журнал гигиены, эпидемиологии, микробиологии и иммунологии. – 1965. – Т. 9. – № 3. – С. 354–360.

59. Ефременко А.А. Из прошлого советско-немецкого научно-медицинского сотрудничества / А.А. Ефременко // Из истории медицины. – Рига: ЛМА, 1990. – Т. 19. – С. 82–92.

60. Заболеваемость инфекционными болезнями в СССР. Сообщение 1. 1919–1949 годы / С.Н. Затравкин [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и история медицины. – 2018. – Т. 26. – № 5. – С. 350–356.

61. Затравкин С.Н. «Коренной перелом»: довоенная реформа советского здравоохранения / С.Н. Затравкин, Е.А. Вишленкова, Е.В. Шерстнева // Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8. – № 2. – С. 652–666.

62. Затравкин С.Н. Принципы советской медицины: история создания / С.Н. Затравкин, Е.А. Вишленкова // Проблемы

социальной гигиены, здравоохранения и история медицины. – 2020. – Т. 28. – № 3. – С. 491–498.

63. Идельчик Х.И. Важный этап в развитии русско-немецких медицинских связей / Х.И. Идельчик, Н.Л. Штильман // Советское здравоохранение. – 1982. – № 6. – С. 72–75.

64. Идельчик Х.И. Врачи-большевики С.И. Мицкевич и С.И. Черномордик у истоков Центрального музея Революции СССР (К 60-летию музея) / Х.И. Идельчик // Советское здравоохранение. – 1984. – № 9. – С. 56–59.

65. Идельчик Х.И. XII международный медицинский конгресс в Москве (1897) и русско-немецкие связи в области медицины / Х.И. Идельчик, Н.Л. Штильман // Советское здравоохранение. – 1978. – № 9. – С. 74–78.

66. Иоффе А.Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932 / А.Е. Иоффе. – М.: Наука, 1975. – 429 с.

67. Калина И.П. Международная медико-санитарная связь Наркомздрава (из деятельности представительств Наркомздрава за границей) / И.П. Калина // Известия Народного комиссариата здравоохранения. – 1923. – № 4–5. – С. 49–50.

68. Калина И.П. Сношения с врачебно-санитарными учреждениями и организациями за границей / И.П. Калина // Пять лет советской медицины: 1918–1923. – М.: НКЗ, 1923. – С. 33–37.

69. Канель В.Я. Социальная гигиена, ее сущность и значение (по данным новейшей немецкой литературы) / В.Я. Канель // Общественный врач. – 1913. – Т. XVIII. – № 4. – С. 423–454.

70. Канеп В.В. Борис Дмитриевич Петров / В.В. Канеп, А.Н. Хазанов. – 1992. – № 1 (20). – С. 324–328.

71. Канцедикас А.С. Эль Лисицкий. Фильм жизни. 1890–1941. Ч. 4. Литература об архитектуре. 1925–1931 / А.С. Канцедикас, З.Н. Яргина. – М.: Новый Эрмитаж – Один, 2004. – 143 с.

72. Канцедикас А.С. Эль Лисицкий. Фильм жизни. 1890–1941. Ч. 5. Большая бесчувственность. 1932–1941 / А.С. Канцедикас, З.Н. Яргина. – М.: Новый Эрмитаж – Один, 2005. – 121 с.

73. Карбе К.-Х. Неделя советской медицины в Берлине (27/XI – 3/XII 1932 г.) / К.-Х. Карбе // Советское здравоохранение. – 1978. – № 10. – С. 59–63.

74. Катаева А.Г. М. Горький и русское издательское дело в Германии в начале 20-х гг. / А.Г. Катаева // Новый исторический вестник. – 2000. – № 2. – С. 6–29.

75. Каталог журналов русского зарубежья [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.emigrantica.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).

76. Киперман С. «Король советской разведки» в Америке / С. Киперман // Еврейский Обозреватель. – 2012. – № 11/239.

77. Кирик Ю.В. Институализация социальной гигиены в Советской России в 1920–1930-х годах в международном контексте / Ю.В. Кирик, П.Э. Ратманов, П.А. Шенова // Дальневосточный медицинский журнал. – 2020. – № 1. – С. 85–94.

78. Кнурова В.А. Деятельность американской администрации помощи по ликвидации голода 1921–1922 гг. в Нижнем Поволжье / В.А. Кнурова // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2006. – № 6. – С. 295–299.

79. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2: 1917–1922. – 9-е изд., доп и испр. – М.: Издательство политической литературы, 1983. – 606 с.

80. Корольчук Э.А. Багоцкий Сергей Юстинович / Э.А. Корольчук, Ш.М. Левин // Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь От предшественников декабристов до падения царизма / ред. В.И. Невская. – М.: 1931, Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев. – Т. 5: Социал-демократы. 1880–1904: Вып. 1: А-Б. – С. 187–188.

81. Космач В.А. Важный этап сотрудничества в области медицины / В.А. Космач // Советское здравоохранение. – 1988. – № 4. – С. 64–65.

82. Космач В.А. Внешняя культурная политика Германии в годы Веймарской республики: (1919–1933 г.): Дис. на соиск.

учен. степ. дист.н. / В.А. Космач. – Витебск: Белорусский государственный университет, 1995. – 453 с.

83. Космач В.А. Германо-советские научно-технические и культурные связи в 1922–1932 гг.: (Из истории культ. политики Германии в отношении СССР): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / В.А. Космач. – Минск: Белорус. гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1984. – 20 с.

84. Космач В.А. Из истории советско-германского сотрудничества в области медицины / В.А. Космач // Советское здравоохранение. – 1989. – № 7. – С. 59–61.

85. Космач В.А. Неделя советской медицины в Берлине / В.А. Космач // Советское здравоохранение. – 1987. – № 1. – С. 64–65.

86. Космач В.А. От Компьена и Рапалло. Внешняя политика Веймарской Германии после Первой мировой войны (1918–1923 гг.): страницы истории / В.А. Космач. – Псков: Псковский ГУ, 2017. – 551 с.

87. Краус Ф. Оздоровление наших народов / Ф. Краус // Русско-немецкий медицинский журнал. – 1925. – № 1. – С. 2–4.

88. Кременцов Н.Л. Советская наука на пороге холодной войны: «Дело КР» / Н.Л. Кременцов // In memoriam: исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. – М.; СПб.: Феникс; Athenium, 1995. – С. 272–291.

89. Лаврова И.Г. Немецкие руководства по социальной гигиене в вузах России и СССР / И.Г. Лаврова, К.И. Журавлева // Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – Москва, 1977. – С. 75–81.

90. Лаврова И.Г. Социальная гигиена и организация здравоохранения, ее место и значение в системе высшего медицинского образования: (Ист.-эксперим. исследование). Дисс. на соискание учен. степени д-ра мед. наук / И.Г. Лаврова. – М.: 1-й Моск. мед. ин-т им. И.М. Сеченова, 1971. – 526 с.

91. Латыпов Р.А. Помощь АРА Советской России в период «великого голода» 1921–1923 гг. / Р.А. Латыпов // Regla. – 2006. – № 1 (123).

92. Лебеденко В.В. Клиника и оперативное лечение опухолей спинного мозга: по материалам факультетской хирургич. клиники 1 ММИ / В.В. Лебеденко. – М.: 1-й Моск. мед. ин-т, 1937. – 167 с.

93. Лебеденко В.В. О сроках восстановительной хирургии при ранениях периферических нервов / В.В. Лебеденко // Хирургия. – 1942. – № 10. – С. 48–52.

94. Лебеденко В.В. О хирургическом лечении инфицированных черепно-мозговых ранениях и о глухом шве при них / В.В. Лебеденко // Хирургия. – 1942. – № 11–12. – С. 49–60.

95. Лебеденко В.В. Хирургическое лечение рассеянной склеродермии / В.В. Лебеденко // Сборник работ по военно-полевой и общей хирургии, посвященный XXX-летию научной, врачебно-педагогической и общественной деятельности заслуженного деятеля науки, профессора, доктора медицинских наук А.В. Смирнова. – Л.: Медгиз, 1944. – С. 173–179.

96. Лев Исаевич Шейнис [некролог] // Новости французской медицины и биологии. – 1924. – № 2. – С. 45.

97. Левит М.М. Медицинская периодическая печать России и СССР (1792–1962) / М.М. Левит. – М.: Медгиз, 1963. – 244 с.

98. ЛЕВИЧ Исай Вениаминович // База данных «Деятели Русского Зарубежья» (некрологи). [Электронный ресурс]. – URL: <http://infoculture.rsl.ru/RSKD/asp/RUZ/drznec.htm> (дата обращения: 09.09.2021).

99. Леликова Н.К. Закс-Гладнев Самуил Маркович (лит. псевд.: И.Г. Гладнев) // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь, т. 1–4 (электронная версия) [Электронный ресурс]. – URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=770 (дата обращения: 02.06.2021).

100. Лившиц С.Л. Гигиеническая выставка «Gesolei» 1926 г. в Дюссельдорфе / С.Л. Лившиц // Московский медицинский журнал. – 1927. – № 1. – С. 64–73.

101. Лившиц С.Л. Гигиеническая выставка «Gesolei» 1926 г. в Дюссельдорфе (окончание) / С.Л. Лившиц // Московский медицинский журнал. – 1927. – № 2. – С. 58–69.

102. Лисицын Ю.П. Памяти Г.Э. Сигериста / Ю.П. Лисицын, И.В. Венгрова // Советская медицина. – 1957. – № 12. – С. 114–119.

103. Лисицын Ю.П. Социальная гигиена и организация здравоохранения / Ю.П. Лисицын. – М.: Медицина, 1973. – 456 с.

104. Лотова Е.И. И.Д. Страшун. – М.: Медицина, 1979. – 72 с.

105. Макдермотт К. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина / К. Макдермотт, Д. Агню. – М.: АИРО-XX, 2000. – 223 с.

106. Махмутова Г.Н. Эмиль Евгений Ресле (1875–1962) / Г.Н. Махмутова // Советское здравоохранение. – 1990. – № 9. – С. 70–73.

107. Мирский М.Б. «Русско-немецкий медицинский журнал» (к 50-летию выхода в свет первого номера журнала / М.Б. Мирский // Советское здравоохранение. – 1975. – № 10. – С. 72–75.

108. Мирский М.Б. Исцеляющий скальпелем: Акад. Н.Н. Бурденко / М.Б. Мирский. – М.: Знание, 1983. – 190 с.

109. Мирский М.Б. Медицина России X–XX веков: Очерки истории / М.Б. Мирский. – М.: РОССПЭН, 2005. – 632 с.

110. Модлин И.С. К вопросу об истории развития научно-медицинских связей Германской демократической республики с Советским Союзом / И.С. Модлин // Проблемы научной медицинской информации (материалы V научной конференции ВНИИМИ). – М.: ВНИИМИ, 1972. – С. 99–108.

111. Най Д.С. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век / Д.С. Най. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.

112. Нестеренко А.И. Как был образован Народный комиссариат здравоохранения РСФСР: из истории советского здравоохранения (октябрь 1917 г. – июль 1918 г.) / А.И. Нестеренко. – М.: Медицина, 1965. – 96 с.

113. Новодевичье кладбище. Еремин Иван Андреевич (1902–1963) [Электронный ресурс]. – URL: <http://nd.m-necropol.ru/eremin-ia.html> (дата обращения: 20.04.2020).

114. О поездке В. Шиллинга в 1926 г. в Советский Союз / И. Гюнтер [и др.] // Клиническая медицина. – 1972. – Т. 50. – № 6. – С. 141–142.

115. Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): Сборник документов. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. – 419 с.

116. От редакции // Русско-немецкий медицинский журнал. – 1928. – № 1. – С. 1.

117. Петр Георгиевич Стрелков / П.Л. Капица [и др.] // Успехи физических наук. – 1969. – Т. 98. – № 5. – С. 183–185.

118. Петров Б.Д. Основные этапы и направления русско-немецких медицинских связей / Б.Д. Петров // Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – Москва, 1977. – С. 8–13.

119. Петров Б.Д. Юбилей Шарите / Б.Д. Петров // Советское здравоохранение. – 1987. – № 1. – С. 70–71.

120. Петрова З.П. Первый заведующий кафедрой социальной гигиены Харьковского медицинского института М.Г. Гуревич / З.П. Петрова, В.А. Огнев // Медицина сьогодні і завтра. – 2013. – № 4 (61). – С. 22–27.

121. Погромский В.А. Американская администрация помощи и ее деятельность в Советской Беларуси в 20-е гг. XX ст. / В.А. Погромский, В.А. Тетенова // Емінак. – 2014. – № 3–4 (9). – С. 69–75.

122. Поддубный М.В. Генрих Цейсс и московские «германофилы» 1920-х годов / М.В. Поддубный // Acta Medico-Historica Rigensia. – 2000. – Т. V (XXXIV). – С. 53–74.

123. Поддубный М.В. Иностранные врачи о советской медицине 30-х гг. / М.В. Поддубный // Советское здравоохранение. – 1991. – № 2. – С. 72–75.

124. Поддубный М.В. Иностранные врачи о советской медицине 30-х годов / М.В. Поддубный // Советское здравоохранение. – 1991. – № 2. – С. 72–75.

125. Поддубный М.В. Международное сотрудничество Наркомата здравоохранения РСФСР в период 1920–1930 годов / М.В. Поддубный, И.В. Егорышева, А.В. Морозов // Вестник современной клинической медицины. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 74–78.

126. Поддубный М.В. Профессор Г. Цейсс (1888–1949) и история медицины в России (к 70-летию одной статьи) / М.В. Поддубный // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. – 1998. – № 2. – С. 60–61.

127. Предисловие // Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – М., 1977. – С. 5–7.

128. Профессор В.В. Лебеденко (некролог) / Н.Н. Бурденко [и др.] // Хирургия. – 1946. – № 12. – С. 67.

129. Пять лет советской медицины: 1918–1923. – М.: НКЗ, 1923. – [4], 259 с.

130. Ратманов П.Э. Врач по призванию, дипломат поневоле / П.Э. Ратманов // Медицинская газета. – 2020. – 23 дек. – С. 15.

131. Ратманов П.Э. Зарубежные представительства Советского Красного Креста в 1920–1930-е гг. в международной политике СССР в области здравоохранения / П.Э. Ратманов, В.Ю. Башкуев // История медицины. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 41–50.

132. Ратманов П.Э. Здравоохранение СССР в освещении иностранных авторов (1920–1940-е гг.) / П.Э. Ратманов // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. Тематический выпуск: материалы международного симпозиума «Актуальные вопросы в истории медицины и здравоохранения». – М., 2013. – С. 174–176.

133. Ратманов П.Э. Новые материалы о профессоре В.Н. Сиротинине (1855–1934) / П.Э. Ратманов, М.В. Поддуб-

ный, В.И. Бородулин // Военно-медицинский журнал. – 2021. – Т. 342. – № 10. – С. 80–85.

134. Ратманов П.Э. Представительство Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в Германии (1921–1929 гг.) в контексте международных связей Советской России / П.Э. Ратманов, Ю.В. Кирик // Дальневосточный медицинский журнал. – 2019. – № 4. – С. 41–46.

135. Ратманов П.Э. Представительство Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в Швейцарии (первая половина 1920-х гг.) / П.Э. Ратманов // Труды по истории медицины. Opera medica historica: альманах. Вып. 5. / ред. К.А. Пашков. – М.: М-Принт, 2020. – С. 81–92.

136. Ратманов П.Э. Советская медицина на страницах американской медицинской периодики: журнал «Американский обзор советской медицины» (1943–1948) в контексте двусторонних отношений СССР и США / П.Э. Ратманов, В.Ю. Башкуев // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2019. – Т. 27. – № 6. – С. 930–935.

137. Ратманов П.Э. Советское здравоохранение в освещении западных авторов (1920–1960-е гг.) / П.Э. Ратманов // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России. – 2013. – № 3 (12). – С. 7.

138. Рихтер И. Медицина и политика в германо-советских отношениях в 20-е годы / И. Рихтер // Советское здравоохранение. – 1990. – № 11. – С. 69–71.

139. Розенфельд Г. Научные и культурные связи между СССР и Веймарской республикой / Г. Розенфельд // Вопросы истории. – 1963. – № 10. – С. 71–83.

140. Российский медицинский список изд. Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1916 г. – СПб.: Тип. МВД, 1916. – XXVI, 668, 159, 162, 175, 30 с.

141. Рубакин А.Н. Воспоминания о франко-советских медицинских связях / А.Н. Рубакин // Клиническая медицина. – 1960. – № 8. – С. 153–156.

142. Рубакин А.Н. Генри-Эрнест Сигерист – виднейший историк медицины нашего времени (1891–1957) / А.Н. Рубакин // Советское здравоохранение. – 1958. – № 1. – С. 46–48.

143. Рубакин А.Н. Из воспоминаний о франко-советских медицинских связях / А.Н. Рубакин // Клиническая медицина. – 1960. – Т. XXXVIII. – № 8. – С. 153–156.

144. Рубакин А.Н. Международные связи советской медицины / А.Н. Рубакин // История медицины СССР / ред. Б.Д. Петров. – М.: Медицина, 1964. – С. 30–43.

145. Рубакин А.Н. Над рекою времени: Воспоминания / А.Н. Рубакин. – М.: Междунар. отношения, 1966. – 527 с.

146. Рубакин А.Н. Я знал его 40 лет (Воспоминания о Н.А. Семашко) / А.Н. Рубакин // Советское здравоохранение. – 1974. – № 11. – С. 82–85.

147. Русско-советско-немецкие медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – Москва, 1977. – 188, [5] с.

148. Рябов Г.З. Московское научно-историческое общество в 1957 г. / Г.З. Рябов // Советское здравоохранение. – 1958. – № 4. – С. 62.

149. Север А. Маршал с Лубянки. Берия и НКВД в годы войны / А. Север. – М.: Алгоритм, 2008. – 240 с.

150. Селиванов В.И. Состояние и задачи историко-медицинской науки в период перестройки / В.И. Селиванов, Е.Ф. Селиванов // Из истории медицины. – Рига: ЛМА, 1990. – Т. 19. – С. 5–15.

151. Семашко Н.А. Вопросы социальной гигиены в Германии (беглые заметки из заграничных впечатлений) / Н.А. Семашко // Известия Народного комиссариата здравоохранения. – 1923. – № 2–3. – С. 26–27.

152. Семашко Н.А. К читателю / An die Leser / Н.А. Семашко // Русско-немецкий медицинский журнал. – 1925. – № 1. – С. 1–2.

153. Синельникова Е.Ф. Международная деятельность научных обществ в 1920-е гг. / Е.Ф. Синельникова // Социология науки и технологий. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 160–176.

154. Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Д.А. Александров [и др.]; ред. Э.И. Колчинский. – СПб.: Наука, 2001. – 366 с.

155. Страшун И.Д. Россия и русские на Дрезденской выставке 1911 года (К 50-летию Международной гигиенической выставки) / И.Д. Страшун // Советское здравоохранение. – 1961. – № 12. – С. 84–87.

156. Сысин А.Н. Международные организации и общества в области гигиены и здравоохранения / А.Н. Сысин // Известия Народного комиссариата здравоохранения. – 1923. – № 4–5. – С. 50–54.

157. Тенебойм Н. Выставки / Н. Тенебойм // Большая медицинская энциклопедия / ред. Н.А. Семашко. – М.: АО «Советская энциклопедия», 1929. – Т. Т. 6: Вывихи-Гимза. – С. 103–111.

158. Терновский В.Н. Генри Е. Сигерист / В.Н. Терновский // Советское здравоохранение. – 1964. – № 4. – С. 77–79.

159. Томан И. Россия и Красный Крест (1917–1945): Красный Крест в революц. государстве. Деятельность МККК в России после Окт. революции 1917 г.: Пер. / И. Томан. – 2-е изд. – М.: МККК, 2002. – 104 с.

160. Тополянский В.Д. Доктор Д.Д. Плетнев / В.Д. Тополянский // Репрессированная наука / ред. М.Г. Ярошевский. – Л.: Наука, 1991. – С. 305–318.

161. Тривус М. Парижские «Медицинские дни» (15–18 июля 1926 г.) / М. Тривус // Новости французской медицины и биологии. – 1926. – № 8. – С. 32–33.

162. Трошина Т.И. «Красным лагерем» в Германии. «Интернированная Красная армия» в Германии в 1920–1921 гг.: об одном полузабытом эпизоде Гражданской войны / Т.И. Трошина. – Архангельск, 2014. – 183 с.

163. Тутцке Д. Развитие русско-немецких медицинских связей / Д. Тутцке, К. Винтер // Русско-советско-немецкие

медицинские связи: Тезисы докл. II симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 27–30 сент. 1977 г., Тбилиси. – Москва, 1977. – С. 13–16.

164. Усманов Н.В. Американская помощь голодающим на Южном Урале в 1921–1923 гг.: документы госархивов Республики Башкортостан / Н.В. Усманов // Отечественные Архивы. – 2009. – Американская помощь голодающим на Южном Урале в 1921–1923 гг. – № 1. – С. 48–55.

165. Усманов Н.В. Помощь американцев голодающим в Советской России в 1921–1923 гг. (по материалам Урала) / Н.В. Усманов // Исторический вестник. – 2013. – Т. 4. – № 151. – С. 158–183.

166. Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути / З.Г. Френкель. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 696 с.

167. Хоффманн Д.Л. Вращивание масс: модерное государство и советский социализм, 1914–1939 / Д.Л. Хоффманн. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 42 с.

168. Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1918–1921 гг. / В.Л. Черноперов. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2006. – 435 с.

169. Чуваков В.Н. Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 6. Кн.1. Пос-Скр. / В.Н. Чуваков; ред. Е.В. Макаревич. – М.: Пашков Дом, 2005. – 607 с.

170. Шванн С. Русско-немецкие связи в области профессиональной гигиены / С. Шванн // Советское здравоохранение. – 1976. – № 6. – С. 66–68.

171. Шер С.А. Детское здравоохранение Германии в конце XIX – начале XX века и его влияние на формирование советской системы охраны здоровья детей / С.А. Шер // Бюллетень Национального Научно-Исследовательского Института Общественного Здоровья Имени Н.а. Семашко. – 2017. – № 5. – С. 220–223.

172. Шерстнева Е.В. История создания советского пенициллина: вымысел и факты / Е.В. Шерстнева // Проблемы

социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2019. – Т. 27. – № 4. – С. 507–512.

173. Шерстнева Е.В. Участие СССР в Международной гигиенической выставке 1930 г. в Дрездене (к 75-летию проведения) / Е.В. Шерстнева // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2005. – № 5. – С. 57–59.

174. Шишкин А.П. Государственный институт социальной гигиены Наркомздрава РСФСР и его роль в развитии теории и организации советского здравоохранения / А.П. Шишкин // Советское здравоохранение. – 1982. – № 6. – С. 59–62.

175. Шишкин В.А. К вопросу о «спецеедстве» и общественном положении медицинских работников советской России во второй половине 1920-х гг. / В.А. Шишкин // Медицина России в годы войны и мира: новые документы и исследования / ред. Т.Ю. Воронина. – СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 417–432.

176. Шнек П. Влияние достижений в области охраны материнства и младенчества в СССР на здравоохранение Германии периода Веймарской республики (1918–1933) / П. Шнек // Положение и задачи врача в обществе в различные исторические периоды: Тезисы докл. IV симпозиума по истории медицины СССР – ГДР, 25–27 нояб. 1981 г., Вильнюс. – Москва, 1981. – С. 132.

177. Шнек П. Из истории русско-немецких медицинских связей / П. Шнек // Советское здравоохранение. – 1982. – № 4. – С. 61–63.

178. Шнек П. Пауль Эрлих и его контакты с учеными Восточной Европы / П. Шнек // Проблемы социальной гигиены и история медицины. – 1996. – № 6. – С. 56–58.

179. Яровинский М.Я. Международная гигиеническая выставка 1911 г. в Дрездене и ее роль в развитии медицинского музейно-выставочного дела / М.Я. Яровинский // Советское здравоохранение. – 1986. – № 9. – С. 75–77.

180. Яровинский М.Я. Русско-немецкое сотрудничество в создании гигиенических музеев и выставок / М.Я. Яровинский // Гигиена и санитария. – 1977. – № 9. – С. 52–55.

181. V-летие советской медицины: 1918–1923 // Известия Народного комиссариата здравоохранения. – 1923. – № 4–5. – С. 3–4.

182. Abel C. Health, hygiene and sanitation in Latin America, c.1870 – c.1950. / C. Abel. – London: Institute of Latin American Studies, 1996. – 48 p.

183. Abramson A. Zworykin, pioneer of television / A. Abramson. – Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1995. – XVIII-319 p.

184. Adelheim R. Die Fleckfieberepidemie in Riga im Jahre 1919 unter der Bolschewistenherrschaft / R. Adelheim // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1920. – Vol. 46. – № 39. – S. 1085–1086.

185. Als Artz in Moscau // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 3/4. – S. 53.

186. Avery D. Wartime Medical Cooperation across the Pacific: Wilder Penfield and the Anglo-American Medical Missions to the Soviet Union and China, 1943–1944 / D. Avery // Pacific Science. – 2000. – Vol. 54. – № 3. – P. 289–298.

187. Bagotzky S. Die Tuberkulose-Bekämpfung in Sowjet-Rußland / S. Bagotzky // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 3/4. – S. 38–41.

188. Bagotzky S. L'organisation et l'activité de la Société russe de la Croix-Rouge / S. Bagotzky // Bulletin international des Sociétés de la Croix-Rouge. – 1923. – Vol. 5. – № 49. – P. 1–10.

189. Bagotzky S. La lutte contre la tuberculose en Russie / S. Bagotzky // Bulletin international des Sociétés de la Croix-Rouge. – 1924. – Vol. 6. – № 65. – P. 309–320.

190. Bagotzky S. La lutte contre les maladies vénériennes dans l'Union des Républiques soviétiques par la Société russe de la Croix-Rouge / S. Bagotzky // Bulletin international des Sociétés de la Croix-Rouge. – 1925. – Vol. 7. – № 78. – P. 397–408.

191. Bagotzky S. Les pertes de la Russie pendant la guerre mondiale (1914–1917) / S. Bagotzky // Bulletin international des Sociétés de la Croix-Rouge. – 1924. – Vol. 6. – № 61. – P. 16–21.

192. Barclay W.R. Morris Fishbein, MD-1889–1976 Editor of JAMA-1924–1950 / W.R. Barclay // JAMA. – 1976. – Vol. 236. – № 19. – P. 2212–2212.

193. Barghoorn F.C.C. The Soviet cultural offensive: the role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy / F.C.C. Barghoorn. – Princeton, N.J.: Princeton university press, 1960. – VII, 353 p.

194. Beringer K. Die deutsch-russische Syphilisexpedition in der Burjato-Mongolei und ihre Bedeutung für die Frage der Metaluespathogenese / K. Beringer / K. Beringer // Lues, Lamas, Leninisten: Tagebuch einer Reise durch Russland in die Burjatische Republik im Sommer 1926. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verlagsgesellschaft, 1995. – S. 298–308.

195. Bogolomets A.A. Anti-Reticular Cytotoxic Serum as a Means of Pathogenic Therapy / A.A. Bogolomets // American Review of Soviet Medicine. – 1943. – Vol. 1. – № 2. – P. 101–112.

196. Böttcher C. Das Bild der sowjetischen Medizin in der ärztlichen Publizistik und Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: Neuere Medizin- und Wissenschaftsgeschichte / C. Böttcher. – Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1998. – 325 s.

197. Busch J.P. zum. Die Gesundheitsverhältnisse in Sowjet-Rußland / J.P. zum Busch // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1921. – Vol. 47. – № 32. – S. 934.

198. Carter E.C. Russian War Relief / E.C. Carter // Slavonic and East European Review. American Series. – 1944. – Vol. 3. – № 2. – P. 61–74.

199. Cocks G. Doing Medicine Together: Germany and Russia between the Wars / G. Cocks // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. – 2008. – Vol. 63. – Doing Medicine Together. – № 1. – P. 132–134.

200. Conrads H. Carl Neuberg – Biochemie, Politik und Geschichte: Lebenswege und Werk eines fast verdrängten Forschers / H. Conrads, B. Lohff, T. Ripperger. – Stuttgart: Franz Steiner, 2006. – 221 s.

201. Cultural diplomacy / K. Bound [et al.]. – London: Demos, 2007. – 111 p.

202. Current Medical Literature // Journal of the American Medical Association. – 1943. – Vol. 122. – № 7. – P. 465–472.

203. Das medizinische Leben in der Ukraine // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 47. – S. 1622–1623.

204. David-Fox M. Leftists versus nationalists in Soviet-Weimar cultural diplomacy: showcases, fronts and boomerangs / M. David-Fox // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 103–156.

205. David-Fox M. Showcasing the great experiment: cultural diplomacy and Western visitors to the Soviet Union, 1921–1941 / M. David-Fox. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 396 p.

206. Diakonof P. Une Nouvelle Méthode Anthropométrique / P. Diakonof // *Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*. – 1924. – № 1. – P. 3–9.

207. Die Gesundheitsverhältnisse in Sowjet-Rußland // *Deutsche Medizinische Wochenschrift*. – 1920. – Vol. 46. – № 48. – S. 1339–1340.

208. Dobreitzer I. Le Paludisme en Russie / I. Dobreitzer // *Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie*. – 1924. – № 1. – P. 17–24.

209. Dowbiggin I. Medical Mission to Moscow: Women's Work, Day Care, and Early Cold War Politics in Twentieth-Century America / I. Dowbiggin // *Journal of Policy History*. – 2011. – Vol. 23. – № 2. – P. 177–203.

210. Dreißig Jahre öffentlich-sozialer Tätigkeit N.A. Semaschko // *Das Neue Rußland*. – 1924. – Vol. 1. – № 7/8. – S. 24–25.

211. Duffin J. Sigerist in Saskatchewan: The Quest for Balance in Social and Technical Medicine / J. Duffin, L.A. Falk // *Bulletin of the History of Medicine*. – 1996. – Vol. 70. – № 4. – P. 658–683.

212. Düwell K. Deutschlands auswärtige Kulturpolitik, 1918–1932: Grundlinien und Dokumente / K. Düwell. – Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1976. – XII-402 s.

213. Eckart W.U. Deutsche Hungerhilfe für Russland (1921-1923) / W.U. Eckart // *Fiat Panis: für eine Welt ohne Hunger* / ред. H. Eiselen. – Stuttgart: Hampp, 2009. – S. 55-60.

214. Eckart W.U. Medizin und auswärtige Kulturpolitik der Republik von Weimar – Deutschland und die Sowjetunion 1920–1932 / W.U. Eckart // *Medizin in Geschichte und Gesellschaft*. – 1993. – № 11. – S. 105–142.

215. Eckart W.U. Von Kommissaren und Kamelen: Heinrich Zeiss, Arzt und Kundschafter in der Sowjetunion 1921–1931 / W.U. Eckart. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2016. – 382 s.

216. Eyler J.M. Sir Arthur Newsholme and State Medicine, 1885–1935 / J.M. Eyler. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1997. – 443 p.

217. Fayet J.-F. VOKS: le laboratoire helvétique: histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres / J.-F. Fayet. – Chêne-Bourg: Georg éditeur, 2014. – 598 p.

218. Fee E. Using Medical History to Shape a Profession: The Ideals of William Osler and Henry E. Sigerist / E. Fee, T.M. Brown // *Locating Medical History: The Stories and Their Meanings* / eds. F. Huisman, J.H. Warner. – Baltimore: The John Hopkins University Press, 2004. – P. 139–164.

219. Field M.G. Doctor and Patient in Soviet Russia / M.G. Field. – Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1957. – 266 p.

220. Field M.G. Soviet socialized medicine: an introduction. Soviet socialized medicine / M.G. Field. – Free Press, 1967. – 264 p.

221. Fuhrmann G. Die Bekämpfung des Alkoholismus in der Sowjetunion / G. Fuhrmann // *Das Neue Rußland*. – 1929. – Vol. 6. – № 7/8. – S. 57–58.

222. Gantt W.H. A Medical Review of Soviet Russia / W.H. Gantt. – London: British Medical Association, 1928.

223. Gantt W.H. A Medical Review of Soviet Russia: II.-Hospitals and health conditions / W.H. Gantt // *British medical journal*. – 1924. – Vol. 2. – № 3321. – P. 336–340.

224. Gantt W.H. A Medical Review of Soviet Russia: III.-Scientific Work / W.H. Gantt // British medical journal. – 1924. – Vol. 2. – № 3325. – P. 533–536.

225. Gantt W.H. A Medical Review of Soviet Russia: IV.-Change in Type and Incidence of Disease / W.H. Gantt // British medical journal. – 1926. – Vol. 2. – № 3423. – P. 303–307.

226. Gantt W.H. A Medical Review of Soviet Russia: IV.-Change in Type and Incidence of Disease / W.H. Gantt // British medical journal. – 1926. – Vol. 2. – № 3433. – P. 747–750.

227. Gantt W.H. A Medical Review of Soviet Russia: IV.-Change in Type and Incidence of Disease / W.H. Gantt // British medical journal. – 1926. – Vol. 2. – № 3434. – P. 802–805.

228. Gantt W.H. A medical review of Soviet Russia: V. – The medical profession, Soviet science, and Soviet sanitation / W.H. Gantt // British medical journal. – 1927. – Vol. 1. – № 3447. – P. 198–200.

229. Gantt W.H. A medical review of Soviet Russia: V. – The medical profession, Soviet science, and Soviet sanitation / W.H. Gantt // British medical journal. – 1927. – Vol. 1. – № 3448. – P. 244–246.

230. Gantt W.H. A medical review of Soviet Russia: V. – The medical profession, Soviet science, and Soviet sanitation / W.H. Gantt // British medical journal. – 1927. – Vol. 1. – № 3450. – P. 338–340.

231. Gantt W.H. A medical review of Soviet Russia: VI.-Work of Pavlov and Other Scientists / W.H. Gantt // British medical journal. – 1927. – Vol. 1. – № 3466. – P. 1070–1073.

232. Gantt W.H. A Medical Review of Soviet Russia: VI.-Work of Pavlov and Other Scientists / W.H. Gantt // British medical journal. – 1927. – Vol. 2. – № 3485. – P. 739–742.

233. Gantt W.H. A Review of Medical Education in Soviet Russia / W.H. Gantt // British medical journal. – 1924. – Vol. 1. – № 3311. – P. 1055–1058.

234. Gantt W.H. Russian medicine / W.H. Gantt. – New York: P.B. Hoeber, Inc., 1937. – 214 p.

235. Goldenberg J. Das Problem der Gesundung der Arbeit in Russland / J. Goldenberg // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 3/4. – S. 22–25.

236. Goldenberg J. Das Sexualleben des Kindes und die soziale Umgebung / J. Goldenberg // Die neue Generation. – 1926. – № 5. – S. 137–39.

237. Goldenberg J. Der Aufstieg der hygienischen Kultur in der UdSSR / J. Goldenberg // Das Neue Rußland. – 1928. – Vol. 5. – № 1. – S. 11–14.

238. Goldenberg J. Der Kulturwert der ländlichen Gesundheitsfürsorge in der Sowjetunion / J. Goldenberg // Das Neue Rußland. – 1926. – Vol. 3. – № 3/4. – S. 12–14.

239. Goldenberg J. Der öffentliche Arzt / J. Goldenberg // Das Neue Rußland. – 1927. – Vol. 4. – № 1/2. – S. 31–33.

240. Goldenberg J. Wege der Gesundheitsfürsorge in Sowjetrußland / J. Goldenberg // Das Neue Rußland. – 1925. – Vol. 2. – № 5/6. – S. 21–23.

241. Goldenberg J. Wege und Ausblicke der Zusammenarbeit Deutschlands und Sowjetrußlands auf dem Gebiete der Gesundheitspflege / J. Goldenberg // Osteuropa. – 1927. – Vol. 2. – № 8/9. – S. 474–481.

242. Götze H. Springer-Verlag: history of a scientific publishing house. Part 2, 1945–1992: rebuilding, opening frontiers, securing the future. Springer-Verlag / H. Götze. – Berlin: Springer, 1996. – XXVI, 416 p.

243. Gould-Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy / N. Gould-Davies // Diplomatic History. – 2003. – Vol. 27. – № 2. – P. 193–214.

244. Greenstein H. The Atlantic City Conference and the UNRRA Program / H. Greenstein // The Compass. – 1944. – Vol. 25. – № 4. – P. 20–24.

245. Guest L.H. Public Health in Soviet Russia / L.H. Guest // The Lancet. – 1920. – Vol. 196. – № 5063. – P. 566–568.

246. Guest L.H. Public Health in Soviet Russia / L.H. Guest // The Lancet. – 1920. – Vol. 196. – № 5062. – P. 518–519.

247. Guest L.H. Public Health in Soviet Russia / L.H. Guest // The Lancet. – 1920. – Vol. 196. – № 5064. – P. 617–620.
248. Guest L.H. Public Health in Soviet Russia / L.H. Guest // The Lancet. – 1920. – Vol. 196. – № 5065. – P. 661–663.
249. Gurvich N.L. Restoration of heart rhythm during fibrillation by a condenser discharge / N.L. Gurvich, G.S. Yuniev // American Review of Soviet Medicine. – 1947. – Vol. 4. – № 3. – P. 252–256.
250. Gurvich N.L. Restoration of regular rhythm in the mammalian fibrillating heart / N.L. Gurvich, G.S. Yuniev // American Review of Soviet Medicine. – 1946. – Vol. 3. – № 3. – P. 236–239.
251. Güthoff W. Zur Epidemiologie und Bekämpfung des Seuchengeschehens in Sowjetrußland von 1918 bis 1924 – ein Beitrag zur Geschichte der deutsch-sowjetischen medizinischen Beziehungen: Diss. med. / W. Güthoff. – Berlin: Humboldt-Univ., 1986.
252. Haines A.J. Health work in Soviet Russia / A.J. Haines. – New York: Vanguard press, 1928. – xviii, 177 p.
253. Hartman H. Henri Hartmann 1860–1952 / H. Hartman // Diseases of the Colon & Rectum. – 1984. – Vol. 27. – № 4. – P. 273–273.
254. Hastings A.B. Medical research mission to the Soviet Union / A.B. Hastings, M.B. Shimkin // American Review of Soviet Medicine. – 1946. – T. 3. – № 5. – C. 453–472.
255. Hau M. The holistic gaze in German medicine, 1890–1930 / M. Hau // Bulletin of the History of Medicine. – 2000. – Vol. 74. – № 3. – P. 495–524.
256. Haustein H. Sexuelle Hygiene – eine Volksangelegenheit. Nachklänge zum 2. Allrussischen Kongress zur Bekämpfung der Geschlechtskrankheiten in Charkow vom 13.-19.5.1925 / H. Haustein // Das Neue Rußland. – 1925. – Vol. 2. – № 5/6. – S. 50–53.
257. Health and Society in Revolutionary Russia / eds. S.G. Solomon, J.F. Hutchinson. – Bloomington: Indiana University Press, 1990. – 280 p.
258. Heiman J. Remarks at Dr. Sigerist Farewell Reception May, 23, 1947 / J. Heiman // American Review of Soviet Medicine. – 1947. – Vol. 5. – № 1. – P. 93.

259. Hutchinson J.F. Dances with Commissars: Sigerist and Soviet Medicine / J.F. Hutchinson // *Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist* / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 229–258.

260. Investigation of Un-American Propaganda Activities in the United States: Hearings Before a Special Committee on Un-American Activities, House of Representatives, Seventy-fifth Congress, Third Session-Seventy-eighth Congress, Second Session, on H. Res. 282. Vol. 7. – Washington, D.C: U.S. Government Printing Office, 1939. – 1018 p.

261. Karbe C.-H. Veröffentlichungen N.A. Semaškos in Deutschland über das sowjetische Gesundheitswesen / C.-H. Karbe // *NTM Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin*. – 1968. – Vol. 5. – № 11. – S. 79–92.

262. Kästner I. Das Leipziger Karl-Sudhoff-Institut und das Fach Geschichte der Medizin in der DDR / I. Kästner // *Medizinhistorisches Journal*. – 2014. – Vol. 49. – № 1/2. – S. 118–158.

263. Kerber R.E. A USA-USSR Experiment in Medical Journalism: The American Review of Soviet Medicine / R.E. Kerber // *American Communist History*. – 2012. – Vol. 11. – № 2. – P. 229–235.

264. Klyueva N.G. Cancerolytic substance of *Schizotrypanum cruzi* / N.G. Klyueva, G. Roskin // *American Review of Soviet Medicine*. – 1946. – Vol. 4. – № 2. – P. 127–129.

265. Kollwitz H. Schulkinderfürsorge in Rußland / H. Kollwitz // *Deutsche Medizinische Wochenschrift*. – 1930. – Vol. 56. – № 43. – S. 1834–1835.

266. Korovine E. Compte-rendu de l'activité de la Section étrangère du Comité central de la Croix-Rouge russe, du 1er décembre 1918 au 1er novembre 1919 / E. Korovine // *Revue internationale de la Croix-Rouge*. – 1920. – № 18. – P. 1082–1092.

267. Kremmentsov N.L. In the Shadow of the Bomb: U.S.-Soviet Biomedical Relations in the Early Cold War, 1944–1948 / N.L. Kremmentsov // *Journal of Cold War Studies*. – 2007. – Vol. 9. – № 4. – P. 41–67.

268. Kuczynski M.H. Neue medizinische Aufgaben im neuen Rußland / M.H. Kuczynski // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 7/8. – S. 25–26.

269. Lahusen T. In Search of Roubakine / T. Lahusen. – Chemo-dan Films, 2012.

270. Lear W.J. Hot War Creation, Cold War Casualty: The American-Soviet Medical Society, 1943–1948 / W.J. Lear // Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – P. 259–287.

271. Lebedenko V.V. Health Care in the Soviet Union / V.V. Lebedenko // TIC. – 1944. – P. 10–13.

272. Lebedenko V.V. Progress of Medicine During War. Part II / V.V. Lebedenko // Medical Annals of the District of Columbia. – 1943. – Vol. XII. – № 8. – P. 293–294.

273. Lebedenko V.V. Training of Medical Personnel in USSR before and during the Present War / V.V. Lebedenko // Journal of the American Medical Association. – 1943. – Vol. 122. – № 7. – P. 449–450.

274. Making medical history: the life and times of Henry E. Sigerist. Making medical history / eds. E. Fee, T.M. Brown. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – XIII, 387 p.

275. Marcusson E. Die Bedeutung des Lebenswerkes von Emil Eugen Roesle (1875–1982) und die Entwicklung der medizinischen Statistik in Deutschland / E. Marcusson, D. Tutzke // Zeitschrift Fur Die Gesamte Hygiene Und Ihre Grenzgebiete. – 1975. – T. 21. – № 8. – C. 649–652.

276. McDaniel C.P. American-Soviet cultural diplomacy: the Bolshoi Ballet's American premiere / C.P. McDaniel. – Lanham; Boulder; New York; London: Lexington Books, 2015. – XXXV, 257 p.

277. Medical News // Journal of the American Medical Association. – 1943. – Vol. 122. – № 7. – P. 454–457.

278. Müller-Dietz H. Ärzte zwischen Deutschland und Rußland: Lebensbilder zur Geschichte der medizinischen Wechselbeziehungen / H. Müller-Dietz. – Stuttgart: Fischer, 1995. – VII, 187 s.

279. Münch R. Von der Hygiene-Ausstellung zum Hygiene-Museum / R. Münch // *Acta Medico-Historica Rigensia*. – 1992. – № 1(20). – S. 74–97.

280. Newsholme A. Red Medicine: Socialized Health in Soviet Russia. Red Medicine / A. Newsholme, J.A. Kingsbury. – New York: Doubleday, Doran, 1933. – 370 p.

281. Nötzold J. Die deutsch-sowjetischen Wissenschaftsbeziehungen / J. Nötzold // *Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft: Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm-/Max-Planck-Gesellschaft: aus Anlaß ihres 75jährigen Bestehens* / eds. R. Vierhaus, B. vom Brocke. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1990. – S. 778–800.

282. Nye J.S. China's Soft Power Deficit: Opinion / J.S. Nye // *Wall Street Journal*. – 2012. – 8 May.

283. Nye J.S. Soft power: the means to success in world politics / J.S. Nye. – New York: Public Affairs, 2005. – XVI, 191 p.

284. Organization Chart of Soviet Purchasing Commission in 1944 | CIA FOIA (Freedom of Information Act Electronic Reading Room) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-00926a001200030002-5> (дата обращения: 21.04.2020).

285. Orzoff A. Battle for the castle: the myth of Czechoslovakia in Europe, 1914–1948 / A. Orzoff. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. – XI, 286 p.

286. Osten P. Hygieneausstellungen: Zwischen Volksbelehrung und Vergnügungspark / P. Osten // *Deutsches Ärzteblatt*. – 2005. – Vol. 102. – № 45. – S. A3085–3088.

287. Penfield W. The Recent Surgical Mission to the USSR / W. Penfield // *American Review of Soviet Medicine*. – 1943. – Vol. 1. – № 2. – P. 169–172.

288. Polianski I.J. Das Schweigen der Ärzte: Eine Kulturgeschichte der sowjetischen Medizin und ihrer Ethik / I.J. Polianski. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015. – 439 s.

289. Porter D. Health, Civilization and the State: A History of Public Health from Ancient to Modern Times. Health, Civilization and the State / D. Porter. – London; New York: Routledge, 1999. – 384 p.

290. Préface de la Rédaction // Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie. – 1924. – № 1. – P. 2–3.

291. Reinisch J. Internationalism in Relief: The Birth (and Death) of UNRRA / J. Reinisch // Past & Present. – 2011. – Vol. 210. – Internationalism in Relief. – № suppl_6. – P. 258–289.

292. Richet C. Avant propos / C. Richet // Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie. – 1924. – № 1. – P. 1.

293. Richter J. Castor and Pollux in Brain Research: The Berlin and the Moscow Brain Research Institutes / J. Richter // Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 325–368.

294. Richter J. Rasse, Elite, Pathos: eine Chronik zur medizinischen Biographie Lenins und zur Geschichte der Elitegehirnforschung in Dokumenten / J. Richter. – Herbolzheim: Centaurus Verlag, 2000. – ix, 334 s.

295. Richter J. Russische ÄrzteJournale aus Berlin / J. Richter // Spectrum. – 1983. – Vol. 14. – № 4. – S. 30–32.

296. Richter T. Die Deutsch-Russische Medizinische Zeitschrift in ihrer Bedeutung für die deutsch-sowjetische Zusammenarbeit auf medizinischem Gebiet 1925 bis 1928: Diss. med. / T. Richter. – Berlin: Humboldt-Univ., 1987. – 214 s.

297. Roesle E. Die Sowjet-Medizin und ihre soziale Bedeutung / E. Roesle // Das Neue Rußland. – 1925. – Vol. 2. – № 1/2. – S. 6–9.

298. Roesle E. Die Wahrheit über die Sowjet-Medizin / E. Roesle // Das Neue Rußland. – 1925. – Vol. 2. – № 5/6. – S. 15–20.

299. Rosenhaupt N. Sozialhygienische Belehrung und Seuchenbekämpfung in Sowjetrußland / N. Rosenhaupt // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1930. – Vol. 56. – № 42. – S. 1788–1790.

300. Roskin G. Toxin therapy of experimental cancer; the influence of protozoan infections upon transplanted cancer / G. Roskin // American Review of Soviet Medicine. – 1946. – Vol. 4. – № 2. – P. 111–115.

301. Roubakine A.N. La protection de la santé publique dans l'U.R.S.S: principes et résultats / A.N. Roubakine. – Paris: Bureau d'éditions, 1933. – 91 p.

302. Rubakin A. La cité / A. Rubakin, N.S. Goncharova; ред. S.G. Solomon; пер. W. Bérélowitch. – Semur-en-Auxois: Éditions Spiralithe, 2011. – 158 p.

303. Russian Army Surgeon Inspects Blood Center // New York Times. – 1943. – 18 Jun. – P. 6.

304. Russian-French links in biology and medicine: papers of the international colloquium, September 13–14, 2011 / eds. J.-G. Barbara [et al.]. – St. Petersburg: Nestor-Historia, 2012. – 204 p.

305. Ryan M. Doctors and the state in the Soviet Union / M. Ryan. – New York: St. Martin's Press, 1990. – 205 p.

306. Sá M.R. La Revista Médica De Hamburgo y la Revista Médica Germano-Ibero-Americana: Diseminación de la medicina germánica en España y América Latina (1920–1933) / M.R. Sá, A.F.C. da Silva // Asclepio. – 2010. – Vol. 62. – № 1. – P. 7–34.

307. Schilling V. Über die Entwicklung der medizinischen Wissenschaft im Zeichen des Leninismus / V. Schilling // Osteuropa. – 1927. – Vol. 2. – № 8/9. – S. 481–497.

308. Schmincke R. Organisation der Gesundheitsfürsorge in der Sowjetunion / R. Schmincke // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1930. – Vol. 56. – № 41. – S. 1743–1745.

309. Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland I. Das Volkskommissariat für Gesundheitswesen und seine Verwaltungsorgane / N. Semaschko // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 4. – S. 117–119.

310. Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. II. Die Epidemien und ihre Bekämpfung (1914–1923) / N. Semaschko // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 7. – S. 213–214.

311. Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. II. Die Epidemien und ihre Bekämpfung (1914–1923) (Schluß des Artikels aus Nr. 7.) / N. Semaschko // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 8. – S. 243–244.

312. Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. IV. Mutterschafts-, Säuglings- und Kindergesundheitsschutz / N. Semaschko // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 17. – S. 545–546.

313. Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. IV. Mutterschafts-, Säuglings- und Kindergesundheitsschutz (Schluß aus Nr. 17.) / N. Semaschko // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 18. – S. 581–582.

314. Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. IX. Das medizinische Studium und die ärztliche Fortbildung / N. Semaschko // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 46. – S. 1587–1588.

315. Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. V. Die Aerzte / N. Semaschko // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 22. – S. 722–723.

316. Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. VI. Die sanitäre Aufklärungsarbeit / N. Semaschko // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 27. – S. 923–924.

317. Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. VII. Das Heilwesen / N. Semaschko // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 32. – S. 1090–1092.

318. Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjet-Rußland. VIII. Das Kurortwesen / N. Semaschko // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 37. – S. 1251–1253.

319. Semaschko N. Das Gesundheitswesen in Sowjetrußland. III. Der Kampf gegen die sozialen Krankheiten /

N. Semaschko // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1924. – Vol. 50. – № 11. – S. 344–345.

320. Semaschko N. Die Gesundheitsverhältnisse in Sowjet-Rußland / N. Semaschko // Deutsche Medizinische Wochenschrift. – 1921. – Vol. 47. – № 25. – S. 720–720.

321. Sémaschko N. L'Hygiène en Russie Soviétique (suite) / N. Sémaschko // Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie. – 1924. – № 2. – P. 9–15.

322. Sémaschko N. L'Hygiène en Russie Soviétique / N. Sémaschko // Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie. – 1924. – № 1. – P. 10–16.

323. Sémaschko N. Quelques aperçus de l'Hygiène soviétique / N. Sémaschko // Revue Franco-Russe de Médecine et de Biologie. – 1926. – № 1. – P. 1–13.

324. Semaschko N.A. Ansprache bei dem Empfang der Ärzte und Gelehrten in der 'Gesellschaft der Freunde des neuen Russland' / N.A. Semaschko // Das Neue Rußland. – 1925. – Vol. 2. – № 9/10. – S. 13–14.

325. Semaschko N.A. Die Intellektuellen und ihre Lage in der Sowjetunion / N.A. Semaschko // Das Neue Rußland. – 1926. – Vol. 4. – № 9/10. – S. 11.

326. Semaschko N.A. Drei Jahre Sowjetgesetzgebung in einer „wunden Frage“ (das Dekret über die Aborte) / N.A. Semaschko // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 3/4. – S. 27.

327. Semaschko N.A. Fünf Jahre Sowjet-Medizin. Rede von Prof. N.A. Semaschko, gehalten zum 5jährigen Jubiläum des Volkskommissariats für Gesundheitswesen / N.A. Semaschko // Neue Kulturkorrespondenz. – 1923. – Vol. 1. – № 6/7. – S. 1.

328. Semaschko N.A. Körperkultur in der Sowjetunion / N.A. Semaschko // Das Neue Rußland. – 1924. – Vol. 1. – № 7/8. – S. 22–23.

329. Semaschko N.A. Rundschreiben des Volkskommissariats für Gesundheitswesen Nr. 221 vom 3. November 1924 /

N.A. Semaschko // *Der Sozialistische Arzt*. – 1925. – Vol. 1. – № 4. – S. 42–43.

330. Semaschko N.A. *Sowjetmedizin und Volkshygiene* / N.A. Semaschko // *Das Neue Rußland*. – 1925. – Vol. 2. – № 9/10. – S. 12–13.

331. Semaschko N.A. *Sozialistische Gesichtspunkte im Gesundheitswesen Russlands* / N.A. Semaschko // *Der Sozialistische Arzt*. – 1925. – Vol. 1. – № 4. – S. 1–8.

332. Semaschko N.A. *Volkskommissar Semaschko über die jüdischen Bauern* / N.A. Semaschko // *Das Neue Rußland*. – 1927. – Vol. 5. – № 11/12. – S. 76.

333. Semashko N. *The Work of the People's Commissariat of Health* / N. Semashko // *Soviet Russia*. – 1920. – Vol. III. – № 12. – P. 276–279.

334. Semashko N.A. *Health protection in the U.S.S.R.* / N.A. Semashko. – New York: G.P. Putnam's Sons, 1935. – 176 p.

335. Semashko N.A. *Health Protection in the U.S.S.R.* / N.A. Semashko. – London: V. Gollancz, Ltd., 1934. – 176 p.

336. Service R.W. *Lenin: a biography* / R.W. Service. – London: Pan, 2002. – 592 p.

337. Sheiman I. *Rocky road from the Semashko to a new health model*. Interview by Fiona Fleck / I. Sheiman // *Bulletin of the World Health Organization*. – 2013. – Vol. 91. – № 5. – P. 320–321.

338. Shimkin M.B. *Roads to Oz. I. A Personal Account of Some U.S.-USSR Medical Exchanges and Contacts, 1942–1962* / M.B. Shimkin // *Perspectives in Biology and Medicine*. – 1979. – Vol. 22. – № 4. – P. 565–586.

339. Sigerist H.E. *American medicine* / H.E. Sigerist. – New York: W.W. Norton, 1934. – xix, 316 p.

340. Sigerist H.E. *Editorial* / H.E. Sigerist // *American Review of Soviet Medicine*. – 1948. – Vol. 5. – № 4. – P. 162.

341. Sigerist H.E. *Medicine and health in the Soviet Union* / H.E. Sigerist, J. Older. – New York: The Citadel Press, 1947. – XIX, 364 pp.

342. Sigerist H.E. Socialized medicine in the Soviet Union / H.E. Sigerist. – New York: Norton, 1937. – 378 p.

343. Sigerist H.E. Special note / H.E. Sigerist // American Review of Soviet Medicine. – 1944. – Vol. 1. – № 3. – P. ii.

344. Silber L.A. Far Eastern tick-borne spring-summer (spring) encephalitis / L.A. Silber, V.D. Soloviev // American Review of Soviet Medicine. – 1946. – № Spec Suppl. – P. 1–80.

345. Smirnov E.I. The Organization of Medical Care for the Wounded / E.I. Smirnov // American Review of Soviet Medicine. – 1943. – Vol. 1. – № 1. – P. 9–14.

346. Society news and notes // American Review of Soviet Medicine. – 1943. – Vol. 1. – № 1. – P. 87–93.

347. Society news and notes // American Review of Soviet Medicine. – 1945. – Vol. 3. – № 2. – P. 192.

348. Society news and notes // American Review of Soviet Medicine. – 1946. – Vol. 4. – № 2. – P. 191.

349. Solomon S.G. ‘Through a Glass Darkly’: The Rockefeller Foundation’s International Health Board and Soviet Public Health / S.G. Solomon // Studies in History and Philosophy of Science Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. – 2000. – Vol. 31. – № 3. – P. 409–418.

350. Solomon S.G. “Being There”: Fact-Finding and Policymaking: The Rockefeller Foundation’s Division of Medical Education and the “Russian Matter,” 1925–1927 / S.G. Solomon // Journal of Policy History. – 2002. – Vol. 14. – “Being There”. – № 04. – P. 384.

351. Solomon S.G. “Dangerous Play”. Go-Betweens and Borders in Inter-War Public Health / S.G. Solomon // Revue d’études comparatives Est-Ouest. – 2018. – Vol. 1. – “Dangerous Play”. – № 1. – P. 175–208.

352. Solomon S.G. A Matter of “Reach”: Fact-Finding in Public Health in the Wake of World War I / S.G. Solomon // Shifting Boundaries of Public Health: Europe in the Twentieth Century / eds. L. Murard, P. Zylberman, S. Gross Solomon. – Rochester, NY: University of Rochester Press, 2008. – P. 231–268.

353. Solomon S.G. *Entre deux mondes: Alexandre Nikolaevich Roubakine (1889–1979)* / S.G. Solomon // *La cité* / ed. S.G. Solomon. – Semur-en-Auxois: Éditions Spiralinthe, 2011.

354. Solomon S.G. *Giving and Taking across Borders: The Rockefeller Foundation and Russia, 1919–1928* / S.G. Solomon, N. Kremmentsov // *Minerva*. – 2001. – Vol. 39. – *Giving and Taking across Borders*. – № 3. – P. 265–298.

355. Solomon S.G. *Introduction: Germany, Russia and Medical Cooperation between the Wars* / S.G. Solomon // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 3–31.

356. Solomon S.G. *Knowing the “Local”: Rockefeller Foundation Officers’ Site Visits to Russia in the 1920s* / S.G. Solomon // *Slavic Review*. – 2003. – Vol. 62. – № 04. – P. 710–732.

357. Solomon S.G. *Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921–1930* / S.G. Solomon // *Health and Society in Revolutionary Russia* / eds. S.G. Solomon, J.F. Hutchinson. – Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990. – P. 175–199.

358. Solomon S.G. *Social Hygiene in Soviet Medical Education, 1922–30* / S.G. Solomon // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. – 1990. – Vol. 45. – № 4. – P. 607–643.

359. Solomon S.G. *The expert and the state in Russian public health: continuities and changes across the revolutionary divide* / S.G. Solomon // *The History of Public Health and the Modern State* / ed. D. Porter. – Amsterdam: Rodopi, 1994. – *The expert and the state in Russian public health*. – P. 183–223.

360. Solomon S.G. *The Limits of Government Patronage of Sciences: Social Hygiene and the Soviet State, 1920–1930* / S.G. Solomon // *Social History of Medicine*. – 1990. – Vol. 3. – *The Limits of Government Patronage of Sciences*. – № 3. – P. 405–435.

361. Solomon S.G. *The Perils of Unconstrained Enthusiasm: John Kingsbury, Soviet Public Health, and 1930s America* / S.G. Solomon // *Comrades in Health U.S. Health Internationalists, Abroad and at Home* / eds. A.-E. Birn, T.M. Brown. – New

Brunswick, New Jersey; London: Rutgers University Press, 2013. – P. 45–64.

362. Solomon S.G. The Soviet-German Syphilis Expedition to Buriat Mongolia, 1928: Scientific Research on National Minorities / S.G. Solomon // *Slavic Review*. – 1993. – Vol. 52. – № 2. – P. 204–232.

363. Solomon S.G. Thinking Internationally, Acting Locally: Soviet Public Health as Cultural Diplomacy in the 1920s / S.G. Solomon // *Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960* / ed. S. Grant. – Cham: Springer International Publishing, 2017. – P. 193–216.

364. Sorokina M. Partners of Choice/Faute de Mieux? Russians and Germans at the 200th Anniversary of the Academy of Sciences / M. Sorokina // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 61–102.

365. Soviet Medicine and Hygiene: Impressions of Medical Tourists in Russia // *British medical journal*. – 1931. – Vol. 2. – № 3700. – P. 1043–1044.

366. Sozialhygienisches aus Sowjetrußland // *Das Neue Rußland*. – 1924. – Vol. 1. – № 1/2. – S. 12–13.

367. Ssolowjew S. Fünf Jahre Russisches Rotes Kreuz / S. Ssolowjew // *Das Neue Rußland*. – 1924. – Vol. 1. – № 1/2. – S. 13.

368. Stein C. Organising the History of Hygiene at the Internationale Hygiene-Ausstellung in Dresden in 1911 / C. Stein // *NTM Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin*. – 2013. – Vol. 21. – № 4. – S. 355–387.

369. Tutzke D. Alfred Grotjahn (1869–1931) und die junge Sowjetunion / D. Tutzke // *Zeitschrift für die gesamte Hygiene und ihre Grenzgebiete*. – 1973. – № 19. – S. 596–599.

370. Tutzke D. Überblick über die Geschichte der deutsch-russischen medizinischen Beziehungen / D. Tutzke, I. Winter // *Zeitschrift Für Die Gesamte Hygiene Und Ihre Grenzgebiete*. – 1978. – Vol. 24. – № 10. – S. 780–783.

371. Tutzke D. Ueber Wenig Bekannte Beziehungen Zwischen Deutschen Und Sowjetischen Venerologen in Der Weimarer Republik / D. Tutzke // NTM. – 1976. – T. 13. – № 2. – S. 88–93.

372. Tutzke D. Ueberblick über die Geschichte der deutsch-russischen medizinischen Beziehungen / D. Tutzke, I. Winter // Zeitschrift Fur Die Gesamte Hygiene Und Ihre Grenzgebiete. – 1978. – Vol. 24. – № 10. – S. 780–783.

373. UdSSR: Sowjetpavillon auf der internationalen Hygiene-Ausstellung Dresden 1930: Führer durch den Pavillon der Union der Sozialistischen Sowjet-Republiken. – Dresden, 1930. – 30 s.

374. Villanueva Rivas C. Representing cultural diplomacy: soft power, cosmopolitan constructivism and national branding in Mexico and Sweden / C. Villanueva Rivas. – Växjö: Växjö University Press, 2007. – 200 p.

375. Vishlenkova E. Early Soviet medicine: statistical and narrative utopias / E. Vishlenkova, S. Zatravkin // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. – 2019. – Vol. 2019. – № 4. – P. 83–106.

376. Vishnevski A.B. The Secondary Treatment of Wounds / A.B. Vishnevski // American Review of Soviet Medicine. – 1944. – Vol. 1. – № 4. – P. 355–357.

377. Vladimir V. Lebedenko [Obituary] // American Review of Soviet Medicine. – 1946. – Vol. 4. – № 2. – P. 192.

378. Volkskommissariat für Gesundheitspflege // Fünf Jahre Sowjetherrschaft in Russland 1917–1922. – Berlin: Kniga G.m.b.H., 1923. – S. 521–532.

379. Watson-Jones R. Russian surgeons and Russian surgery / R. Watson-Jones // Medical Research Council Bulletin of War Medicine. – 1943. – Vol. 4. – № 3. – P. 121–123.

380. Webb S. Soviet communism: a new civilisation? Vol. I / S. Webb, B. Webb. – London: Longmans, Green, 1935. – 528 p.

381. Webb S. Soviet communism: a new civilisation? Vol. II. Social trends in soviet communism. Soviet communism / S. Webb, B. Webb. – London; New York: Longmans, Green, 1935. – 1174 p.

382. Weindling P. German overtures to Russia, 1919–1925: Between racial expansion and national coexistence / P. Wein-

dling // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / ed. S.G. Solomon. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – P. 65–60.

383. Weindling P. German-Soviet Medical Co-operation and the Institute for Racial Research, 1927 – c. 1935 / P. Weindling // *German History*. – 1992. – Vol. 10. – № 2. – P. 177–206.

384. Weindling P. Health, race, and German politics between national unification and Nazism, 1870–1945 / P. Weindling. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1993. – x-641 p.

385. Weindling P. Heinrich Zeiss, Hygiene and the Holocaust / P. Weindling // *Doctors, politics and society: historical essays* / eds. D. Porter, R. Porter. – Amsterdam: Rodopi, 1993. – 23. – P. 174–187.

386. Weindling P.J. Epidemics and genocide in Eastern Europe 1890–1945 / P.J. Weindling. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. – xxi, 463 p.

387. Weindling P.J. German–Soviet Medical Collaboration / P.J. Weindling // *Epidemics and Genocide in Eastern Europe, 1890–1945*. – Oxford University Press, 2000. – P. 183–208.

388. Weinert S. Der Körper im Blick: Gesundheitsausstellungen vom späten Kaiserreich bis zum Nationalsozialismus. Der Körper im Blick / S. Weinert. – Leipzig: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2017. – 458 s.

389. Weinhouse S. Obituary. Michael B. Shimkin 1913–1989 / S. Weinhouse // *Cancer Research*. – 1989. – Vol. 49. – № 11. – P. 3143–3143.

390. Weissman N.B. Origins of Soviet health administration: Narkomzdrav, 1918–1928 / N.B. Weissman // *Health and Society in Revolutionary Russia*. – Bloomington: Indiana University Press, 1990. – P. 97–120.

391. Winter I. Der Verein sozialistischer Ärzte: ein Beitrag zur Geschichte des Ärztestandes / I. Winter // *Zeitschrift für Ärztliche Fortbildung*. – 1964. – № 58/19. – S. 1140–1143.

392. Winter I. Die Zeitschrift «Russische Medicinische Rundschau» als Mittlerin zwischen deutscher und russischer Medizin /

I. Winter // Zeitschrift Fur Die Gesamte Hygiene Und Ihre Grenzgebiete. – 1980. – Vol. 26. – № 5. – S. 379–380.

393. Wulf S. The Revista Médica project: medical journals as instruments of German foreign cultural policy towards Latin America, 1920–1938 / S. Wulf // História, Ciências, Saúde-Manguinhos. – 2013. – Vol. 20. – № 1. – P. 181–201.

394. Yurasov E.E. Reconstruction of the Esophagus / E.E. Yurasov // American Review of Soviet Medicine. – 1944. – Vol. 1. – № 3. – P. 206–215.

395. Zur Entwicklung der Sozialhygiene im 19. und 20. Jahrhundert: ausgewählte Beiträge vom 1. Medizinhistorischen Symposium der Gesellschaft für Geschichte der Medizin in der DDR und der Wissenschaftlichen Allunionsgesellschaft der Medizinhistoriker der UdSSR in Zusammenarbeit mit der Gesellschaft für Sozialhygiene der DDR, 23. – 25. Juni 1975 Halle (Saale). – Berlin: Akademie für Ärztliche Fortbildung der DDR, 1976. – XI, 277 s.

Оглавление

Глава 1. Введение	6
§ 1.1. Теоретические подходы к изучению международной деятельности в области медицины и здравоохранения	6
§ 1.2. Историография международной деятельности Наркомздрава РСФСР/СССР	15
Глава 2. Истоки международной политики РСФСР в области здравоохранения (1918–1921).....	39
§ 2.1. Формирование принципов советского здравоохранения и его международная повестка	39
§ 2.2. Международная деятельность Российского общества Красного Креста (РОКК) и организация медицинской помощи русским военнопленным за границей	50
§ 2.3. Создание отдела зарубежной информации Наркомздрава РСФСР.....	59
§ 2.4. Организация берлинского представительства Наркомздрава в 1921 г.	73
§ 2.5. Попытки Наркомздрава РСФСР издавать заграничные журналы в 1920–1922 гг.....	83
Глава 3. Международные связи и зарубежная идеологическая пропаганда Наркомздрава РСФСР в первой половине 1920-х гг.	91
§ 3.1. Немецкое направление в международной деятельности Наркомздрава	94
§ 3.2. Советское здравоохранение в публикациях и выступлениях иностранцев	104
§ 3.3. Советские публикации о здравоохранении в СССР за рубежом и визиты советских врачей за границу ...	110
§ 3.4. Проект журнала « <i>Folia medica</i> »	119
§ 3.5. Пропаганда советского здравоохранения в Западной Европе и Северной Америке в середине 1920-х гг.	139

Глава 4. Международные журналы Наркомздрава

РСФСР в 1920-е гг.143

- § 4.1. Истоки будущих журналов: проект Аснеса и Левича144
- § 4.2. Подготовительная работа по созданию просоветских медицинских журналов в Париже146
- § 4.3. Начало издания журналов по Франции151
- § 4.4. Подготовительная работа по созданию «Русско-немецкого медицинского журнала»160
- § 4.5. «Русско-немецкий медицинский журнал» в первый год своего существования.....168
- § 4.6. «Русско-немецкий медицинский журнал» на рынке медицинских периодических изданий: проблемы с эмигрантскими журналами178
- § 4.7. Французские журналы как неудачный проект для Наркомздрава РСФСР.....186
- § 4.8. «Русско-немецкий медицинский журнал» как научное издание и финал этого проекта192
- § 4.9. Феномен международных медицинских журналов в 1920-е гг. и место Наркомздрава РСФСР в них.....200

Глава 5. Международная деятельность Наркомздрава

РСФСР во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг.....212

- § 5.1. Пропагандистская деятельность представительства Наркомздрава РСФСР во Франции (1925–1928 гг.)...213
- § 5.2. Участие СССР в международных гигиенических выставках и Неделя естествоиспытателей в Берлине в 1927 г.221
- § 5.3. Курсы для иностранных врачей в Москве осенью 1929 г. и поездки на лечение в СССР231
- § 5.4. Участие СССР в Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1930 г.237
- § 5.5. Неделя советской медицины в Берлине и Мюнхене в 1932 г.268

Глава 6. Международная деятельность Наркомздрава РСФСР/СССР в 1930-х – первой половине 1940-х гг.	274
§ 6.1. Пропаганда принципов советского здравоохранения в США, Великобритании и Франции (1930-е гг.)	274
§ 6.2. Работа представительства Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в США в 1943–1947 гг.	291
§ 6.3. Советская медицина на страницах американской медицинской периодики: журнал «Американский обзор советской медицины» (1943–1948 гг.)	322
Заключение.....	335
Библиография.....	344
Архивные источники	344
Опубликованные источники и литература.....	345

Научное издание

Ратманов П.Э.

**СОВЕТСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ
НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ
В 1920–1940-Х ГГ.: МЕЖДУ «МЯГКОЙ СИЛОЙ»
И ПРОПАГАНДОЙ
(ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА И США)**

Компьютерная верстка и дизайн обложки *Назаренко Ю.В.*

Корректор *Додонова А.А.*

Подписано в печать 25.11.2021. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 22,44. Уч. изд. л. 23,16. Тираж 300 экз.

Издательство Дальневосточного государственного
медицинского университета
680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева Амурского, 35.

Отдел оперативной полиграфии издательства
Дальневосточного государственного медицинского университета
680000, г. Хабаровск, ул. Пушкина, 31.